

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.
ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

при Кіевской Духовной Семинаріи.

1898 г.

Томъ второй.

К І Е В Ъ.

Типографія Петра Барскаго. Крещатикъ, соб. д. № 40

1898.

Отт. Кіевского Комитета духовн. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ.

29-го іюля 1898 г. Цензоръ э.-орд. проф. *прот* І. *Корольковъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

статей, помѣщенныхъ во 2-мъ томѣ журнала „Руководство
для сельскихъ пастырей“ за 1898 годъ.

№№	СТРАНИЦЫ.
18. Отношеніе проповѣди къ богослужевію. <i>С. Когомскаго</i> .	1—7
Западно-русскіе сельскіе пастыри въ борьбѣ за вѣру (окончаніе). <i>А. Лотышкаго</i> .	7—15
Опытъ руководства для православныхъ пастырей въ борьбѣ съ южно-русскимъ сектантствомъ (окончаніе). <i>И. К. Дементьева</i> .	15—20
Замѣтка,—деревенскія дѣти-пастухи	21—24
19 Враги Богоматери и русскаго царства. <i>С. Когомскаго</i> .	25—29
Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ (продолженіе).	29—39
Изъ отчета о дѣятельности Кіевского общества рас- пространенія религіозно-нравственнаго просвѣще- нія въ духѣ православной церкви. Свящ. <i>І. Про- зорова</i> .	39—46
Самоотверженіе пастыря	47—48
20. Значеніе Св. Писанія Ветхаго Завѣта, какъ источника христіанскаго ученія о вѣрѣ и жизни. <i>В. Рыбинскаго</i> .	49—59
Замѣтка о томъ, не стоитъ-ли въ противорѣчіи прак- тика настоящая, по которой проповѣдуютъ въ цер- квахъ міряне, въ частности воспитанники духовно- учебныхъ заведеній, съ 64-мъ правиломъ Труль- скаго собора.	59—62
Нѣсколько замѣчаній бывшаго присяжнымъ засѣдате- лемъ въ окружномъ судѣ. <i>М. Гиньвишскаго</i> .	62—65
Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ (продолженіе).	65—72
Замѣтка.	— 72
21. Объ охраненіи церковнаго устава въ богослуженіи. <i>С. Когомскаго</i> .	73—78
Время произнесенія за литургіей проповѣди	78—84

Г О Д Ъ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, мая 3-го.

Содержаніе: Отношеніе проповѣди къ богослуженію.—Западно-русскіе сельскіе па-
стыри въ борьбѣ за вѣру (окончаніе).—Опытъ руководства для православныхъ
пастырей въ борьбѣ съ южно-русскимъ сектантствомъ (окончаніе).—Замѣтка.

Отношеніе проповѣди къ богослуженію.

Богослуженіе, особенно литургія, есть таинственное
взаимодѣйствіе и взаимообщеніе Божества и людей. Здѣсь свя-
щенникъ, подобно древнему Моисею, изводитъ народъ Божій
и приводитъ его къ горѣ, съ вершины которой раздаются
божественные громы или льется божественная милость. Во
время богослуженія осуществляются, насколько допускаютъ
это условія нашего земнаго существованія, слова апостоль-
скія: *приступите къ Сіонскій горѣ, и ко граду Бога жи-
ваго, Иерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, торжеству,
и церкви первородныхъ, на небесахъ написанныхъ, и судіи
всѣхъ Богу,—и къ ходатаю завѣта новаго Иисусу* (Евр. 12,

22—24). Таково православное богослуженіе. Мы не говоримъ о богослуженіи въ другихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ. Въ протестантствѣ, напр., совершенно умалена таинственная сторона его или, вѣрнѣе, отвергнуто его таинственное существо, состоящее въ дѣйствительномъ общеніи христіанина съ высшимъ міромъ, съ „небесными силами“, и богослуженіе не есть тамъ дѣло Божіе. По нашему православному воззрѣнію, единственно истинному, богослуженіе представляетъ собою торжественное запечатлѣніе и проявленіе того союза, въ которомъ истинно христіанская душа находится съ Господомъ, какъ съ своимъ Главою; и со всѣмъ небеснымъ міромъ, съ ликомъ прославленныхъ святыхъ, такъ какъ все земное и небесное соединено подъ Главою Христомъ (Еф. 1, 10).

Что же представляетъ собою проповѣдь? Проповѣдь есть общеніе между слушателями ея и проповѣдникомъ. Проповѣдь есть твореніе человѣческаго ума, хотя бы и основывающагося на богооткровенной истинѣ, произведеніе человѣческаго духа, хотя бы и облагодатствованнаго Духомъ Божіимъ. Проповѣдникъ не есть органъ божественнаго откровенія, не есть пророкъ, подъятый рукою Господнею надъ обычными условіями человѣческой жизни и надъ природною ограниченностію и вѣщающій слова Божія, какія влагаемы были нѣкогда въ уста мужей боговдохновенныхъ. Въ проповѣди нѣтъ той таинственной и сверхъестественной части, которая заключается въ священнодѣйствіяхъ богослуженія. Говоря это, унижаемъ ли мы проповѣдь? Нѣтъ,—но мы назначаемъ ей должное, истинно подобающее ей мѣсто. Мы хотимъ только сказать, что богослуженіе важнѣе проповѣди и что послѣдняя имѣетъ цѣль въ первомъ, что она должна готовить и дѣлать насъ способными къ тому общенію съ Богомъ, высшую степень котораго представляетъ православное богослуженіе.

Здѣсь мы должны коснуться того инославнаго взгляда на богослуженіе, по которому цѣль его заключается въ на-

зидавіи или наученіи вѣрующихъ, а не въ дѣйствительномъ соединеніи съ Христомъ. По сему взгляду скорѣе богослуженіе имѣетъ свою цѣль въ проповѣди, т. е., должно настроить слушателей въ ея тонъ и подготовить къ ея усвоенію, чѣмъ наоборотъ. Все это истекаетъ изъ основныхъ положеній раціоналистическаго богословія, въ особенности изъ того, будто христіанство вообще состоитъ только въ усвоеніи нравственныхъ завѣтовъ Христа и въ послѣдованіи Ему, но не въ таинственномъ съ Нимъ соединеніи, будто Христосъ есть только Божественный Учитель истины, но не Глава новаго человѣчества, воспринимающаго отъ Него вѣчную жизнь.

Якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ (Іоан. 17, 21), молился вѣчный Первосвященникъ, и въ этихъ словахъ Его заключается обличеніе всѣхъ раціоналистическихъ попытокъ свести наши отношенія къ Христу на отношенія обыкновенныхъ учениковъ къ учителю. Высочайшее обѣтованіе христіанства состоитъ въ томъ, да будемъ божественнаго причастницы естества (2 Петр. 1, 4). Такъ какъ главнѣйшимъ богодарованнымъ средствомъ для соединенія съ Христомъ и для приобщенія божественнаго естества служить Евхаристія, то она и составляетъ средоточіе нашего православнаго богослуженія, какъ представляющаго по существу своему взаимообщеніе Господа и вѣрующихъ въ Него. Евхаристія подобна явленію облака славы надъ ковчегомъ ветхозавѣтнымъ и лучами этого божественнаго таинства озаряется и все остальное богослуженіе, и весь жизненный путь христіанина. Посему и проповѣдь должна руководить насъ къ достойному соединенію съ Христомъ и къ сохраненію и умноженію благодатныхъ плодовъ этого соединенія.

Но, имѣя свою цѣль въ богослуженіи, проповѣдь не входитъ однако въ его составъ, какъ его неотъемлемая принадлежность, потому что, какъ мы сказали, богослуженіе есть нѣчто высшее и большее, чѣмъ проповѣдь; оно есть

общеніе вѣрующихъ съ Господомъ, а проповѣдь есть только взаимообщеніе пастыря и пасомыхъ. Можно сказать, что и вообще молитва, въ смыслѣ искренняго обращенія души къ Богу, выше всякаго человѣческаго наученія. Вотъ отчего происходитъ, что во всякой проповѣди представляются наиболѣе трогательными, дѣйственными, сильными и живыми тѣ мѣста, въ которыхъ содержится прямое обращеніе къ Богу: въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, и всегда, низшее получаетъ силу и красоту отъ высшаго, проповѣдь, это созданіе человѣческаго ума, украшается молитвой, чрезъ которую духъ человѣка входитъ въ соприкосновеніе съ Божествомъ. Дѣйствіе проповѣди на слушателей православныхъ ничѣмъ такъ не усиливается, какъ частыми молитвенными обращеніями проповѣдника къ Богу. Не напрасно у нашихъ великихъ витій, какъ, напр., у митрополита Филарета, въ рѣдкой проповѣди не найдется молитвы. Они знали, что молитва выше проповѣди и что потому она можетъ только возвысить, украсить, усилить и какъ бы освятить проповѣдь.

Изъ того, что мы сказали о различіи между богослуженіемъ и проповѣдью и о взаимномъ ихъ отношеніи, позволимъ сдѣлать себѣ нѣсколько практическихъ выводовъ.

Во-первыхъ, мы сочли бы крайне страннымъ, если бы намъ пришлось встрѣтить священника, который, трудясь въ словѣ и ученіи, ревнуя о дарѣ проповѣдника, нерадиво относился бы къ совершенію богослуженія. Не значитъ ли это—старательно очищать дворъ и—въ то же время—осквернять святое святыхъ? Кто сталъ бы допускать или одобрять подобное, тотъ, очевидно, преувеличилъ бы значеніе человѣческой учительности и уничтожилъ бы величіе и силу благодати Божіей, значеніе непосредственнаго воздѣйствія Божія на человѣка и таинственнаго соединенія Христа и вѣрующихъ. Пусть такой человѣкъ объяснитъ, чѣмъ жила наша отечественная Церковь въ тѣ вѣка, когда слово проповѣди рѣдко или иногда и совсѣмъ не раздавалось въ храмахъ. Никто не будетъ хвалить тогдашней темноты, никто не по-

желаетъ ея возвращенія; однако и тѣмъ вѣкамъ необходимо воздать должное; они превосходили наше время любовью къ Христу и ревностью по вѣрѣ. Эта ревность и была причиною, почему въ тѣ времена пролиты были западно-русскимъ народомъ обильные потоки крови ради защиты Православной Церкви, почему восточная Русь не пала въ борьбѣ съ выходцами Азіи, но внутренне окрѣпла и духовно созрѣла, сплотившись вокругъ престола православныхъ царей. Историки привыкли упрекать тогдашнихъ людей за исключительную преданность обряду, богослуженію, а между тѣмъ въ любви къ богослуженію и заключался источникъ той силы, къ сожалѣнію оскудѣвающей въ наши времена, которая выражалась во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни этого времени, въ христіанскомъ подвижничествѣ, въ церковномъ, общественномъ и государственномъ строительствѣ. Кто хочетъ сохранить въ русскомъ народѣ все лучшее, чѣмъ онъ доселѣ отличался, тотъ, конечно, пожелаетъ прежде всего, чтобы наши церковные пастыри со всею душевною теплою, съ благоговѣніемъ и усердіемъ, съ торжественностію и благолѣпіемъ, истово и вразумительно совершали общественныя молитвы и священнодѣйствія, соединяя себя и другихъ съ вѣчнымъ Свѣтомъ и Истиной посредствомъ богослуженія.

Во-вторыхъ, если проповѣдь присоединяется къ литургіи, то она должна быть настроена въ ея возвышенный и священный тонъ и согрѣта ея теплотою. Многократно во время литургіи вѣрующіе призываются предать себя и всю жизнь свою Христу Богу, отложить житейскія попеченія для сладостнаго общенія съ Нимъ. Не это ли должно служить основаніемъ и присоединяемой къ литургіи проповѣди? А между тѣмъ нерѣдко въ проповѣди объ этомъ какъ бы забывается. Иногда она представляетъ подборъ доказательствъ, утверждающихъ ту или другую истину, то или другое нравственное правило, какъ будто христіанская жизнь основывается на разсудочныхъ доводахъ, а не на любви къ Христу, не на личномъ отношеніи къ Нему. Иногда вмѣсто того,

чтобы сказать: „это неумогно Христу, не тому Онъ учить словомъ и примѣромъ, не для того призываетъ Онъ людей въ Свое царство“—говорятъ: „это неблагоразумно, лишаетъ человѣка возможности земнаго счастья, подрываетъ его семейное, общественное и государственное благосостояніе, которое зиждется на дѣлахъ и убѣжденіяхъ, противныхъ этому“. Говоря такъ, снова возвращаютъ человѣка къ его житейскимъ попеченіямъ, надъ которыми стремилась возвысить его литургія. Хотятъ земныя страданія представить естественнымъ послѣдствіемъ грѣха, а земныя радости такимъ же послѣдствіемъ добродѣтели и такимъ образомъ устраняютъ мысль о Сынѣ Божіемъ, какъ Судіи и Мздовоздаятелѣ, Которому Отецъ *власть даде и судъ творити* (Іоан. 5, 27). Понятно, что всякая проповѣдь, которая, намѣренно или нѣтъ, обходила бы мысль о существенномъ и жизненномъ соединеніи со Христомъ, вредила бы тому настроенію, которое создается въ душѣ христіанина православнымъ богослуженіемъ и преимущественно литургіей.

Въ третьихъ, литургія, соединяя насъ со Христомъ, соединяетъ насъ во Христѣ со всѣмъ великимъ цѣлымъ вселенской Церкви, „да вси едиными усты и единымъ сердцемъ славимъ пречестное и великолѣпное имя“.... „Вся святія помянуше“, повторяется нѣсколько разъ въ православныхъ ектеніяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что лучшимъ средствомъ уясненія того пути, которымъ должны мы направляться къ вѣчному спасенію, должны служить для проповѣдника примѣры святыхъ и праведныхъ людей. Сила этихъ примѣровъ заключается въ томъ, что святые были подобострастны намъ (Іак. 5, 17), что они страдали и боролись, нерѣдко падали и снова возставали и при всемъ несовершенствѣ своей человѣческой природы проявили въ своихъ подвигахъ жизнь Христову.

Итакъ, теплота любви Христовой, проявляемая нерѣдкими молитвенными обращеніями къ Христу, постоянными указаніями на Его повелѣнія, выраженіями сладостной надежды на вѣчное блаженное соединеніе съ Нимъ и тяжкаго

опасенія быть на вѣѣи отлученнымъ отъ Него,—вотъ что (вмѣстѣ съ примѣрами изъ жизни святыхъ) должно оживлять проповѣдь, присоединяемую къ богослуженію, съ тѣмъ, чтобы она не нарушала, а охраняла и поддерживала то настроеніе, которое производится въ насъ богослуженіемъ и въ особен-ности литургіей.

С. Кохомскій.

Западно-русскіе сельскіе пастыри въ борьбѣ за вѣру ¹⁾.

Не смотря на испытываемыя жестокія гоненія, западно-русское духовенство не уступало въ неравной борьбѣ за вѣру. Оно твердо и съ достоинствомъ защищало ее предъ лицомъ своихъ преслѣдователей, хотя и подвергалось за это большимъ униженіямъ. Вотъ нѣсколько болѣе яркихъ примѣровъ такой непоколебимой до мученичества борьбы западно-русскаго духовенства за вѣру. Помѣщикъ м. Краснополя Гижицкій ворвался „съ превеликимъ азардомъ“ въ возсоединенный изъ уніи храмъ, гдѣ совершалось православное богослуженіе, выгналъ изъ него всѣхъ прихожанъ, благочиннаго-протопопа и мѣстнаго священника и началъ поносить православную вѣру, называя ее *жидовскою*. Благочинный, „не стерпѣвъ этого, отозвался къ нему въ защищеніе православной религіи“. Гижицкій далъ благочинному двѣ пощечины въ присутствіи всего народа, и когда благочинный заявилъ протестъ, Гижицкій ворвался къ нему въ квартиру, дралъ благочиннаго за волосы и бороду, свалилъ его на землю, „билъ ногами и превеликимъ чубукомъ безъ пощады, приказалъ подать пистолетъ, велѣлъ привести собакъ, чтобы они растерзали трупъ его“. Благочинный выбѣжалъ изъ квартиры на площадь,—Гижицкій за нимъ. Тутъ были еще три брата Гижицкихъ; всѣ они разомъ кричали, чтобы повѣсить благочиннаго. Послали за висѣлицей, велѣли сзывать со всего

¹⁾ См. № 17-й за 1898 годъ.

мѣстечка собакъ. Протоіерей перепугался и рыдалъ, а ему плевали въ глаза, ругали самыми поносными словами. Потомъ все это надоѣло Гижицкимъ, и они бросили свою потѣху, приказавши благочинному немедленно убираться изъ мѣстечка. Благочинный замѣтилъ, что онъ пріѣхалъ сюда на почтовыхъ лошадяхъ. Тогда Гижицкіе приказали тащить его къ повозкѣ, надѣть на него конскую сбрую и запречь въ оглобли; по бокамъ припрягли его писаря и возсоединившагося священника. Потомъ, вѣроятно, и это наскучило панамъ, и они велѣли благочинному въ полъ-часа удалиться изъ ихъ владѣній, угрожая смертью въ случаѣ его вторичнаго появленія въ Краснопольѣ. Благочинный жаловался, дѣло тянулось долго и было потушено по ходатайству предъ Императрицей Румянцева ¹⁾. Или вотъ еще болѣе грустная страничка изъ жизни непоколебимаго борца за вѣру—свещ. Стефана Симоновича, три слишкомъ года раздѣлявшаго заключеніе въ Варшавской тюрьмѣ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Викторомъ Садковскимъ. Преосвящ. Іерооѳей (Лобачевскій), епископъ Острожскій, лично знавшій о. Симоновича, въ своихъ воспоминаніяхъ подробно передаетъ его рассказы о варшавскомъ заточеніи, прекрасно рисующіе въ высшей степени свѣтлую личность этого настыря, въ самыя тяжелыя минуты остававшагося вѣрнымъ своему призванію. Вотъ что пишетъ преосвящ. Іерооѳей объ о. Симоновичѣ: „это былъ старецъ видный и сановитый, примѣрно трезвый и честный, совершенно безкорыстный, основательнаго разсудка, въ дѣлопроизводствѣ искусенъ, да притомъ и опытенъ, какъ бывалый въ разныхъ мѣстахъ. Былъ въ Петербургѣ и былъ представленъ тамъ Екатеринѣ. На Волини онъ оставилъ по себѣ память, какъ безкорыстный, безпристрастный судія въ консисторіи, никѣмъ и ничѣмъ не преклонявшійся на сторону неправды и какъ строгій блюститель церковнаго порядка въ богослуженіи“. По воспоминаніямъ о. Симоновича, его подѣ строгимъ ка-

¹⁾ Исторія минской архіепископін. 223—227.

рауломъ вмѣстѣ съ другими узниками доставили въ Варшаву. Тамъ ихъ всѣхъ развели, заключивъ по „узилищамъ“. Черезъ нѣкоторое время Симоновича привели „въ польскій сенатъ, въ полное его собраніе“ и здѣсь стали допрашивать, понося при этомъ имп. Екатерину. Симоновичъ замѣтилъ сенаторамъ, что они поступаютъ не только противъ правилъ справедливости, но и противъ правилъ приличія. Въ отвѣтъ на это смѣлое заявленіе сенаторъ Гадцѣй подошелъ къ о. Симоновичу и „харкнулъ ему въ лицо“. Симоновичъ отеръ лицо платкомъ и долго хранилъ тотъ платокъ—на память, что „таковаго поруганія сподобился, каковое претерпѣлъ нѣкогда Спаситель въ сонмищѣ іудейскомъ“. По возвращеніи въ „свое узилище“ Симоновичъ ни разу не выходилъ на Божій свѣтъ. Его заключили въ тюрьму на *Домой улицѣ*, въ нижнемъ этажѣ, помѣщенномъ въ землѣ, съ небольшими окошками вверху безъ стеколъ. Сюда обыкновенно были заключаемы обреченные на смерть. Узники стерегли „четыре четверицы стражей“. Пола не было въ этомъ помѣщеніи. Солома, брошенная въ уголъ вмѣстѣ съ постели, не перемѣнялась всѣ три года и отъ ветхости обратилась въ пыль. Одежда истлѣла, и о. Симоновичъ, „нагой, какъ праотецъ Адамъ“, зарывался въ эту пыль, чтобы хотя сколько-нибудь согрѣться въ своей сырой и холодной тюрьмѣ. За три года онъ ни разу не мылся. Насѣкомыя размножились въ несмѣтномъ числѣ и терзали его нестерпимо. Никому не могъ сказать онъ ни слова, потому что ни съ кѣмъ не могъ имѣть сообщенія. Тоска давила его. Для утѣшенія онъ прибѣгалъ къ молитвѣ и громко пѣлъ. Однажды, когда онъ, обливаясь слезами, пѣлъ свой любимый ирмосъ: „Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый....“, польскій стражъ посмѣялся: „чего ты кричишь? въ Варшавѣ схизматическій Богъ не слышитъ молитвъ москалей и русскихъ“. Симоновичъ отвѣтилъ: „не безпокойся, возлюбленный оруженосецъ. Богъ гласъ разумѣть и птенца вранова; и русскій мой вопль уразумѣть и воздастъ за мое томленіе и за обиду, русскому православному имени наносимую. *Мнѣ*

отмщеніе, и Азъ воздамъ—говорить Онъ, и слова Его непреложны“. Разъ Симоновичъ заболѣлъ и попросилъ себѣ чаю, какъ лекарства. Тюремщикъ отвѣтилъ: „ты готовилъ ножъ для поляковъ и хотѣлъ напиться ихъ крови; не будетъ чаю; напьешься теплаго чаю, когда для тебя изготовятъ мѣднаго быка, какъ для Наливайки; тогда запоешь и заиграешь сразу, такъ что даже заплывутъ варшавяне“.—„Я никогда и поросяти своею рукою не зарѣзалъ,—сѣтуетъ злополучный узникъ,—и вдругъ такая выдумка. Какъ моя священническая рука могла бы подняться съ ножемъ на ляха? Да и ножа-то у меня годнаго для злодѣйскаго предпріятія не было; былъ у меня карманный складной ножикъ тульской работы, который я, состоя на канцелярской службѣ, въ Переяславлѣ купилъ, и меньшіе два клинка употреблялъ для очинки перьевъ, а одинъ большой служилъ для кройки хлѣба. Этотъ только ножикъ у меня при обыскѣ и найденъ; его конфисковали. И могъ ли я подумать, чтобъ этотъ невзрачный ножикъ, да еще съ надломленнымъ концемъ большаго клинка, могъ произвести въ Польшѣ всеобщую тревогу, поступить въ польскій арсеналь, а меня повести въ польскій сенатъ къ допросу, а потомъ вергнуть въ темницу....“ Слова тюремщика нѣсколько смутили истомленнаго узника. Тревожное ожиданіе мучительной казни соединилось съ тревожною мыслью о судьбѣ дѣтей...—„Но, можетъ быть, меня задумаютъ превратить въ латинскаго ксендза? говорилъ онъ въ раздумьи самъ съ собою: о, нѣтъ, въ томъ не успѣютъ. Я не измѣню православію и даже во избѣжаніе мукъ въ ксендзы не вызовусь. Хотя я въ Переяславской семинаріи латыни довольно научился и знаю ее не хуже любого ксендза, но иноязычное богомоленіе никакъ не пристало русскому сердцу, и латинское мекетаніе ихъ отнюдь для меня не привлекательно, а лишь отвратительно.... Сажусь охотно въ мѣднаго быка, пусть меня жарятъ, пусть улаждаются моимъ мучительнымъ ревомъ, но панской вѣры и латинскаго мекетанія никогда себѣ не усвою“. Тревожныя мысли, одиночество, тяжкое заключеніе въ концѣ

концовъ подорвали крѣпкое здоровье о. Симоновича: онъ сильно занемогъ. Въ горячечномъ бреду ему было „сонное видѣніе“. Явился келейникъ епископа Виктора и сталъ увѣщевать не бояться мѣднаго быка: „мѣди хватило-бъ у поляковъ на мѣдную монету; а дрова дороги, у поляковъ не хватитъ денегъ, чтобы купить ихъ достаточное количество на разожженіе быка; скорѣе ужъ просто завяжутъ въ мѣшокъ и утопятъ“. Явившійся въ сонномъ видѣніи келейникъ шутилъ, а разстроенное воображеніе заключеннаго рисовало уже картину мѣшка и утопленія: какъ и гдѣ будутъ его завязывать въ мѣшокъ, гдѣ будутъ топить, повезутъ ли къ рѣкѣ чрезъ Варшаву, всенародно или тайно, ночью и т. п.—О. Симоновичъ былъ освобожденъ въ іюлѣ 1792 г. Онъ трогательно описываетъ этотъ для него неожиданный и счастливѣйшій въ жизни день. За нѣсколько дней предъ тѣмъ онъ слышалъ изъ своего заточенія раздающійся по Варшавѣ грохотъ барабановъ и звуки военной музыки: это вступали въ городъ русскія войска, посланныя на помощь конфедераціи. Прошло нѣсколько дней, и въ „узилищу“ подѣхала карета. Карета была прислана, какъ оказалось, за о. Симоновичемъ. Она привезла бѣлье для него, одежду и обувь. Узникъ попросилъ себѣ бочку воды, впервые вымылся въ приснопамятной для него Варшавѣ, одѣлся, возгласилъ: „слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“, пропѣлъ „Слава въ вышнихъ Богу“, положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, простился съ паузами и мухами, дѣлившими съ нимъ долгое и тяжкое время заключенія, сѣлъ въ карету и уѣхалъ къ „генералу“ (вѣроятно, къ послу ¹⁾).

Въ 1724 г. къ Сапѣгѣ изъ Могилева пріѣхалъ въ Быховъ ксендзъ Гиндорфъ, велѣлъ собрать въ городъ всѣхъ священниковъ округа, держалъ ихъ у себя и подвергалъ мученіямъ въ теченіе всего Великаго поста, принуждая къ принятію уни: „смотря же, что благочестивые твердо въ вѣрѣ

¹⁾ Тамъ-же.

стоять, въ праздниѣ освободилъ отъ такого мученія“. По наущенію того же ксендза, мѣстный Новобыховскій управитель подвергалъ мученіямъ тамошняго священника,—„но ничего себѣ въ пользу не учинилъ“¹⁾).

Въ с. Скородномъ, въ Полѣсьи, помѣщикъ Прушинскій долго преслѣдовалъ приходскаго священника своего села—Іосифа Загоровскаго, заставляя его служить въ церкви согласно съ своими указаніями (т. е., по униатскому ритуалу). Встрѣчая упорное сопротивленіе съ его стороны, Прушинскій нѣсколько разъ страшно его истязалъ передъ церковью и, наконецъ, прогналъ изъ села, ограбивъ все имущество. Изгнанный священникъ нашелъ пріютъ въ сосѣднемъ селѣ Медвиднѣ у православнаго дворянина Θεодора Павши. Но обстоятельство это еще болѣе раздражило Прушинскаго, постоянно враждовавшаго съ Павшею. Онъ приказалъ своей дворвѣ ноймать священника на дорогѣ и привести въ свой дворъ: здѣсь посадилъ его въ тюрьму, приказавъ надѣть на шею „гусака“ (толстое бревно, сложенное изъ двухъ половинъ, съ вырѣзкою для шеи). Узнавъ о случившемся, сынъ священника успѣлъ пробраться въ тюрьму и нѣсколько облегчилъ снарядъ, въ которомъ отецъ задыхался. Тогда Прушинскій схватилъ и сына и избилъ послѣдняго до такой степени, что его замертво унесли домой, отцу же, сверхъ „гусака“, приказалъ надѣть еще вандалы и въ такомъ состояніи морилъ голодомъ и холодомъ двѣ недѣли, пока не принудилъ принести въ церкви присягу въ томъ, что священникъ не удалится болѣе изъ села и во всемъ подчинится требованіямъ Прушинскаго.

Нерѣдко дворяне простирали истязанія ни въ чемъ неповинныхъ священниковъ дотого, что причиняли смерть своимъ жертвамъ. Вотъ, для примѣра, подобный случай. По дорогѣ изъ Острога ѣхалъ въ сопровожденіи своей дворни дворянинъ Крипторфъ Манецкій. Путь его пролегалъ черезъ

¹⁾ „Историческое извѣстіе объ униѣ“—Бятышъ-Каменскаго, 213.

с. Вельбуйное, въ которомъ въ приходской православной церкви случился въ этотъ день храмовой праздникъ. Увидѣвши стеченіе народа и узнавши, въ чемъ дѣло, Манецкій возгорѣлся изувѣрствомъ. Онъ вѣхалъ верхомъ въ толпу, вышедшую изъ церкви, и, замѣтивъ среди народа священника Стефана Петриковского, направилъ на него коня, опрокинулъ на землю и сталъ бить плашмя саблею. Только окружавшіе прихожане успѣли освободить изъ его рукъ священника и отвести домой. Однако Манецкій не ограничился первымъ нападеніемъ; онъ подѣхалъ къ дому священника и, увидѣвъ, что двери заперты изнутри, помѣстился у окна и сталъ стрѣлять въ комнату изъ лука. Одна изъ стрѣлъ засѣла въ голову священника. Пока несчастный мучился въ предсмертныхъ судорогахъ, Манецкій успѣлъ писать отъ его имени себѣ же самому *квитанцію*, въ которой священникъ будто заявлялъ, что считаетъ Манецкаго совсѣмъ непричастнымъ въ своей кончинѣ. Затѣмъ онъ заявилъ эту *квитанцію* въ ближайшемъ городѣ и спокойно отправился въ дальнѣйшій путь.

Нѣкоторые священники, будучи истомлены безпрестанною и упорною борьбою, складывали оружіе, покидали свою паству и искали лучшей доли въ единовѣрной Россіи. „Отъ нестерпимаго гоненія отъ тамошнихъ уніатовъ, что учили принуждать меня къ своей уніатской вѣрѣ, которой принять я не пожелалъ,—пишетъ свящ. Григорій Зяновьевъ,—за что они уніаты, отобравъ всѣ мои пожитки, хотѣли меня убить до смерти, а пападью и дѣтей позабирать въ Польшу; я, видя таковую похвальбу, принужденъ (былъ) оставить ту пятницкую церковь и домъ свой, въ ночи тайно съ пападьёю и дѣтьми бѣжалъ въ Россію, гдѣ господинъ караульный далъ мнѣ билетъ“ ¹⁾. Читая эти, полныя глубокаго страданія, слова гонимаго пастыря, не удивляешься тому, что онъ оставилъ свою паству и искалъ убѣжища въ другомъ мѣстѣ, но

¹⁾ „Историко-статистич. описаніе Харьк. еп.“, отд. 3, стр. 275—6.

невольно преклоняешься предъ тою твердостью въ вѣрѣ, какой не могли поколебать столь тяжкія преслѣдованія.

Къ сожалѣнію, не всѣ священники обнаруживали въ это время непоколебимую твердость въ вѣрѣ. Были и такіе, которые, по тѣмъ или инымъ расчетамъ, принимали, къ радости католиковъ, унію, хотя потомъ и тяжело мучились раскаяніемъ въ своемъ отступничествѣ. Въ 1745 г. православный свящ. Могилевской Лупуловской церкви Іоаннъ Мамоновичъ, затѣявъ драку съ могилевскими гражданами и опасаясь наказанія со стороны епархіальной власти, убѣждалъ къ Могилевскому плебану Симону Гриневичу и, по совѣту его, принялъ унію. „По принятіи уніи,—говоритъ современникъ,—онъ лупуловскій священникъ Мамоновичъ, будучи мученъ совѣстью, въ скоромъ времени убѣждалъ отъ плебана и скрывался нѣсколько лѣтъ на Лупуловѣ, а потомъ, оставя домъ, жену и дѣтей своихъ, удалился на Украину“ ¹⁾. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій въ русско-польскихъ областяхъ создался, между прочимъ, въ это время также особый, немногочисленный, впрочемъ, типъ священниковъ, которые съ поразительной легкостью по нѣсколько разъ перемѣняли одно вѣроисповѣданіе на другое. Характерный образецъ такихъ ренегатовъ представляютъ братья Гдишицкіе — Θεодоръ и Андрей, бывшіе настоятели двухъ мліевскихъ приходовъ. Очувтившись безъ мѣста, когда ихъ прихожане избрали себѣ въ настоятели православныхъ священниковъ, братья Гдишицкіе сами поспѣшили обратиться въ православіе, чтобы только удержатъ за собою приходы. Но парохіане не повѣрили имъ и, продолжая настаивать на ихъ смѣнѣ, такъ отзывались объ одномъ изъ нихъ—Θеодорѣ въ письмѣ къ епископу Гервасію: „мы низайшіе вси обще его духовнымъ отцемъ имѣтъ не желаемъ, а мы низайшіе доразумѣваемся, что онъ съ братомъ своимъ, не по благочестію ревносте, но

1) „Записки игумена Ореста“. Виленскій Археогр. Сборникъ, т. 2, прилож. 66.

чтобы не потерять своихъ приходовъ, яко съ нихъ довольное число нажили имущества, ко благочестію и присоединилися, а при томъ и сего сумлимся, чтобы онъ со временемъ лестию како насъ нижайшихъ не завель опять въ проклятое инославіе“. Въ такомъ же родѣ былъ отзывъ парохіанъ и о другомъ братѣ Гдишицкомъ, о которомъ они писали, что „онъ не по ревности благочестія, но чтобы не потерять своего прихода, присягу учинилъ о присоединеніи себе въ благочестіе“. Отзывы прихожанъ о Гдишицкихъ скоро оправдались на самомъ дѣлѣ, когда въ томъ же году въ іюнѣ снова началось по Украинѣ преслѣдоваіе православія съ помощью вступившихъ въ нее военныхъ отрядовъ, и когда Гдишицкіе, снова явившись злѣйшими уніатами, принялись вымещать на мліевцахъ всѣ свои обиды 1).—Но подобныя печальныя исключенія являлись слѣдствіемъ невыносимаго гнета жизненныхъ условій подъ владычествомъ Польши и не могутъ служить въ осужденіе всему западно-русскому духовенству. Последнее, будучи унижено, забито, загнано, лишено всякихъ жизненныхъ и образовательныхъ средствъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ боролось за православную вѣру со стойкостью, напоминающею первые вѣка христіанства, и въ своей дѣятельности вполне осуществило великій завѣтъ своего Пастыреначальника о твердомъ перенесеніи всѣхъ поношеній и гоненій Его ради (Мѣ. 5, 11). *А. Лотоцкій.*

Опытъ руководства для православныхъ пастырей въ борьбѣ съ южно-русскимъ сектантствомъ 2).

9. Плата за требоисправленія.—Ничто такъ не рождаетъ духовенства въ глазахъ народа, какъ вымогательства,

1) „Кіевскія епархіальныя вѣдомости“, 1864, № 11.

2) См. № 17-й за 1898 годъ.

и, при появленіи какой бы то ни было секты, ничто такъ сильно не содѣйствуетъ отпаденію крестьянъ отъ Православной Церкви, какъ требованія платы за требоисправленія. Проповѣдники и вожаки сектантства отлично умѣютъ пользоваться этимъ обстоятельствомъ. Всякій разъ, когда приходится говорить съ сектантами о таинствѣ священства, они дерзко возражаютъ, указывая при этомъ на корыстолюбивыя вымогательства какого-нибудь священника, при совершеніи имъ таинствъ и обрядовъ церковныхъ. Называя это лихоимствомъ, они всегда ссылаются на то мѣсто *перваго* посланія св. ап. Павла къ Коринѳянамъ, гдѣ говорится, что лихоимцы царствія Божія не наследуютъ (1 Кор. 6, 10). „Какимъ же образомъ ваши священники могутъ быть истинными пастырями?“ спрашиваютъ обыкновенно послѣ этого сектанты. Такия выходки сектантовъ сильно дѣйствуютъ на неразвитыхъ въ умственномъ отношеніи крестьянъ, особенно же на тѣхъ, которые почему-либо не довольны своимъ приходскимъ священникомъ. Все это можно было бы устранить разъ навсегда, если бы существовала въ каждомъ приходѣ извѣстная, опредѣленная плата за всѣ церковныя требоисправленія—конечно, въ размѣрахъ незначительныхъ и вполне соответствующихъ имущественному достатку каждаго прихожанина. При этомъ желательно, чтобы священники совершенно не участвовали во взиманіи установленной платы за требы. Церковныя поначительства или совѣтъ изъ почтенныхъ стариковъ прихода могли бы назначать плату за требы, сообразно съ достаткомъ каждаго, а церковные старосты могли бы собрать эту плату. Деньги, получаемыя за требоисправленія, могутъ быть записываемы въ особую шнуровую книгу, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, а по истеченіи мѣсяца церковный причтъ можетъ получать ихъ вмѣстѣ съ своимъ жалованьемъ. Это освободило бы пастырей отъ унижительнаго выпрашиванія и не менѣе унижительнаго торга при договорѣ о платѣ за требоисправленія. Это же вмѣстѣ съ тѣмъ избавило бы наше

духовенство и отъ несправедливыхъ въ большинствѣ случаевъ упрековъ въ корыстолюбіи.

Мы уже сказали, что плата за требоисправленія должна распределяться между прихожапами, соотвѣтственно ихъ имущественному достатку. Но и самая малая плата за требы для бѣдняковъ—обременительна, а для такъ называемыхъ крестьянъ неудачниковъ и вовсе не возможна. И самая малая плата за требы можетъ вызвать въ особенно бѣдныхъ прихожанахъ недовольство и раздраженіе противъ духовенства. Поэтому, чтобы не дать сектантамъ возможности пользоваться для достиженія своихъ цѣлей этимъ недовольствомъ и раздраженіемъ, духовенству слѣдуетъ совершенно отказаться отъ платы за требоисправленія со стороны своихъ особенно бѣдныхъ прихожанъ. Въ этомъ отношеніи духовенство наше будетъ вознаграждено большимъ успѣхомъ въ борьбѣ съ сектантствомъ, да и зажиточные прихожане, видя такое безкорыстіе по отношенію къ бѣднякамъ со стороны своего духовенства, будутъ щедрѣе вознаграждать его съ своей стороны.

10. Отношенія православныхъ прихожанъ къ сектантамъ. —

Сектанты постоянно кичатся предъ православными своими взаимными братскими отношеніями. „Мы всегда,—говорятъ они,—накормимъ голоднаго, одѣнемъ нагого, пріютимъ бѣдняка, укроемъ странника, поможемъ больному и несчастному,—а между вами ничего этого не замѣтно; къ намъ же вы относитесь, какъ язычники относились къ первенствующимъ христіанамъ“. Въ виду этого, православные пастыри должны заботиться о томъ, чтобы поселить въ своихъ прихожанахъ исполнѣ братскія отношенія какъ во взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ другъ къ другу, такъ въ особенности въ отношеніяхъ православныхъ къ сектантамъ. Пастыри должны стараться достигнуть того, чтобы православные ихъ прихожане не заслуживали никакихъ упрековъ со стороны сектантовъ; чтобы жили они другъ съ другомъ не

враждебно, а мирно и любовно; чтобы обращались всегда къ сектантамъ не съ бранью и насмѣшками, а съ словомъ братскаго участія къ заблудшимъ и отеческаго сожалѣнія объ участи ихъ; чтобы зажиточные православные всегда оказывали посильную помощь бѣднякамъ—сектантамъ, и чтобы, наконецъ, православное населеніе никогда не прибѣгало къ кулачной расправѣ съ сектантами. Пастыри должны всегда убѣждать своихъ пасомыхъ и всегда выиспять имъ, насколько вредны для православія и для нихъ самихъ враждебныя отношенія ихъ къ сектантамъ. Но въ то же время они не должны удерживать своихъ прихожанъ, если тѣ порѣшаты законнымъ путемъ выселить изъ своего общества сектанта, на котораго не дѣйствуютъ никакія благія мѣры и никакія добрыя отношенія къ нему, и который, кромѣ вреда, ничего не приноситъ ни Православной Церкви, ни православному обществу.

11. Взаимныя отношенія другъ къ другу пастырей и другихъ членовъ причта.—Во время собесѣдованій съ сектантами часто приходится слышать отъ нихъ такого рода заявленіе: „какъ можетъ быть ваша Церковь истинною, когда ея пастыри, діаконы и псаломщики постоянно ссорятся между собою и постоянно судятся другъ съ другомъ?“ Нѣтъ нужды доказывать, насколько неблагоприятны для цѣлости и крѣпости православія въ нашемъ простомъ народѣ подобныя явленія среди сельскаго духовенства. Это понятно каждому само собою. Конечно, далеко не вездѣ и не всегда бываютъ такія отношенія между членами причтовъ, но все же бываютъ; а разъ—бываютъ, то враги православія всегда будутъ пользоваться ими для своихъ цѣлей.

Мы уже говорили, что пастырь въ своихъ отношеніяхъ къ прихожанамъ долженъ избѣгать обращеній къ суду въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится защищать свои личные интересы. Но когда будутъ страдать интересы Православной Церкви, и когда нельзя будетъ защитить ихъ ничѣмъ инымъ, кромѣ суда, пастырь не только можетъ, но и долженъ въ

этомъ случаѣ искать себѣ содѣйствія и помощи у судебной власти. Точно то же должно быть соблюдаемо и во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ причта. Они должны жить между собою въ любви, мирѣ и согласіи. Но когда неблагоповеденіе кого-либо изъ членовъ причта служитъ явнымъ соблазномъ для прихожанъ и вызываетъ со стороны ихъ справедливыя нареканія, и когда всѣ усилія другихъ членовъ причта исправить его семейнымъ образомъ останутся тщетными, тогда только всѣ другіе члены причта или одинъ изъ нихъ (настоятель) долженъ заявить объ этомъ своему ближайшему начальству—не для того однако, чтобы только поварать его, но главнымъ образомъ для того, чтобы его исправить. При этомъ, начавшіе преслѣдованіе своего собрата должны помнить, что имъ, какъ членамъ церковнаго причта, не свойственно и ихъ духу противно вносить въ это преслѣдованіе какую-либо жестокость или суровость. Къ виновному они должны быть кротки и благожелательны. Во все продолженіе веденія дѣла они должны соблюдать спокойствіе, не должны допускать и тѣни какого-либо враждебнаго чувства, когда законъ или власть подвергаютъ взысканію виновнаго, чтобы всѣ видѣли, что членами причта въ судебныхъ дѣлахъ между собою руководить не чувство гнѣва или мести, а единственно желаніе блага Церкви и спасенія духовнымъ дѣтямъ.

* * *

Заканчивая свой трудъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ возраженія, какое уже давно предвидѣли, и какое каждый можетъ предложить намъ.

„Совѣтуя священнику употреблять все время свое на служеніе прихожанамъ и на заботу о нихъ,—скажутъ намъ,—вы забываете, что сельскіе священники, по своему общественному положенію, не только служители алтаря, но и вынуждены изыскивать изъ отведенныхъ имъ участковъ земли главные средства своего существованія при довольно ограниченномъ окладѣ жалованья. Безпрерывныя сельско-хозяйствен-

ныя заботы и работы, какихъ требуетъ землевладѣніе, особенно мелкое, ослабляютъ ихъ пастырскую дѣятельность и лишаютъ часто возможности даже ревностныхъ къ своему дѣлу священниковъ выполнять его вполне успѣшно“. Съ своей стороны мы скажемъ еще болѣе того. Земледѣльческія работы и заботы дотого могутъ поглощать у пастырей время и всѣ ихъ силы умственныя и физическія, что они не имѣютъ даже возможности лично заниматься начальнымъ образованіемъ собственныхъ дѣтей, а принуждены съ издержками для себя и неудобствами для дѣтскаго образованія нанимать учителей или учительницъ. Могутъ ли такіе пастыри имѣть время всегда заниматься религіознымъ образованіемъ своихъ прихожанъ? Далѣе, всякое земледѣліе, а особенно мелкое, гдѣ хозяинъ самъ долженъ во все входить и о всемъ заботиться, ставить его часто въ непріятныя столкновенія съ крестьянами по разнымъ неизбѣжнымъ случайностямъ земледѣльческаго быта, напр., при потравахъ полей, нарушеніи полевыхъ междъ, при наймѣ рабочихъ и т. п. Такія столкновенія священника съ крестьянами, особенно если они происходятъ часто, не могутъ, конечно, не подрывать въ прихожанахъ того довѣрія, уваженія и любви, какія пасомые должны питать къ своему пастырю. Земледѣліе же побуждаетъ иныхъ священниковъ прибѣгать къ сильной общей помощи своихъ прихожанъ въ праздничные дни и угощать ихъ за это.

Принимая во вниманіе указанныя невыгоды занятія земледѣльческимъ трудомъ самимъ пастырямъ, многіе изъ нихъ, не занимаясь имъ, вполне довольствуются арендною платою, получаемою съ принадлежащихъ имъ земель. Если къ кому, то особенно къ нашимъ пастырямъ относятся слова Спасителя: „не можете служить Богу и мамонѣ“ (Мѡ. 6, 24; Лук. 16, 13). Пусть будутъ увѣрены пастыри, что ихъ безкорыстіе и нѣкоторыя матеріальныя жертвы никогда не останутся незамѣченными не только на небѣ, но и на землѣ.

И. К. Дементьевъ.

З а м ѣ т к а.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢТИ-ПАСТУХИ.

По всей нашей необъятной Руси устроены и устрояются церковно-приходскія школы; народъ русскій полюбилъ эти школы и охотно посылаетъ въ нихъ своихъ дѣтей. Жаль только, что съ наступленіемъ весны въ школахъ число учащихся ежедневно уменьшается, и около шести мѣсяцевъ школы остаются пустыми. За лѣто дѣти успѣваютъ многое забыть, такъ какъ мальчики и дѣвочки съ ранней весны до поздней осени пасутъ въ полѣ кто—корову, кто—овцу или другую скотину. Правда, во многихъ деревняхъ для этого есть особые пастухи, и дѣти этимъ не занимаются; но гораздо больше есть селъ и деревень, гдѣ общихъ пастуховъ почти нѣтъ, а пасутъ скотъ дѣти: почти каждый хозяинъ посылаетъ своего мальчика или дѣвочку. Спросите, отчего это такъ? Одни изъ родителей отвѣтятъ вамъ въ свое оправданіе, что этимъ приучаютъ дѣтей къ труду, а лѣтомъ будто нѣтъ для дѣтей дома работы; другіе дѣлаютъ такъ, чтобы избавиться дома отъ лишняго шума; иные—по принятому обычаю, потому что сами въ дѣтствѣ пасли скотъ.... Неужели въ самомъ дѣлѣ нельзя найти для дѣтей другихъ занятій? Представимъ себѣ деревню, въ которой пасутъ скотъ взрослые люди изъ бѣдныхъ крестьянъ. Дѣти поселянъ въ это время занимаются домашними работами и отчасти посѣщаютъ школу, чтобы не забывать того, чему съ трудомъ научились зимой; днемъ дома и въ полѣ они находятся на глазахъ родителей, при чемъ мальчики наблюдаютъ за чистотою во дворѣ и въ сараяхъ, носятъ воду, поливаютъ и поливаютъ огородныя грядки, готовятъ дома для скота кормъ, плетутъ соломенные шляпы или корзины изъ тонкихъ прутьевъ, а по мѣрѣ силъ даже помогаютъ родителямъ въ полевыхъ работахъ; дѣвочки шьютъ рубахи для младшихъ и вышиваютъ

узоры, кормятъ домашнюю птицу, моютъ и чистятъ посуду, помогаютъ стирать бѣлье и проч.; учащіеся или родители учатъ маленькихъ дѣтей молиться Богу; въ воскресенье и праздничные дни дѣти ходятъ въ церковь. Вотъ милыя картины изъ жизни крестьянскихъ дѣтей. Но, къ сожалѣнію, онѣ рѣдки, и, присматриваясь къ жизни малолѣтнихъ поселенъ, мы видимъ совсѣмъ другую, можно сказать, печальную картину. Какъ пагубно вредна для малолѣтнихъ лѣтняя самостоятельная безнадзорная жизнь въ полѣ! Расскажемъ здѣсь часть того, что дѣлается въ полѣ.

Мальчишки и дѣвочки во всякую погоду отправляются въ поле почти натошакъ, съ кусками хлѣба въ небольшомъ мѣшочкѣ. Расположившись среди поля, а въ жаркое время—на опушкѣ лѣса въ живописномъ безпорядкѣ, который такъ нравится художникамъ, эти малолѣтки, оставаясь безъ наблюденія старшихъ и разумнѣйшихъ, ведутъ скверные разговоры, часто дерутся между собою, при чемъ слышится иногда самая грубая брань; здѣсь передаются сплетни, насмѣшки надъ старшими, тутъ же даются уроки куренія сквернѣйшаго, противнаго табаку, послѣ чего и безъ того незавидный кафтанъ курильщика оказывается безъ полы или съ обгорѣвшимъ рукавомъ. Дѣти въ полѣ и въ рощахъ разоряютъ много гнѣздъ безвредныхъ птичекъ. На проселочныхъ и шоссе-ныхъ дорогахъ они бѣгутъ за проѣзжающими и выпрашиваютъ если не копѣечку, то табаку; бросаютъ въ пѣшеходовъ и странниковъ камнями.... Въ полѣ они жарятъ краденный картофель, кукурузу или молодыхъ неоперившихся птицъ. Огонь остается иногда незалитымъ, и копна хлѣба оказывается сгорѣвшей. Сюда нѣкоторые выносятъ самодѣльные пистолеты и калѣчатъ одинъ другаго. А мало-ли приходится платить за потравы, за оплошность дѣтей-пастуховъ? Во время подобныхъ занятій и развлеченій коровы бредутъ въ чужое добро, и потомъ озлобленный мальчишка съ ревомъ, бранью и страшными проклятіями начинаетъ безжалостно бить палкой куда попало бѣдную скотину. Въ полѣ ребенокъ

спить и подъ лучами, и на сырой холодной землѣ; въ разгоряченномъ состояніи пьеть холодную воду, заболѣваетъ, и если не умираетъ, то теряетъ здоровье. Иногда послѣ драки приходитъ домой съ разбитой головой и съ твердымъ намѣреніемъ отплатить своему обидчику. Пастухи-дѣти забываютъ, что молитва христіанину такъ же необходима, какъ воздухъ; взятый изъ дому кусокъ хлѣба съѣдается перѣдко во время куренія табаку; послѣ принятія хлѣба, этого дара Божія, добытаго цѣною крупнаго пота, ребенокъ не осѣняетъ себя спасительнымъ крестомъ Христовымъ... Придя домой, ребенокъ не говоритъ, конечно, что видѣлъ и слышалъ, а спѣшитъ улечься спать. На утро опять то же,—и такъ цѣлое лѣто. Такимъ образомъ родители не могутъ воспитывать ихъ въ страхѣ Божіемъ и наблюсти, чтобы они боялись собственной совѣсти и гнѣва Божьяго.

Кажется, что гораздо лучше во всѣхъ отношеніяхъ, если пасутъ скотъ взрослые люди. Хозяевамъ это тоже выгодно: они могутъ платить пастуху за все лѣто отъ 10 до 20 коп. за каждую голову скота. Пастухъ, имѣя за лѣто рублей 50—70 и получая поочередно отъ хозяевъ обѣды, можетъ нанять нѣсколькихъ помощниковъ, также изъ взрослыхъ людей. Не дороже-ли обходится для родителей леченіе дѣтей отъ простуды, отъ увѣчій животными и др. причинъ? Не дороже-ли стоитъ изорванная или обгорѣвшая одежда? Сколько приходится платить за потравы и за сгорѣвшій на полѣ хлѣбъ, за краденный картофель и кукурузу! А сколько бываетъ изъ-за дѣтей ссоръ между поселянами! Потомъ они судятся, и добрые сосѣди дѣлаются врагами. Но все это ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое является плодомъ безнадзорной жизни: дѣти не молятся Богу, дѣлаются жестокосердыми, учатся воровству, куренію табаку, обману, сквернословію.

Въ каждомъ селѣ есть школа. Не лучше-ли посылать туда лѣтомъ своихъ дѣтей хотя-бы только до обѣда? Если въ школѣ любящій, хорошій учитель, онъ не откажется отъ

этого.... Но, допустимъ, что дѣтямъ посѣщать школу все лѣто не возможно: пужно же отдохнуть отъ школьнаго труда и дѣтямъ, и учителю. Все таки, если бы въ селѣ были общіе особые пастухи, если бы дѣти не посылались весной и осенью пасти скотъ, каждый хозяинъ—отдѣльно свою скотину, наши школы не лишались бы школьниковъ съ первыми теплыми весенними лучами и не пустовали бы осенью до того времени, пока морозъ не уничтожить корма скота на поляхъ... Несомнѣнно, что отъ этого много бы выиграло и умственное развитіе, и нравственное воспитаніе народа. О всемъ этомъ слѣдовало бы подумать добрымъ людямъ. Въ этомъ отношеніи наше духовенство можетъ поруководить своихъ сельскихъ прихожанъ.

(Подольск. Еп. Вѣд. 1898 г. №№ 11—12).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. цenz. печатать дозволяется. Кіевъ, 11 апрѣля 1898 г.

Цenzоръ, в.-орд. проф. Акад., *прот. І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатики, собств. домъ № 40.

Годъ

XXXIX.

Руководство для сельскихъ пастырей

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 19,

Подписка принимается въ редак-
цію сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, мая 10-го.

Содержаніе: Враги Богоматери и русскаго царства. — Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе нигундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ (продолженіе). — Изъ отчета о дѣятельности Кіевского Общества распространенія религіозно-правственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви за 1897 годъ. — Самоотверженіе архипастыря.

Враги Богоматери и русскаго царства.

Въ мартѣ сего года, съ 7 на 8-е число, въ г. Курскѣ совершенно неслыханное покушеніе противъ святой иконы Знаменія Божіей Матери. 600 лѣтъ прошло со времени явленія этой иконы, шесть полныхъ столѣтій хранила Божія Матерь курскую землю и въ многоразличныхъ чудотвореніяхъ являла милость Свою къ вѣрующимъ, во множествѣ стекавшимъ на поклоненіе къ Ея образу. И вотъ теперь неизвѣстный злоумышленникъ, движимый ненавистію къ Христу и Его Матери, подкладываетъ адскую машину съ динамитомъ подъ священное и чудотворное изображеніе, чтобы разрушить

его въ прахъ. Злодѣйство не было предотвращено человѣческою предусмотрительностію, но было посрамлено силою Божіею. Страшный взрывъ, происшедшій около двухъ часовъ ночи, сокрушилъ все, что было въ непосредственной близости со св. иконою, и все, что было отъ нея дальше, на разстояніи даже 16 сажень; но самая икона, предметъ покушенія, осталась не тронутой, не задѣтой, неповреждено даже стекло кіота ея! *Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыднѣе лица* (Дан. 9, 7). Всякій истинно русскій человѣкъ долженъ былъ почувствовать смущеніе и стыдъ за свое отечество, прославленное и возвеличенное милостію Христа и Божіей Матери и оказавшееся безсильнымъ и неспособнымъ сохранить Ихъ чудотворный образъ отъ звѣрской злобы нечестивцевъ.

Невозможно, говорятъ очевидцы, передать того чувства, которое съ того времени овладѣваетъ толпой каждый разъ, когда предъ ней является икона Знаменія Божіей Матери, чудесно спасенная отъ злобы нечестивцевъ: во время молебствій предъ нею не смолкаютъ глухіе стоны этой толпы, среди которой одни прославляютъ новое чудо, другіе рыдаютъ, напрасно стараюсь сдерживаться, а нѣкоторые громогласно приносятъ покаяніе въ своемъ безвѣріи и безбожіи. Содрогается русская земля и стонетъ православный народъ отъ того смутнаго тягостнаго чувства, что Пресвятая Матерь Божія, душу Которой прошло оружіе при крестѣ Сына, теперь должна была пострадать еще за русскую землю, которую Она матерински хранила и которую Она осыпала чудесными проявленіями Своей милости.

17 лѣтъ тому назадъ также въ мартѣ мѣсяцѣ палъ жертвою динамитнаго взрыва вѣнценосный Вождь Россіи, посвятившій всю свою жизнь народному благу, не щадившій трудовъ для славы и благоденствія своихъ подданныхъ. Казалось бы, что Онъ долженъ слышать отъ русскихъ людей только благословенія, видѣть только выраженія благодарности и удивленія къ его великимъ царственнымъ подвигамъ. Казалось бы, что Онъ долженъ скончать свои дни въ мирѣ,

какъ кончаетъ ихъ отецъ семейства, окруженный на смертномъ одрѣ многочисленными безконечно любящими его дѣтьми. А между тѣмъ Онъ палъ жертвою злодѣйскаго заговора, составленнаго русскими людьми, злоба которыхъ не уступала въ силѣ динамиту, наполнявшему ихъ бомбы. Александръ II спрашивалъ у одного изъ метальщиковъ этихъ бомбъ: что (дурного) я сдѣлалъ тебѣ? Вскорѣ за тѣмъ пораженный смертельнымъ ударомъ, Онъ такъ и отошелъ въ другой міръ въ недоумѣніи, не зная, что сдѣлалъ Онъ достойнаго злобы и чѣмъ заслужилъ ненависть. Не возбуждаются ли и теперь такіе же вопросы? что сдѣлала несчастивцамъ Божія Матерь, чѣмъ могла Она возбудить ихъ ненависть? почему они не щадятъ усилій и жертвъ для того, чтобы поругаться надъ Ея священнымъ ликомъ? Если они не вѣруютъ въ Нее и въ Христа, то зачѣмъ ненавидятъ? ненавидѣть можно только то, въ бытіе чего вѣруешь, что не считаешь мечтою.

Намъ кажется, что между прискорбными событіями 1 и 8-го марта существуетъ связь, что у русскаго царя и у Царицы Небесной (съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ нѣдрахъ)—общіе враги. Это — враги существующаго строя, общественнаго и государственнаго; все, чѣмъ этотъ строй поддерживается, одинаково для нихъ ненавистно, будетъ ли это царь, кроткій, благодѣтельный, покрытый славой народнаго благодѣтеля и освободителя, будетъ ли это религіозная святыня, предъ которой въ теченіе многихъ вѣковъ льются слезы и возносятся умиленные молитвы русскаго народа. Царь есть представитель этого строя, а вѣра есть внутреннее основаніе его. Гибель Царя-Освободителя, безвременная кончина Царя-Миротворца не разрушили и не поколебали государства. Память о великихъ Царяхъ-труженикахъ скорѣе отрезвляетъ и нравственно собираетъ русскій народъ вокругъ престола Внука и Сына Ихъ, чѣмъ допускаетъ въ народѣ то шатаніе, которое внутренніе враги государства, сыны беззаконія, привѣтствовали бы, какъ начало желаннаго для нихъ безпорядка. Основа въ православіи, а православіе крѣпко: вотъ почему смѣна

вѣнцепосныхъ представителей царства нисколько его не потрясаетъ; сегодня народъ оплакиваетъ почившаго Государя, а завтра ливуетъ, видя Его Преемника, вѣнчаннаго тѣмъ же вѣнцомъ Божіей милости, какъ и Почившій. Народъ чтетъ въ Государѣ не только опредѣленное лице, а и Божіе избраніе, Христово помазаніе, олицетвореніе всеблагаго промысленія Божія о русской землѣ, носителя безчисленныхъ благословеній, которыя приходятъ на Него отъ всего сонма великихъ и святыхъ страдальцевъ за вѣру и отечество. И вотъ враги царства, усмотрѣвъ наконецъ, что глубочайшая основа его въ вѣрѣ, направляются на ея разрушеніе; имъ ненавистно христіанство, которое призываетъ людей скрывать себѣ сокровище не на землѣ, гдѣ *тля тлѣтъ, и татіе подкопываютъ и крадутъ* (Мѡ. 6, 19), но на небеси, гдѣ мы имѣемъ обитель нерукотворенную и вѣчную (2 Кор. 5, 1); ненавистенъ имъ Христосъ, провозгласившій, что царство Его не отъ міра сего (Іоан. 18, 36), что кто хочетъ быть первымъ, тотъ пусть будетъ рабомъ (Мѡ. 20, 27). Народъ, воспитанный въ этихъ понятіяхъ, кажется врагамъ царства стадомъ невѣжественныхъ, суевѣрныхъ, забитыхъ животныхъ; въ этомъ выражается вѣковѣчный законъ, провозглашенный апостоломъ Павломъ, сказавшимъ: *мы—проповѣдуемъ Христа распята—Еллинамъ безуміе* (1 Кор. 1, 23). Этотъ народъ, полагающій свое спасеніе въ терпѣніи, воздыхающій о небесномъ Іерусалимѣ, глубоко противенъ всѣмъ соціалистамъ и анархистамъ, революціонерамъ всѣхъ возможныхъ видовъ, потому что негоденъ для бунта. Удивительно ли, что между партіями, въ такой мѣрѣ враждебными русскому самодержавному и православному государству, явился нечестивецъ, рѣшившійся разбить и сокрушить народную святыню?

„За что, чѣмъ я заслужилъ это, что я дурного сдѣлалъ?“ спрашивалъ Царь-Освободитель, прилагая къ тому, что онъ испыталъ, нравственную мѣрку, и представляя себя предъ судомъ Бога и народа. Отвѣтъ слѣдовалъ: „ни за что, ты лично не виновенъ; но спроси: для чего, почеку? и тебѣ.

отвѣтять враги твои: *потому*, что ты Царь, *для того*, чтобы вмѣстѣ съ тобою взорвать народную вѣру въ царское достоинство или по крайней мѣрѣ поколебать царство“. Тѣже вопросы и тѣже почти отвѣты и слышатся, и ожидаются теперь. Что сдѣлала нечестивцамъ курская святыня? ничего? за что хотѣли они поругаться надъ ликомъ Богоматери? ни за что. Но спросите: для чего и почему они сдѣлали свое звѣрское покушеніе? и отвѣтить на это будетъ легко, *для того*, скажетъ всякій, чтобы подорвать вѣру народную, и *потому*, что вѣра эта дѣлаетъ народъ не такимъ, какимъ желаютъ его видѣть враги существующаго строя. Вѣра учитъ христіанина подчиняться власти, видѣть въ Царѣ помазанника Божія, противленіе власти разсматриваетъ, какъ преступленіе Божественнаго закона: сносно ли это для много-различныхъ внутреннихъ враговъ государства и могутъ ли они, восклицая: долой престолы—не восклицать еще громче: долой алтари!? Желаніе подорвать народную вѣру и чрезъ это приготовить народъ для государственнаго безпорядка—вотъ что побудило изувѣра—нечестивца къ попыткамъ оскорбить и разрушить народомъ чтимую святыню. У русскихъ царей и у Царицы Небесной—общіе враги, и если бы Она пострадала въ своемъ св. изображеніи, то пострадала бы за русское царство.

С. Кохомскій.

Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ¹⁾.

Евр., гл. 1, ст. 14. „Не всѣ ли они суть служебные духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наследовать спасеніе?“ Этимъ словамъ не противорѣчитъ почитаніе, которое воздается ангеламъ въ Православной Церкви, ибо они служатъ не людямъ, но Богу и Христу, а „кто

¹⁾ См. № 7-й за 1898 г.

служить Христу, тотъ“, по словамъ апостола, „достоинъ одобренія отъ людей“ (Рим. 14, 18).

Гл. 3, ст. 6. „Христосъ, какъ Сынъ, въ домъ Его. Домъ же Его—мы“. На основаніи этихъ словъ штундисты отвергаютъ потребность въ храмахъ, которые мы почитаемъ жилищами Божества. Правда, что мы — домъ Божій, но этотъ домъ, состоящій изъ людей, вѣрующихъ въ Бога и уповающихъ на Него, столь обширенъ и великъ, что заключаетъ въ себѣ не только насъ, но всѣхъ ветхозавѣтныхъ и всѣхъ новозавѣтныхъ читателей Бога истиннаго. Посему апостоль говоритъ: „Моисей вѣренъ во всемъ домъ Его, какъ служитель, — а Христосъ, какъ Сынъ, въ домъ Его“. Очевидно, ветхозавѣтный законодатель Моисей, а съ нимъ и Ааронъ, и все ветхозавѣтное священство были служителями не иного дома Божія, какъ того самаго, который теперь составляемъ мы. Этотъ домъ есть великая Церковь Божія, подраздѣляемая по времени на ветхозавѣтную и новозавѣтную. Теперь спрашивается, существованіе столь великаго дома Божія, въ которомъ мы составляемъ лишь малую часть, дѣлаетъ ли излишнимъ устройство храмовъ Божіихъ, изъ которыхъ каждый почитается домомъ Божиимъ? Если бы дѣлало излишнимъ, то Господь еще въ Ветхомъ Завѣтѣ не позволилъ бы строить Ему храма и называть его домомъ Господнимъ (2 Парал. 7, 11), такъ какъ великій домъ Церкви существовалъ уже и тогда.

Гл. 4, ст. 16. *Да приступаемъ убо съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да примемъ милость, и благодать обрящемъ, во благовременну помощь.* Здѣсь апостоль преподаетъ намъ ясное ученіе о той таинственной силѣ, которая подается намъ свыше, отъ престола Божія, отъ престола величія, гдѣ возсѣдаетъ прославленный Христосъ (1, 3). Этою силою восполняется недостатокъ нашихъ естественныхъ силъ; она подается намъ въ *помощь* для борьбы съ внѣшними и внутренними, чувственными и духовными врагами нашего спасенія. Она именуется благодатію (Святаго Духа) и ясно различается отъ просвѣщенія проповѣдію или чтеніемъ Слова

Божія; ибо апостолъ пишетъ людямъ, несомнѣнно уже просвѣщеннымъ (6, 4) вѣроу, и однако убѣждаетъ ихъ дерзновенно приступать, искать и обрѣтать благодать, какъ неисчерпаемый и всегда обновляющійся даръ. Эта благодать и подается намъ въ таинствахъ Православной Церкви.

Гл. 5. ст. 4. *Никтоже самъ себя пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ.* Это значить, что человекъ только по призванію отъ Бога можетъ принимать почетное служеніе, какъ, напр., служеніе первосвященника, учителя, проповѣдника (Рим. 10, 15). Апостолъ указываетъ на примѣръ Аарона, показывая этимъ, что и въ Новомъ Заветѣ дѣйствуетъ то же правило, какъ и въ Ветхомъ. Ааронъ не по своему произволу, не по избранію отъ людей принялъ на себя достоинство и обязанность первосвященника, но по избранію и призванію отъ Бога. Вотъ, что повѣствуетъ намъ книга Числъ. „Корей — сынъ Левинъ и Дааанъ и Авиронъ — сыны Рувимовы возстали противъ Моисея и Аарона и сказали имъ: полно вамъ; все общество, всѣ святы, и среди ихъ Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня“ (Очевидно, что тогдашніе мятежники разсуждали точно такъ же, какъ и теперешніе штундисты: изъ того, что Господь пребываетъ въ обществѣ вѣрующихъ, они выводили, что всѣ вѣрующіе одинаково къ Нему близки и одинаково святы, слѣдовательно никто не долженъ возвышаться надъ обществомъ, какъ ближе стоящій къ Господу, а если бы кто сталъ возвышать себя, то дѣлалъ бы это по своему произволу)? — „Моисей, услышавъ сіе, палъ на лице свое и сказалъ Корей и всѣмъ сообщникамъ его, говоря: завтра покажетъ Господь, кто—Его, и кто святъ, чтобы приблизить его къ Себѣ; и кого Онъ изберетъ, того и приблизить къ Себѣ“ (Моисей въ противность мятежникамъ утверждаетъ, что и онъ, и Ааронъ приняли власть отъ Бога, были избраны и возвышены Богомъ). На слѣдующій день двѣсти пятьдесятъ человекъ, явившихся съ Кореемъ во главѣ для принесенія Богу куренія, были уничтожены огнемъ отъ Господа, а прочіе мятежники

съ Даоаномъ и Авирономъ во главѣ поглощены разверзшеюся землею (гл. 16); избраніе же Аарона подтверждено чудомъ жезла его, въ одну ночь разцвѣтшаго, пустившаго почки, давшаго цвѣтъ и принесшаго миндали (17, 8). Итакъ безъ избранія и призванія Божія никто, какъ во времена Моисея, такъ и теперь, не можетъ принимать на себя почести начальника, учителя и священника. Такихъ богоизбранныхъ и богопоставленныхъ учителей и начальниковъ у штундистовъ нѣтъ, а есть только самозванные.

Гл. 6, ст. 1—3. „Оставивъ начатки ученія Христова, поспѣшимъ къ совершенству; и не станемъ снова полагать основаніе обращенію отъ мертвыхъ дѣлъ и вѣрѣ въ Бога, ученію о крещеніяхъ, о возложеніи рукъ, о воскресеніи мертвыхъ и о судѣ вѣчномъ“. Слыша, что апостоль убѣждаетъ „не полагать основанія“ ученію о крещеніяхъ и о возложеніи рукъ, штундисты объясняютъ это въ смыслѣ порицанія православному таинству крещенія, а также благословенію рукою іерея и т. под. обрядамъ и священнодѣйствіямъ. Но онъ говоритъ также и о томъ, чтобы не полагать основанія вѣрѣ въ Бога, ученію о воскресеніи мертвыхъ и вѣчномъ судѣ. Ужели онъ порицаетъ и эти ученія? Отнюдь нѣтъ. У него та мысль, что эти ученія, которыя онъ называетъ „начатками ученія Христова“, должны быть оставлены безъ разсужденія, такъ какъ у христіанъ не должно быть никакого сомнѣнія въ нихъ. Здѣсь *оставить* не значитъ забыть, такъ какъ на этихъ истинахъ зиждется все, но значитъ оставить въ неприкосновенности, такъ какъ всякое познаніе, утвердившись на извѣстныхъ основаніяхъ, затѣмъ уже ихъ не касается, чтобы не повредить собственной прочности. Хорошо строить зданіе на основаніи, но странно было бы, если бы кто-нибудь все время строилъ только основаніе, не переходя къ постройкѣ верхнихъ частей зданія; такъ точно странно было бы, если бы христіане не простирались въ обсужденіи далѣе основныхъ и первоначальныхъ истинъ вѣры. Это обсужденіе „начатковъ“, въ томъ числѣ и ученія о кре-

щеніи (здѣсь говорится во множественномъ числѣ о крещеніяхъ, потому что разумѣется превосходство Христова крещенія предъ существовавшимъ еще тогда крещеніемъ Іоанновымъ, Дѣян. 19, 3), было тѣмъ болѣе бесполезно, что вѣру въ эти истины они уже исповѣдали при самомъ вступленіи въ Церковь Христову (*исповѣдую едино крещеніе*—слова символа), и что теперь настало время приношенія плодовъ этой вѣры, а не новаго изслѣдованія ея предметовъ. Такимъ образомъ въ приведенныхъ словахъ содержится не порицаніе ученію о крещеніи, а напротивъ включеніе его въ число основныхъ истинъ христіанства.

Ст. 4—6. *Невозможно просвѣщенныхъ единою, и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, какъ обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ, и обличающихъ (ругающихся Ему).* Штундисты настаиваютъ на томъ, что Церковь должна состоять изъ людей непорочныхъ, что люди, послѣ обращенія ко Христу предавшіеся порокамъ и грѣхамъ, не могутъ имѣть въ ней мѣста. Отсюда они выводятъ, что Православная Церковь не есть истинная, потому что многіе члены ея не ведутъ жизни истинно-христіанской и служатъ грѣху. Если мы отвѣчаемъ на это, что наша Церковь терпитъ въ своемъ составѣ согрѣшающихъ членовъ по той причинѣ, что надѣется на ихъ обращеніе и покаяніе, то штундисты говорятъ, что такая надежда напрасна, и указываютъ на слова ап. Павла: *невозможно просвѣщенныхъ единою—и отпадшихъ, какъ обновляти въ покаяніе.*

Поводъ къ этимъ словамъ виденъ изъ предшествующихъ, объясненныхъ нами стиховъ. Апостолъ убѣждаетъ своихъ читателей не останавливаться на разсужденіяхъ объ основныхъ и первоначальныхъ истинахъ вѣры. Онъ хочетъ показать, что такіа разсужденія бесполезны и для *втрующихся*, которыхъ они отвлекаютъ отъ стремленія къ совершенству (ст. 1—3), и для *отпадшихъ* отъ вѣры въ Бога и Христа, въ

благодать Святаго Духа, въ безсмертіе и вѣчную жизнь,—таковыхъ отпадшихъ (если бы они когда либо оказались между христіанами) невозможно *обновляти въ покаяніе*. Изъ этого видно, что подъ отпадшими здѣсь разумѣются не люди порочные, ведущіе грѣховную жизнь, но люди, отпадшіе отъ вѣры и отрицающіе основныя христіанскіе догматы (о Богѣ, о Христѣ, о крещеніи, о безсмертіи и вѣчномъ судѣ).

Посмотримъ теперь, какими чертами изображаетъ апостоль это отпаденіе. „Они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему“. Этими словами апостоль даетъ намъ ясно понять, что онъ говоритъ не о тѣхъ, которые отпадаютъ по немощи,—въ немощи нѣтъ ни вражды противъ Христа, ни полнаго невѣрія въ Его ученіе. Онъ говоритъ не о тѣхъ, которые отстали отъ Христа, какъ бы не имѣя силъ слѣдовать за Нимъ, но о тѣхъ, которые возстали противъ Него, какъ бы возгорѣвшись противъ Него злобою: они распинаютъ Его и ругаются Ему. Христосъ распятъ только однажды; никто не можетъ причинить Ему новыхъ крестныхъ страданій; но можно, отвергая Его Божество, почитая Его лъстепомъ (Матѣ. 27, 63) и злодѣемъ (Іоан. 18, 30), присоединяться къ сужденію о Немъ враговъ Его, вознесшихъ Его на крестъ и такимъ образомъ по своему (ἐαυτοῖς) распинать Его и ругаться Ему. Однако отступники отъ вѣры не всѣ бываютъ таковы. Возможно отреченіе отъ Христа по страху, какое было допущено ап. Петромъ. Не о такомъ отреченіи говоритъ ап. Павелъ, а о такомъ, которое соединяется съ попираніемъ Сына Божія, съ презрѣніемъ къ заветной крови и съ оскорбленіемъ Духа благодати (гл. 10, ст. 29). О такихъ только вѣроотступникахъ и сказано, что ихъ невозможно *обновляти въ покаяніе*.

Что значить здѣсь *обновлять*? такъ какъ тѣ, которыхъ должно было бы коснуться это обновленіе, называются *отпадшими*, то подъ обновленіемъ нужно разумѣть ихъ возстановленіе въ вѣрѣ и воссоединеніе съ Христомъ. Апостоль говоритъ, что ихъ невозможно обновлять покаяніемъ (по русско-

му тексту). Но есть ли у нихъ покаяніе, когда они распинають Сына Божія, попирають Его и ругаются надъ Нимъ? Конечно нѣтъ; покаяніе несовмѣстимо съ такою враждою противъ Христа. Слѣдовательно, о покаяніи говорится здѣсь не какъ о присутствіи средствъ обновленія, но какъ о цѣли его: невозможно обновлять такъ, чтобы они покаались. Это подтверждается какъ славянскимъ текстомъ, такъ и подлиннымъ греческимъ, гдѣ покаяніе представляется какъ нѣчто предполагаемое въ намѣреніи (*εις μετάνοιαν*, въ покаяніе), но не какъ уже существующее. Невозможно приводить къ покаянію тѣхъ, которые сначала соединились съ Христомъ, а потомъ враждебно встали противъ Него; для такихъ людей доказательства и разсужденія объ основныхъ истинахъ вѣры бесполезны и бессильны. Такъ связывается мысль апостола о невозможности обновлять „отпадшихъ“ съ мыслию его о бесполезности разсужденій о начаткахъ ученія Христова.

Итакъ, говоря о невозможности обновленія отпадшихъ, апостолъ имѣетъ въ виду то, что нѣтъ средствъ привести ихъ къ покаянію, а не то, что покаяніе было бы бессильно для ихъ спасенія, если бы оно было возможно. И для отпадшихъ не закрылись небеса, вѣчно для всѣхъ отверстыя, но они сами не идутъ туда, потому что сдѣлались недоступными для всякаго спасительнаго воздѣйствія, могущаго возбудить въ нихъ покаяніе. Отчего происходитъ ихъ нераскаянность, это объясняется у апостола подробнымъ изложеніемъ того, какія средства истощила благодать Божія для ихъ спасенія: если и послѣ этого они отпали и даже возгорѣлись злобою противъ Господа, то для ихъ обновленія уже не осталось никакой возможности. Они были „просвѣщены“ (ст. 4) всецѣлымъ познаніемъ о Богѣ и Христѣ, „вкусилъ дара небеснаго“, насладились пріятіемъ дара Духа Святаго, „содѣлались причастниками Духа Святаго“, были не временными, но постоянными носителями Его, „вкусилъ благаго глагола Божія“ (ст. 5), наслаждались слышаніемъ и воспріятіемъ Слова Божія, вкусилъ „силъ будущаго вѣка“, той всемогу-

щей силы Божіей, которая только по временамъ обнаруживается въ нынѣшнемъ вѣкѣ, но всецѣло откроется въ будущемъ вѣкѣ и явится торжествующею въ обновленіи неба и земли (христіане вкушаютъ этой силы то созерцая чудеса, сопутствующія христіанству, то сами удостоиваясь чудодѣйственнаго дара). Понятно отсюда, почему для ихъ обновленія покаяніемъ (въ покаяніе) не осталось болѣе средствъ; къ спасенію ихъ употреблены всѣ средства благодати Божіей и если всѣ они отвергнуты и оказались недѣйствительными, то очевидно, что никакая сила не можетъ пробудить въ нихъ покаяніе. Но если у грѣшника есть возможность покаянія, если онъ еще доступенъ благодати Божіей, то къ нему нельзя прилагать того, что сказано апостоломъ о тѣхъ отпадшихъ, для которыхъ покаяніе стало невозможностію.

Ст. 7. *Земля пиющая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая онымъ, имже и дѣлаема бываетъ, прие́млетъ благословеніе отъ Бога.* **Ст. 8.** *А износящая тернія и волчецъ, не́потребна есть и клятвы близъ, сяже кончина въ пожженіе.* Въ этомъ уподобленіи земля, многократно орошаемая дождемъ, соотвѣтствуетъ вообще христіанамъ, вкушающимъ въ обиліи дарованія Св. Духа (ср. ст. 4—5). Въ частности земля, произращающая полезный злакъ, изображаетъ тѣхъ христіанъ, которые приносятъ Божественному Вертоградарю вѣру, покаяніе и добрыя дѣла. Напротивъ, земля, послѣ многократнаго орошенія дождемъ производящая терніе, изображаетъ людей, которые, принявъ отъ Бога все, что служитъ имъ къ жизни и благочестію (2 Петр. 1, 3), впадаютъ въ упорное нечестіе. Перваго рода земля принимаетъ отъ Бога благословеніе, выражающееся въ дальнѣйшемъ умноженіи плодовъ ея, а втораго рода земля близка къ проклятію, которое постигло землю Содомы, сожженную небеснымъ огнемъ. Огненное осужденіе постигнетъ и отпадшихъ, о которыхъ говоритъ апостоль. Если бы въ нихъ было покаяніе, то они не могли бы уподобляться землѣ, производящей только тернія; покаяніе не можетъ быть отне-

сено къ терніямъ души грѣховной. Слѣдовательно для нихъ нѣтъ обновленія потому, что они сами не хотятъ его, упорно отвергають покаяніе и какъ бы потеряли самую способность.

Итакъ, подъ отпадшими, которыхъ невозможно обновлять въ покаяніе, должно разумѣть только нераскаянныхъ и закоснѣвшихъ во враждѣ къ Христу грѣшниковъ, и невозможность ихъ обновленія нужно разумѣть въ смыслѣ ихъ собственной неспособности къ добру, а не въ томъ, будто Церковь, раздаятельница даровъ Божіихъ, должна или можетъ отвергать чье либо покаяніе.

Ст. 13—18. Въ этомъ отдѣлѣ 6 главы апостолъ убѣждаетъ читателей съ вѣрою и долготерпѣніемъ ожидать исполненія божественныхъ обѣтованій. Примѣромъ постоянства въ надеждѣ онъ поставляетъ Авраама, который „долготерпѣвъ, получилъ обѣщанное“ (ст. 15). Основаніемъ же твердой надежды онъ полагаетъ то, что Богъ утвердилъ Свои обѣтованія клятвою, и что Онъ не можетъ солгать ни въ клятвѣ, ни въ обѣщаніи (ст. 18). При этомъ апостолъ даетъ намъ истинное понятіе о клятвѣ и законности ея употребленія. „Богъ, давая обѣтованіе Аврааму, какъ не могъ ни кѣмъ высшимъ клясться, клялся Самимъ Собою“. Этими словами апостолъ указываетъ на то, что сказано Богомъ Аврааму послѣ жертвоприношенія Исаака: „Мною клянусь, что такъ какъ ты сдѣлалъ сіе дѣло и не пожалѣлъ сына твоего, единственнаго твоего, для Меня, то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу сѣмя твое“ (Быт. 22, 16 — 17). „Люди клянутся высшимъ, и клятва во удостовѣреніе оканчивается всякій споръ ихъ“. Подъ высшимъ (*κατὰ τοῦ μεῖζονος*) разумѣется здѣсь Господь; вотъ почему клятва имѣетъ удостовѣряющее значеніе, и вотъ почему это значеніе простирается на всякій ихъ споръ, такъ что клятвою уничтожается возможность всякаго прекословія. „Посему и Богъ, желая — показать — непреложность Своей воли, употребилъ въ посредство клятву“. Чтобы послѣднія слова были яснѣе, ужно знать, что здѣсь по славянски сказано *ходатайствова*,

а по гречески *ἑμεσίτευσεν* (отъ *ходатай*, *μεσίτης*): и то, и другое значить: стать ходатаемъ, посредникомъ чрезъ клятву. Ходатаемъ, посредникомъ называется лице, которое старается примирить двѣ враждующія или спорящія стороны, или способствуетъ къ переговорамъ людей, раздѣленныхъ разстояніемъ и взаимнымъ различіемъ. Когда Богъ *ходатайствова* клятвою, то это значить, что Онъ поставилъ Себя между человѣкомъ и Самимъ Собою: представленіе это весьма свойственно Писанію, по учевію котораго Богъ есть заступникъ, поручитель и посредникъ между человѣкомъ и Самимъ Собою. Такъ Іовъ восклицалъ, обращаясь къ Богу: „заступись, поручись Самъ за меня предъ Собою, иначе кто поручится за меня“ (17, 3 по русск. переводу)? Но если Богъ ставилъ Себя посредникомъ въ той единственной клятвѣ, когда Онъ клялся Самимъ Собою, то, очевидно, что такимъ же посредникомъ и поручителемъ является Онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не Онъ Собою клянется, а люди клянутся Имъ, какъ высшимъ. Изъ этого уясняется истинное понятіе о клятвѣ: она состоитъ въ томъ, что люди, увѣряя одинъ другаго, призываютъ Бога во свидѣтеля, посредника и поручителя, конечно, съ тою мыслию, что Онъ будетъ помощникомъ при исполненіи обѣщанія и карателемъ въ случаѣ намѣреннаго нарушенія его или увѣренія ложнаго. Что можно находить неблагочестиваго или неблагоговѣйнаго въ такой клятвѣ? Если Самъ Богъ клялся, не смотря на то, что не имѣлъ кѣмъ клясться, кромѣ Самого Себя, не смотря и на то, что обѣтованія Его, какъ неложныя, сами по себѣ не требовали клятвеннаго удостовѣренія, и недовѣріе къ нимъ было бы со стороны людей преступленіемъ, то тѣмъ болѣе умѣстна клятва между людьми. Слова людей могутъ быть истинными въ той мѣрѣ, въ какой они сопровождаются мыслию о *Вышемъ*, о всевѣдущемъ Богѣ, Который есть высочайшая Истина и ненавидитъ *вся мложущая лжу* (Пс. 5, 7); какъ скоро человѣкъ оставляетъ память о Богѣ, то уста и сердце его наполняются неправдою. Кто въ клятвѣ призываетъ Бога въ посредника и по-

ручителя своихъ обѣщаній или удостовѣреній, тотъ чрезъ это исповѣдуетъ благоговѣйную память о Немъ, какъ о Сердцевѣдцѣ, знающемъ, что слова его искренни и обѣщанія его не содержатъ обмана. Понятно, почему послѣ этого, какъ говорить апостоль, „клятва“, употребленная для удостовѣренія, „оканчивается всякій споръ (людей)“.

(Продолженіе будетъ).

Изъ отчета о дѣятельности Кіевскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви за 1897 годъ.

Въ 1897 году „Кіевское Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“, по благословенію почетнаго Покровителя своего Высокопреосв. Митрополита Іоаннікія, открыло собесѣдованія съ штундистами. Собесѣдованія эти велись и ведутся не для того, чтобы разбить или посрамить сектантовъ, равно и не для защиты Церкви, которая сама *есть столпъ и утвержденіе истины* и ни въ чьей защитѣ не нуждается, но для того, чтобы уклонившихся отъ Церкви вразумить словомъ братской любви и евангельской истины,—если же не вразумить, то, по крайней мѣрѣ, заронить въ сердца ихъ сомнѣніе въ истинности штундоваго упованія и освѣтить предъ ними ту зловѣщую тьму, которою они окутываютъ сами себя чрезъ свою же гордость и своеволие въ дѣлахъ вѣры, и которая болѣе и болѣе сгущается отъ ихъ непримиримой вражды и фанатической ненависти къ православнымъ. Публичными преніями о вѣрѣ опровергается и злонамѣренная клевета на Православную Церковь, будто она съ своими представителями — духовными и свѣтскими — преслѣдуетъ за вѣру и повторяетъ времена гоненія на христіанъ; при чемъ мучениками за вѣру и благочестіе являются разнаго рода сектанты,

особенно—штундисты, а гонителями—православное духовенство и поддерживающія его власти. Сами штундисты до упоенія улаживаютъ тою мыслию, что они мученики, и съ удивительнымъ самохвальствомъ увѣряютъ, что всѣ они—святые и непорочные сердцемъ (православные же всѣ отъявленные грѣшники), которыхъ преслѣдуютъ и мучатъ за то же, за что страдали — Христосъ, свв. апостолы и первые христіане. На собесѣдованіяхъ же имъ предоставляется полная свобода открыто и безъ всякихъ опасеній высказывать и обосновывать свои религіозныя убѣжденія, и такимъ образомъ воочію всѣхъ доказывается, что Православная Церковь за вѣру никого не преслѣдуетъ. Законы русскіе не допускаютъ вредной пропаганды, угрожающей въ томъ или другомъ отношеніи общественной тишинѣ и порядку и расшатывающей устои государственной жизни, — караютъ за кощунство и публичныя глумленія надъ святыней вѣры. Но такимъ законамъ подлежатъ не штундисты только, а и православные, и католики, и лютеране, и іудеи, и магометане, и всякій подданный русскаго государства. Власть судить и наказываетъ въ такихъ случаяхъ не за вѣру, не за религіозныя убѣжденія, а за поруганіе вѣры и за нарушеніе основныхъ законовъ общественной и государственной жизни, хотя бы нарушеніе это вытекало и изъ религіозныхъ воззрѣній. Въ этомъ отношеніи не полагается никакой разницы между штундистомъ и православнымъ. Между тѣмъ, когда судятъ и наказываютъ за подобныя преступленія православнаго, никто не обращаетъ вниманія и ничья совѣсть не смущается; но если за то же самое судятъ и подвергаютъ наказанію штундиста, хлыста, скопца, вообще неправославнаго, тогда говорятъ, что это насиліе надъ религіозною совѣстію и преслѣдованія за вѣру....

Собесѣдованія съ сектантами ведутся по любви къ заблуждающимся, чтобы сдѣлать все возможное для возвращенія ихъ на нуть истины,—но еще болѣе—по предупредительной заботливости о православныхъ, чтобы предохранить ихъ

отъ самой возможности совращенія въ штундизмъ. На собесѣдованіяхъ каждый можетъ видѣть, какъ далеки отъ истины и спасенія тѣ, которые попираютъ Церковь Христову съ ея видимымъ устройствомъ и отвергають ея руководственное значеніе на землѣ, съ ея 19-ти вѣковой исторіею, — можетъ видѣть и убѣдиться, что кому Церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ. Въ потаенныхъ углахъ можно съ успѣхомъ клеветать на Православную Церковь съ ея пастырями и рисоваться воображаемымъ мученичествомъ за вѣру и благочестіе, — удобно трубить о штундистскихъ добродѣтеляхъ и беззаконіяхъ православныхъ; еще удобнѣе доказывать превосходство штундизма, его несравненные достоинства, и такимъ путемъ совращать легковѣрныхъ. Но на публичныхъ собесѣдованіяхъ, гдѣ все это нужно подтвердить фактами и обосновать на Словѣ Божіемъ, гдѣ голословнымъ увѣреніямъ не придается никакого значенія, дѣйствительность представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ; вмѣсто евангельской чистоты вѣры оказывается полный произволъ въ дѣлахъ вѣры и разнужданность мысли, — вмѣсто братства фанатическая ненависть къ православнымъ, — вмѣсто штундистскихъ добродѣтелей фарисейское самопревозношеніе и возмутительное лицемеріе; а столь заманчивое и рекламирующее штундистовъ мученичество оказывается только разсчитаннымъ измышленіемъ и злою клеветою на Православную Церковь и ея ревнителей. Съ увѣренностью можно сказать, что никто изъ православныхъ, слышавшихъ собесѣдованія съ штундистами, не промѣняетъ своего родного православія на „штундовое братство“, и не повѣритъ тѣмъ благожелателямъ и защитникамъ штундизма и вообще русскаго сектантства, которые силятся видѣть въ немъ „загорающійся свѣтъ народнаго сознанія“, прогрессъ народной мысли и культурное развитіе народа.

Относительно того, что въ штундизмѣ и вообще въ русскомъ сектанствѣ выражается умственное и культурное развитіе народа, что штундисты представляютъ собою лучшую

въ нравственномъ отношеніи и самую трудовую часть южно-русскаго населенія, и что, слѣдовательно, штундизмъ есть явленіе отрадное и желательное въ русской жизни, нужно сказать слѣдующее: все это отратно и желательно для тѣхъ, кому дурно и не желательно свое родное, русское и православное. Глубокомысленнѣйшими писателями нашими (напр., *О. М. Достоевскимъ*) въ психологіи русскаго интеллигента подмѣчена особенная черта—не уважать и чернить свое родное созданное и выстраданное первенцами русскаго народа, его благороднѣйшими и благочестивѣйшими сынами, въ періодъ тысячелѣтней христіанской исторіи, и въ то же время подбостранно и униженно преклоняться предъ всякою новинкою, лишь бы только шла она съ запада. Вслѣдствіе слабаго развитія инстинкта духовно-нравственнаго самосохраненія, безъ серьезнаго размышленія и надлежащей оцѣнки фактовъ, въ духовную жизнь русскаго народа вносились и вносятся чуждыя ему и разлагающія начала запада, вѣлочно до началъ религіозныхъ,—вносятся съ тѣмъ, чтобы замѣнить собою и вытѣснить идеалы и начала родные, православно-русскіе, которые создали самую Россію и сдѣлали ее тѣмъ, что она есть,—политическимъ и духовнымъ колосомъ. Западъ ревнивыми глазами и съ затаенною завистію смотритъ на возрастаніе этого колосса, и, чтобы задержать его ростъ, во всякое время готовъ причинять ему раны. Русскій колоссъ мощенъ вѣрою православною; на ней онъ созданъ и выросъ; въ ней залогъ и его великаго будущаго. Внести разлагающее начало и рознь въ религіозную жизнь этого колосса значить—причинить ему глубокую рану, тяжкую болѣзнь. Такая рана и болѣзнь причинена ему и штундизмомъ, этою новинкою шестидесятыхъ годовъ, которая вышла отъ нѣмцевъ и распространилась чрезъ ихъ колоніи, разсѣянные по гостепріимной русской землѣ. Поправилась эта новинка прежде всего тѣмъ, кого призывала она отвергнуть авторитетъ Православной Церкви и созданнаго имъ государства и руководствоваться въ религіозной и общегосу-

дарственной жизни указаніями лишь своего разума и велѣніями только своей единичной воли. Многимъ такой индивидуализмъ и личный произволъ въ религіозной жизни и общественной пришелся по вкусу, и прежде всѣхъ южноруссу, который издавна былъ свободолубивъ и, при крайнемъ развитіи этого присущаго каждому человѣку стремленія, не одинъ разъ въ исторіи становился на ложный и гибельный путь своеволія и произвола. Безграничную свободу въ религіозной жизни предложила ему штунда. „Спасайся, какъ хочешь и какъ самъ это дѣло понимаешь: Церковь съ ея 19-ти вѣковой исторіею, съ ея благодатными средствами и пастырями, со всѣмъ ея внѣшнимъ устройствомъ и руководственнымъ значеніемъ совершенно не нужна и вредна“—вотъ вѣратцѣ символъ вѣры штундистовъ. Штунда сразу сняла съ своихъ послѣдователей всякія обязанности по отношенію къ Церкви и пастырямъ, — обязанности, связанные съ нѣкоторыми матеріальными жертвами, — т. е., сняла съ нашего крестьянина тѣ именно обязанности, къ которымъ онъ болѣе всего чувствителенъ и невыполненіе которыхъ для него особенно желательно. Въ этомъ первая причина ея уснѣха. Туманно обѣщала она исповѣдникамъ своимъ земельные надѣлы, посредствомъ отнятія земель у помѣщиковъ, — отвергла въ принципѣ обязанность нести повинности общественно-государственныя. Такимъ образомъ штунда сулитъ крестьянину, особенно обездоленному и бездомному, все то, чѣмъ его можно обольстить. Начиная съ отрицанія господствующей Церкви, она вѣрнымъ и неуклоннымъ путемъ ведетъ къ отрицанію вообще, и въ результатѣ оказывается не столько религіозною, сколько соціально-экономическою сектою. При такихъ тенденціяхъ, она легко сливается со всѣмъ, что зиждется на отрицаніи и враждѣ къ Православной Церкви и государству, особенно — съ толстовщиной. И есть основаніе предполагать, что штунда постепенно перейдетъ къ толстовщинѣ, по той простой причинѣ, что и штунда, и толстовщина стоятъ на одной и той же почвѣ—на отрицаніи и враждѣ

къ господствующей Церкви и государству; но въ толстовщинѣ отрицаніе и вражда выражены рѣзче, послѣдовательнѣе и возведены въ цѣлую систему, обольщающую своею призрачною логичностью и философичностью: само собою понятно, что слабые зачатки грубаго крестьянскаго раціонализма, выражающагося въ штундѣ, при встрѣчѣ, должны уступать мѣсто и сливаться съ раціонализмомъ болѣе тонкимъ и болѣе ѣдкимъ—съ толстовщиной. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сліяніе это уже началось и совершилось и приноситъ плоды по роду своему. На одномъ изъ собесѣдованій съ штундистами среди нихъ выступилъ молодой слесарь, который на вопросъ: „какой онъ вѣры“, — отвѣтилъ: „никакой, я свободный“; въ Бога онъ не вѣруетъ, загробной жизни и страшнаго суда не признаетъ, Иисуса Христа считаетъ только хорошимъ учителемъ, а добро дѣлаетъ или такъ себѣ, или по чувству состраданія. Мысли эти, по его словамъ, почерпнулъ онъ изъ нѣкоторыхъ умныхъ книжечекъ, автора которыхъ не захотѣлъ назвать. Что это за книжечки — догадаться не трудно.

Отличительною чертою штундизма является фанатическая ненависть къ Церкви и непримиримая вражда къ православному. Каждому штундисту внушается, что въ Православной Царкви всѣ отъявленные грѣшники—пьяницы, воры, прелюбодѣи и т. п., а въ штундѣ всѣ—непорочны сердцами, всѣ святы и непременно спасутся. Между православными и собою штундисты полагаютъ бездну непроходимую. Когда спрашиваютъ штундиста: къ какой церкви принадлежалъ онъ до перехода въ штунду, штундистъ отвѣчаетъ не иначе, какъ только такъ: прежде онъ былъ воромъ, пьяницей, любодѣемъ, а теперь сталъ непорочнымъ членомъ братства, исповѣдующаго евангельскую вѣру... Самообольщеніе поразительное! Гордость и самопревозношеніе чисто фарисейскія!..

Благожелатели штундистовъ указываютъ на ихъ трезвость и трудолюбіе, которыя, будто бы, невольно подкупаютъ въ пользу штундизма. Но развѣ Православная Церковь учитъ кого пьянству или бездѣлію?!.. Если бы штундистовъ было

столько, сколько православныхъ (отъ чего избави насъ Богъ), то безъ всякаго сомнѣнія пьяницъ и тунеядцевъ среди нихъ развелось бы больше, чѣмъ сколько есть ихъ теперь среди православныхъ. Всякая секта въ началѣ своего существованія держится на извѣстной нравственной высотѣ, въ виду новизны и исключительности своего положенія, въ виду, наконецъ, неизбѣжной сплоченности небольшого кружка лицъ, связанныхъ одною идеею и поставленною цѣлю. Но съ увеличеніемъ числа членовъ нравственность падаетъ, и тѣмъ быстрѣе и глубже, чѣмъ болѣе рѣшающее значеніе въ дѣлѣ спасенія предоставляется личному разуму и волѣ: эти послѣдніе незамѣтно и неизбѣжно переходятъ въ своеволіе и разнузданность религіозной мысли, которая ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть надежными основами для нравственной жизни. То же нужно сказать и о штундизмѣ. Бывшій штундистъ, но еще и не православный, слѣпой старикъ Владиміръ на первомъ собесѣдованіи такъ охарактеризовалъ своихъ собратій. „Оставивъ боговдохновенныя писанія отцовъ Церкви, эти люди (штундисты) имѣютъ тысячи постановленій своихъ вожаковъ. Изъ нѣмецкой колоніи, оттуда все—и стихи, и гимны, и порядки оттуда позаимствовали потерявшіе Бога и совѣсть русскіе люди, нѣмецкіе наймиты. Спросите: есть ли у нихъ христіанскій духъ? — Они больше ничего не понимаютъ, что какъ только бросилъ водеу пить да цыгарку курить, такъ и сейчасъ будто бы сдѣлался уже истинный христіанинъ. А есть ли у нихъ любовь, миръ, кротость? Нѣтъ ничего этого! Штунда то и знаетъ, что обличаетъ православныхъ въ порокахъ, а въ себѣ не замѣчаетъ сатанинской гордости и жестокости...“ Старикъ сказалъ правду. Даже на собесѣдованіяхъ, гдѣ всего естественнѣе было бы сдерживаться, и тутъ штундисты дерзки, заносчивы и вмѣсто того, чтобы разсуждать спокойно и искать истину, постоянно переходятъ въ обличительный тонъ. Всѣ обличенія ихъ направляются противъ православныхъ и вытекаютъ изъ переполненнаго ненавистью и враждою сердца: въ обличеніяхъ они

жестокими, неистощимыми и умѣютъ пользоваться всѣмъ, что только можно вычитать или услышать противъ Православной Церкви, пастырей и вообще православныхъ...

Какъ и всякая секта, штундизмъ начинается съ гордости, держится своеволиемъ и разнузданностію религіозной мысли, питается ненавистью и враждою къ православнымъ, а приводитъ къ раздѣленію и взаимоотчужденію. Онъ раздираетъ члены Тѣла Христова и поселяетъ въ высшей степени нежелательную рознь между тѣми, которые должны бы быть братьями по вѣрѣ, по крови, по историческому прошлому и по всему. Жестоко ошибаются тѣ, которые видятъ въ немъ прогрессъ народной жизни и явленіе отрадное. Не прогрессъ въ немъ и не культурное развитіе, а паталогическое состояніе и болѣзнь духовная, болѣзнь опасная, такъ какъ развивается она не на религіозной только почвѣ, но и на социально-экономической. Болѣзнь эта требуетъ серьезнаго къ себѣ вниманія и нуждается во врачеваніи. Кіевское религіозно-просвѣтительное Общество сочло священнымъ своимъ долгомъ предложить для этого врачеванія свой трудъ, предложить слово убѣжденія, растворенное христіанскою любовію къ заблуждающимся и основанное на евангельскихъ истинахъ. Дастъ Богъ, слово это—братски участливое и евангельское—не останется безъ добраго вліянія на уклонившихся отъ Церкви; и если ихъ не возвратитъ къ Церкви, то, по крайней мѣрѣ, православныхъ предохранитъ отъ совращеній въ штунду.

Свящ. Г. Прозоровъ.

Самоотверженіе архипастыря.

Близъ Вилюйска есть колонія и выселокъ прокаженныхъ. Эту колонію посѣтилъ, какъ рассказываютъ „Якутск. Епарх. Вѣд.“, епископъ якутскій Никодимъ. Прокаженные, бывъ предувѣдомлены о посѣщеніи ихъ владыкой, ждали его около одной изъ своихъ четырехъ юртъ. Трудно представить себѣ ту радость и благоговѣніе, какія выражались въ лицахъ этихъ несчастныхъ. Въ лицѣ владыки прокаженные увидѣли не строгое начальство, а друга и истиннаго отца, пришедшаго съ цѣлію утѣшить ихъ, помочь и облегчить тяжелое ихъ положеніе. А положеніе это, дѣйствительно, тяжелое, хотя бы только потому, что невозможно же думать, чтобы люди эти не замѣчали окружающей ихъ грязи, тяжелаго зловоннаго запаха, отвратительной одежды, у многихъ покрывающей покрытое гнойными ранами тѣло и т. д. Радость и благоговѣніе несчастныхъ еще болѣе усилились, когда они увидѣли, что владыка не боится ихъ, какъ боятся ихъ всѣ другіе, не бѣжитъ отъ нихъ, какъ бѣгутъ другіе. Видъ всего, что представляетъ группа прокаженныхъ въ своихъ помѣщеніяхъ, заставляетъ новаго посѣтителя ихъ держаться въ нѣкоторомъ отдаленіи, причемъ, надо признаться, съ его стороны нужны немалыя усилія для того, чтобы сдерживать невольно являвшуюся тошноту, а между тѣмъ владыка, благословляя ихъ, давалъ имъ цѣловать руку, самъ надѣвалъ на каждого благословляемаго крестикъ, говорилъ слова участія, входилъ въ подробный осмотръ ихъ юртъ и т. п. Прокаженные, взирая съ любовію на „самоотверженнаго отца несчастныхъ“, какъ они называли владыку, подходили подъ благословеніе, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Противившись съ проказенными, владыка посѣтилъ домъ завѣдующаго выселкомъ врача г. Гиммеръ и около 5 часовъ вечера выбылъ изъ выселка. Когда онъ помѣстился на поданной линейкѣ, проказенные обступили экипажъ, заявляя о своихъ нуждахъ. Памятною осталась ихъ просьба—выслать вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 12 апрѣля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крепчатникъ, собств. домъ № 40.

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Нѣвской
духовной Семинаріи.

1898 года, мая 17-го.

Содержаніе: Значеніе Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, какъ источника христіанскаго ученія о вѣрѣ и жизни.—Замѣтка о томъ, не стоитъ ли въ противорѣчій практика настоящая, по которой проповѣдуютъ въ церквахъ міряне, въ частности воспитанники духовно учебныхъ заведеній, съ 64-мъ правиломъ Трулльскаго собора.—Нѣсколько замѣчаній бывшаго присяжнымъ засѣдателемъ въ окружномъ судѣ.—Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ (продолженіе).—Замѣтка.

Значеніе Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта, какъ источника христіанскаго ученія о вѣрѣ и жизни.

Православная Церковь источникомъ вѣроученія и нравоученія признаетъ Свящ. Писаніе и Священное Преданіе. При этомъ, къ составу Свящ. Писанія Православная Церковь относитъ книги повозавѣтныя и ветхозавѣтныя, усвоивъ тѣмъ и другимъ одинаковую богодухновенность и обязательное значеніе. Отъ ученія церковнаго въ этомъ уклоняются сектанты-раціоналисты, каковы, напр., штундисты. Какъ извѣстно, они считаютъ источникомъ вѣроученія только одно Свящ. Писаніе, совершенно отвергая значеніе Преданія. Кромѣ то-

го, и изъ книгъ Свящ. Писанія штундисты усвояють обязательное значеніе только книгамъ новозавѣтнымъ. Къ книгамъ же ветхозавѣтнымъ они обращаются вообще рѣдко, а въ тѣхъ случаяхъ, когда приводятся изъ этихъ книгъ мѣста, обличающія ихъ лжеученія, они обыкновенно заявляютъ, что „ветхое уже прошло“,—„отмѣняетъ первое, чтобы постановить второе“ (Евр. 10, 9). Спрашивается, справедливо-ли это сектантское отрицаніе значенія ветхозавѣтныхъ свящ. книгъ, и на какомъ основаніи Православная Церковь усвояетъ этимъ книгамъ значеніе, равное значенію книгъ новозавѣтныхъ?

Свой ложный взглядъ на значеніе ветхозавѣтныхъ книгъ сектанты, какъ извѣстно, оправдываютъ ссылкой на такіа мѣста Свящ. Писанія Новаго Завѣта, въ которыхъ говорится объ отмѣнѣ ветхозавѣтнаго. Такихъ мѣстъ есть нѣсколько. Но прежде всего мы должны отмѣтить то, что ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ нѣтъ рѣчи объ отмѣнѣ или упраздненіи всѣхъ *Писаній* ветхозавѣтныхъ, а говорится только о законѣ ветхозавѣтномъ. Затѣмъ, ближайшее разсмотрѣніе изреченій новозавѣтныхъ о законѣ приводитъ къ заключенію, что и законъ этотъ отмѣненъ не всецѣло. Въ посланіи къ Евреямъ ап. Павелъ говоритъ, что *отмѣненіе прежде бывшей заповѣди бываетъ по причинѣ ея немощи и безполезности* (7, 18). Соответственно этому, и изъ заповѣдей Моисеева закона отмѣнены только тѣ, которыя оказались ненужными для людей, живущихъ подъ благодатію. Такъ, по свидѣтельству кн. Дѣяній, апостолами на соборѣ въ Іерусалимѣ признана необязательной для христіанъ ветхозавѣтная заповѣдь объ обрѣзаніи и другія обрядовыя предписанія Моисеева закона. Въ посланіи, составленномъ на этомъ соборѣ и отправленномъ къ вѣрующимъ, св. апостолы возвѣщали: *угодно Святому Духу и намъ не возлагать на васъ никакого бремени больше сего необходимаго—воздерживаться отъ идоложертвеннаго и крови, и удавленныя, и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите* (Дѣян. 15, 28—29, ср. 24). Подобно этому, и св. ап. Павелъ признаетъ отмѣненной для

христіанъ заповѣдь объ обрѣзаніи и порицаетъ ихъ за соблюденіе іудейскихъ праздниковъ. *Если вы обрѣзываетесь, пишеть онъ къ Галатамъ, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа (5, 2—3). Для чего... наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы (4, 9—10)?* Въ посланіи къ Колоссянамъ тотъ же св. апостолъ считаетъ излишними для христіанъ ветхозавѣтныя заповѣди о пищѣ и праздникахъ. *Итакъ никто да не осуждаетъ васъ за пищу, или питіе, или за какой нибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботу (2, 16—17).* Объ отмѣнѣ ветхозавѣтнаго закона идетъ рѣчь у ап. Павла и въ посланіи къ Евреямъ (10, 9), въ словахъ: *отмѣняетъ первое, чтобы постановить второе.* Но если прочитать всю главѹ, въ которой находятся приведенныя слова, то будетъ очевидно, что въ нихъ св. апостолъ имѣетъ въ виду не весь собственно ветхозавѣтный законъ, а только заповѣди о жертвахъ. Такъ какъ жертвы ветхозавѣтныя не очищали отъ грѣха, а только напоминали о немъ, то онѣ и потеряли свое значеніе, когда Христосъ принесъ въ жертву за насъ Тѣло Свое. Въ томъ же посланіи къ Евреямъ св. апостолъ говоритъ объ отмѣнѣ ветхозавѣтныхъ постановленій о священствѣ и предписаній, связанныхъ съ этими постановвленіями (Евр. 7, 11—12 и дал.).

Выясняя причину отмѣны указанныхъ постановленій ветхозавѣтныхъ, ап. Павелъ обращаетъ вниманіе на то, что законъ былъ дѣтководителемъ ко Христу (Гал. 3, 24), данъ былъ для того, чтобы воспитывать еврейскій народъ и подготавливать его къ принятію Обѣтованнаго Искупителя. Но всякому воспитываемому человѣку даются извѣстныя правила, которыя теряютъ свою силу, когда время воспитанія кончается. Такъ было и съ еврейскимъ народомъ, и потому нѣкоторыя предписанія, съ пришествіемъ Христа и съ окончаніемъ времени дѣтководительства народа, утратили свое значеніе.—Въ другомъ мѣстѣ своихъ посланій ап. Павелъ даетъ понять, что изъ ветхозавѣтнаго закона потеряло значеніе еще и то, что имѣло характеръ прообразовательный, что напоми-

пало избранному народу о грядущемъ Мессіи. *Это тѣнь*, говоритъ св. апостолъ о ветхозавѣтныхъ предписаніяхъ, а *тѣло во Христѣ* (Кол. 2, 17), и потому—должны мы заключать изъ словъ апостола—съ пришествіемъ Христа, праздники ветхозавѣтныя, бывшіе прообразами Христа, и установленія о пищѣ, отмѣнены.

Но уже изъ приведенныхъ изреченій ап. Павла ясно видно, что не весь ветхозавѣтный законъ потерялъ свое значеніе,—этотъ законъ состоялъ не изъ однихъ только прообразовъ и не изъ такихъ только правилъ, которыя обязательны лишь на время воспитанія. Извѣстно, что многія правила, внушаемыя воспитываемому, остаются для него обязательными и послѣ окончанія времени воспитанія. Такъ и въ законѣ ветхозавѣтномъ, съ отмѣною однихъ предписаній, другія должны были остаться обязательными и для христіанъ. Что дѣйствительно не весь ветхозавѣтный законъ потерялъ для насъ свое значеніе, это видно изъ нѣкоторыхъ ясныхъ изреченій новозавѣтныхъ книгъ. Прежде всего, Самъ Господь Иисусъ Христосъ въ нагорной проповѣди говоритъ: *не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить* (Матѣ. 5, 17). Господь Иисусъ Христосъ только исполнилъ ¹⁾ законъ, дополнилъ, усовершенствовалъ его. Но всякое дополненіе и усовершенствованіе не только не означаетъ разрушенія или отмѣны *всего* существующаго, напротивъ, предполагаетъ сохраненіе части усовершеншаемаго и восполняемаго; поэтому, Господь и говоритъ, что

1) Въ греческомъ текстѣ въ данномъ мѣстѣ стоитъ глаголъ πληρόω, который означаетъ, во первыхъ, исполнять, осуществлять на дѣлѣ, во вторыхъ, дополнять, усовершенствовать. Въ Матѣ 5, 17 глаголъ исполнить употребленъ по отношенію къ *закону* и къ *пророкамъ*. Пророковъ Спаситель исполнилъ въ томъ смыслѣ, что осуществилъ ихъ предсказанія, явился учителемъ и посредникомъ Новаго Завета. Законъ же Онъ дополнилъ, такъ какъ *осуществить* его во время изложенія нагорной проповѣди (изреченіе, очевидно, относится только къ этому времени) Онъ, конечно, не могъ.

Онъ не пришелъ нарушить законъ. И неоднократно Господь Иисусъ Христосъ выставялъ на видъ высокое достоинство этого закона и училъ своихъ послѣдователей соблюденію въ-которыхъ заповѣдей закона. Такъ, Онъ обличалъ книжниковъ и фарисеевъ за то, что они нарушаютъ ветхозавѣтныя постановленія. *Зачѣмъ вы престоупаете заповѣдь Божию ради преданія вашего? Ибо Богъ заповѣдалъ: почитай отца и мать; и злословящій отца или мать смертию да умретъ* (Исх. 20, 12. 21, 16). *А вы говорите: если кто скажетъ отцу или матери: даръ Богу то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался, тотъ можетъ и не почитать отца своего, или мать свою* (Матѣ. 15, 4—6). Богатому юношѣ, спрашивавшему о пути къ вѣчной жизни, Господь Иисусъ Христосъ сказалъ: *если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди, и при этомъ указалъ на заповѣди, находящіеся въ законѣ Моисеевомъ* (Матѣ. 19, 16—19). Подобно Господу Иисусу Христу, и ап. Павелъ указываетъ неоднократно христіанамъ на необходимость соблюденія ветхозавѣтныхъ заповѣдей десятиословія (Римл. 13, 9. Ефес. 6, 2—3).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что не весь ветхозавѣтный законъ потерялъ для насъ силу. Въ данномъ случаѣ намъ нѣтъ нужды перечислять то, что сохраняетъ въ ветхозавѣтномъ законѣ обязательность и для христіанъ. Замѣтимъ только, что свв. отцы учатъ объ этомъ такъ: „Господь (Иисусъ Христосъ) естественныя заповѣди закона, которыми человѣкъ оправдывается и которыя до законодательства соблюдали оправдывавшіеся вѣрою и угодившіе Богу, не разрушилъ, но распространилъ и исполнилъ“. Приготовляя человѣка къ этой жизни, Господь Самъ изрекъ ко всѣмъ одинаково слова десятиословія и потому они остаются также и у насъ, получивъ чрезъ плотское пришествіе Его расширеніе и приращеніе, а не разрушеніе ¹⁾. Но если ветхозавѣтный законъ не весь

¹⁾ Св. Иринеѣ Ліонскій, противъ ересей 4, 13—16. Ср. еще: „естественныя заповѣди закона общи намъ и имъ (іудеямъ); у нихъ получили начало и происхожденіе, у насъ приращеніе и восполненіе.

потерялъ для насъ свое значеніе, то уже по этому одному мы не можемъ отрицать, какъ поступаютъ сектанты, обязательность для себя ветхозавѣтныхъ писаній и не имѣемъ права ссылаться на указанные выше мѣста, гдѣ идетъ рѣчь объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ установленій.

Но допустимъ даже, что ветхозавѣтный законъ потерялъ для насъ значеніе въ *цѣломъ объемъ своемъ*. Спрашивается: можемъ-ли мы на этомъ основаніи отрицать обязательную для насъ силу ветхозавѣтныхъ писаній? Несомнѣнно, нѣтъ. Прежде всего, должно имѣть въ виду, что, кромѣ изложенія закона, въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ содержатся еще пророчества объ Иисусѣ Христѣ и основанной Имъ Церкви. Эти пророчества стоятъ въ такой неразрывной связи съ открытіемъ новозавѣтнымъ, что, признавая послѣднее, мы не можемъ не признавать первыхъ и не можемъ къ нимъ не обращаться. Не слѣдуетъ упускать, что въ книгахъ Моисеевыхъ, гдѣ изложенъ ветхозавѣтный законъ, кромѣ отмѣненныхъ и замѣненныхъ заповѣдей, содержится много такого, что необходимо намъ знать и что не изложено въ другихъ книгахъ. Напр., исторія творенія міра, происхожденія чловѣка и его грѣхопаденія,—исторія, безъ знанія которой мы не можемъ понять необходимости искупленія и его значенія,—представлена въ Пятокнижіи. Поэтому, если бы законъ ветхозавѣтный и былъ отмѣненъ всецѣло, то Пятокнижіе все-таки не перестало бы служить намъ источникомъ вѣроученія. Да и въ самомъ изложеніи законовъ обрядовыхъ, потерявшихъ обязательное значеніе для христіанъ, мы постоянно встрѣчаемъ указаніе на важнѣйшія истины нашей вѣры,—истину бытія Божія, Его всемогущества, правосудія и т. д. Все это показываетъ, что ветхозавѣтныя *писанія*, даже и при отмѣнѣ Моисеева закона, не могли бы потерять для христіанъ обязательнаго значенія.

Кромѣ изложенныхъ соображеній, обязательное значеніе для христіанъ ветхозавѣтныхъ книгъ видно изъ многихъ прямыхъ и ясныхъ указаній свящ. писателей Новаго Завѣта.

Мы должны обращаться къ ветхозавѣтнымъ книгамъ и черпать изъ нихъ ученіе вѣры и нравственности прежде всего потому, что къ этимъ книгамъ обращался Самъ Господь Иисусъ Христосъ. Во время земной жизни Господа Иисуса Христа у іудеевъ писанія ихъ имѣли высокое значеніе. Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, современникъ апостоловъ, сообщаетъ, что никто изъ іудеевъ не могъ рѣшиться сдѣлать въ этихъ писаніяхъ какую-либо перемѣну. Всѣ смотрѣли на нихъ, какъ на ученіе божественное, и готовы были, если бы понадобилось, и умереть за нихъ. „Вмѣстѣ съ молокомъ матери“, говоритъ Іосифъ Флавій, „іудей пріобрѣтаетъ склонность разсматривать всѣ свои 22 книги, какъ заповѣди Божіи, которыхъ нужно держаться и за которыя нужно быть готовымъ принять самую смерть“. Если бы это уваженіе было не справедливымъ, если бы Господу Иисусу Христу угодно было, чтобы Его послѣдователи не обращались къ ветхозавѣтнымъ книгамъ, то Онъ, несомнѣнно, опровергъ-бы іудейскій взглядъ на эти книги. Однакоже мы видимъ, что Иисусъ Христосъ не только не сдѣлалъ этого, а цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ утвердилъ высокое значеніе ветхозавѣтныхъ книгъ. По ученію Спасителя, ветхозавѣтныя писанія имѣютъ такое значеніе, что кто не признаетъ силы этихъ писаній, тотъ не можетъ вѣровать истинно и въ Самого Господа Иисуса Христа. *Если-бы вы, говорилъ Онъ жестоковѣрнымъ іудеямъ, отрицали Моисею, то отрицали-бы и Мнѣ, потому что онъ писалъ о Мнѣ. Если же его писаніямъ не отрицаете, какъ отрицаете Моимъ словамъ* (Іоан. 5, 46—47)? Поэтому, въ бесѣдахъ съ учениками и съ народомъ Иисусъ Христосъ обыкновенно доказывалъ свое божественное посланничество изреченіями изъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Такъ, когда по воскресеніи Своемъ Онъ явился путникамъ эммаусскимъ, ихъ сомнѣнія Онъ опровергъ оружіемъ ветхозавѣтныхъ писаній. *И, начавъ отъ Моисея, повѣствуетъ ев. Лука, изъ всѣхъ пророковъ изъясняя имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи* (Лук. 24, 27). Нѣсколько позже, явившись ученикамъ,

собравшимся въ горницѣ Іерусалимской, Спаситель также убѣждалъ ихъ въ своемъ божественномъ посланничествѣ изреченіями ветхозавѣтныхъ Писаній. *И сказалъ имъ: вотъ то, о чемъ Я вамъ говорилъ, еще бывъ съ вами, что надлежитъ исполниться всему, написанному о Мнѣ въ законъ Моисеевъ, и въ пророкахъ, и псалмахъ. Тогда отверзъ имъ умъ къ разумнѣю Писаній* (Лук. 24, 44—45). Въ другомъ случаѣ Спаситель называетъ ветхозавѣтныя Писанія богодухновенными. *Какъ же Давидъ, спрашиваетъ Онъ книжниковъ, по вдохновенію называетъ Его (Христа) Господомъ, когда говоритъ: сказалъ Господь Господу Моему: сяди одесную Меня, доколь положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ* (Матѹ. 22, 43—44)? Въ этомъ мѣстѣ составленномъ по вдохновенію Святаго Духа называется изреченіе изъ книги псалмовъ (Псал. 109, 1). Но разумѣется, слова Спасителя относятся и ко всемъ ветхозавѣтнымъ книгамъ, потому что вездѣ Онъ усволяетъ равное значеніе и псалмамъ, и закону, и пророкамъ (Ср. Лук. 24, 44). Какъ Писаніе богодухновенное, ветхозавѣтное Писаніе, по ученію Господа, *не можетъ разоритися* (Іоан. 10, 35). Такъ какъ это Писаніе представляетъ собою плодъ ума Божественнаго, то въ немъ указанъ путь къ вѣчной жизни. Поэтому всякому, кто ищетъ истиннаго вѣдѣнія, Господь заповѣдалъ изслѣдовать ветхозавѣтное Писаніе. *Изслѣдуйте Писанія*, говорилъ Онъ іудеямъ, *ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную* (Іоан. 5, 39). Устраненіе этихъ Писаній, невѣдѣніе ихъ, по ученію Спасителя, является причиной и источникомъ гибельныхъ заключеній. Поэтому, когда саддукеи изложили предъ Нимъ свои ложныя понятія о воскресеніи и загробной жизни, Онъ обличилъ ихъ въ невѣдѣніи Писанія и сказалъ: *заблуждаетесь, не зная Писаній* (Матѹ. 22, 29).

Слѣдуя ученію Господа Іисуса Христа, и св. апостолы относились къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ съ высокимъ уваженіемъ, признавая ихъ писаніями богодухновенными, видя въ нихъ основу вѣры христіанской, изъ нихъ почерпая обли-

ченія и наставленія. Такъ, св. ап. Петръ въ рѣчи своей, произнесенной въ день сошествія Св. Духа, истинность вѣры въ Иисуса Христа, какъ Бога, доказывалъ словами ветхозавѣтныхъ писаній, указывая на Христѣ исполненіе пророческихъ изреченій (Дѣян. 2, 16—36). Въ своемъ первомъ соборномъ посланіи тотъ же апостолъ о пророкахъ ветхозавѣтныхъ говоритъ, что *сущій въ нихъ Духъ Христовъ предвозвѣщалъ Христовы страданія и послѣдующую за ними славу, что ихъ изысканія и изслѣдованія относились къ благодати, назначенной христіанамъ* (1 Петр. 1, 10—11). Изъ этихъ словъ видно, что ап. Петръ считаетъ ветхозавѣтныя Писанія имѣющими такое же значеніе для христіанъ, какое они имѣли для іудеевъ. И апостолъ похваляетъ христіанъ за то, что они обращаются къ пророческому слову. *Мы имѣемъ вѣрнѣйшее пророческое слово; и вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ нему, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, доколѣ не начнетъ разсвѣтать день, и не возойдетъ утренняя звѣзда въ сердцахъ вашихъ* (2 Петр. 1, 19). Слово Господне, говоритъ ап. Петръ, *пребываетъ въ вѣкъ* (1 Петр. 1, 25). Поэтому, давая наставленія христіанамъ, онъ почерпаетъ ихъ и изъ книгъ ветхозавѣтныхъ. Въ первомъ посланіи своемъ апостолъ пишетъ: *по примѣру призваннаго васъ Святаго, и сами будьте святы во всѣхъ поступкахъ. Ибо написано: будьте святы, потому что Я святъ* (I, 15—16). Въ данномъ мѣстѣ свое наставленіе ап. Петръ основываетъ на изреченіи ветхозавѣтномъ, содержащемся въ Лев. 19, 2.

Подобно Петру, и другой первоверховный апостолъ—Павелъ, показываетъ высокое уваженіе къ ветхозавѣтнымъ Писаніямъ, когда называетъ ихъ *писаніями святыми* (Рим. 1, 2), словомъ *Божіимъ*, которое ввѣрено было іудеямъ (Рим. 3, 2). Ветхозавѣтныя Писанія, по ученію ап. Павла, богодухновенны и могутъ приносить многоразличную пользу. *Все Писаніе*, внушаетъ св. апостолъ возлюбленному ученику своему Тимофею, *богодухновенно и полезно для наученія, для*

наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій чело­вѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приотровленъ (2 Тим. 4, 4). При­знавая указанное значеніе за ветхозавѣтными писаніями, ап. Павелъ похваляетъ своего ученика за то, что онъ знаетъ эти Писанія. *А ты пребывай въ томъ, чему наученъ. При­томъ же ты изъ дѣтства знаешь священныя писанія, ко­торыя могутъ умудрить тебя во спасеніе впроу въ Христа Иисуса* (2 Тим. 3, 15). Въ данномъ мѣстѣ апостолъ, можно думать, говоритъ исключительно о писаніяхъ ветхозавѣтныхъ, такъ какъ во время дѣтства Тимофея писанія новозавѣтныя еще не появились.—Признавая, что ветхозавѣтныя писанія могутъ умудрить во спасеніе, ап. Павелъ нѣкоторыя свои предписанія, даваемые вѣрующимъ, основываетъ именно на ветхозавѣтныхъ писаніяхъ. Такъ, давая повелѣніе Тимофею оказывать сугубую честь достойно начальствующимъ пресви­терамъ и особенно труждающимся въ словѣ, апостолъ при­бавляетъ: *ибо Писаніе говоритъ: не заграждай рта у вола мо­лоотящаго* (1 Тим. 5, 18). Приведенное апостоломъ изре­ченіе содержится въ книгѣ ветхозавѣтной (Втор. 25, 4). Свою проповѣдь о Христѣ ап. Павелъ также основывалъ на ветхозавѣтномъ Писаніи. По свидѣтельству кн. Дѣяній, апо­столъ, будучи въ Римѣ, *отъ утра до вечера излагалъ прихо­дившимъ къ нему ученіе о царствіи Божіемъ, приводя сви­дѣтельства и удостовѣряя ихъ о Иисусѣ изъ закона Моисе­ева и пророковъ* (28, 23). И во многихъ своихъ посланіяхъ св. апостолъ, раскрывая ученіе христіанское, основываетъ его на писаніи ветхозавѣтномъ (см. Гал. 3 гл., Евр. 1—2 и дал.). Этимъ апостолъ научаетъ и насъ при раскрытіи ученія вѣры и жизни обращаться къ писаніямъ ветхозавѣт­нымъ, какъ истинному Слову Божію.

Итакъ, изреченія Самого Господа Иисуса Христа и св. апостоловъ, а также простыя соображенія разума обнару­живаютъ ложность сектантскаго воззрѣнія на ветхозавѣтныя писанія, какъ писанія, отмѣненныя и не имѣющія обяза­тельнаго значенія для христіанъ. Въ ветхозавѣтныхъ писа­

ніяхъ содержится истинное Слово Божіе, и они должны служить для насъ источникомъ вѣроученія наряду и наравнѣ съ писаніями Новаго Завѣта.

В. Рыбинскій.

Замѣтка о томъ, не стоитъ ли въ противорѣчій практика настоящая, по которой проповѣдуютъ въ церквахъ міряне, въ частности воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, съ 64-мъ правиломъ Трулльскаго собора.

Трулльскій соборъ 64-мъ своимъ правиломъ постановилъ: „не подобаеѣтъ мірянину предъ народомъ произносити слово, или учить, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноватися преданному отъ Господа чину отверзати ухо *пріѣвшимъ благодать учительскаго слова*, и отъ нихъ поучатися божественному... Аще же кто усмотрѣнъ будетъ нарушающимъ настоящее правило: на чотыредесять дней да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго“ (сравни. 19 прав. того же собора, а также 58 апост. правило). По смыслу 64-го правила Трулльск. собора право учить въ храмѣ во время богослуженія усвоется единственно *пріѣвшимъ благодать* учительскаго слова; одинъ разрядъ даже лицъ, имѣющихъ посвященіе (діаконы), лишенъ сего права. Послѣ появленія ереси Арія въ Александріи проповѣдь зачтена была даже для священниковъ. Было время въ исторіи Церкви, когда проповѣдывали и міряне. Это было при апостолахъ; но проповѣдывали по силѣ и подъ условіемъ чрезвычайнаго благодатнаго дарованія, опредѣлявшагося въ своей истинности особыми лицами, имѣвшими право *различеніе духовъ*. Но практика Церкви апостольской въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ нѣкоторыхъ ея особенностяхъ, не повтораема. Впрочемъ, уже въ то время, къ концу вѣка апостольскаго, проповѣдь была ап. Павломъ, какъ видно изъ его посланій, приурочена къ кругу правъ и обязанностей служе-

нія пастырського. Извѣстны, затѣмъ, споры въ древней Церкви о правѣ проповѣди для Оригена, окончившіеся не въ пользу этого геніального учителя. При этихъ спорахъ защитники Оригена называли было нѣсколько лицъ-мірянъ, которые во второмъ вѣкѣ, какъ сохранилось въ преданіи, съ разрѣшенія епископовъ проповѣдывали; но нужно думать, что это было допущено, какъ исключеніе, въ виду присушихъ этимъ лицамъ чрезвычайныхъ благодатныхъ дарованій, которыми, какъ видно изъ свидѣтельствъ Иринія и другихъ, изрѣдка продолжали проявляться и въ вѣка, непосредственно слѣдовавшіе за временемъ апостоловъ. Этимъ же слѣдуетъ объяснить и проповѣдническую дѣятельность сирскаго „пророка“—пр. Ефрема Сирина, хотя онъ былъ лишь діаконъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ въ объясненіе весьма древняго у насъ въ Россіи обычая дозволять, съ благословенія мѣстнаго епископа, лицамъ, и не обѣченнымъ саномъ священства—мірянамъ, получившимъ однакоже основательное богословское образованіе и посвященнымъ въ стихарь, назиданіе вѣрующихъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія, проповѣдываніе Слова Божія въ храмѣ за богослуженіемъ. У насъ этотъ обычай ведетъ свое начало изъ Кіева, который въ своей церковной жизни представляетъ издавна много отличительнаго, что заимствовано отчасти изъ церковной жизни средневѣковой Византіи, отчасти стало существовать съ 15 вѣка благодаря близости католичества, а съ 16 вѣка—протестантства и борьбѣ съ ними. Въ свою очередь Кіевъ вліялъ на Великороссію не только въ области научно-богословскаго образованія, но и въ богослужебной практикѣ („Треб.“ Петра Могилы) и вѣроученія символическаго („Православное исповѣданіе вѣры“ того же іерарха). Есть обстоятельства и въ исторіи древней церкви, которыя до нѣкоторой степени оправдываютъ или объясняютъ возникновеніе этого обычая въ сферѣ духовной школы. Какъ извѣстно, въ древнихъ языческихъ ораторскихъ школахъ существовалъ обычай (хорошо извѣстный изъ біографіи свв. Василия Ве-

ликаго и Григорія Богослова), по которому учителя ораторства сами составляли образцы рѣчей и произносили ихъ въ собраніи, а затѣмъ и учениковъ заставляли состязаться въ полномъ собраніи всего ученаго и учебнаго состава своей школы; въ составленіи и произношеніи рѣчей. Таковы сохранившіяся отчасти до нашего времени *μελέται* и *προϋπομασμάτων παραδείγματα* знаменитыхъ риторовъ-Ливанія, Проэресія и другихъ. Когда у христіанъ завелись свои школы по образцу языческихъ, въ нихъ обучались и ораторству, составленію и произношенію рѣчей съ христіанскимъ уже содержаніемъ, по съ соблюденіемъ лучшихъ правилъ ораторства касательно ихъ внѣшней формы и произношенія. Несомнѣнно, что при этомъ упражнялись не только въ составленіи, но и въ произношеніи рѣчей, и произносились эти своего рода *μελέται* и *παραδείγματα*—опыты сочиненныхъ проповѣдей перѣдко въ общихъ собраніяхъ школы. Между проповѣдями одного изъ знаменитѣйшихъ христіанскихъ ораторовъ 4-го вѣка—Астерія, еп. Амасійскаго, имѣется „слово объ образѣ св. Евѣиміи“. Достаточно самого поверхностнаго взгляда на это „слово“, чтобы убѣдиться въ томъ, что это произведеніе Астерія очевиднымъ образомъ разнится отъ проповѣдей его. Это, именно, одна изъ христіанскихъ *μελέται* или *προϋπομασμάτων παραδείγματα*, несомнѣнно, произнесенная, но не въ храмѣ, а въ школѣ, — въ собраніи учащихся и учащихся въ ней ¹⁾. Позже, когда стали учреждаться школы нарочито духовныя при церквяхъ и монастыряхъ, и стали

¹⁾ Составитель рѣчи, обращаясь къ слушателямъ, называетъ ихъ *ἀνδρες* — *мужья*; значить, женскій полъ отсутствовалъ при произнесеніи этой рѣчи. Ясно отсюда (помимо прочихъ данныхъ, содержащихся въ рѣчи), что она произнесена не въ храмѣ, а въ школѣ, какъ пробная рѣчь будущаго пресвитера и епископа. Тогда не было при училищѣ своего храма; но въ виду апост. 58-го правила едвали-бы эта рѣчь еще ученика-мірянина была произнесена въ немъ, если бы и существовалъ онъ при школѣ.

при нихъ устраиваться свои храмы, легко было придти къ мысли перенести эти упражненія изъ классовъ и училищныхъ залъ въ домашніе училищные храмы, чтобы упражнять воспитанниковъ-богослововъ въ навѣкъ къ церковной кафедрѣ, будущему ихъ достоянію.

Нѣсколько замѣчаній бывшаго присяжнымъ заседателемъ въ окружномъ судѣ.

Намъ пришлось въ теченіе шести дней лицомъ къ лицу стоять съ разнохарактерными преступниками и преступленіями и при томъ съ преступниками изъ крестьянской среды, съ преступленіями, наиболѣе характерными какъ для личности преступниковъ, такъ и для ихъ среды. Мы не были свидѣтелями громкихъ дѣлъ, гдѣ обыкновенно выступаетъ или закоренѣло грубая воля извѣрившагося во всемъ опытного преступника, или такое стеченіе обстоятельствъ, противъ которыхъ злая воля оказывается безсильною, гдѣ дѣйствуютъ и верховодить страсти человѣческія, не сдерживаемыя ни умомъ, ни религіознымъ чувствомъ. Предъ нами прошелъ рядъ мелкихъ злодѣяній человѣческихъ, но тѣхъ именно, которыя, хотя и не взволнуютъ міра, всегда могутъ служить нагляднымъ мѣриломъ нравственности извѣстной части общества. На побужденія и обстановку такихъ преступленій необходимо обратить самое серьезное вниманіе. Цѣлый рядъ преступленій совершается, по преимуществу воровство и мелкій грабежъ, юношами, только-что оторванными отъ крестьянской среды, отъ села. Они явились въ городъ сначала на частные заработки, а потомъ, подъ вліяніемъ подонковъ городскихъ жителей, постепенно снисходятъ въ разрядъ „босяковъ“, пока, наконецъ, не превращаются въ мелкихъ воришекъ, для которыхъ тюрьма не только не страшна, но является какъ бы пріютомъ, теплымъ мѣ-

стечкомъ, гдѣ можно отогрѣться, отдохнуть. Такъ постепенно шагъ за шагомъ портится душа человѣческая, такъ незаметно человѣкъ доходитъ до полнѣйшаго безразличія въ отношеніи того, что хорошо и что дурно. Этого рода преступники въ высшей степени типичны: ни страха предъ судомъ, ни колебаній въ наказаніяхъ, ни чѣмъ болѣе раскаяніи („знать не знаю“), ничего, что бы говорило о мученіяхъ совѣсти, ничего не видно на лицѣ преступника: оно спокойно, даже маловнимательно къ свидѣтелямъ, оно спокойно до того, что невольно уныніе овладѣваетъ при видѣ этого спокойствія у молодого, безусаго преступника, смѣло, иногда нагло и вызывающе созерцающаго судъ. А вѣдь было время, и оно еще не далеко, всего года два—три назадъ, когда этотъ молодой преступникъ, живя въ своей родной крестьянской средѣ, думалъ и чувствовалъ по-христіански, по-братски, по человѣчески, наконецъ! Вотъ какъ зло быстро овладѣваетъ человѣкомъ!

Не радостиѣ становилось на душѣ, когда предъ судомъ выступала молодежь крестьянская, ве воспитывавшаяся еще въ вертемахъ города. Не вѣрилось, глядя на этихъ крестьянъ-преступниковъ, что въ нихъ уже разрушено все дорогое и цѣнное для человѣка, для его жизни. Между тѣмъ, это такъ. Дѣйствительно,—это дѣти нашего простого православнаго народа, во дѣти уже своевольныя, дѣти не труда, а вольной, разгульной жизни, для которыхъ кабакъ, или, какъ обыкновенно на судѣ выражались, „мопонолія“—родимый вріють, темная ночь—другъ сердечный, кровь человѣческая—вода рѣчная, чужая собственность—зло, съ которымъ нужно всемѣрно бороться. И борятся, борятся, не жалѣя своего живота, вовлекая въ свое преступленіе невольныхъ преступниковъ, которые становятся такими только потому, что они не видятъ иного средства самозащиты и защиты своего имущества какъ-только въ видѣ самовольной расправы, доходящей до истязанія, даже до убійства заподозрѣнныхъ въ кражѣ, особливо въ конокрадствѣ. Послѣдній видъ пре-

ступлений въ селахъ разросся до необычайныхъ размѣровъ и нѣтъ пока силы, которая бы остановила это зло. Страшныя картины безчеловѣчія проходятъ предъ судомъ; являются искалеченные, какъ свидѣтели, на столѣ предъ судьями—колья и другія орудія битья и истязаній; жаль избитаго, но жаль и избившихъ... А сердце, а духъ, возмущенные всѣмъ этимъ, ищутъ настойчиво объясненій, причинъ всего совершившагося и, быть можетъ, въ ту же самую минуту гдѣ нибудь совершающагося. Свѣту, свѣту истиннаго въ эту тьму, разумнія законовъ Божіихъ и человѣческихъ побольше туда, гдѣ нѣтъ ихъ.

Есть еще разрядъ преступлений. Это—грубая насилія надъ дѣвушками и женщинами. Городъ—всего чаще арена этихъ преступлений, но и село теперь не чуждо этого. Здѣсь звѣрство, низость человѣческой разнузданной природы доходитъ до крайнихъ предѣловъ. И всего печальнѣе то, что большая часть этого рода преступлений, особенно молодыми, совершается подъ вліяніемъ исключительно разнузданности, отсутствія представленій о важности преступленія, о томъ злѣ, которое причиняется другому лицу.

Обращаясь къ обстановкѣ совершаемыхъ преступлений, мы не могли не поразиться крайнею несложностію ея. Съ перваго и почти до послѣдняго дѣла слышалось одно только: пьянъ былъ, не помню ничего; пьянъ былъ, если не преступникъ, то потерпѣвшій. Воровалось и грабилось. Но что достигалось этими преступленіями? Похищеніе 5, 6, 10 рублей, и въ рѣдкихъ случаяхъ послѣдняя сумма достигала до сотенъ рублей. Водка, очевидно, неизбѣжный спутникъ преступлений. Правительство, вводя винную монополію, имѣло въ виду, между прочимъ, и борьбу съ пьянствомъ. Для этого оно приглашаетъ всѣхъ, ревнующихъ о народномъ здоровіи и народномъ просвѣщеніи, подъ руководствомъ и при непремѣнномъ участіи опредѣленныхъ должностныхъ лицъ, принять дѣятельное участіе въ обществахъ трезвости. Насколько извѣстно, эти общества пока слабо дѣйствуютъ въ селахъ,

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года. май 24-го.

Содержаніе: Объ охраненіи церковнаго устава въ богослуженіи.—Время произне-
сенія за литургіей проповѣди.—Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе шун-
дистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ (продолженіе).—О почитаніи Божіей
Матери.—Замѣтка.

Объ охраненіи церковнаго устава въ богослуженіи.

Въ рескриптѣ на имя Высокопреосвященнаго Влади-
мира, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, Государь
Императоръ выразилъ надежду, что новый Митрополитъ
„проявитъ полноту святительскихъ дарованій—въ непрестан-
ныхъ заботахъ“ (между прочимъ) „объ охраненіи церковнаго
устава и благолѣпія въ богослуженіи“ и приложить „особен-
ное стараніе къ благоустроенію церковныхъ школъ“. Въ ли-
цѣ Московскаго Владыки внемлетъ этому и все пастырство
Русской Церкви. Благочестивѣйшій Государь желаетъ, чтобы
въ богослуженіи былъ соблюдаемъ церковный уставъ.

Церковь и общественное богослужение суть два предмета, которыхъ нельзя раздѣлять и разъединять ни въ словѣ, ни въ мысли, ни въ дѣйствительности. Куда идетъ православный христіанинъ? въ церковь, въ храмъ, къ божественной службѣ. Къ какому обществу принадлежитъ онъ со времени крещенія? къ Церкви, къ обществу вѣрующихъ, которое есть Тѣло Христово. Это не случайное совпаденіе, что церковью именуется и храмъ, и богоучрежденное общество христіанъ, потому что именно въ храмѣ христіане являются обществомъ и во время богослуженія, которое здѣсь совершается, становятся едино во Христѣ и со Христомъ. Кто не вѣруетъ во святую соборную и апостольскую Церковь, тотъ и въ храмъ не ходитъ; онъ говоритъ: къ чему мнѣ ходить въ церковь, Богъ вездѣ, я и дома могу помолиться. Очевидно, что Церковь не мыслима безъ церковнаго богослуженія такъ же точно, какъ и отрицаніе Церкви не мыслимо безъ отрицанія этого богослуженія. На помощь отрицателямъ измышлены такіа лжетолкованія, какъ то, что каждый вѣрующій есть и храмъ, и церковь, есть и священникъ своего сердца, приносящій Богу свои жертвы, свое духовное служеніе, а посему не имѣющій нужды для участія въ богослуженіи посѣщать рукотворенные храмы. Ясно, что эти кривотолки, направляясь противъ ученія о св. храмахъ и православномъ богослуженіи, въ то же время направляются и противъ ученія о единствѣ вѣрующихъ въ составѣ единаго Тѣла между собою и съ единымъ Главою Христомъ. Послѣ этого естественно ожидать, что въ православномъ богослуженіи должно отражаться наше общеніе со Христомъ, наше единеніе со всѣмъ сонмомъ святыхъ, этихъ прославленныхъ представителей св. Церкви, этихъ членовъ Тѣла Его, явившихъ въ себѣ жизнь Его. Таково и на самомъ дѣлѣ православное богослуженіе по требованіямъ церковнаго устава.) Въ годичномъ кругѣ праздниковъ воспроизводится предъ нами вся земная жизнь воплощеннаго Сына Божія, и въ каждый изъ этихъ праздниковъ св. Церковь и отверстыи храмъ зовутъ насъ къ богослуженію, чтобы насладиться созерцаніемъ спасительныхъ

дѣлъ Христовыхъ. Въ особенныхъ пѣснопѣніяхъ и чтеніяхъ, положенныхъ на праздники, представляется нашимъ умственнымъ взорамъ Совершитель нашего спасенія и Жизнодавецъ Господь то рождающимся въ Вифлеемѣ, то извѣстваемымъ на Иорданѣ, то срѣтаемымъ въ храмѣ, то сѣдящимъ на жребіи, то страждущимъ, погребеннымъ и воскресимъ, то возносящимся на небо и т. д. И каждый разъ призываются вѣрные услышать „сказаніе настоящей тайны“, возрадоваться и подивиться чудесамъ любви Божіей, возвеличить Христа, просвѣтиться свѣтомъ явленія и торжества Его,—словомъ, они призываются участвовать въ жизни Христовой желаніемъ, сердцемъ и умомъ, какъ прилично членамъ участвовать въ жизни Главы.

Въ праздникахъ, посвященныхъ Богородицѣ, достигшей наибольшаго прославленія и почитаемой за путеводную звѣзду всѣмъ человѣчествомъ, идущимъ во срѣтеніе Солнцу правды—Христу (*радуйся, звѣздо, являющая Солнце, слова акаѳиста*), воспроизводятся предъ нами рождество Ея, какъ начало спасительныхъ событій, введеніе Ея въ храмъ, Ея воспитаніе въ одушевленный Божій кивотъ, благовѣщеніе и вмѣстѣ зачатіе Ею Сына Божія отъ Духа Свята, и наконецъ нетлѣнное успеніе, неразрывно соединенное съ блаженнымъ рожденіемъ въ небесную славную жизнь. Св. отцы, установившіе празднованіе этихъ событій, проявили въ себѣ поистинѣ богосвѣщенный умъ. Не тяготѣетъ ли жизнь всякаго христіанина къ четыремъ подобнымъ моментамъ: къ рожденію, дѣлу милости Божіей,—воспитанію, совершающемуся подъ охраною и воздѣйствіемъ благодати,—соединенію съ Христомъ, источникомъ жизни и безсмертія,—и христіанской кончинѣ, этому началу новой небесной жизни. Участвовать радостнымъ сердцемъ въ указанныхъ событіяхъ, благоговѣнно созерцать каждое изъ нихъ, какъ часть славнаго пути, пройденнаго Богородицею въ мірѣ—не значитъ ли нести въ рукахъ драгоценный свѣточъ, освѣщающій предъ нами путь нашей собственной жизни? Въ этомъ и заключается основное

значеніе молитвословій, пѣснопѣній и чтеній, составляющихъ особенность каждаго изъ означенныхъ богородичныхъ праздниковъ.

Не будемъ говорить о праздникахъ, посвященныхъ святымъ угодникамъ Божиимъ. И въ нихъ таже главная мысль, а въ особенностяхъ праздничнаго богослуженія таже главная цѣль—призвать и привести христіанъ къ духовному участию въ подвигѣ и торжествѣ Христовыхъ свидѣтелей. Утвердить вѣрующихъ въ жизненномъ единствѣ съ Христомъ и съ Церковію Его—вотъ къ чему направляется православное богослуженіе путемъ многоразличныхъ сочетаній повседнежнаго и праздничнаго, общаго и частнаго, сочетаній, составляющихъ въ своей совокупности *церковный уставъ*.

Изъ сказаннаго будетъ ясно, почему при несоблюденіи устава цѣль богослуженія не достигается, христіане не переживаютъ сердцемъ и умомъ спасительныхъ событій жизни Христовой въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и не приобщаются своими стремленіями къ высокимъ проявленіямъ христіанства въ жизни святыхъ. Иногда дѣло можетъ идти такъ, что, при недостаточной ревности о соблюденіи устава, повседневныя молитвословія и пѣснопѣнія совершенно почти заслоняютъ молитвословія и пѣснопѣнія, усвоенныя отдѣльнымъ священнымъ временамъ и отдѣльнымъ праздникамъ; общимъ поглощается частное. Не говоримъ о тѣхъ церквахъ, гдѣ многое можно извинить крайней малочисленностію клира (священникъ и псаломщикъ) или старческой немощію священно и церковно-служителей. Возьмемъ церковь, въ которой существуетъ даже хорошій хоръ. Отправляется всеночное богослуженіе на одинъ изъ великихъ праздниковъ, зажигаются паникадила, надѣваются лучшія ризы, пѣвчіе не безъ усердія готовятся къ своему дѣлу. Но если разсмотрѣть особенности богослуженія, отмѣчающія этотъ день отъ другихъ, то онѣ окажутся весьма слабыми и недостаточно замѣтными. Двѣ стихиры (одна на *Господи, воззвахъ*, другая на литіи), тропарь, величаніе и ирмосы канона—вотъ и всѣ

пѣснопѣнія, въ которыхъ—при недостаточно подготовленномъ и потому неотчетливомъ исполненіи—съ трудомъ только можно слышать о празднуемомъ событіи. Всѣ прочія стихиры, кондакъ, сѣдальны, антифоны, тропари канона, въ томъ числѣ иногда лучшія созданія церковныхъ пѣснотворцевъ опускаются. При этомъ исполнители церковныхъ пѣснопѣній не могутъ быть обвинены въ недостаткѣ усердія, только оно у нихъ направляется какъ-то въ сторону отъ устава. Разучено новое *Блаженъ мужъ*, новое *Свѣте тихій*, исполнено очень замысловатое *Нынѣ отпушаши* и довольно растяннутое *Хвалите*, наконецъ, великое славословіе пропѣто съ нѣкоторыми изобрѣтеніями регента въ области музыкальных вычурностей; богослуженіе протянулось такимъ образомъ довольно долго. Но стараніе и время потрачены, какъ очевидно, на украшеніе общихъ частей богослуженія, все частное, усвоенное нарочитому дню, какъ бы затушено.

Такъ постепенно въ большей или меньшей мѣрѣ вводится нежелательное безразличіе: праздники Срѣтенія Господня и Пятидесятницы, Преображенія и Рождества Богородицы мало чѣмъ отличаются одинъ отъ другаго по церковному богослуженію, или взаимное отличіе ихъ оказывается далеко не такимъ, какого требуетъ церковный уставъ и разнородность воспоминаемыхъ событій. Распространеніе искусственного хороваго пѣнія, къ сожалѣнію, способствуетъ этому. Хору невыгоднымъ кажется подготавливаться на спѣвкахъ въ исполненію пѣснопѣній, употребляемыхъ однажды въ году и гораздо выгоднѣе обогатить свой репертуаръ лишнимъ номеромъ Херувимской или новымъ концертомъ, который можно пѣть во всякое время. Посему хоръ и сокращаетъ до послѣдней степеніи число пѣснопѣній, составляющихъ особенность извѣстнаго праздника. Но развитіе и усиленіе особенностей есть проявленіе силы и жизни, тогда какъ, напротивъ, безразличіе есть начало мертвенное и проявляетъ оскудѣніе жизни. Въ мертвомъ тѣлѣ всѣ части стремятся раствориться въ общей безразличной массѣ. Въ вопросахъ ре-

лигіозныхъ начало безразличія является какъ мертвенное равнодушіе („все равно, говорятъ, что полякъ, что русскій, что магометанинъ, что христіанинъ“). Въ христіанской жизни безразличіе торжествуетъ въ отрицаніи поста, когда цѣлый годъ является какъ бы одной сплошной недѣлей и Великая суббота не отличается отъ Свѣтлаго дня. Не дай Богъ, чтобы церковное богослуженіе шло этимъ путемъ. Дай Богъ, чтобы вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ церковнаго пѣнія и чтенія насъ не покидала старинная ревность о соблюденіи церковнаго устава, когда не выполнить чего либо, усвоеннаго тому или другому празднику, считалось у священно и церковнослужителей немалымъ грѣхомъ и оскорбленіемъ праздника. И Благочестивѣйшій Государь нашъ совершенно вѣрно усмотрѣлъ тѣсную связь между „христіанскимъ просвѣщеніемъ пасомыхъ“, „утвержденіемъ въ нихъ преданности къ святой вѣрѣ“ и „охраненіемъ церковнаго устава—въ богослуженіи“.

С. Кохомскій.

Время произнесенія за литургіей проповѣди.

(Историческая справка).

Указомъ Святѣйшаго Синода въ 1881 году (отъ 26-го марта—5 апрѣля) въ недѣлю о Слѣпомъ былъ разрѣшенъ повсемѣстный по церквамъ сборъ пожертвованій въ пользу попечительства для призрѣнія слѣпыхъ и предложено священникамъ произносить поученіе, въ которомъ бы по разъясненіи смысла прочитаннаго въ то воскресенье Евангелія пасомые ознакомлены были съ дѣятельностію того попечительства для призрѣнія слѣпыхъ. Затѣмъ указомъ Св. Синода (отъ 29 янв.—4 март., № 210) 1882 г. предложено было священникамъ произносить это поученіе не въ концѣ литургіи, въ какое время у насъ обычно произносятся проповѣди, а непосредственно по прочтеніи Евангелія.

Произносить поученія вслѣдъ за чтеніемъ Священнаго Писанія—Апостола и Евангелія обыкновеніе весьма древнее. Въ синагогахъ іудейскихъ послѣ чтенія отдѣла изъ закона и пророковъ обыкновенно предлагаемо было по поводу прочитаннаго поученіе (мидрашъ), въ которомъ вмѣстѣ съ объясненіемъ чтенія дѣлаемо было приспособительно къ содержанію чтенія то или другое наставленіе. Христосъ Спаситель слѣдовалъ этому обычаю: въ синагогѣ назаретской, прочитавъ положенное въ ту субботу для чтенія изъ прор. Исаи мѣсто (61, 1, 2), Онъ предложилъ соотвѣтствующее духовному состоянію своихъ слушателей наставленіе (Лук. 4, 16—29); равнымъ образомъ и апостолы не уклонялись отъ сего обычая (Дѣян. 2, 14—41; 3, 19—26; 13, 15...). Этотъ обычай, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими перешедшій изъ Вѣтхаго Завѣта въ христіанскую Церковь, повсемѣстно до 4-го вѣка соблюдался въ Церкви христіанской. Въ дошедшихъ до насъ древнихъ литургіяхъ проповѣдь непосредственно слѣдуетъ за чтеніемъ ветхозавѣтныхъ писаній, Апостола и Евангелія ¹⁾. Слѣдуя за чтеніемъ изъ Апостола и Евангелія, она естественно связывалась съ содержаніемъ прочитаннаго изъ нихъ отдѣленія. Приуроченіе проповѣди, именно, ко времени чтенія Апостола и Евангелія сообразно было и съ цѣлю, которую имѣли въ виду пастыри Церкви при произнесеніи ея, и съ самымъ состояніемъ и потребностями слушателей. По тогдашнему духовно-нравственному состоянію христіанъ нельзя было предполагать, чтобы это, столь мудро назначенное пастырями Церкви для сказыванія поученій, время послужило поводомъ для многихъ христіанъ послѣдующаго времени къ злоупотребленію какъ самою проповѣдію, такъ и вообще богослуженіемъ. Но что немыслимо было для христіанъ Церкви первенствующей—гонимой, то, въ сожалѣнію, вошло въ обычай тогда, когда Церковь стала благоден-

¹⁾ См. Собран. древн. литург. ч. 1. Литург. Іакова стр. 156; литург. въ постановлен. апост. кн. 2, гл. 57; кн. 8, гл. 5 и 6.

ствовать. Духъ христіанскаго благочестія и ревности примѣтно сталъ ослабѣвать въ ней. Это происходило оттого, что многіе изъ язычниковъ стали принимать христіанскую вѣру не по убѣжденію въ ея истинности и превосходствѣ, а по разсчетамъ житейскимъ и, сдѣлавшись по имени христіанами, въ сущности оставались тѣми же язычниками, съ языческими обычаями, привычками, предразсудками и суевѣріями. „Тотъ же у насъ Христосъ, говоритъ св. Амвросій Медиоланскій, и таже вѣра; но не тотъ же духъ“ ¹⁾. И вселенскій учитель Златоустый—въ свое время часто жаловался на то, что многіе христіане оставляютъ храмъ и вмѣсто его отправляются на зрѣлища ²⁾. При такой холодности въ вѣрѣ многіе христіане, увлекаемые могущественнымъ словомъ Златоустаго и другихъ знаменитыхъ пастырей—витій, приходили въ храмъ не для молитвы и назиданія въ вѣрѣ и благочестіи, а, напротивъ, для удовлетворенія своему суетному любопытству, т. е., для того, чтобы послушать, о чемъ и какъ будетъ говорить проповѣдникъ, и имѣли въ виду получить отъ проповѣди удовольствіе, очень похожее на тѣ удовольствія, какія получали они на зрѣлищахъ. Сообразно съ такою цѣлію подобные христіане оставались при богослуженіи лишь до окончанія проповѣди, которая, какъ мы видѣли, произносима была по прочтеніи Евангелія, послѣ чего выходили изъ храма, извиняя себя сею неизвинительною отговоркою, что „молиться можно и дома, а слушать проповѣдь можно лишь въ церкви“. Разумѣется, Церковь не могла оставить безъ вниманія подобнаго безчинія совратившихся съ прямого пути благочестія, заблудшихъ чадъ своихъ. И такъ какъ христіане уже стали утрачивать ту сыновнюю покорность, съ которою они первоначально повиновались руководству своихъ пастырей, то Церковь въ семъ случаѣ поступила точно такъ же, какъ поступаетъ разумная мать съ

1) Въ словѣ „О любви къ вѣщимъ“.

2) Въ словѣ „Противъ зрѣлищъ“.

своевольнымъ чадомъ, когда оно, не взирая на всѣ вразумленія и увѣщанія, стремится къ вѣрной гибели. Въмѣсто увѣщаній и обличеній, которыя очень часто были предлагаемы и которыя оставались безъ надлежащаго дѣйствія, она употребляетъ мѣру болѣе дѣйствительную, именно: относить сказываніе поученій къ концу литургіи, и чрезъ то самое заставляетъ присутствовать при совершеніи ея и тѣхъ, которые не были намѣрены оставаться до конца ея, а только хотѣли выслушать поученіе проповѣдника.

Впрочемъ, измѣненіе во времени сказыванія проповѣдей за литургією, котораго хотя и настоятельно требовало религіозно-нравственное состояніе времени Златоуста, нельзя, однакоже, было сдѣлать въ Церкви до извѣстной иоры. Особый разрядъ вступающихъ въ Церковь, извѣстный подъ именемъ „оглашенныхъ“, имѣлъ право участвовать въ начальныхъ молитвахъ за литургією и слушать Слово Божіе и поученія, произносимыя непосредственно за прочтеніемъ Евангелія,—почему эта часть литургіи и названа „литургією оглашенныхъ“, но никто изъ оглашенныхъ не могъ присутствовать въ церкви за литургією вѣрныхъ: Церковь допускала къ участию въ таинствахъ только тѣхъ, которые получили крещеніе ¹⁾. Съ другой стороны, такъ какъ проповѣдь въ христіанской Церкви, по заповѣди Господней (Матѣ. 28, 19, 20), по примѣру апостоловъ и постановленіямъ соборовъ ²⁾, долженствовала быть всеобщее не только для христіанъ и для желающихъ вступить въ общество вѣрующихъ, каковы были оглашенные, но и для невѣрующихъ: то литургія оглашенныхъ, за которою могли присутствовать и оглашенные, и всѣ желающіе изъ невѣрныхъ, и признана была въ древней Церкви за самое удобное и приличное время для сказыванія проповѣдей. Итакъ, если бы сказываніе поученій было отнесено къ концу литургіи въ то время, когда іудеи

¹⁾ Постановлен. Апостольск. кн. 8, гл. 7—8.

²⁾ Карфагенск. соб. прав. 84.

и язычники во множествѣ вступали въ Церковь и до принятія крещенія находились въ чинѣ оглашенныхъ, то, не имѣя права оставаться до конца литургіи въ храмѣ, они лишены были бы наставленій пастырскихъ въ ученіи христіанскомъ, проповѣдуемомъ за литургією,—тогда какъ они-то особенно и нуждались въ этомъ. Но это было бы не согласно не только съ духовными потребностями готовящихся къ крещенію, а и съ самою заповѣдію Спасителя, повелѣвшаго наставлять крещаемыхъ прежде крещенія ихъ (Матѣ. 28, 19—20). Церковь не только заботилась въ точности исполнять эту заповѣдь, но и на самомъ важномъ изъ своихъ богослуженій установила особыя моленія о томъ, чтобы Господь просвѣтилъ оглашенныхъ словомъ истины, открылъ имъ евангеліе правды и даровалъ имъ совершеніе вѣры ¹⁾. Когда же христіанство побѣдило міръ іудейскій и языческій, и невѣрные уже не стали переходить цѣлыми массами въ церковь христіанскую, то самъ собою постепенно началъ сокращаться разрядъ оглашенныхъ, а затѣмъ и вовсе прекратился. Послѣ сего не было уже препятствій отнести сказываніе поученій къ концу литургіи ²⁾: всѣ вѣрующіе имѣли право присутствовать за литургією до самаго конца ея. Пастыри Церкви, давно уже замѣчавшіе потребность въ измѣненіи времени сказывавія поученій за литургією, но удерживаемые отъ сей перемѣны тѣмъ, что готовящіеся къ принятію крещенія не могли оставаться за литургією до окончанія ея, но упраздненіи въ Церкви разряда оглашенныхъ, не имѣли уже болѣе препятствія отнести сказываніе поученій къ концу литургіи. Напротивъ, какъ въ богослужебномъ отношеніи имѣли осно-

¹⁾ Ектенія объ оглашенныхъ на литургіяхъ св. Златоуста и преждеосвященныхъ Даровъ. Въ постановленіяхъ Апостольскихъ читаемъ самую ектенію объ оглашенныхъ и молитву епископа о нихъ. Кн. 8, гл. 6—8.

²⁾ Впрочемъ, обычай произносить поученія непосредственно по прочтеніи Евангелія по мѣстамъ держался до 9-го вѣка. См. Филар., архіеп. Черниг. Истор. обзор. пѣсноп. греческ. церкви стр. 145.

ваніе къ сему измѣненію, такъ и въ видахъ религіозно-нравственной пользы для вѣрующихъ они находили особыя для сего побужденія. Въ богослужебномъ порядкѣ литургіи проповѣдь, произносимая послѣ чтенія Евангелія, знаменательно указывала на то время, когда Христосъ Спаситель во время земной Своей жизни посылалъ апостоловъ благовѣствовать Евангеліе; произносимая же при концѣ литургіи, проповѣдь наглядно изображаетъ, какъ ученики, по вознесеніи Господнемъ на небо и по сошествіи Св. Духа ¹⁾, *изшедше проповѣдаша всюду, Господу поспѣшствующу* (Марк. 16, 20). Что же касается религіозно-нравственныхъ причинъ, побуждавшихъ къ сему измѣненію, то его нужно было сдѣлать не для того только, чтобы удержать до конца литургіи христіанъ, приходившихъ къ литургіи единственно для выслушанія поученія, произносимаго непосредственно послѣ чтенія Евангелія, и затѣмъ уходившихъ изъ храма, но и для всѣхъ присутствующихъ за литургіей, въ тѣхъ видахъ, что поученіе, сказанное при концѣ литургіи, могло болѣе принести имъ духовной пользы, чѣмъ то, которое произносилось непосредственно послѣ чтенія Евангелія. Сказанное по прочтеніи Евангелія, поученіе не можетъ глубоко укорениться въ памяти,—послѣ выслушанія его христіанину, присутствующему за литургією, надлежитъ участвовать въ главнѣйшей части сего богослуженія—въ литургіи вѣрныхъ, которая требуетъ особеннаго его вниманія, благоговѣйнаго созерцанія и молитвъ усерднѣйшихъ. Но извѣстно, что впечатлѣніями новыми и чувствованіями сильными или совсѣмъ уничтожаются прежнія впечатлѣнія, или по крайней мѣрѣ ослабляются ими. Послѣ сего понятно, если и самый внимательный слушатель

) Вознесеніе Господне воспоминается за литургією, когда священникъ, троекратно окажда св. Дары, говоритъ: „вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя“. Здѣсь же, послѣ послѣдняго явленія народу Св. Даровъ, воспоминается и сошествіе Св. Духа на апостоловъ.

не въ состояніи будетъ удержать твердо въ своей памяти поученія, произнесеннаго по прочтеніи Евангелія, и оно во многомъ для него, при концѣ богослуженія, потеряетъ свою силу. Напротивъ того, поученіе, сказанное при концѣ литургіи, всегда долѣе можетъ оставаться въ умѣ и сердцѣ слушателя, потому что богослуженіе вскорѣ по произнесеніи проповѣди прекращается, и такимъ образомъ слово служить при выходѣ изъ храма какъ бы напутствіемъ ему на предстоящій путь жизни.

Итакъ, по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, для сказыванія проповѣдей за литургіею Церковію назначаемы были различныя времена, сообразно съ имѣвшимися въ виду цѣлями.

Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ ¹⁾).

Гл. 8, ст. 1—2. „Мы имѣемъ такого Первосвященника, Который—есть священнодѣйствователь святилища и скиніи истинной, которую воздвигъ Господь, а не человѣкъ“. Господь Іисусъ Христосъ, будучи совершеннѣйшимъ Первосвященникомъ (ради Котораго престало первосвященничество ветхозавѣтное), является служителемъ и совершеннѣйшаго святилища, истинной скиніи, которая воздвигнута Богомъ, а не людьми. Не излишни ли послѣ этого храмы, строяемые людьми? Не являются ли они ложными въ сравненіи съ истинной скиніей? Но слово „истинной“ по приложенію къ скиніи противопоставляется въ словахъ апостола не чему либо ложному или лживому, а прообразовательному или подражательному. Небесный храмъ, небесный чертогъ Божества есть истинный потому, что онъ есть образецъ, по ко-

¹⁾ См. № 20-й за 1898 годъ.

тому построена была ветхозавѣтная скинія; Моисею, когда онъ приступалъ къ совершенію скиніи, сказано: „смотри, сдѣлай все по образу, показанному тебѣ на горѣ“ (ст. 5). Скинія, построенная имъ, не была истинной потому, что она была подражаніемъ видѣнному имъ на горѣ небесному храму. Однако и подражаніе, хотя и бываетъ само по себѣ не совершенно, однако не воспрещается, но, какъ мы видимъ, повелѣвается. Такимъ же подражаніемъ небесному храму Божію являются и наши христіанскіе храмы (*въ храмъ стояще, читается у насъ, на небеси стоятъ мнимы*).

Ст. 4. „Если бы Онъ (Христосъ) оставался на землѣ, то не былъ бы и священникомъ“. Этими словами апостолъ хочетъ высказать не то, что вообще для людей, пребывающихъ на землѣ, невозможно быть священниками (тогда бы здѣсь отрицалось всякое человѣческое священство), но то, что именно Христосъ, происходившій изъ колѣна Іудина, а не Левіина, не могъ на землѣ среди іудейскаго народа быть первосвященникомъ, что Онъ открылъ Свое первосвященничество только тогда, когда восшелъ на небеса и тамъ, въ небесномъ чертогѣ Божіемъ, предсталъ Отцу, чтобы всегда ходатайствовать за насъ.

Ст. 7—13. „Если бы первый заветъ былъ безъ недостатка, то не было бы нужды искать мѣста другому. Но пророкъ, укоряя ихъ, говоритъ: вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, когда Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый заветъ—вложу законы Мои въ мысли ихъ, и напишу ихъ на сердцахъ ихъ; и буду ихъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ. И не будетъ учить каждый ближняго своего, и каждый брата своего, говоря: познай Господа, потому что всѣ, отъ малаго до большаго, будутъ знать Меня“. На эти слова обыкновенно указываютъ шпундисты и другіе подобные имъ сектанты въ доказательство своего ложнаго ученія о томъ, будто нынѣ не должно быть пастырей и учителей, будто въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ истинные христіане обладаютъ достаточнымъ позна-

ніемъ о Богѣ и не нуждаются въ томъ, чтобы ихъ кто ни-
будь училъ. Посмотримъ, какъ должно понимать слова про-
рока, и какое заключеніе выводитъ изъ нихъ апостоль Па-
велъ. Пророкъ Іеремія созерцаетъ въ этомъ мѣстѣ времена
Новаго Завѣта изъ отдаленности временъ ветхозавѣтныхъ.
При этомъ то, что будетъ совершаться (и совершается) въ
Новомъ Завѣтѣ постепенно, представляется ему совершив-
шимся вдругъ. Онъ говоритъ: *все познаютъ*, какъ будто всѣ
разомъ познаютъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ познание
происходитъ медленно. Начало познанию положено пропо-
вѣдію Сына Человѣческаго, Который, какъ сѣятель, посѣялъ
въ человѣчествѣ сѣмя Слова Божія, имѣющее въ различныхъ
душахъ различный восходъ (Матѣ. 13, 3—23). Продолжать
посѣвъ или насажденіе предоставлено потомъ апостоламъ и
ихъ преемникамъ. И вотъ въ теченіе многихъ вѣковъ дѣла-
ется это дѣло, *дондеже достигнемъ все въ соединеніе вѣры и*
познанія Сына Божія (Еф. 4, 13). Но пророкъ Іеремія со-
зерцалъ это дѣло не въ его постепенномъ осуществленіи, а
въ конечномъ послѣдствіи, а посему и сказалъ отъ лица
Божія: *все познаютъ Мя*.

Не одинъ пророкъ Іеремія созерцалъ будущее такъ, что
постепенность ускользала отъ его созерцанія. Самъ Гос-
подь Іисусъ Христосъ видѣлъ сатану, *яко молнію съ небесе*
спадша (Лук. 10, 18), т. е., лишившагося власти надъ міромъ
такъ быстро, какъ быстро молнія спадаетъ съ неба; а въ
дѣйствительности сатана лишается своей власти постепенно;
онъ еще дѣйствовалъ, когда просилъ, дабы *снять* апостоловъ,
яко пшеницу (22, 31), дѣйствовалъ, когда противился намѣ-
реніямъ ап. Павла (1 Сол. 2, 18). Пророкъ Исаія говорилъ:
исполнися вся земля вѣдѣнія Божія, и поставлялъ это въ
одновременную связь съ ишествіемъ жезла изъ корене Іес-
сеова (11, 1—10), т. е., съ рожденіемъ Христа, между тѣмъ
какъ не скоро еще послѣ сего вся земля исполнится вѣдѣ-
ніемъ о Богѣ, и только предъ вторымъ пришествіемъ Спа-
сителя Евангеліе проповѣдано будетъ во всемъ мірѣ (Матѣ.

24, 14). Пророки Ветхаго Завѣта, хотя созерцали будущее съ такою живостію, какъ настоящее, однако не знали временъ и сроковъ, въ которые должно осуществиться ихъ видѣніе. Посему ап. Петръ такъ выражается о пророкахъ: „къ сему спасенію относились изысканія и изслѣдованія пророковъ, которые предсказывали о назначенной вамъ благодати, изслѣдуя, на которое и на какое время указывалъ сущій въ нихъ Духъ Христовъ“ (1 Петр. 1, 10—11). Итакъ, не будемъ вопрошать у Іереміи, когда наступитъ то время, что *не научитъ кійждо ближняго своему*. Если мы хотимъ знать, когда это будетъ, то обратимся къ новозавѣтнымъ священнымъ писателямъ; они (силою Христовою) снимаютъ съ сердца нашего покрывало, которое лежитъ на немъ при чтеніи Ветхаго Завѣта (2 Кор. 3, 14—16). Отъ нихъ мы узнаемъ, что не настало еще время совершеннаго богопознанія. Апостолъ Павелъ говоритъ: *нынѣ разумью отчасти, тогда же познаю, якоже и позналъ быхъ* (1 Кор. 13, 12). Это будетъ тогда, когда *прійдетъ совершенное*, наступитъ совершенство (10; ср. Фил. 3, 12—14). Отъ того же апостола узнаемъ, что не настало время и для упраздненія учительства. Въ этомъ же посланіи къ Евреямъ онъ убѣждаетъ христіанъ повиноваться наставникамъ, которые обязаны будутъ дать о нихъ отчетъ (13, 17).

Отсюда слѣдуетъ, что апостолъ приводитъ означенное мѣсто изъ кн. пр. Іереміи совсѣмъ не съ тою цѣлію, чтобы отвергнуть учительство, а только съ тою, чтобы утвердить на немъ ученіе объ упраздненіи Ветхаго Завѣта и о замѣнѣ его Новымъ. „Говоря: новый“, разсуждаетъ апостолъ, (пророкъ) „показалъ ветхость перваго; а ветшающее и старѣющее близко къ уничтоженію“ (ст. 13). Въ чемъ пророкъ и апостолъ видятъ недостаточность Ветхаго и превосходство Новаго Завѣта? Недостаточность Ветхаго Завѣта, по разумѣнію пророка (31, 32), открылась въ томъ, что отцы израильскаго народа не сохранили вѣрности сему Завѣту. и за то были отвергнуты Богомъ; а эта невѣрность была слѣд-

ствиемъ того, что, тогда какъ Новый Заветъ начертывается Богомъ „въ мысляхъ и сердцахъ“, Ветхій былъ начертанъ на каменныхъ скрижаляхъ, и только самъ человекъ, усиленъ своей воли, долженъ былъ написать его на скрижаляхъ своего сердца (Притч. 3, 3). Но человѣческихъ усилий для этого мало, и вотъ почему Ветхій Заветъ былъ недостаточенъ, и почему въ Новомъ подается для этого Божественная помощь, благодать Св. Духа, возраждающая и утверждающая человека въ духовной жизни. Въ Новомъ Заветѣ Господь привлекаетъ къ себѣ людей силою Своей благодати (Иоанн. 6, 44), дѣлаетъ ихъ *новою тварію* (Гал. 6, 15), такъ что они научаются отъ Самого Бога (Исаи 54, 13) ходить въ заповѣдяхъ Его и пути Его сохранять (Иезек. 26, 27).

Сектанты скажутъ: изъ этого и видно, что уже не нужно учительство. Отвѣчаемъ: нѣтъ, не видно,—во всѣхъ этихъ мѣстахъ Писанія не утверждается того, что въ обновленномъ благодатию человекѣ совершенно изглаждается всякій слѣдъ грѣховнаго поврежденія. Напротивъ, ап. Павелъ научаетъ насъ, что вмѣстѣ съ закономъ Божиимъ, написаннымъ въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ, существуетъ тамъ и *иной законъ,—противу воюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ* (Рим. 7, 22—23). Часто мы любимъ читать въ сердцахъ нашихъ не законъ Христа, но законъ грѣха и плоти, или смѣшивать тотъ и другой, затемняя истину ложью. Вотъ почему нужнымъ остается для насъ и наученіе, и обличеніе, и настояніе пастырей. Пророкъ Іеремія, созерцая будущую побѣду закона духовнаго надъ закономъ грѣховнымъ, истины надъ ложью, говоритъ: *не научитъ кійждо ближняго своего; мы же, еще находясь въ бореніи, должны восклицать съ апостоломъ: „кто избавитъ насъ отъ сего тѣла смерти“* (Рим. 7, 24)! и въ церковномъ учительствѣ и назиданіи должны искать для борьбы съ грѣхомъ и заблужденіемъ вразумленія и укрѣпленія.

Г О Д Ъ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 22.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, мая 31-го.

Содержаніе: Благотворное вліяніе въ приходѣ образованной и христіан-
ски настроенной „матушки“.—Недѣля Всѣхъ Святыхъ и Петровъ
постѣ въ отношеніи къ празднику Пятидесятницы.—Сочиненія и
сказанія о будущей загробной жизни (продолженіе).

Благотворное вліяніе въ приходѣ образованной и христіански настроенной „матушки“.

Въ послѣднее время въ печати и обществѣ чаще и ча-
ще стали раздаваться голоса о просвѣтительной дѣятельно-
сти въ приходяхъ „матушекъ“ и ихъ образованныхъ доче-
рей. Такъ, напр., не столь давно извѣстнымъ церковнымъ
витіемъ Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ
Харьковскимъ, по случаю освященія новопостроеннаго храма
во имя св. великомуч. Варвары въ Харьковскомъ женскомъ
епархіальномъ училищѣ (21 сент. 1897 г.), была сказана
глубоко назидательная рѣчь не тему „о высшемъ назначеніи
образованной женщины въ средѣ православнаго духовен-

ства“ 1). Въ ней ораторъ-проповѣдникъ со свойственною ему широтою взгляда обрисовалъ выдающіяся свѣтлыя черты дѣятельности, ожидающей образованныхъ женщинъ въ средѣ православнаго духовенства. Въ виду особой важности и жизненности затронутого маститымъ архипастыремъ вопроса, воспроизведеннаго вкратцѣ и нѣкоторыми Епархіальными изданіями 2), мы считаемъ далеко не лишнимъ и не безполезнымъ для читателей и—особенно—читательницъ въ средѣ духовенства предложить посильное разсмотрѣніе даннаго вопроса на страницахъ пастырскаго органа. Въ настоящее время, когда сама жизнь предъявляетъ пастырямъ Церкви новыя и новыя требованія, ставитъ весьма разнообразныя и широкія задачи для ихъ дѣятельности, помощь имъ со стороны просвѣщенныхъ супруговъ является какъ нельзя болѣе желательною и умѣстною. Что супруга пастыря Церкви можетъ и даже до нѣкоторой степени обязана содѣйствовать мужу въ его религіозно-просвѣтительной дѣятельности, въ этомъ согласно убѣждаютъ насъ и примѣры изъ исторіи апостольской и древне-христіанской Церкви.

Такъ, изъ исторіи благовѣстія евангельскаго извѣстно, что вмѣстѣ съ учениками Господа въ благовѣстіи принимали участіе и нѣкоторыя благочестивыя жены и вдовицы. Ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ (Римл. гл. 16; 2 Тимоѳ. 4, 19, 1 Коринѳ. 16, 19) приводитъ намъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ-то: Прискиллы, подвизавшейся въ проповѣди Евангелія съ мужемъ Акилою, Маріями, Юніи, Юліи, Фивы, Трифены, Трифосы, Персиды и другихъ, о которыхъ упоминаетъ апостоль, какъ о своихъ сотрудницахъ. И во времена послѣ-апостольскія мы встрѣчаемъ не мало христіанскихъ

1) См. № 39 прибавленій къ Церковнымъ Вѣдом., изд. при Святѣйшемъ Синодѣ за 1897 годъ.

2) См., напр., Могилев. Епарх. Вѣдом. № 35 за 1897 г. На стр. 490 помѣщена въ ввдѣ извлеченія изъ рѣчи Высокопреосвящ. Амвросія статья подъ заглавіемъ: „что можетъ сдѣлать полезнаго образованная женщина духовнаго сословія въ приходѣ мужа или отца“?

женъ и, въ частности, женъ пресвитеровъ, которыя занимались наученіемъ мірянъ истинамъ вѣры и нравственности какъ словомъ, такъ и житіемъ. Кому не извѣстны жизнь благочестивыхъ женъ и матерей: Авеусы, матери св. Іоанна Златоустаго, о которой даже знаменитый языческій риторъ Ливаній невольно отзывался, какъ о замѣчательной женщинѣ („Ахъ, какія у христіанъ есть женщины!“—восклидалъ онъ, бесѣдуя объ Авеусѣ),—Макрины, бабки св. Василия Великаго,—Моники, матери блажен. Августина, и другихъ, посѣявшихъ впервые сѣмена вѣры и благочестія въ умахъ и сердцахъ какъ своихъ дѣтей (знаменитыхъ отцевъ и учителей 4 и 5 вв.), такъ и окружающихъ христіанъ. Въ житіяхъ этихъ и многихъ другихъ матерей и женъ пастырей не мало можно находить чертъ, свидѣтельствующихъ о ихъ христіански-просвѣщенномъ отношеніи къ ближнимъ ¹⁾).

Если, такимъ образомъ, апостолы, по свидѣтельству Слова Божія, не отвергали услугъ благочестивыхъ христіанокъ; если, далѣе, по свидѣтельству христіанской древности, и знаменитые отцы, и учителя Церкви пользовались ихъ содѣйствіемъ: то почему и нашимъ пастырямъ не имѣть помощи отъ своихъ женъ? Справедливость требуетъ сказать, что изстари у насъ на Руси лучшія жены пастырей такъ именно и смотрѣли на свое положеніе въ семьѣ и приходѣ. По мѣрѣ богодарованныхъ имъ способностей и полученнаго образованія, онѣ и старались быть полезными своимъ мужьямъ

¹⁾ Въ житіи, напр., св. Василия Вел. читаемъ сказаніе о чудной жизни св. пресвѣтера Анастасія и его супруги Теогвіи. Отвѣчая св. Василию о всѣхъ занятіяхъ, пресвитеръ Авастасій присовокупляетъ: „труждается же со мною и жена моя, *служащи страннымъ и мнѣ*“. (Четь-Миней св. Димитрія Ростов., янв. 1 день). Не менѣе славно изображается жизнь св. Грвгорія Нисскаго и супруги его Теозвы. „Поставлену бо бывшу мужу ея въ пресвитерство, говоритъ житіе, она въ чистотѣ и цѣломудріи свято жительствоваше, *служащи больнымъ, и пекущая о нищихъ*“ (Четь-Мин. янв. 10).

въ дѣлѣ пастырской дѣятельности послѣднихъ и—особенно—на обширномъ поприщѣ приходской благотворительности. На тѣсную связь жёнъ нашихъ пастырей съ жизнію прихода указываетъ отчасти и усвоенное имъ народомъ названіе „матушекъ“. Чѣмъ является мать для своихъ дѣтей, тѣмъ „матушка“, по возрѣнію народа, для своихъ прихожанъ: взирая на паству своего мужа, какъ на свою собственную обширную семью, она должна имѣть заботу и попеченіе о ней чисто материнскія. Всѣ выдающіяся событія приходской жизни, будутъ ли они печальнаго или радостнаго свойства, не въ меньшей степени должны быть близки сердцу „матушки“, чѣмъ и ея супругу—„батьшкѣ“. Въ силу тѣсной связи и взаимообщенія матушки съ жизнію прихожанъ для нея въ извѣстной степени являются нравственно обязательными и многія свѣтлыя черты дѣятельности ея въ кругу прихода. Въ чемъ же, спрашивается, можетъ и должна выражаться благотворная дѣятельность „матушки“ среди прихожанъ, чѣмъ, говоря иначе, можетъ она быть полезно своему супругу—пастырю въ его многотрудномъ служеніи на пользу пасомыхъ? Мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ сельскій приходъ, гдѣ вліяніе образованной и христіански-настроенной „матушки“ наиболѣе можетъ быть благотворно. (Продолженіе будетъ).

Недѣля Всѣхъ Святыхъ и Петровъ постъ въ отношеніи къ празднику Пятидесятницы.

Чѣмъ болѣе изучаешь ваше православное церковное богослуженіе, тѣмъ яснѣ видишь, какъ оно вѣрно соотвѣтствуетъ своимъ цѣлямъ—служить не только выраженіемъ чувствъ, одушевляющихъ вѣрующаго, но и воспитывать его, просвѣщать и назидать: оно просвѣщаетъ и назидаетъ не только своимъ содержаніемъ, но и своею послѣдовательно-

стію, порядкомъ въ кругѣ дневномъ, недѣльномъ и годовомъ. Преподавая вѣрующему въ теченіе годоваго круга почти всю совокупность спасительныхъ истинъ вѣроученія и правоученія, св. Церковь посредствомъ богослуженія наглядно, образно знакомить насъ со всею священою исторіею, повторяя ее ежедневно также наглядно въ кругѣ дневныхъ богослуженій; вмѣстѣ съ этимъ она также наглядно внушаетъ вѣрующимъ и нравственный смыслъ, вытекающій изъ того, что она воспоминаетъ. Почему, напр., недѣлю, слѣдующую за Пятидесятницею, Церковь посвящаетъ Всѣмъ Святымъ, а затѣмъ установила такъ называемый Петровъ постъ, и чему научаетъ насъ это установленіе?

Въ недѣлю Пятидесятницы воспоминается сошествіе Св. Духа на апостоловъ и вѣровавшихъ во Христа, пребывавшихъ купно съ апостолами въ горницѣ Сіонской; въ день Пятидесятницы она празднуетъ пришествіе въ міръ Св. Духа и Его Божественной благодати. Въ недѣлю, слѣдующую за Пятидесятницею, Православная Церковь совершаетъ праздникъ Всѣмъ Святымъ съ тою цѣлю, чтобы на нихъ показать намъ плоды, принесенные чрезъ апостоловъ пришествіемъ Святаго Духа,—чтобы показать, какъ оно освятило, сродныхъ намъ по естеству, людей, умудрило, возвысило ихъ и привело къ Богу. Правда, ту же мысль Церковь внушаетъ намъ и ежедневно,—каждый день она воспоминаетъ того или другого святаго, или же празднуетъ нѣсколькимъ святымъ; но въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ Православная Церковь собираетъ въ одинъ сонмъ всѣхъ святыхъ, которые воспоминаются каждый день особо, и тѣмъ яснѣе и внушительнѣе показываетъ плоды пришествія Св. Духа въ міръ и многообразное дѣйствіе Его на людей, вѣчающае однихъ за подвиги мученичества, другихъ—за разнообразныя подвиги и добродѣтели. Духъ Святой совершаетъ то, что превышаетъ законовъ естества. Онъ, сошедъ долу въ видѣ огня, по природѣ своей стремящагося вверхъ, персть, естественно тяготящую долу, возвышаетъ горѣ (Синаксарь). Первоначально

недѣля Всѣхъ Святыхъ установлена была преимущественно въ честь св. исповѣдниковъ и мучениковъ, особенно тѣхъ, которые остались для Церкви безвѣстными, такъ какъ первыя времена Церкви Христовой были временами тяжкихъ гоненій на нее со стороны іудеевъ и язычниковъ, и потому множество исповѣдниковъ и мучениковъ было первымъ ликомъ святыхъ, въ которыхъ проявилось благодатное дѣйствіе Св. Духа. Потому и Евангеліе въ этотъ день на литургіи содержитъ призывъ Христа Спасителя въ самоотверженному исповѣдничеству и несенію креста (Матѣ. 10, 32. 33; 37, 38). Этимъ же объясняется и содержаніе тропаря въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, безъ сомнѣнія очень древняго: Яко начатки естества, насадителю твари, вселенная приноситъ Ти, Господи, богоносные мученики. Тѣхъ молитвами въ мирѣ глупоцѣ церковь Твою, жительство Твое Богородицею соблюди, многоимлостиве. Богоносные мученики, именно, были первою жертвою, которую вселенная принесла Богу, при содѣйствіи Духа Святаго, подобно тому, какъ приносятся въ жертву Богу начатки естественныхъ даровъ, напр., плодовъ. Съ теченіемъ времени съ ликомъ мучениковъ, прославляемыхъ въ первую недѣлю по Пятидесятницѣ, Церковь соединила празднованіе и прочимъ святымъ. По сказаніямъ писателей церковныхъ, установленіе праздника въ честь всѣхъ святыхъ окончательно послѣдовало въ 7-мъ вѣкѣ. Въ 9-мъ вѣкѣ Византійскій императоръ Левъ Мудрый первый посвятилъ всѣмъ святымъ величественный храмъ близъ храма въ честь апостоловъ въ Константинополѣ. Есть преданіе, что императоръ хотѣлъ посвятить этотъ храмъ Теофанѣ, своей супругѣ, которая была рѣдкихъ добродѣтелей и угодила Богу среди самага шума мірскаго и въ царскихъ чертогахъ; но когда онъ изъяснилъ это намѣреніе Церкви, то Церковь не дала согласія на его желаніе, представивъ ему, что не прилично посвящать храмъ той, которая недавно еще жила въ удовольствіяхъ и придворной пышности, и что непришло еще время воздать ей такую честь, хотя она и угодила Богу. Поэтому

царь, съ согласіа всей Церкви, созданный имъ храмъ и посвятилъ всѣмъ святымъ въ той мысли, что, если Теофана свята, и она будетъ прославляема въ томъ же числѣ святыхъ. Такъ, празднуя въ честь всѣхъ святыхъ, мы вспоминаемъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ освятилъ всеблагодатный Духъ Святый, какъ то: высочайшіе и святые умы или девять чиновъ ангельскихъ, праотцевъ и патріарховъ, пророковъ и апостоловъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ и праведниковъ, святыхъ женъ, а со всѣми святыми и прежде всѣхъ святыхъ высшую небесъ и чистшую свѣтлостей солнечныхъ, Владычицу нашу, Богородицу и Приснодѣву Марію. По толкованію Матвѣя Властаря (14 в.) праздниѣ Всѣхъ Святыхъ есть какъ бы начало всѣхъ праздниѣвъ, которые совершаются въ послѣдующіе дни года въ честь каждаго изъ святыхъ ¹⁾).

Представляя нашему мысленному взору сонмъ всѣхъ святыхъ, Церковь показываетъ, что всѣ они подвизались силою Одного Спасителя, содѣйствіемъ одной благодати Св. Духа, всѣ текли по одному и тому же пути добродѣтели и за то всѣ, какъ рабы Одного Господа, увѣнчаны по достоинству въ одномъ горнемъ мірѣ, и въ этомъ же сонмѣ святыхъ, испросивъ въ день Пятидесятницы и намъ благодать Св. Духа, представляетъ намъ осязательно примѣръ и побужденіе идти по тому же пути. Между подвигами святыхъ, которыми они открыли себѣ входъ въ небеснымъ радостямъ, ность и умерщвленіе плоти всегда занимали самое видное мѣсто. Потому-то Церковь послѣ недѣли Всѣхъ Святыхъ установила постъ, продолжающійся до 29 іюня, до праздника въ честь свв. апостоловъ Петра и Павла. Поводомъ въ установленію этого поста послужилъ примѣръ апостоловъ. Постомъ, какъ новѣствуютъ, они приготовляли себя на проповѣдь для нашего спасенія, когда, по сошествіи на нихъ

¹⁾ Алфавитная Синагма М. Властаря. Перев. свящ. Н. Ильинскаго. Симферополь 1892 г.

Св. Духа, готовились пройти весь міръ съ благовѣствованіемъ слова Христова, не взирая на ожидавшія ихъ бѣды и вѣрную мученическую смерть за Христа. Объ этомъ постѣ апостоловъ извѣстно изъ преданія,—и это преданіе достойно всякаго вѣроятія: апостолы, какъ видно изъ книги Дѣяній, держали постъ всегда, когда отправляли кого либо на дѣло проповѣданія. Такъ, по случаю отправленія Павла и Варнавы на всемірную проповѣдь, когда Духъ Святый сказалъ въ церкви Антиохійской: „отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому Я призвалъ ихъ“, апостолы, *совершивъ постъ и молитву*, возложили на нихъ руки и отпустили ихъ (Дѣян. 13, 1—3). Поэтому начало Петрова поста преданія церковныя постоянно возводятъ къ самымъ первымъ временамъ Церкви Христовой. Во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ особенно строго постились въ этотъ постъ еретики монтанисты, такъ что Церковь пашла нужнымъ ограничить непомѣрную строгость воздержниковъ, назвавъ ихъ „неправомыслящими“. Въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ Петровъ постъ называется „постомъ Пятидесятницы“ ¹⁾, а также „лѣтнимъ постомъ“. О немъ упоминаютъ многіе свв. отцы, напр., св. Аѳанасій Александрійскій, Филастрій и Левъ, папа Римскій. „Церковные посты“, говорятъ св. Левъ Великій, „такъ расположены въ цѣломъ году, что для каждаго времени года предписанъ свой особый законъ воздержанія: для весны—весенній постъ, въ Четыредесятницу, для лѣта—*лѣтній, постъ Пятидесятницы*.... Мы должны усердно проходить поприще сего поста (послѣ принятія Св. Духа) для того, чтобы въ насъ пребывали благодатные дары: поелику, содѣлавшись храмами Св. Духа и болѣе чѣмъ когда-либо бывъ напоены Божественными водами, мы не должны покорствовать никакимъ вождѣніямъ,—не должны служить никакимъ порокамъ, дабы жилище добродѣтели не осквернялось ничѣмъ нечестивымъ. При помощи и содѣйствіи Божіемъ, мы всѣ можемъ достигнуть

1) Слова св. Льва Великаго 74, 76.

этого, если только, очищая себя постомъ и милостынею, будемъ стараться освободить себя отъ сквернъ грѣховныхъ и приносить обильные плоды любви“. Напоминая намъ о подвигахъ апостоловъ установленіемъ поста, въ подражаніе имъ, и призывая почитать этимъ постомъ ихъ подвиги, Церковь въ то же время въ этомъ постѣ даетъ намъ и средство вѣрнѣе воспользоваться тѣмъ духовнымъ орудіемъ ко спасенію, какое она дала намъ въ день Пятидесятницы, т. е., благодатію Св. Духа, которую она намъ испрашивала въ этотъ день, и тѣми живыми примѣрами, которые представила въ сонмѣ святыхъ. Велики были подвиги и труды апостоловъ: имъ нужно было покорить Христу міръ, побѣдить враждебныя Ему іудейство и язычество. Не меньшій подвигъ предстоитъ и намъ: и намъ предстоитъ борьба съ плотію, міромъ и діаволомъ. Апостолы приготовлялись къ своимъ подвигамъ постомъ и молитвою: тѣ же средства предлагаетъ Церковь и намъ для успѣшной борьбы съ врагами нашего спасенія.

Итакъ, мысль, которую Св. Церковь особенно ясно внушаетъ намъ своими воспоминаніями въ недѣли, слѣдующія за праздникомъ Пятидесятницы, есть одна изъ основныхъ и важнѣйшихъ мыслей христіанскаго вѣроученія и правоученія. Это—мысль о томъ, что начало нашему спасенію и блаженству въ царствѣ небесномъ полагаетъ благодать Св. Духа, которой мы и должны просить себѣ у Бога; совершается же наше спасеніе, при содѣйствіи благодати, нашими добрыми дѣлами, которыя, при всемъ разнообразіи, всѣ должны обнаруживаться въ самоотреченіи и обузданіи плоти.

Сочиненія и сказанія о будущей загробной жизни ¹⁾.

Съ именемъ св. ап. Павла въ древнія христіанскія времена извѣстны были два апокрифа: *одинъ*—'Αναβατικὸν Παύλου и *другой*—'Αποκαλύψις Παύλου. Первый былъ составленъ

¹⁾ См. № 6-й за 1898 годъ.

и распространяемъ гностиками, точнѣе—каіанитами, послѣдователями Офита. Тишендорфъ въ предисловіи къ своимъ „Апокрифическимъ апокалипсисамъ“ (стр. 16) замѣчаетъ о немъ: „вѣроятно, книга эта скоро затерялась вмѣстѣ съ остальными еретическими книгами, отъ которыхъ до насъ дошли одни только названія; ибо о нихъ не встрѣчается никакихъ извѣстій даже у монаховъ, между которыми съ 5-го вѣка вошло въ непремѣнное занятіе переписываніе кодексовъ“. Составитель *второго* апокрифа, равно какъ и мѣсто первоначальнаго его появленія съ точностію не извѣстны. Греческій текстъ „Апокалипсиса“ начинается разсказомъ о томъ, какъ, въ правленіе Θεодосія и Κοντιανα, или, по мнѣнію Тишендорфа, Граціана, одному благочестивому человѣку, жившему въ домѣ св. ап. Павла въ Тарсѣ, явился ангелъ и указалъ въ основаніи дома этотъ „Апокалипсисъ“. Названный человѣкъ послалъ „Апокалипсисъ“ царю Θεодосію, а послѣдній отправилъ подлинникъ въ Іерусалимъ. На основаніи этого указанія апокрифа и на основаніи того обстоятельства, что церковный историкъ Созоменъ и блаж. Августинъ уже нападаютъ на „Апокалипсисъ“, Тишендорфъ относитъ составленіе греческаго подлинника къ 4-му вѣку. Древній текстъ его носитъ заголовокъ: „Апокалипсисъ Павла“, „Откровеніе Павла“. Съ тѣмъ же самымъ заглавіемъ встрѣчается онъ въ греческомъ *Индексѣ* неканоническихъ книгъ Анастасія Синаита; въ другихъ *индексахъ* это заглавіе переведено: „Павлово откровеніе“, „Павлово обавленіе“; въ нашихъ же рукописяхъ разсматриваемый апокрифъ носитъ обыкновенно заглавіе: „Слово о видѣніи апостола Павла“, и только въ позднѣйшихъ русскомъ и славянскомъ *индексахъ* озаглаивается: „Хожденіе апостола Павла по мукамъ“, на ряду съ заголовкомъ: „Слово о видѣніи апостола Павла“. На западѣ Европы нѣтъ ни одной болѣе или мевѣ значительной бібліотеки, которая не имѣла бы этого апокрифа въ греческомъ или латинскомъ текстѣ („*Revolatio sancti Pauli*“). Его знаетъ и англо-саксонская литература, и французская, и нѣ-

мецкая, и итальянская; имъ пользовался Дантъ при составленіи своей „Божественной комедіи“.

Въ древней русской литературѣ „Слово о видѣніи апостола Павла“ пользовалось особеннымъ уваженіемъ. Извѣстны *дѣтъ* статьи, обязанныя своимъ происхожденіемъ „Слову“.

1) Въ „Златоустѣ“ помѣщено *слово*, первая половина котораго цѣликомъ заимствована изъ этого апокрифа. Вторая половина *слова* принадлежитъ русскому составителю. 2) Въ *Златоустахъ*, *Измарагдахъ* и многихъ душеспасительныхъ древнихъ статьяхъ цѣликомъ приводится изъ „Слова“ рассказъ о томъ, какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, море и земля жаловались Господу на беззаконія рода человѣческаго, прося погубить людей, и какъ Господь далъ людямъ ангела. Эта статья извѣстна подъ заглавіемъ: „Слово о денно-нощной молитвѣ“. Изъ „Измарагда“ она перешла и въ древне-русскій „Домострой“.

Славянскій переводъ „Слова о видѣніи апостола Павла“ появился первоначально у южныхъ славянъ, какъ и „Хожденіе Богородицы по мукамъ“. При всемъ сродствѣ съ этимъ послѣднимъ, „Слово“ однако отличается совершенно инымъ характеромъ. Павелъ во время своего хожденія видѣлъ не однѣ только муки, но и мѣста блаженства праведниковъ; ему встрѣчаются на пути не однѣ мрачныя картины человѣческихъ страданій, но и свѣтлыя картины блаженства праведныхъ людей, угождавшихъ Богу. Тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него адскими муками, умѣряется созерцаніемъ райскихъ радостей. Вообще, нужно сказать, что легенда о хожденіи ап. Павла, поводомъ къ составленію которой послужилъ 2-й стихъ 12-й главы 2-го посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ апостолъ говоритъ о своемъ восхищеніи въ рай до третьяго неба, сравнительно съ легендой о хожденіи Пресв. Богородицы, почти не исчерпываетъ вопросъ о загробной жизни. Издано „Слово“ въ славянскомъ переводѣ Н. Тихонравовымъ по уставной рукописи 15-го вѣка Новгород-

скаго Софійскаго собора, подъ заглавіемъ: „Слово о видѣніи святаго апостола Павла“ ¹⁾).

„Слово о видѣніи апостола Павла“ представляетъ собою стройное произведеніе. Оно можетъ быть раздѣлено на три части. Главная мысль первой части заключается въ слѣдующемъ: люди, какъ разумныя существа, должны оставить свои беззаконія и начать жизнь, согласную съ заповѣдями Божиими; вся остальная природа, поставленная въ гораздо худшее положеніе сравнительно съ человѣкомъ, надлежащимъ образомъ выполняетъ свое назначеніе, одно только человѣчество безъ мѣры согрѣшаетъ и своими грѣхами прогнѣвляетъ Бога. Какъ побужденіе для исправленія людьми грѣховной жизни, въ апокрифѣ изображается жалоба всей видимой природы на беззаконія людей. „Много разъ солнце, великое свѣтило, молилось Богу, говоря: Господи Боже Вседержителю доколѣ буду взирать я на беззаконія и неправды человѣческія? Повели, чтобы я сдѣлало по моей силѣ на нихъ, пусть разумѣютъ, что Ты Богъ единъ“. Господь отвѣчаетъ на эту жалобу солнца: „знаю Я все это, такъ какъ око Мое видитъ, и ухо Мое слышитъ; но человѣколюбіе Мое ожидаетъ ихъ, пока они обратятся и покаются; если же они не придутъ ко Мнѣ, тогда Я ихъ подвергну суду“. Подобнымъ же образомъ жалуются на беззаконія людей луна и звѣзды. Господь отвѣчаетъ имъ то же, что солнцу. Много разъ жаловались на беззаконія людей и воды. Но особенно вопіетъ къ Богу съ жалобою на сыновъ человѣческихъ земля. „Господи Вседержителю,—говоритъ она при этомъ: я больше всей твари осуждена; не могу терпѣть блуда, разбояства, воровства, клятвы, обмана человѣческихъ и всѣхъ золъ, которыя они творятъ: отецъ возстаетъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата и странный на страннаго; вотъ почему я осуждена больше всей твари, такъ какъ противъ желанія своего должна подавать крѣпостію своею плоды сынамъ

¹⁾ „Памятники отреченной русской литературы“, т. 2, стр. 40—58.

человѣческимъ; но повели мнѣ, да не подамъ крѣпостію моею плодовъ“. И былъ въ землѣ гласъ Господень: „Я вижу все, и нѣтъ такого человѣка, который бы укрылся въ грѣхахъ своихъ отъ Меня, и беззаконія ихъ Я вижу. Моя благодать ожидаетъ ихъ, пока они обратятся ко Мнѣ; если же не придутъ ко Мнѣ, то Я ихъ подвергну суду“. Послѣ этого слѣдуетъ обращеніе уже самого св. ап. Павла къ людямъ: „Итакъ, видите, сыны человѣческіе, что вся тварь повинуется Богу; одно человѣчество сгрѣшаетъ. А потому благословите Бога безпрестанно на всякій день и на всякій часъ“. Это необходимо дѣлать въ особенности потому, что каждый день, „когда заходитъ солнце, всѣ ангелы людскіи—*мужи и жены*—идутъ въ Богу, покланяются Ему и приносятъ дѣла человѣческія, которыя они сдѣлали отъ утра и до вечера, либо злыя, либо добрыя. Одинъ ангелъ идетъ, радуясь за человѣка, въ которомъ онъ обитаетъ; другой же ангелъ идетъ, плачась за ввѣреннаго его попеченію человѣка. И когда зайдетъ солнце, въ первый часъ ночи, является предъ Бога ангелъ каждаго изъ людей—мужей и женъ, ввѣренныхъ ихъ храненію и попеченію, чтобы они соблюдали въ себѣ образъ Божій. Также и утромъ, въ первый часъ дня идутъ ангелы—*и мужи и жены*—къ Богу поклоняться Ему и приносятъ всѣ дѣла, которыя содѣлалъ каждый изъ людей, либо злыя, либо добрыя“. Когда наступаетъ часъ поклоненія, приходягъ къ Богу свачала *ангелы радующіеся*. Въ срѣтеніе имъ выходитъ Духъ, и бываетъ гласъ Божій: „откуда пришли вы, ангелы Мои, имѣющіе бремена благія?“ Ангелы отвѣчаютъ, что они пришли отъ тѣхъ, которые отреклися, ради святаго имени Господа, отъ міра и плачутъ о своихъ грѣхахъ въ пустыняхъ и пропастьяхъ земныхъ. „Моя благодать и помощь съ ними,—говоритъ Господь *радующимся ангеламъ*,—потому что Сынъ Мой возлюбленный предстательствуетъ за нихъ во всякій часъ, въ то же время неотступно служа имъ; мѣсто ихъ—веселье“. *Радующіеся ангелы* удаляются, и тотчасъ же приступаютъ *ангелы скорбные*, съ плачемъ и рыданіемъ. Въ

срѣтеніе имъ также выходитъ Духъ. На вопросъ Господа: „откуда вы пришли?“ они печально отвѣчаютъ: „мы пришли отъ тѣхъ, которые призываютъ имя Твое, но угождаютъ своей плоти и ни одной молитвы не сотворили всѣмъ сердцемъ во все время жизни своей. Для чего мы будемъ далѣе служить этимъ грѣшнымъ людямъ?“ Господь отвѣчаетъ *скорбнымъ ангеламъ*: „нѣтъ, вы не переставайте служить имъ, пока они не обратятся и не покаются; если же не придутъ ко Мнѣ, Я подвергну ихъ суду“.—„Видите, сыны человѣческіе,—говоритъ св. ап. Павелъ въ заключеніе приведеннаго разсказа своего о дѣятельности ангеловъ по отношенію къ людямъ,—что все, что только мы дѣлаемъ, ангелы приносятъ къ Богу, либо доброе, либо злое. Зная это, благословите безпрестанно Бога“.

Во второй части „Слова“, съ которой собственно и начинается *видѣніе* ап. Павла, представляется разлученіе съ тѣломъ души человѣка праведнаго и грѣшнаго, и подробно изображается путешествія души къ престолу Божію, при чемъ церковное ученіе о мытарствахъ доведено здѣсь до крайности. Описаніе видѣнія своего апостоль начинается съ заявленія о томъ, какъ онъ, находясь „въ Дусѣ Святѣмъ“, услышалъ гласъ ангела: „слѣдуй за мной, да покажу тебѣ мѣсто святыхъ и познаешь мѣсто праведныхъ, гдѣ они носимы бываютъ; а потомъ спустимся внизъ, въ бездну, гдѣ тьма и адъ, и покажу тебѣ, въ какія мѣста относятся души грѣшныхъ, когда они умираютъ“. Проходя съ ангеломъ подъ твердію небесною, онъ прежде всего увидѣлъ „ангеловъ страшныхъ“; тутъ были: „духъ клеветливый, и блудный, и напрасногнѣвливыи, и женолюбезный, и держатели лукавныи“, увидѣлъ также „немилостивыхъ ангеловъ, не имѣющихъ никакого милосердія, страшныхъ; лица ихъ исполнены ярости, зубы ихъ превосходятъ въ вышину уста, глаза свѣтятся, какъ звѣзды, восходящія завтра, волосы на головахъ ихъ *паче величества распростерты*, изъ устъ исходитъ пламень огненный“. По объясненію сопровождавшаго св. ап. Павла ангела,

это были тѣ ангелы, которые посылаются Богомъ за душами неврѣнныхъ. На небѣ апостолъ увидѣлъ другихъ ангеловъ, „которыхъ лица сіяли, какъ солнце; чресла ихъ были препоясаны золотыми поясами; въ рукахъ своихъ держали они печать Божию и свитокъ, на которомъ написано имя Божіе; они были исполнены всякой кротости и милости“. На вопросъ апостола: „кто эти мужи, сіяющіе въ такомъ украшеніи?“ сопровождавшій его ангелъ отвѣчаетъ: „это ангелы праведныхъ, которые посылаются приносить души праведныхъ“. Апостолъ спрашиваетъ ангела: „всѣ праведные и грѣшныя знаютъ ли о томъ, каковы они, когда умираютъ?“ Ангелъ отвѣчаетъ: „одинъ есть путь, которымъ всѣ идутъ къ Богу; но праведники смущаются, когда приходитъ имъ время явиться предъ Богомъ“. Апостолъ выразилъ желаніе видѣть, какъ отходятъ изъ міра души людей праведныхъ и грѣшныхъ.—„Посмотри внизъ на землю“, сказалъ ангелъ. Апостолъ посмотрѣлъ съ неба на землю, и увидѣлъ весь міръ, который былъ совершенно ничтожнымъ предъ нимъ; и увидѣлъ сыновъ человѣческихъ. И сказалъ ангелу: „это ли величіе человѣческое?“ Посмотрѣлъ снова апостолъ, и увидѣлъ *огненный облакъ*, распростертый надъ всѣмъ міромъ. И спросилъ ангела: „что это?“ Ангелъ отвѣчаетъ: „это беззаконіе, смѣшанное съ молитвою грѣшныхъ“. Вздохнулъ апостолъ, заплакалъ и сказалъ ангелу: „я хотѣлъ бы видѣть, какъ души грѣшныхъ и праведныхъ исходятъ отъ міра сего“. Ангелъ отвѣчаетъ: „посмотри внизъ на землю“. Апостолъ посмотрѣлъ, и увидѣлъ умирающаго человѣка.—„Это праведникъ“, сказалъ ангелъ. Предъ нимъ предстали въ часъ смерти всѣ дѣла его; предстали и добрые ангелы. Добрые ангелы взяли душу праведника и трижды сказали ей: „душа, познай свое тѣло, изъ котораго вышла, потому что тебѣ надлежитъ вновь войти въ него въ день воскресенія, да воспріимешь обѣтованное Богомъ вмѣстѣ со всѣми праведными“. Затѣмъ они цѣловали душу, „какъ знакомую, съ которою видѣлись вчера и третьяго дня“, и говорили ей: „мужайся,

такъ какъ ты сотворила волю Божію, находясь на землѣ“. На встрѣчу душѣ вышелъ ангелъ-хранитель ея и съ своей стороны сказалъ: „мужайся, душа, я радуюсь за тебя, такъ какъ ты сотворила волю Божію, будучи на землѣ. Я возносилъ къ Богу всѣ твои дѣла благія“. Затѣмъ въ срѣтеніе ей вышелъ оживлявшій ее духъ и сказалъ: „не смущайся, ни усомнись, когда придешь на мѣсто, котораго ты никогда не видѣла, потому что я буду твоимъ помощникомъ, такъ какъ обрѣлъ въ тебѣ покой въ теченіе всего времени, въ которое пребывалъ въ тебѣ, когда ты жила на землѣ“. Такъ духъ укрѣплялъ и наставлялъ праведную душу, возносимую ангелами на небо. На пути ее останавливали „власти“ и спрашивали: „куда идешь, душа, и какъ дерзаешь взойти на небеса; помеди, да видимъ, нѣтъ ли чего нашего въ тебѣ. Видимъ и помощника твоего съ тобою, и ангела твоего и духъ твой радующимися о тебѣ, потому что ты сотворила волю Божію, когда жила на землѣ“. Вышли также въ срѣтеніе ей „водба“ (татья?) и „духъ блуда“ и съ плачемъ говорили: „о душа, избѣжавшая насъ и сотворившая волю Божію, будучи на землѣ! Вотъ нынѣ ангелъ твой и духъ твой радуются“. Наконецъ, вышли въ срѣтеніе ей „всѣ власти“—„и не обрѣли въ ней ничего своего“. Ангелъ и духъ сказали имъ: „отвратитесь со стыдомъ: вы не могли прельстить души этой, когда она была въ тѣлѣ“. И послышался голосъ съ неба: „вознесите душу, сотворившую волю Божію, да разумѣютъ, что истиненъ Богъ, Которому она поклонялась“. Когда душа возшла на небо, то тмы темъ ангеловъ, „видя, что она держитъ знаменіе Божіе“, вопіяли къ ней: „мужайся, душа, и крѣпись. Мы всѣ, находящіеся на землѣ, радуемся съ тобою“—и наставляли ее, прежде чѣмъ предстояло ей поклониться предъ Богомъ. Михаилъ и все воинство ангеловъ, поклонившись подножію ногъ Господа Бога, сказали душѣ: „вотъ Богъ всѣхъ, Который сотворилъ тебя по образу и по подобію Своему“. Ангелъ души, шедшій впереди ея, сказалъ Богу: „Боже, помяни тварь Свою; это та, дѣла которой я

приносилъ Тебѣ каждый день: сотвори съ нею по Твоей силѣ“. Духъ также сказалъ: „я духъ, оживлявшій ее и жившій; я въ ней имѣлъ покой въ теченіе всего времени, когда въ ней жилъ: сотвори съ нею по Твоему суду“. Тогда послышался гласъ Божій: „такъ какъ она Меня не оскорбила, то и Я не оскорблю ея; и такъ какъ она помиловала другихъ, то и сама помилована будетъ: пусть предастся *Михаилу заводу*, да несетъ ее въ рай *нищи* до дня воскресенія, чтобы она наслѣдовала со всѣми святыми“. Тмы ангеловъ и архангеловъ и 14 старцевъ воспѣли: „праведенъ еси, Господи, и суды Твои истинны, и нѣтъ лицепріятія въ Тебѣ, такъ какъ Ты воздаешь каждому по Твоему суду“.

Показавши *исходъ* души праведной, ангелъ показываетъ апостолу *исходъ* отъ тѣла души грѣшной. Въ часъ смерти грѣшника предъ нимъ предстали „вся грѣхи“; и былъ для грѣшника „часъ тотъ золь паче суда“. Послѣ того предстали ангелы—добрые и злые. Добрые ангелы „не обрѣли мѣста въ немъ“; злые же ангелы взяли грѣшающую душу изъ тѣла и трижды сказали ей: „о окаянная душа, воззри на свою плоть, познай жилище свое, откуда вышла; потому что тебѣ надлежитъ опять войти въ плоть свою въ день воскресенія, да воспримешь достояніе дѣлъ своихъ“. Когда душа вышла изъ тѣла, предсталъ предъ ней ея ангелъ-хранитель и сказалъ ей: „о окаянная душа! я твой ангелъ, пребывавшій въ тебѣ и доносившій каждый день всѣ дѣла твои, которыя ты творила днемъ и ночью. И если бы я владѣлъ собою, то не служилъ бы тебѣ ни одного дня; но не могъ я этого сдѣлать, потому что Богъ, милостивый праведный Судія, повелѣлъ мнѣ служить, доколѣ не покаешься. Когда придешь къ Праведному Судіи, я отрекусь отъ тебя; съ нынѣшняго же дня я чуждъ тебѣ“. Когда грѣшная душа восходила къ небу, ее остановили „духъ любодѣйный и прочія власти“, говоря: „доколѣ идешь, окаянная душа? смѣла еще идти на небо? Подожди: посмотримъ, не имѣешь ли въ себѣ нашихъ дѣлъ, потому что не видимъ съ тобою помощника святаго“.

Послѣ этого апостолъ услышалъ гласъ съ высоты небесной: „вознесите окаянную душу, да познаетъ, что есть Тотъ Богъ, заповѣди Котораго она презрѣла“. Но вотъ грѣшная душа возшла на небо. Ее повели всѣ ангелы и воспѣли въ одинъ голосъ: „о, люто тебѣ, окаянная душа! зачѣмъ ты сдѣлала на землѣ злое? какой отвѣтъ имѣешь дать Богу, пришедши на поклоненіе къ Немѹ?“ Ангелъ ея отвѣчалъ: „плачьте со мною, мои ангелы и други мои: покаянія я не нашелъ въ этой душѣ“. Всѣ ангелы замѣтили: „да возмется она отъ насъ туда, откуда пришла: смрадъ ея дошелъ до всѣхъ насъ“. Затѣмъ душа приведена была предъ Господа для поклоненія Ему. Шедшій впереди ангелъ-хранитель ея сказалъ: „Господи Боже Вседержителю! я ангелъ души этой; дневныя и ночныя дѣла ея я приносилъ къ Тебѣ: сотвори ей по Твоему суду“. Оживлявшій ее духъ отъ себя сказалъ: „я духъ, пребывавшій въ ней со дня ея вступленія въ міръ; не послѣдовала она моей волѣ: суди ее по Твоему суду“. И былъ гласъ Божій къ душѣ: „гдѣ есть плодъ твой за тѣ блага, которыя Я сотворилъ тебѣ, и положилъ завѣтъ между тобою и правдою. Не просвѣтилъ ли солнца на тебя, какъ и на праведнаго?“ Душа была безотвѣтна. Тогда гласъ Божій продолжалъ: „праведный судъ Божій; нѣтъ въ немъ лицепріятія: кто сотворитъ милость, тотъ помилованъ будетъ, а кто не милуетъ, тотъ не будетъ помилованъ самъ; да предастся она ангелу Тимѣлиху, который поставленъ надъ муками: да ввергнетъ ее во тму кромѣшную, гдѣ есть плачъ и скрежетъ зубовъ, и да будетъ она тамъ до великаго дня суднаго“. Всѣ ангелы воскликнули: „праведенъ еси Господи, и праведны всѣ суды Твои!“ Далѣе апостолъ видѣлъ еще и другую душу, которую владели два ангела; она взывала съ плачемъ: „помилуй меня, Господи Боже праведный, Судія истинный! Когда тѣло мое умерло, я предана была двумъ ангеламъ; и повели они меня на мѣсто, котораго я никогда до тѣхъ поръ не видѣла“. И сказалъ ей Праведный Судія: „что ты сотворила? почему ты лишилась милости и предана

не умерли“. Погруженные въ огненной рѣкѣ по колѣни—это ухившіе изъ церкви до окончанія службы, а также ссорившіеся и заводившіе тяжбы; погруженные до пояса—которые, пріавши Тѣло и Кровь Христову, тотчасъ же шли блудить; погруженные до устъ—это тѣ, которые обожали другъ друга, собравшіеся въ церковь Христову; погруженные до бровей—это тѣ, которые, подмигивая другъ другу глазами, всячески пересмѣиваютъ и осуждаютъ ближняго. Отъ западной стороны рѣки апостолъ увидѣлъ другое мѣсто мученій; ово наполнено было мужей и женъ; огненная рѣка текла на нихъ“. Увидѣлъ также „пронасть очень глубокую и въ ней много душъ другъ на другъ; глубина рѣки той была около 300 локтей; мучившіеся въ ней души вздыхали, плакали и вопіяли: *помилуй ны, Господи!*—но ни откуда не было милости“. По объясненію ангела, это „тѣ, которые не уповали на Бога и не имѣли Его своимъ помощникомъ“. Апостолъ вздохнулъ и заплакалъ о несчастныхъ грѣшникахъ. Посмотрѣвши послѣ этого еще на огненную рѣку, онъ увидѣлъ тамъ „человѣка стара вѣками, котораго погружали до колѣнъ. И пришелъ ангелъ Итѣлюхъ, имѣя въ рукахъ своихъ *жезлы велико на четыре части остро, и на немъ изволачаше утробу старца усты*“. По объясненію ангела, старецъ этотъ—„священникъ, который не совершалъ хорошо своей службы, но, принося жертву Богу, не переставалъ предаваться объяденію, пьянству и блуду“. Въ сторонѣ отъ него апостолъ увидѣлъ другого старца, „*егоже ношаху съ тѣнцемъ текуще 4 ангела ютии и погрузиша и до колѣну въ огненнѣй рѣкѣ*“; огненная волна ударила ему въ лице, какъ буря, и не давала ему произнести: *Господи, помилуй мя*“. Этотъ второй старецъ, по объясненію ангела, „былъ епископъ, который не правилъ *добръ* своего епископства, не ходилъ въ благочестіи по данному ему имени святому, не творилъ праведнаго суда, не миловалъ вдовицъ и сиротъ, странниковъ и убогихъ презиралъ; нынѣ же воздается ему по дѣламъ его“. Видѣлъ еще апостолъ *въ той странѣ* „человѣка, бывшаго въ огненной

рѣкъ до колѣнъ; руки его были распростерты и окровавлены; изъ устъ и изъ ноздрей исходили черви; онъ стоналъ вопія и зывая: *помилуй мя, яко осуженъ есмь паче всѣхъ сущихъ въ муцѣ*“: это, по объясненію ангела, „діаконъ, который недостойно вкушалъ отъ трапезы Господней и блудилъ предъ Богомъ“. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этого человѣка апостолъ увидѣлъ другого, „котораго ангелы влекли съ тщаніемъ и ввергли его въ огненную рѣку до колѣнъ. И прошель ангелъ мученій съ раженною большою бритвою въ рукахъ, которою сталъ срѣзать уста того человѣка и языкъ“. Вздохнулъ апостолъ, заплакалъ и спросилъ провожавшаго его ангела: „кто это?“—„Это,—отвѣчалъ ангелъ,— чтецъ (начетчикъ), который училъ другихъ людей, а самъ заповѣдей Божіихъ не соблюдалъ“. Далѣе увидѣлъ апостолъ въ томъ же мѣстѣ „другое множество пропастей, посрединѣ мѣста того было множество мужей и женъ, которыхъ ѣли черви“.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 10 мая 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ*.

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, іюня 7-го.

Содержаніе: Благолѣпіе богослуженія при бѣдности обстановки.—Сочиненія и
сказанія о будущей загробной жизни (продолженіе).—Обзорѣніе проповѣдей
въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ.

Благолѣпіе богослуженія при бѣдности обстановки.

Одну изъ существенныхъ обязанностей, указуемыхъ ду-
ховенству и правилами Церкви, и Верховною Властію ¹⁾,
является охраненіе благолѣпія въ богослуженіи. Но при этомъ
можетъ возникнуть вопросъ, возможно ли благолѣпное бого-
служеніе въ бѣдномъ храмѣ, какихъ очень много, при убо-
гихъ облаченіяхъ и при крайне малочисленномъ клирѣ. Не
составляетъ ли благолѣпіе богослуженія исключительной при-

¹⁾ См. Высочайшій рескриптъ Высокопреосв. Владиміру, Митропо-
литу Московскому.

надлежности богатыхъ городскихъ храмовъ, сіяющихъ иконами въ золотыхъ окладахъ, храмовъ, блистающихъ въ праздничные дни отъ безчисленнаго множества свѣчей и оглашаемыхъ пѣніемъ многочисленнаго клира и благоустроеннаго хора? Чтобы рѣшить эти вопросы, посмотримъ, что нужно разумѣть подъ благолѣпіемъ вообще и подъ благолѣпіемъ богослуженія въ частности.

Несомнѣнно, что въ понятіе благолѣпія (εὐπρέπεια) входитъ чувственная красота, о которой псалмопѣвецъ говоритъ: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего* (25, 8). Конечно, такая красота въ высшей степени приличествуетъ храму, какъ жилищу Того, Кто облачается славою и великолѣпіемъ (103, 1). Не менѣе приличествуетъ она всѣмъ прочимъ предметамъ, дѣйствіямъ и словамъ, которыя человѣкъ посвящаетъ Господу и въ которыхъ тѣлесно выражаетъ свое стремленіе къ Нему. Мало того: о Господѣ сказано, что красота—въ десницѣ Его (Пс. 15, 11); Онъ есть самоисточная Красота; а посему только то истинно прекрасно, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ Нему, въ плодахъ же человѣческаго творчества только то, что посвящается Ему, что освѣщено и согрѣто релігіозно-нравственнымъ чувствомъ. Поэтому, если бы красота подверглась изгнанію изъ храма, то рано или поздно къ этому присоединилось бы изгнаніе ея изъ человѣческой жизни, изъ человѣческаго творчества. Что все художественно—прекрасное имѣетъ связь съ религіей, и что храмъ есть колыбель красоты, насколько она принадлежитъ человѣческимъ созданіямъ, это всего лучше видно изъ того, что всякое искусство даетъ лучшіе плоды тогда, когда оно служитъ религіи, и посему лучшая живопись, несомнѣнно, релігіозная, лучшая архитектура-церковная, лучшая музыка (пѣніе)—священная.

Но въ понятіе благолѣпія входитъ не одна только чувственная красота. Св. Писаніе говоритъ намъ также и о великолѣпіи святости. *Родъ и родъ восхвалятъ дѣла Твоя*, говоритъ псалмопѣвецъ, *великолѣпіе славы святыни Твоя*

возлагаютъ (144, 4—5). Если всякое искусство, какъ мы выше сказали, приносить лучшіе плоды тогда, когда служить религіи, то это именно потому, что въ этомъ случаѣ чувственная красота одухотворяется красотой духовной, что въ согласномъ соединеніи красокъ, звуковъ и архитектурныхъ линій сказывается человѣческому духу что-то неземное, безконечно чистое и возвышенное,—словомъ, святое. Зримая или слышимая красота является тѣнной оболочкой нетѣннаго и вѣчнаго блага, иной неувядаемой красоты, и отъ этого кажется еще прекраснѣе, еще сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка. Это нетѣнное благо, эта неувядасмая красота святости, которая одна только и можетъ возвысить, оживить и одухотворить всякую чувственную красоту, и составляетъ важнѣйшую и неотъемлемую стихію истиннаго благолѣпія. Безъ нея красота чувственная превращается въ простую красоту, которая только глаза пріятно раздражать можетъ, какъ пріятный узоръ, какъ изящный нарядъ. Напротивъ, благолѣпіе святости можетъ быть и безъ чувственной красоты. Оно можетъ соединиться съ внѣшнимъ униженіемъ и безчестіемъ, какъ это было съ Богочеловѣкомъ въ часы Его страданій.

(1) Немъ было сказано у пророка, что Онъ не имѣлъ тогда „ни вида, ни величія“, „не было въ Немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему—Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми—и мы отвращали отъ Него лице свое“ (Исаіи 53, 2—3). Но можно ли отрицать въ страждущемъ Сынѣ Божіемъ благолѣпіе святости? Не это ли благолѣпіе дѣйствовало на загрубѣлую душу разбойника, когда послѣдній говорилъ: *мы—достойная по дѣламъ наю воспріимлева—Сей же ни единого зла сотвори—помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ* (Лук. 23, 41—42)? Это благолѣпіе праведности привлекло къ Христу сотника, сказавшаго: *воистину человекъ сей праведенъ бѣ* (47). При этомъ мы разумѣемъ, конечно, не такую святость, которая открыта только Божіимъ очамъ и сокрыта отъ очей человѣческихъ, но такую, которая бываетъ видима людямъ, выражаясь во внѣш-

ности, и чрезъ наблюденіе дѣйствуетъ на нравственное чувство человѣка такъ же, какъ красота на чувство эстетическое. Такъ подѣйствовало на разбойника и обратило его къ Христу нравственное величіе и высочайшая святость Господа, выразившіяся въ Его кроткомъ и незлобивомъ видѣ, въ Его сѣтованіи о судьбѣ дочерей іерусалимскихъ и наипаче въ Его молитвѣ за враговъ (Лук. 23, 28—31, 34).

Если благолѣпіе состоитъ не въ одной чувственной красотѣ, какъ благолѣпіе цвѣтка (упоминаемое ап. Іаковомъ, 1, 11), но и въ святости, проявляемой наружностію и дѣлами человѣка, если даже благолѣпіе святости имѣетъ преимущество предъ благолѣпіемъ красоты и можетъ обходиться безъ этого послѣдняго, то вопросъ о возможности благолѣпнаго служенія Богу при самой скудной обстановкѣ рѣшается легко и притомъ—въ положительномъ смыслѣ. Тамъ, гдѣ богослуженіе не можетъ по бѣдности отличаться благолѣпіемъ красоты, оно можетъ отличаться благолѣпіемъ святости. Пусть христіане, согласно пророчеству Исаіи, *придутъ* *носяще злато, и ливанъ принесутъ, и камень честенъ* и такъ *вознесутся пріятная на жертвенникъ* Господа, и *домъ молитвы* Его *прославится* (60, 6—7); но гдѣ это невозможно, тамъ, при убожествѣ храма, при скудости и бѣдности священныхъ облаченій, при отсутствіи искусства, которое приносило бы плоды свои на жертвенникъ вѣры, пусть тѣмъ болѣе сіяетъ благолѣпіе святости, свойственной богослуженію по самому существу его. Вспомнимъ, что въ первые вѣка христіанства вѣрующіе, вслѣдствіе преслѣдованій, собирались для богослуженія въ мрачныхъ пещерахъ, называемыхъ катакомбами, при свѣтѣ факеловъ, тускло свѣтившихъ въ сыромъ воздухѣ подземелья, и что въ то время богослуженіе отправлялось крайне просто,—не украшенное никакимъ искусствомъ, оно украшалось только святостію истины, выраженіемъ которой оно служило. И это богослуженіе, будучи совершаемо при такой скудной обстановкѣ, которая несрав-

нима ни съ чѣмъ современнымъ, однимъ только благолѣпіемъ святости привлекало вѣрующихъ и умножало чадъ Церкви.

Но если богослуженіе Христовой Церкви служить выраженіемъ святѣйшей истины и слѣд. само по себѣ всегда свято, то кто нибудь можетъ подумать, что въ этомъ отношеніи излишне какое бы то ни было человѣческое стараніе и совершенно безвредно отсутствіе въ людяхъ усердія. Нѣтъ; богослуженіе бываетъ благолѣпно своею святостію только тогда, когда оно совершается должнымъ образомъ, когда его святость не скрывается въ нерадивомъ и неусердномъ совершеніи. Какъ возвышенно—свято возглашеніе священника въ началѣ литургіи, когда онъ благословляетъ или прославляетъ царство Отца и Сына и Святаго Духа! Какъ бы ни бѣдно было его облаченіе, онъ представляется величественнымъ: кругозоръ его простирается далеко за предѣлы низкаго и тѣснаго храма и обнимаетъ вѣчную и вселенскую Церковь Божію; прославляя ее, онъ въ тоже время возноситъ благодареніе за милости, получаемыя ею отъ Троичнаго Бога и ссоставляющія ея славу. Но эти слова, исполненныя высокаго и святаго значенія, могутъ быть произнесены скороговоркою или такимъ тономъ, которымъ говорятъ о вещахъ, нисколько не святыхъ; тогда святость ихъ будетъ сокрыта отъ слуха и разумѣнія предстоящихъ—и благолѣпія святости не получится. Святые прошенія ектеніи великой: христіанская любовь обтекаетъ здѣсь весь міръ и посылаетъ молитвенное благожеланіе и Царю со всѣмъ его домомъ, и послѣднему труженику, пловцу, путешественнику. Но эти прошенія можно произносить такъ, что они будутъ заглушаться пѣніемъ „Господи, помилуй“, и до слуха молящихся будетъ доноситься только ихъ общее окончаніе: „Господу помолимся“; святость ихъ не будетъ слышима и видима, не будетъ благолѣпія святости.

Въ виду того, что произношеніе, чтеніе и пѣніе должны въ возможной степени соотвѣтствовать святости читаемаго и поемаго, Церковь установила нѣкоторыя правила чтенія,

создала и создаетъ опредѣленные напѣвы; тѣмъ не менѣе усмотрѣнію, умѣнію и усердію священнослужителей представляется еще очень много. Возьмемъ для примѣра установленныя (не чрезъ какія либо опредѣленія, но чрезъ всеобщее употребленіе) правила чтенія Апостола и Евангелія. Въ основаніи ихъ лежитъ взглядъ, что всякое читаемое въ церкви зачало имѣетъ въ себѣ какую нибудь одну мысль, одно чувство; въ послѣдовательномъ ходѣ чтенія эта мысль постепенно раскрывается, чувство постепенно усиливается. Посему принято читать Апостолъ и Евангеліе голосомъ, постепенно возвышающимся, и заканчивать чтеніе громогласно. Въ этой громогласности разумѣется побѣда вѣры, побѣдившей міръ (1 Іоан. 5, 4). Но вмѣсто благолѣпія святости получается нѣчто совершенно противоположное, если чтеніе начинается голосомъ глухимъ и неслышнымъ, а оканчивается крикомъ.—Кромѣ того, всякое чтеніе (равно какъ и пѣніе) становится благолѣпнымъ отъ вразумительности. Пусть голосъ читающаго (или поющаго) не имѣетъ никакой особенной пріятности, пусть это будетъ дрожащій и дребезжащій голосъ псаломщика-старца; все несовершенство его чтенія или пѣнія будетъ покрыто, искуплено и сглажено святостію и трогательностію читаемаго (или поемаго), если каждое слово, отчетливо произносимое, будетъ какъ бы влгаться въ уши и доводиться до ума и сердца слушающихъ. Помнится намъ пѣніе сдного стараго псаломщика, голосъ котораго дрожалъ; но псаломщикъ пѣлъ, отчетливо произнося каждое слово, и полуслѣпой взглядъ его благоговѣнно устремленъ былъ къ иконѣ, какъ бы къ живому лику Господа; онъ пѣлъ: „Преобразился еси на горѣ, Христе Боже“,—„да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный“, и пѣніе его было лучше и благолѣпнѣе, чѣмъ пѣніе иного благоустроеннаго хора, у котораго не разберешь, что онъ поетъ; самое дрожаніе его голоса, казалось, происходило не отъ дряхлости, но отъ глубоко потрясенной души, отъ сердца, объятаго святыми мыслями и желаніями священнаго пѣснотворца.

Какъ святость читаемаго и поемаго сообщаетъ богослуженію благолѣпіе при условіи чтенія вразумительнаго и благоговѣйнаго, такъ святость дѣйствій, входящихъ въ составъ богослуженія, сообщаетъ ему благолѣпіе при условіи благоговѣйной чинности и неторопливости движеній священнослужителя. Часто призывая молящихся стоять прямо (*прости*), стоять добрѣ, стоять со страхомъ, Церковь показываетъ, что и во внѣшнемъ положеніи предстоящихъ должно отражаться святость богослужебныхъ дѣйствій. Но еще болѣе это должно быть сказано о внѣшнемъ видѣ, положеніи и движеніяхъ священнослужителей. Вся ихъ внѣшность должна свидѣтельствовать, что они совершаютъ дѣло святое. Тогда и въ этомъ отношеніи получится благолѣпіе святости, превосходящее красоту дорогихъ украшеній и одеждъ и заставляющее забывать объ ея отсутствіи. · С. Кожомскій.

Сочиненія и сказанія о будущей загробной жизни ¹⁾).

Снова вздохнулъ апостоль, заплакалъ и спросилъ: „кто это?“—„Это,—отвѣчалъ ангель,—тѣ, которые брали большіе проценты и надѣялись на богатство свое, Бога же не хотѣли имѣть помощникомъ своимъ. Послѣ того увидѣлъ апостоль „другое мѣсто, очень твердое; вокругъ него какъ бы огненная стѣна; здѣсь было множество мужей и женъ, которые ссѣкали зубами своими языки свои“: это,—по объясненію ангела,—ссорившіеся другъ съ другомъ въ церкви, не внимавшіе словамъ Божиимъ и уничижавшіе Божіи книги и церковниковъ“. Увидѣлъ затѣмъ старца „до колѣнъ въ пропасти; *видѣнье* его было, какъ кровь“. И спросилъ: „какое это мѣсто?“ Ангель отвѣчалъ: „въ эту пропасть, кото-

¹⁾ См. № 22-й за 1898 годъ.

рую ты теперь видишь, *текутъ* всѣ муки“. Здѣсь же апостоль увидѣлъ „мужей и женъ, погруженныхъ до устъ“: это—„потворники и волшебники“. Увидѣлъ также здѣсь „мужа, распятаго внизъ головою надъ рѣкою огненною; изъ него выползало безчисленное множество червей: это былъ „*ратель жроновный*“. Увидѣлъ и „другихъ мужей и женъ, горѣвшихъ до половины въ огненной пропасти и совсѣмъ почернѣвшихъ“: это—„прелюбодѣи, прелюбодѣйствовавшіе имѣя своихъ женъ, а также и женщины, прелюбодѣйствовавшіи имѣя своихъ мужей“. Увидѣлъ еще „дѣвицъ, имѣвшихъ оскверненныя ризы, 14 (4) ангеловъ страшныхъ, возлагавшихъ на тѣхъ дѣвъ раскаленные вериги и ведшихъ ихъ въ муку: это—„дѣвы, которыя осквернили дѣвство свое прежде брака, тайно отъ родителей“. Еще увидѣлъ „мужей и женъ съ отрѣзанными руками и ногами; они были въ мѣстѣ, наполненномъ солью и снѣгомъ, и черви точили обнаженные тѣла ихъ“: это—тѣ, „которые не миловали и не уповали на Бога“. Увидѣлъ и другихъ „мужей и женъ, которые висѣли надъ теченьемъ рѣки той; языки ихъ были сухи отъ нестерпимой жажды; предъ глазами ихъ было много различныхъ плодовъ, но имъ не давали вкусить отъ этихъ плодовъ“: это—тѣ, которые позволяли себѣ вкушать пищу *гнѣше учиненнаго времени*“. Другіе „мужи и жены“ были повѣшены „за перси и за волосы; ихъ влекли желѣзными баграми“: это—тѣ, которые уподоблялись неразумнымъ скотамъ, предаваясь, вслѣдствіе прелюбодѣянія, чрезмѣрнымъ излишествамъ въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ. Еще другіе были „красные; они находились въ огненной смердящей пропасти, изъ которой текла огненная же рѣка“: это—„творившіи содомскій и гоморскій грѣхъ съ *злообразными мужами*“. Иные были „облечены въ свѣтлыя ризы, но съ ослѣпленными глазами; они также находились въ пропасти огненной“: это—тѣ „изъ язычниковъ, которые сотворили милость, но не познали истиннаго Бога. Иныхъ непрестанно терзалъ огненный звѣрь, такъ что они не имѣли возможно-

сти даже произнести: „*Господи, помилуй ны*“; при этомъ апостоль увидѣлъ „ангела, приставленнаго надъ мукою; онъ строго паблюдалъ надъ мучившимися и грозно говорилъ имъ: „познайте Сына Божія; я и раньше говорилъ вамъ объ этомъ, но вы не хотѣли слушать и не внимали Божественнымъ книгамъ и Божественнымъ письмамъ. Вотъ теперь и постигъ васъ праведный судъ Божій, дѣла ваши привели васъ въ эту муку“: это—„женщины, которыя противъ своей воли растлили себя, а затѣмъ убивали незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ; здѣсь же были и мужчины, растлившіе ихъ насильно. Дѣти этихъ матерей молили Бога и ангела, приставленнаго надъ мукою, говоря: отомстите за насъ обидѣвшимъ насъ; они растлили тварь Божію; нося имя Божіе, заповѣдей Божіихъ не соблюдали, но бросали насъ псамъ на съѣденіе и свиньямъ на поправіе; иныя бросали насъ въ рѣку“. Эти дѣти переданы были ангелу *Тимѣяху*, который приставленъ надъ муками, чтобы онъ перенесъ ихъ въ *про-странныя мѣста милости*; отцы же и матери ихъ были ввергнуты въ вѣчную муку. Затѣмъ апостоль увидѣлъ „пламень огненный и въ немъ желѣзный дубъ, имѣвшій въ высоту 100 локтей: на немъ было множество мужей и женъ, которые висѣли по краямъ дуба того за языки; и по нимъ ползали змѣи и ѣли плоть ихъ; и не могли они произнести: *Господи, помилуй*“: это—тѣ, „которые не сохранили дѣвства своего до времени, а также осквернили святую недѣлю, играя по субботамъ до поздней ночи“. И увидѣлъ „другихъ мужей и женъ; платье ихъ было препоясано, и они стояли въ пеклѣ, исполненномъ *смирада*; вокругъ шеи ихъ, плечей и ногъ облежали змѣи и огонь; ихъ влекли ангелы съ огненными рогами и бодали ихъ тѣми рогами говоря: почему вы не наблюдали времени, въ которое вамъ подлежало покланяться и служить Богу?“ Это—„чернорызцы, которые отреклись отъ міра, но носили въ себѣ образъ похоти мірской, не сотворили дѣлъ любви, ни одной вдовицы и сироты не помиловали, ни разу не приняли странника, не помиловали

ближняго, не принесли Богу ни одной искренней молитвы вслѣдствіе своей лѣности и житейскихъ привязанностей и пристрастій“. Затѣмъ пошли они „черезъ всѣ муки“. Когда увидѣли ихъ „бывшіи въ мукѣ, то сказали имъ: ...зачѣмъ привели сюда живыхъ съ другой муки?“ Перешли „на другое мѣсто“. Тамъ имъ сказали: „когда мы были въ мірѣ, то, грѣшныя, взирали на васъ, какъ на святыхъ, и ублажали васъ, говоря: вотъ праведники; какъ же и вы очутились въ вѣчной мукѣ?“ Апостолъ вздохнулъ, прослезился и воскликнулъ: „о горе роду человѣческому! о горе грѣшникомъ, что они родились на свѣтъ!“ Ангелъ сказалъ ему на это: „ужели ты милостивѣе Бога? Богъ благъ есть, но долженъ быть и судъ. Онъ попустилъ каждому творить свою волю, какъ хочетъ самъ, на землѣ“. Апостолъ горько заплакалъ.—„Чего плачешь?—замѣтилъ ангелъ: ты еще не видѣлъ великихъ мукъ; слѣдуй за мною, и увидишь муки больше этихъ седмицею“. Взявши апостола „отъ запада всѣхъ мукъ“, поставилъ его „надъ колодцемъ, который былъ запечатанъ 7 печатами“. Сопровождавшій апостола ангелъ попросилъ представленнаго къ этому колодцу ангела открыть колодець. Этотъ послѣдній ангелъ велѣлъ апостолу стать нѣсколько поодаль, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не смогъ бы вынести выходившаго изъ колодца срада. Когда потомъ апостолъ заглянулъ внизъ въ колодець, то увидѣлъ „во всѣхъ частяхъ его какъ бы горячіе камни; онъ былъ настолько узокъ, что въ отверстіе его едва могъ пройти человѣкъ“. Ангелъ сказалъ при этомъ: „кто будетъ ввергнуть въ бездну и въ этотъ колодець, его тотчасъ же запечатываютъ здѣсь, и съ тѣхъ поръ нѣтъ уже о немъ памяти во вѣки предъ Отцемъ Небеснымъ, Святымъ Духомъ и пресвятыми ангелами Его“. На вопросъ апостола: „кто эти, вметаемые въ колодець?“ ангелъ отвѣчалъ: „тѣ, которые не исповѣдали, что Іисусъ сходилъ во плоти, что Его родила Дѣва Марія, и которые хлѣба и вина, благословляемыхъ въ евхаристіи, не признаютъ истиннымъ Тѣломъ и Кровію Христовыми“.

На западъ отъ колодца апостолъ увидѣлъ „мужей и женъ въ грозѣ и скрежетѣ зубовномъ: это—, тѣ, которые говорили, что Христосъ не всталъ изъ мертвыхъ“; здѣсь совсѣмъ не было огня и вообще тепла, а только вѣтъ и гроза, при чемъ, по словамъ ангела, „если бы возсіяло и 7 солнць, то и они никогда не согрѣли бы мѣста этого, такъ какъ стужа его превосходитъ все“. Апостолъ заплакалъ, заплакали и всѣ мучившіеся здѣсь грѣшники вмѣстѣ съ ангеломъ. Затѣмъ онъ увидѣлъ „небо отверсто и Михаила архангела завѣта, сходящаго съ неба; а съ ними сошли и всѣ воинства ангельскія къ находящимся въ мукахъ“. Эти послѣдніе возопили: *помилуй ны, Михаиле архангеле завѣту и милости! ты бо молишься за человечество и молитвами твоими доселѣ стоитъ земля. И видѣхомъ уже судъ, познахомъ Сына Божія: но похоти, печали же житейскія не даша намъ покаяться*“. Архангелъ отвѣчалъ на мольбу грѣшниковъ: „слушайте, пребывающіи въ мукахъ, Михаила говорящаго: я предстоялъ предъ Богомъ и не замедлилъ ни одного дня, ни ночи, моля безпрестанно за родъ человѣческій. Но вы сами не промили ни одного дня творя беззаконіе и проводили время жизни своей въ суетѣ вмѣсто того, чтобы помнить о будущемъ праведномъ издвоздаяніи. Говорю вамъ: если кто сотворитъ и малое добро, заступленіемъ его избѣжитъ муки вѣчной. Но гдѣ молитвы ваши? гдѣ покаеніе?... Плачьте нынѣ“. Грѣшники зарыдали и возопили въ одинъ голосъ *„помилуй ны, Сыне Божій!“* За ними стали молить Господа Бога о помилованіи грѣшниковъ св. ап. Павелъ и тмы темъ ангеловъ во главѣ съ архангеломъ Михаиломъ. Небо заколебалось, какъ дерево отъ вѣтра, всѣ пали ницъ предъ престоломъ Божиимъ, и апостолъ увидѣлъ, какъ поклонились 4 старца и 24 животныхъ. Потомъ небо отверзлось, и онъ увидѣлъ Сына Человѣческаго, сходящаго съ небесъ, *„и уясло на главу Его*“. Находящіеся въ мукахъ грѣшники возопили къ Нему: *„помилуй ны, Сыне Божій Вышняго! Ты бо еси всѣмъ подаеши милость на небеси и на земли, и ны та-*

коже помилуй, отнелъ бо видѣхомъ Тя и почиомъ“. Спаситель отвѣчалъ имъ: „что вы сотворили, что просите у Меня покоя? Кровь Моя за васъ,—и вы не покаялись; васъ ради я зашепѣ былъ по ланитамъ,—и вы не покаялись. За васъ вѣнецъ терновый носилъ на головѣ,—и вы также не покаялись. Воды просилъ, вися на крестѣ, и дали Мнѣ оцетъ, смѣшанный съ желчію. Копьемъ прободили Мнѣ ребро правое за имя человѣческое рабы Мои. Пророковъ и праведниковъ избили. И при всемъ томъ Я далъ вамъ время для покаянья. Нынѣ же ради Михаила, архангела завѣта Моего, и ради предстательствующихъ съ нимъ ангеловъ Моихъ, ради возлюбленнаго Моего Павла, котораго не хочу опечалить, въ особенности же ради всеблагаго Моего воскресенія изъ мертвыхъ *даю вамъ покой сущимъ въ муцѣ, покой и въ день и въ ночь святыя недѣля“.* И всѣ возопили и сказали: „*благословимъ Тя, Господи Боже, яко пода намъ на покой дни того“.*“

Послѣ этого ангелъ показывалъ св. ап. Павлу рай.— „Слѣдуй за мною,—сказалъ онъ: да введу тебя въ рай, пусть увидятъ тебя ваходящіеся тамъ праведники; они ждутъ тебя и встрѣтятъ съ радостію и веселіемъ“. Въ Эдемскомъ раю, въ которомъ пали Адамъ и Ева, апостолъ увидѣлъ *четыре* извѣстныхъ рѣки. Начало свое онѣ берутъ отъ корня дерева, на которомъ почиваетъ Духъ Божій, и „*всегда дыхати Духу, идяху воды“.* Затѣмъ ангелъ показалъ апостолу древо познанія добра и зла, чрезъ которое смерть вошла въ міръ, и древо жизни, которое стерегъ херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ. Въ то время, когда апостолъ смотрѣлъ на эти деревья, вдругъ онъ увидѣлъ „Дѣву издалеца грядущую, и 200 ангелъ грядуща“: то была Пресвятая Дѣва Марія, Матерь Господа. Подошедши, Она облобызала апостола и сказала: „*радуйся, любимице Божій, ангеломъ и человѣкомъ“.*“ Въ это же время онъ увидѣлъ *трехъ* человѣкъ, „грядуща издалеца, и красни взоромъ, и образи ихъ свѣтлѣхуся, и съ ними ангели пояху предъ ними идуще“: то были „отци

людетіи: Аврамъ, Исаакъ и Яковъ“. Подошедши къ апостолу, они также облобызали его и сказали: „радуйся, возлюблене Богомъ и ангеломъ и человекомъ.“ Не окончили они еще своего привѣтствія, какъ апостоль увидѣлъ „другаго издалеца идуща красна зѣло, и ангела его поюща“: то былъ Моисей. Приблизившись къ апостолу, онъ заплакалъ, облобызалъ его и сказалъ: „блаженъ еси, Павле, и языкъ отруая словеси твоему“. Далѣе онъ увидѣлъ Исаію, Іеремію; видѣлъ Ноя, съ которымъ бесѣдовалъ о потопѣ; видѣлъ, наконецъ, Илію и Елисея. Всѣ его привѣтствовали и радостно лобызали.—Такимъ образомъ, въ чемъ именно состоитъ блаженство праведниковъ въ раю, „Слово о видѣніи апостола Павла“ умалчиваетъ.

Небольшой апокрифъ: „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму о праведныхъ душахъ“, изданный проф. Н. Тихомировымъ по полууставной рукописи 16-го вѣка, принадлежавшей Іосифову Волоколамскому монастырю, а нынѣ—Московской духовной Академіи 1), заключаетъ въ себѣ сравнительно мало оригинальнаго. Въ этомъ апокрифѣ говорится о состояніи за гробомъ души человѣка праведнаго и души человѣка грѣшнаго,—но почти всѣ сообщаемыя въ немъ объ этомъ свѣдѣнія заимствованы частію изъ церковныхъ сочиненій, частію же у Евстратія, пресвитера Константинопольскаго. Содержаніе апокрифа слѣдующее. Св. ап. Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Авраама: „отче Аврааме, ты пребываеши въ рай, ты пріемлещи праведныхъ души: скажи ми, отче, чѣмъ насыщаются праведніи въ раю?“ Авраамъ отвѣчаетъ, что души праведныхъ насыщаются въ раю „пищею небесною, святою службою, свѣщею, просвирою, милостынею пръвою.... и егда ангели изъ тѣла изымутъ душу ту и несутъ на небеса къ престолу Божію, тогда усрѣтають ту праведную душу бѣси вся 20 мытарства злая дѣла ангели же не дадутъ души той бѣсомъ въ поруганіе и поставятъ душу ту

1) „Памятники отреченной русской литературы“, т. 2, стр. 193—196.

право суду Христова, близь престола Божія, ждуще отъ нея памяти, святыхъ службы, свѣщи, просвиры, милостыни правыя. Еще будетъ въ вѣй (3-й) день служба, свѣща, просвира, милостыня правая: тогда та душа просвѣщается и насыщается. и радостна бываетъ: того ради Господь нашъ Іисусъ Христосъ на крестѣ распенся, волею во адъ спедъ и царствіе его разруши и сатану и дьявола связа и потомъ воскресе въ 3 день Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Адама и Еву и вся праведники воскреси: того ради правятся *третинны*“. Далѣе указываются основанія другихъ поминальныхъ дней послѣ смерти покойника. Если въ дни, назначенные для поминовенія, бываетъ по душѣ „служба, свѣща, просвира и милостыня правая“, въ такомъ случаѣ „поставятъ тую душу ангели у престола Божія, и речетъ ей Господь: радуйся и веселися, праведная душе, жила еси въ законѣ Моємъ, добръ исходъ твой, и добро дѣло твое, и добра память твоя: безъ грабленія никогже обидѣла еси живущи на земли благословя“. И ангеламъ скажетъ: „несите душу сію въ рай на лоно Аврааму и Исаку и Якову въ жизнь вѣчную“. Если же „какая жила душа во убожествѣ, въ сиротствѣ, а не могла творити ни службы, ни свѣщи, ни просфиры, ни милостыни правыя, а Тѣло и Кровь Господню пріяла съ чистотою, а добро дѣло Божіе будетъ творила, то и ту пріемлетъ Господь противу службы, и свѣщи, и просфиры, и милостыни правыя добрая дѣла твоя“. И скажетъ Господь ангеламъ: „понесите душу сію въ рай на лоно Аврааму, Исаку и Якову въ жизнь вѣчную“. Наконецъ, если „какая душа жила на земли безъ сумнѣнія не боящися Бога, ни ангелъ Божіихъ, ни евангелія святаго, ни отецъ духовныхъ, а злая дѣла творила скупостію, гордостію гордѣла, ярость, сребролюбіе, татба, зависть, клеветаніе, разбой, душегубство, чародѣйство, лихоиманіе, грабленіе, рѣзоиманіе и вся непріязненная дѣла: еще не будетъ по души той памяти, ни службы, ни свѣщи, ни просфиры, ни милостыни правыя, да не помянетъ ея никтоже, ни отецъ духовный въ молит-

вахъ, занеже не творила заповѣдей Христовыхъ: да и ту душу принесутъ престолу Христову Божию, тогдаже речетъ Господь: душе окаянная! въ беззаконіи жила еси на земли, зло творила еси дѣла сатанина и дьяволя и ангелъ ихъ, а молбы Христу нѣсть по тебѣ, ни памяти, ничегоже, золь исходъ твой, и зла память твоя“. И скажетъ ангеламъ: „врините душу сію въ муку вѣчную: не пребудутъ же законопреступници предъ очима Моима“. И предадутъ ангелы ту грѣшную душу лютымъ бѣсамъ; бѣсы же понесутъ ее въ огнь неугасимый и въ муку вѣчную, во тьму кромѣшную: тамъ будетъ плачъ и срезжетъ зубовъ.

Греческій подлинникъ апокрифа: „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ“ не открытъ и по настоящее время, равно какъ нѣтъ о немъ упоминанія и въ греческомъ *Индексѣ*, вслѣдствіе чего о происхожденіи этого апокрифа нельзя сказать ничего болѣе или менѣе опредѣленнаго. Пыпинъ и Спасовичъ въ своемъ „Обзорѣ исторіи славянскихъ литературъ“ (стр. 69) полагаютъ, что „Вопросы“ вышли изъ рукъ болгарскихъ еретиковъ богомиловъ, у которыхъ св. ап. Іоаннъ Богословъ пользовался особымъ почитаніемъ. Въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ апокрифъ этотъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ, не восходящихъ, впрочемъ, ранѣе 16-го вѣка. Болѣе извѣстные списки его изданы проф. Н. Тихонравовымъ ¹⁾ и А. Пыпинымъ ²⁾. Онъ касается разныхъ вопросовъ, иногда даже не имѣющихъ прямого отношенія къ загробной жизни, при чемъ нельзя не видѣть въ немъ по мѣстамъ довольно явныхъ слѣдовъ вліянія извѣстныхъ апокрифическихъ сказаній: „Хожденія Богородицы

¹⁾ „Памятники отреченной русской литературы“, т. 2, стр. 197—204, 204—210; 210—212.

²⁾ „Памятники старинной русской литературы“, изд. гр. Гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. 3, стр. 113—116, 117.—При изложеніи содержанія сказанія мы пользуемся всѣми означенными списками его.

по мукамъ“, „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Оаворской“ и нѣк. др.

Въ началѣ апокрифа говорится о томъ, что Іисусъ Христосъ, взшедши на гору Елеонскую съ учениками Своими, сказалъ имъ: „Я отхожу отъ васъ на небо и возвожу туда съ Собою Адама и тѣхъ, которые съ нимъ“. И сказалъ Аврааму: „Авраамъ! тебѣ передаю души разлучать ихъ на двѣ стороны: однѣ—праведныя—на небо, а другія—грѣшныя—во адъ“. Послѣ того ап. Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Господа: „Господи, скажи намъ, когда будетъ кончина міра и пришествіе Твое на землю и воскресеніе отъ вѣка умершихъ?“—„Тогда будетъ кончина міра и пришествіе Мое на землю,—отвѣчаетъ Господь,—когда будетъ мерзость на землѣ въ людяхъ, безстыдство въ родѣ семъ, землетрясенія, многія погибели и бѣды многія и войны; когда возненавидитъ братъ брата и предастъ на смерть, и возстанетъ князь на князя. Тогда будетъ людямъ печаль и воздыханіе великое....“ Затѣмъ апокрифъ совершенно неожиданно вдругъ переходитъ къ повѣствованію о томъ, что Іоаннъ Θεологъ вознесенъ былъ на небо къ Аврааму и спросилъ его: „Отче Аврааме! узнаютъ ли на томъ свѣтѣ люди другъ друга—отца, мать, братьевъ, сестеръ, сосѣдей и друзей своихъ?“ Авраамъ отвѣчаетъ: „когда воскреситъ Господь Адама, и съ нимъ воскреснутъ прочіе земнородныя, тогда всѣ узнаютъ другъ друга и въ радости облобызаются отцы и матери съ чадами своими“. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ св. ап. Іоанна Богослова, на которые Авраамъ даетъ такіе или иные отвѣты. Приведемъ болѣе интересные изъ этихъ отвѣтовъ.

Души *знаются* на томъ свѣтѣ такъ же, какъ мы *знаемся* на этомъ свѣтѣ. Какъ младенецъ рождается, растетъ и постепенно приходитъ въ смыслъ на землѣ; такъ душа его, если онъ умретъ въ младенческіе годы, растетъ и постепенно приходитъ въ смыслъ на томъ свѣтѣ. Душа къ тѣлу до всеобщаго воскресенія никогда не приходитъ. Такъ какъ су-

пруговъ сочетаваеъ Богъ *въ плоть едину*, то и на судѣ они представутъ вмѣстѣ и соберутъ вокругъ себя всѣхъ дѣтей своихъ. Грѣшную душу, послѣ смерти человѣка, ангелы держатъ у себя до *деяти* дней, говоря: „можетъ быть, кто-нибудь помянетъ ее“. Если же никто въ теченіе этого времени не помянетъ душу грѣшную, то ангелы снова держатъ ее у себя до *сорока* дней, говоря: „можетъ быть, она кого-нибудь накормила, или напоила, или одѣла, или священникъ помянетъ ее въ молитвахъ своихъ“. Если же и во все это время никто не совершитъ поминовенія по грѣшной душѣ, то, по истеченіи *сорока* дней, ангелы скажутъ ей: „иди, убогая душа, во тьму кромѣшную“. Во тьмѣ кромѣшной грѣшная душа пребываетъ отъ Великаго четверга „до пентикостія“. Душа же праведнаго, по словамъ Давида, *во блзихъ водворится, и сѣмя ихъ наслѣдитъ землю*; посидѣвши сначала на лонѣ Авраама, душа праведнаго идетъ затѣмъ на небеса къ Богу. Если жена согрѣшаетъ, то это зачтется мужу въ великій грѣхъ, потому что ихъ сочеталъ Самъ Богъ. Если кто женатъ на третьей жепѣ, то на томъ свѣтѣ онъ станетъ только съ первою женою: „вторая бо и третья прелюбодѣянiя ради; то же и блудъ творить и прелюбодѣянiя“. Тѣ, которые приняли крещеніе и начали снова жить по-скотски: ѣдятъ, пьютъ, а лица своего не вкрестятъ, пойдутъ въ адъ, чтобы не увидѣли славы Господней, и погибнутъ. Тати и клеветники также погибнутъ безъ отвѣта. Души праведныхъ питаются на томъ свѣтѣ хлѣбомъ ангельскимъ и пищею небесною, а души грѣшныхъ питаются такою же пищею, какъ и на этомъ свѣтѣ. Когда ставятъ свѣчу по душѣ и посылаютъ для поминовенія ея кутью, тогда бываетъ тѣмъ душамъ „великая память“ и великая радость: какъ обрадовался Адамъ, когда изведенъ былъ Господомъ изъ тьмы, такъ обрадуются души усопшихъ тѣмъ свѣчамъ и той кутьѣ. Дворъ тѣхъ, которые ходятъ къ волхвамъ и приобрѣтаютъ съ ихъ помощію богатство, будетъ, по слову Давида,

пусть, память ихъ погибнетъ отъ земли, на домѣ ихъ будетъ клятва Божія, а сами они погибнутъ безъ отвѣта. Богатство только тогда бываетъ во спасеніе души, когда человѣкъ не прилагаетъ къ нему сердца своего: ни одинъ апостолъ, ни одинъ мученикъ не были богаты, равно какъ ни одинъ пророкъ, ни одинъ святитель, но всѣ они раздавали имѣнія свои нищимъ и тѣмъ приобрѣли себѣ богатство на небѣ; богатство только заставляеть человѣка превозноситься на землѣ, а пренебреженіе и высокомѣріе по отношенію къ убогимъ—пагуба для души. Терпѣніе нищихъ не погибнетъ: они получаютъ великую награду, такъ какъ пострадали въ этой жизни. Если бы крещенный человѣкъ почему-либо умеръ среди язычниковъ, въ день всеобщаго воскресенія онъ все же станетъ среди христіанъ, по слову Давида: *разстѣяныя сберетъ; избранныя удивитъ Богъ нашъ*. На вопросъ Іоанна Богослова, почему люди умираютъ въ различные возрасты, Авраамъ отвѣчаетъ: „въ году 365 дней, въ тѣхъ дняхъ есть часы и междучасья; если родится мальчикъ или дѣвочка въ исходѣ дня, то умереть только въ старости; кто родится въ *худшій часъ*, (въ исходѣ часа?) тотъ умереть въ среднемъ возрастѣ; наконецъ, кто родился въ исходѣ междучасья, тотъ умереть въ младенчествѣ“. Если человѣкъ исповѣдаетъ грѣхи свои предъ священникомъ, и священникъ наложить на него епитимію—поститься для заглаженія грѣховъ своихъ, въ такомъ случаѣ простятся грѣхи человѣку тому. Священникъ принимаетъ на себя грѣхи исповѣдующихся предъ нимъ. Если исповѣдавшійся снова начинаетъ творить грѣхи и снова въ нихъ исповѣдается, то ему и эти грѣхи отпустятся: Господь Богъ для того установилъ Четыредесятницу, чтобы грѣшники могли очиститься въ теченіе ея отъ всѣхъ грѣховъ своихъ. На страшномъ судѣ епископы будутъ отвѣчать за священниковъ, священники—за мірянъ, игумены—за монаховъ; и скажутъ, представши предъ праведнымъ и страшнымъ Судіею: *се азъ и дѣти, яже ми еси далъ*. Епископы, священники и игумены, которые чрезмѣрно превозносились

на этомъ свѣтѣ предъ людьми, будутъ на страшномъ судѣ отвергнуты Господомъ, какъ отвергнуть Имъ былъ гордый фарисей, между тѣмъ какъ смиренный мытарь былъ оправданъ; потому что священнику надлежитъ быть кроткимъ, смиреннымъ, тихимъ и имѣть ко всякому любовь. Нѣсколько послѣдующихъ затѣмъ вопросовъ и отвѣтовъ касаются важности и высокаго значенія священнаго сана, при чемъ относительно тѣхъ, которые „не чтятъ поповъ и чинъ его попираютъ“, Авраамъ замѣчаетъ: „чадо, не слышалъ ли, что *жидове* сотворили Богу, и не слышалъ ли, какъ сказалъ имъ Господь: *да быша челоуѣци ти не ражали, тако створише*“. На вопросъ Іоанна: какъ могутъ воскреснуть и явиться на судъ умершіе съ тѣлами, когда тѣла ихъ сгніютъ? Авраамъ отвѣчаетъ: „чадо, не слышишь ли Давида, говоряща *последши Духъ Свой созиждутся обновити лице земли*? Первая труба вострубитъ въ полночь,—и тѣла въ гробахъ оснуются и зародятся, какъ паутина. Вторая труба вострубитъ предъ пѣніемъ пѣтуховъ,—и тѣла созиждутся и сдѣлаются нетлѣнными, и души войдутъ каждая въ свое тѣло. Третья труба вострубитъ предъ зарею,—и воскреснутъ сначала вѣровавшіе во Христа и устремятся съ радостію по землѣ, узнавая другъ друга и лобзаясь другъ съ другомъ, славяще Бога и Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святаго Духа; и будетъ въ устахъ ихъ *слаждше меду седмю частію*. Тогда всѣ люди—цари и князья, митрополиты, епископы, игумены, священники, діаконы, монахи, монахини—весь міръ предстанутъ каждый въ своемъ чинѣ. Жиды станутъ ошуюю съ гнѣвомъ Божиимъ....; потому что всякій народъ вѣруетъ, что есть Богъ, кромѣ однихъ только жидовъ, которые, отвергшись Бога, погибли во вѣки. Отъ жидовъ произошли всѣ *поганые* на землѣ. И скажутъ жиды Господу: „Господи! за что Ты насъ осуждаешь? Мы—Твой избранный народъ“. И отвѣтитъ имъ Іисусъ: „сами вы сказали: *кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ*“. Послѣ того они осуждены будутъ, и погибнетъ память ихъ съ шумомъ“.—Воскресеніе изъ мертвыхъ

будетъ въ святую недѣлю Пасхи. Послѣ того навсегда мы уже пребудемъ съ Господомъ и со всѣми святыми, „славя Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святаго Духа и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“.

(Окончаніе будетъ).

Обозрѣніе проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ.

Въ истекшемъ 1897 году на упорядоченіе дѣла проповѣдничества приходскаго вообще и главнымъ образомъ сельскаго духовенства обратилъ вниманіе Преосв. Іустинъ, Епископъ Уфимскій. Въ своемъ нарочитомъ предложеніи-воззваніи къ Уфимскому приходскому духовенству онъ говоритъ. „По заповѣди Спасителя (Матѣ. 28, 19—20), каждый пастырь Церкви долженъ *быть учительнымъ* (1 Тим. 3, 2); а по примѣру св. ап. Павла, служители Христовы, преемники апостоловъ, обязаны сказать своимъ пасомымъ *всю волю Божию* для того, чтобы христіанинъ зналъ и имѣлъ возможность свою волю сообразовать съ волею Божіею. Воля Божія открыта въ Свящ. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта, разъяснена и опредѣлена въ ученіи Православной христіанской Церкви: въ ея догматахъ, правоученіи, богослуженіи, таинствахъ и обрядахъ, доселѣ выясняемыхъ въ разныхъ церковныхъ поученіяхъ. Вотъ предметы и способы, находящіеся подъ руками просвѣщеннаго наукою и благодатію Божіею пастыря Церкви для сказанія всей воли Божіей своимъ пасомымъ. Въ руководствахъ и пособіяхъ для проповѣди въ наше время не только нѣтъ недостатка, но въ нихъ—неистощимое обиліе, такъ что и разобраться въ нихъ трудно, и не знаемъ, какому отдать преимущество. Возьмите, напр., *Полный годичный кругъ краткихъ поученій священника ма-*

гистра о. Григорія Дьяченко, *Руководство для сельских пастырей съ Приложеніями, Пастырскій Собесѣдникъ съ приложеніями, Воскресное Чтеніе съ приложеніями* и другія отдѣльныя изданія проповѣдей. Лѣтъ 20—30 тому назадъ ничего подобнаго не было. Остается только, съ Божіею помощію и съ особеннымъ усердіемъ, взяться за дѣло, но взяться умѣючи и какъ должно, а не такъ, какъ это обыкновенно дѣлается. „Обыкновенно проповѣдуютъ, — продолжаетъ затѣмъ Преосв. Іустинъ, — что попало, какъ попало и когда придется... Хорошо и это; но проповѣдывать обдуманно, въ извѣстномъ порядкѣ, вести слушателей постоянно и постепенно—отъ меньшаго къ большому, отъ простаго къ болѣе сложному, отъ начальнаго ученія—*словеснаго млека*—къ полному и совершенному—*твердой пищѣ*, безъ сомнѣнія, гораздо полезнѣе. Извѣстный порядокъ и постепенность мы видимъ во всемъ благоустроенномъ; потому и въ проповѣданіи благоплодномъ должны существовать стройность и постепенность. Отъ стройности и постепенности въ проповѣданіи произойдетъ великая польза и для поучающихъ, и для поучаемыхъ. Проповѣдникъ освободится вообще отъ такъ называемыхъ логическихъ скачковъ, приучитъ мысль свою углубляться въ предметы своей проповѣди и постепенно—болѣе и болѣе—усвоятъ и развивать ихъ въ своемъ умѣ, всесторонне осматривать и осмысливать ихъ и такимъ образомъ выносить ихъ предъ слушателей въ зрѣломъ видѣ и выражать ясно, точно и опредѣленно. Таковую зрѣлую и ясную—прочувствованную проповѣдь и слушатели будутъ, конечно, охотнѣе слушать и усвоятъ лучше и твердо; и постепенность въ проповѣданіи будетъ влгать въ умы и сердца слушателей предметъ за предметомъ, въ извѣстной связи и порядкѣ, свойственныхъ и понятныхъ для логики всякаго ума, даже не получившаго систематическаго образованія, но ума здраваго и простаго. Если добрый пастырь такъ именно будетъ учить своихъ прихожанъ; то добрые плоды его ученія, безъ сомнѣнія, скоро покажутся и созрѣютъ. Чрезъ 10—20 лѣтъ

паству его и узнать нельзя будетъ: она сдѣлается вполне просвѣщенною Христовымъ ученіемъ, православно христіанскою паствою, какой только пожелать можно. вмѣсто невѣжества и грубыхъ пороковъ, въ такой паствѣ процвѣтетъ живая вѣра и истинное благочестіе.—Итакъ, добрые пастыри Церкви Христовой, начинайте—съ Богомъ и любовію—сѣять сѣмя Слова Божія въ вашихъ приходахъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ. Начинайте съ малаго и восходите къ большому и большому. Учите въ школахъ, наставляйте при встрѣчахъ съ прихожанами, бесѣдуйте въ собраніяхъ вѣбогослужебныхъ, проповѣдуйте въ церквахъ. Этого требуетъ вашъ первый священный долгъ; этого требуетъ ваша собственная слава и честь; этого требуютъ и современные обстоятельства нашей жизни. Если внимательно смотрѣть на современное глубокое и пространное море пробуждающагося народнаго сознанія, то несомнѣнно можно замѣтить надъ нимъ тучи неистовыхъ бурь, разражающихся разномысліемъ и вольнодумствомъ, помрачающими святую истину, фанатизмомъ и изувѣрствомъ, искажающими ученіе Христово; а потому, какъ отъ пловцовъ по этому морю, такъ, въ особенности, отъ кормчихъ требуется особенная бдительность. Тяготѣніе къ землѣ и забвеніе о небѣ стали распространяться и между простымъ народомъ, разбуженнымъ самостоятельностью жизни. Въ нашемъ простомъ, добромъ и изстари православномъ народѣ давно уже появились и снова все болѣе и болѣе появляются лжеучители всевозможныхъ видовъ, отступники отъ церковнаго устава, презрители св. постовъ, нерадивцы о долгѣ исповѣди и св. причащенія. Вообще, добрые старые обычаи мѣняются на новые, хотя болѣе легкіе, но менѣе нравственные. Такое направленіе въ жизни современныхъ христіанъ,—хотя не повсемѣстное, но могущее скоро сдѣлаться таковымъ,—крайне печально и губительно и требуетъ врачеванія немедленнаго, усерднаго, неусыпнаго. Врачами же такого пагубнаго проявленія въ религіозно-нравственной жизни современныхъ намъ христіанъ призваны быть

пастыри Церкви. Они—*ієреи Божіи и стражи дома Его*: они должны быть бдительными кормчими корабля Христова и *ловцами челоуѣковъ*, чтобы изъ глубокаго и бурнаго моря вѣка сего извлекать людей отъ страшной тьмы земной и вводить въ жилище свѣта на небеси. Что если и мы съ вами вознерадимъ о домѣ своемъ и задремлемъ; кто будетъ охранять стадо, искупленное кровію Христовою? Кто будетъ спасать добрыхъ овецъ сего стада отъ волковъ хищныхъ и кровожадныхъ?! О, нѣтъ! мы не доведемъ себя сознательно до этого! Призываю васъ, возлюбленные мои соработники на нивѣ Христовой, и умоляю—со всѣмъ усердіемъ взяться за дѣло сѣянiя Слова Божiа. Есть у васъ св. Библия, есть Библейская исторiя, есть Церковная исторiя, есть Начатки христіанскаго ученiя, есть Катихизисъ, есть богословскія системы.... Начипайте же съ Богомъ усердно трудиться надъ первымъ и главнымъ нашимъ дѣломъ. Добрыхъ тружениковъ ожидаютъ честь и слава, награды и спасеніе—на землѣ и на небѣ. *Жатва многа. Изведи, Господи, дѣлателей*“ (Уфимск. Епарх. Вѣд. 1897 г. № 4)!

Чтобы скорѣе, вѣрнѣе и цѣлесообразнѣе слово и доброе намѣреніе перешло въ дѣло, Преосв. Іустинъ выработалъ и своевременно напечаталъ на страницахъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей весьма подробныя и обстоятельныя „Руководственныя программы пастырскихъ поученій“ по всѣмъ указаннымъ выше предметамъ. Насколько полезна принятая Преосв. Іустиномъ мѣра для поднятія и упорядоченiя пастырскаго проповѣданiя Слова Божiа, очевидно для всякаго. Въ теченіе всего 1897 года въ Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ печатались почти исключительно проповѣди самого Преосвященнаго, которыя должны будутъ по-

служить образцомъ для проповѣдей приходскихъ священниковъ Уфимской епархіи.

Трудно представить въ общихъ и краткихъ чертахъ болѣе или менѣе яркую и вполне опредѣленную, точную характеристику проповѣди *всего* приходскаго духовенства за разсматриваемый годъ на основаніи проповѣдей, печатавшихся въ различныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. На болѣе выдающихся мы остановимся ниже. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ недостаткахъ, которые невольно бросаются въ глаза при чтеніи многихъ изъ проповѣдей, тѣмъ болѣе, что устранить эти недостатки весьма легко и не менѣе того желательно.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 мая 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., *прот. І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, іюня 14-го.

Содержаніе: Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности.—
Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штудистовъ и подобныхъ
имъ сектантовъ (продолженіе).—Обозрѣніе проповѣдей въ Епар-
хіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ (продолженіе).

Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности.

Среди пастырскихъ обязанностей, существовавшихъ и прежде, а теперь, подѣ влияніемъ различныхъ явленій въ жизни народа, усиленныхъ, на первое мѣсто нужно поста-
вить *точное и благолѣпное совершеніе общественнаго и ча-
стнаго богослуженія и народное учительство.* Требованіе
истоваго, благоговѣйнаго совершенія богослуженія отъ пра-
вославнаго духовенства есть самое законное требованіе, въ
исполненію котораго должны быть направлены всѣ усилія и
при томъ—прежде всего. У насъ принято думать, что благо-

говѣйное и истовое совершеніе богослуженія зависить всецѣло и исключительно отъ священника. Между тѣмъ, это не всегда такъ. Развѣ, напр., неизвѣстно вліяніе на эту сторону пастырской дѣятельности прихожанъ изъ образованныхъ или даже мнящихъ только себя таковыми? Всѣ они желаютъ обыкновенно, чтобы богослуженіе не *затягивалось*,— и желаютъ этого въ видахъ разныхъ своихъ житейскихъ— часто слишкомъ мелочныхъ—соображеній и расчетовъ. Всѣмъ извѣстно также отношеніе къ богослуженію бывшихъ помѣщиковъ, а ихъ роль стараются разыгрывать въ этомъ отношеніи въ настоящее время заступившіе помѣщиковъ толстосумы—землевладѣльцы. Послѣдніе нерѣдко считаютъ себя даже въ правѣ *требовать*, чтобы религиозные интересы прихода приносимы были въ жертву ихъ житейскимъ интересамъ; особенно это нужно сказать о мѣстностяхъ съ сильно развитой фабричной и заводской промышленностію. Что дѣлать священнику въ такихъ обстоятельствахъ? Кто не знаетъ условій матеріальной зависимости нашего духовенства отъ прихожанъ? Кто вмѣстѣ съ тѣмъ не знаетъ и того, какъ часто возникаютъ на этой именно почвѣ различныя слѣдственные *дѣла* по совершенно неосновательнымъ доносамъ на священниковъ, которые честно борются съ указаннымъ печальнымъ явленіемъ? Съ другой стороны, благолѣпіе богослуженія весьма много зависить отъ чтенія и пѣнія церковнаго. Въ этомъ отношеніи приходскіе пастыри многое могутъ сдѣлать своими личными стараніями. Въ распоряженіи ихъ находится могучее средство—церковная школа; въ ихъ же рукахъ до извѣстной степени находится и возможность завести въ храмѣ если не общее церковное пѣніе, то, по крайней мѣрѣ, пѣніе нѣкоторыхъ грамотныхъ изъ прихожанъ, имѣющихъ хорошіе голоса. Кромѣ того, нѣкоторыми архипастырями, въ цѣляхъ удовлетворенія указанной нужды въ хорошихъ пѣвцахъ и чтецахъ въ приходскихъ церквахъ, помимо общихъ заботъ о развитіи вообще образованія среди духовенства и въ частности обученія церковному пѣнію въ

духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, устроятся нарочитыя псаломщическія и пѣвческія школы.

Не указывая всѣхъ другихъ условій, отъ которыхъ зависитъ исполненіе приходскимъ духовенствомъ требованій относительно благочинія и благолѣпія богослуженія, остановимся еще на слѣдующемъ. Какъ совершать благолѣпно и по чину богослуженіе частное въ приходахъ большихъ или разбросанныхъ? Необходимо отслужить молебенъ, напр., въ праздникъ Пасхи въ домѣ каждаго прихожанина со всею полнотою; но достанетъ ли времени и силъ у священника и причта сдѣлать это въ приходахъ большихъ и разбросанныхъ, гдѣ къ тому же есть нѣсколько деревень, отстоящихъ одна отъ другой на болѣе или менѣе далекое разстояніе? Намъ извѣстны случаи, когда съ молебнами на св. Пасху причты ходятъ всю недѣлю; въ нѣкоторыхъ приходахъ священники во всю Святую недѣлю почти и не бываютъ дома, среди своей семьи. Равнымъ образомъ, какъ выполнить требованіе относительно полноты совершенія частнаго богослуженія въ такомъ, напр., приходѣ, въ которомъ въ промежутокъ времени отъ 3 по 7 августа было—погребеній 25, крещеній 15, и, кромѣ того, болѣе 10 разъ пришлось ѣздить по приходу съ другими требами? И подобное количество требъ—не исключительная случайность, а почти обыкновенное явленіе, особенно лѣтомъ, когда по селамъ, какъ извѣстно, такъ много умираетъ дѣтей. Въ настоящее время большинство образованныхъ священниковъ начинаетъ смотрѣть на разныя ходенія по приходу (съ св. крестомъ, св. молитвой, св. водой, съ молебнами), главнымъ образомъ, какъ на одно изъ могучихъ средствъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на прихожанъ; въ скоромъ времени, нужно надѣяться, такой вполне вѣрный взглядъ получитъ повсемѣстное распространеніе. Ясно, что эти носѣщенія причтомъ прихожанъ еще болѣе будутъ достигать цѣлей религіознаго просвѣщенія послѣднихъ, если только богослуженіе, совершаемое во время ихъ, будетъ исполняться по чину и съ благолѣ-

піємъ. При явной же невозможности исполнить это требованіе, вслѣдствіе многолюдства прихода или разбросанности его, прибѣгаютъ, какъ мы слышали, къ такому средству: *отслужатъ въ храмъ общій торжественный молебенъ* и объявляютъ прихожанамъ, что, по указаннымъ выше причинамъ, въ домѣ каждаго прихожанина будутъ прочитаны и пройты только нѣкоторые молитвословія и пѣснопѣнія; то же самое будетъ дѣлаемо и въ приписныхъ деревняхъ. При подобной постановкѣ дѣла, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ будетъ ясно, что совершается въ домахъ прихожанъ, и будетъ отнята возможность нареканій, давшихъ, надо полагать, содержаніе извѣстной пословицы: „отзвонилъ да и съ колокольни долой“.

Мы должны отмѣтить, что, не смотря на разныя препятствія, многіе изъ приходскихъ пастырей дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ для приданія совершенію какъ общественнаго, такъ и частнаго богослуженія должнаго благолѣпія. И вліяніе этого обстоятельства на приходскую жизнь въ высшей степени благотворно: храмы всегда въ такихъ приходахъ переполнены; даже живущіе въ приходахъ раскольники начинаютъ посѣщать православное богослуженіе и даже принимать къ себѣ на-домъ священниковъ. Самое подготовленіе къ богослуженію, напр., снѣвки въ школѣ, выслушивание учениковъ, назначенныхъ для чтенія въ церкви,—все это придаетъ особый характеръ праздничному дню и устанавливаетъ во всемъ приходѣ особое, вполне соответствующее значенію христіанскихъ праздниковъ настроеніе и даже поведеніе прихожанъ. Всѣ эти явленія слишкомъ отрадны, чтобы не пожелать имъ возможно широкаго распространенія.

Въ періодъ преобразованій обращено было особенно серьезное вниманіе на развитіе образованія среди народа. Нужда въ этомъ была, дѣйствительно, великая. Но отнеслись къ указанному вопросу, не принявъ въ соображеніе всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ возможно и должно было удовлетворить назрѣвшія нужды народа въ образованіи и въ то же время поддержать *равновѣсіе* силъ души народной, не

нарушать *мира* ея, дать народу возможность сознательно и разумно отнестись къ даруемымъ ему благамъ свободы и самоуправленія. Вотъ почему Тотъ, Кто захотѣлъ дать дѣйствительно прочную основу народному просвѣщенію, способную быть вѣрнѣйшимъ залогомъ всесторонняго, но въ то же время мирнаго, спокойнаго развитія этого просвѣщенія, обратился прежде всего къ Церкви, къ ея ученію о вѣрѣ и нравственности. И Царь-Миротворецъ призвалъ Православную Церковь къ самому дѣятельному участию въ народномъ просвѣщеніи, вслѣдствіе чего православное духовенство и выступило въ наши дни на поприщѣ народнаго учительства. Такимъ образомъ, эта—давнишняя, но только временно затѣненная—обязанность пастырей Церкви въ своемъ обновленномъ видѣ и въ своей большей степени неотложности является необходимымъ слѣдствіемъ предшествовавшихъ, а равно и существующихъ явленій въ духовной жизни народа.

Народное учительство, вслѣдствіе особенныхъ свойствъ пастырскаго служенія, для духовенства представляется въ двухъ главнѣйшихъ видахъ. Какъ пастырь Христова стада, священникъ является прежде всего учителемъ съ церковной кафедры и въ церкви. Этотъ видъ дѣятельности приходскаго духовенства, особенно сельскаго, недавно еще въ нныхъ мѣстахъ отсутствовалъ. Много было, конечно, причинъ для этого. Между тѣмъ, одновременное отсутствіе школъ и церковнаго учительства приводило естественнымъ путемъ къ тому, что религіозно-нравственное развитіе простого народа было на самой низкой ступени. Существованіе школъ при отсутствіи церковнаго учительства вело къ ослабленію въ приходѣ вліянія духовенства и Церкви, къ колебанію самой вѣры, что и выразилось въ появленіи новыхъ у насъ сектъ преимущественно раціоналистическаго направленія. Не ясно ли, что, кромѣ прямой заповѣди Спасителя—*учить*, существуетъ много и другихъ побудительныхъ причинъ для пастырей Церкви возможно выше поставить церковное учительство? На эту сторону дѣятельности приходскаго духовенства

обращено теперь церковною властію самое серьезное вниманіе. И нужно замѣтить, что въ настоящее время для усиленія проповѣдничества въ церквахъ существуетъ много благоприятныхъ условий. Значительное большинство священниковъ получило полное семинарское образованіе, въ курсѣ котораго развитію способностей для проповѣдничества отведено довольно времени и вниманія; среди городского духовенства можно встрѣтить много священниковъ съ высшимъ духовнымъ образованіемъ. Нѣтъ также недостатка и со стороны пособій и образцовъ проповѣдничества: духовные журналы и приложенія къ нимъ даютъ болѣе чѣмъ достаточный матеріалъ для проповѣди сельской и городской, для простого народа и для образованныхъ слушателей. Не меньше матеріала желающій можетъ найти въ тѣхъ же духовныхъ журналахъ и для внѣбогослужебныхъ чтеній и бесѣдъ. А сколько матеріала для пастырскаго учительства даетъ священнику ближайшее наблюденіе и изученіе жизни народной? Наконецъ, самое оживленіе приходской жизни, замѣчаемое теперь повсюду, не можетъ не поднять ревности приходскаго священника въ этомъ направленіи. И нужно замѣтить, что въ настоящее время церковное учительство быстро развивается. Много есть священниковъ, которые неустанно проповѣдуютъ и ведутъ внѣбогослужебныя чтенія и бесѣды, у нѣкоторыхъ это вошло уже въ обычай и стало неотъемлемою принадлежностію богослуженія; мало того,—есть среди приходскихъ пастырей и такіе, у которыхъ проповѣдничество и внѣбогослужебныя чтенія и бесѣды ведутся въ порядкѣ какъ относительно содержанія, такъ и внѣшняго расположенія, причемъ послѣднія сопровождаются туманными картинами. Но, къ сожалѣнію, нужно сказать, что такое отрадное явленіе далеко не можетъ быть признано повсемѣстнымъ.

Съ вопросомъ о внѣшней постановкѣ проповѣдничества тѣсно связанъ также вопросъ о содержаніи проповѣди. Что проповѣдывать: положительное ли ученіе Церкви о вѣрѣ и нравственности, или, имѣя въ виду религіозно-нравственное

состояніе прихода, больше обращать вниманія на то, что указывается самою жизнію?—Этотъ вопросъ во многихъ отношеніяхъ не безразличенъ. Есть, напр., не мало свидѣтельствъ о томъ, что въ приходахъ съ развитымъ—преимущественно нравственно-распущеннымъ фабричнымъ и промышленнымъ—населеніемъ *обижаются*, когда церковная проповѣдь носитъ въ большинствѣ случаевъ обличительный характеръ. Въстѣ съ тѣмъ существуютъ указанія жизни и обратнаго свойства: въ приходахъ съ населеніемъ спокойнымъ, ведущимъ болѣе патріархальную жизнь, обличенія вызываютъ великую радость и благодарность, особенно, если они направляются противъ нарушенія искони установившихся порядковъ жизни и взаимныхъ отношеній; слушаютъ съ умиленіемъ старики и вообще пожилые прихожане, когда „бабушка“ учитъ молодежь послушанію, скромности и уваженію въ старшимъ; съ тѣмъ же чувствомъ они выслушиваютъ обличеніе непорядковъ и въ ихъ жизни, и—что всего важнѣе—сказанное въ церкви служитъ основою и источникомъ домашнихъ вразумленій и разговоровъ, а это усиливаетъ вліяніе священника. Такая же противоположность въ указаніяхъ опыта существуетъ и относительно проповѣдей съ положительнымъ содержаніемъ: въ однихъ случаяхъ онѣ превращаются исключительно въ пустую формальность; въ другихъ—дѣйствіе ихъ на слушателей весьма благотворное, при чемъ замѣчено, что въ большинствѣ случаевъ такіа проповѣди остаются безъ замѣтнаго вліянія на слушателей изъ тѣхъ же промышленныхъ и фабричныхъ поселеній. Выводъ изъ такихъ указаній можетъ быть такой: требуется, въ цѣляхъ успѣшности пастырскаго проповѣдничества, отъ священниковъ тѣ же главнѣйшія условія, какія и отъ cadaго учителя-воспитателя, именно—знаніе своихъ слушателей, ихъ настроенія и умѣнье *во время* предлагать такую умственную пищу, какая наиболѣе можетъ быть пригодна для нихъ. Недостаточность знанія вѣры и требованій христіанской нравственности, которою страдаетъ нашъ народъ, и которая въ

иныхъ случаяхъ доходить до полнаго незнанія, понуждаетъ духовныхъ учителей народа возможно чаще и больше сообщать ему этихъ знаній. вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое развитіе разнаго рода пороковъ, угрожающее самымъ серьезнымъ образомъ всему церковному строю прихода, не можетъ быть оставляемо безъ вниманія и не можетъ не встрѣчать серьезнаго отпора. Къ этому нужно присоединить общезвѣстное воспитательное правило, что только то крѣпко прививается къ душѣ человѣческой, что не носитъ исключительно отвлеченнаго характера, но имѣетъ или близкое приложеніе къ жизни, или получаетъ изъ послѣдней надлежащее освѣщеніе и объясненіе. Истины христіанскаго вѣро—и правоученія слишкомъ высоки и чисты и потому требуютъ для своего усвоенія нѣкотораго рода наглядности, примѣровъ. Умѣнье, вниманіе и любовь къ своему дѣлу укажутъ всегда проповѣднику, какъ совмѣстить всѣ эти требованія, чтобы наилучше достигнуть общей цѣли—религіозно - нравственнаго просвѣщенія прихожанъ и частной—въ каждомъ данномъ случаѣ. Слѣдуетъ только принять за правило—въ обличенія не вводить личнаго отношенія, тѣмъ болѣе—раздраженія и даже излишней суровости,—ибо сказано: любовь все побѣждаетъ.

Храмъ Божій есть общее училище для всѣхъ возрастовъ и половъ. Чтобы преподаваемое въ немъ ученіе было надлежащимъ образомъ усвоено и служило дѣйствительно къ *жизнѣ и благочестію*, для этого необходимо священнику предварительно приготовить себѣ будущихъ слушателей. А такое подготовленіе можетъ и должно совершаться въ школѣ, такъ что школа сама собою является *предверіемъ* храма. Отсюда уже видно, что пастырь Церкви, призванный быть учителемъ въ храмѣ, въ то же время долженъ быть и учителемъ въ школѣ. Къ тому же выводу приводитъ и обширное, правильное пониманіе пастырскаго служенія. Тотъ, кому поручена Богомъ и людьми всемірная забота о спасеніи христіанскихъ душъ, на кого возложена великая отвѣтственность за

ихъ благосостояніе, никогда не можетъ и не долженъ быть равнодушнымъ къ умственной пищѣ, которою питаются дѣти его пасомыхъ, малые изъ этихъ пасомыхъ; тѣмъ болѣе онъ не можетъ быть равнодушнымъ, что начала духовной жизни, полагаемыя въ дѣтствѣ, опредѣляютъ всю будущность человѣка. Равнымъ образомъ, цѣли истиннаго просвѣщенія, какъ онѣ должны быть понимаемы съ точки зрѣнія блага личнаго и общественнаго, сами собою указываютъ, какой характеръ должна имѣть народная школа, кто долженъ быть ея руководителемъ. Въ основу школьнаго просвѣщенія должны быть положены истины, во-первыхъ, незыблемыя, а во-вторыхъ—всеобъемлющія и непререкаемыя по своему достоинству, при чемъ сообщеніе этихъ истинъ и развитіе ихъ въ цѣломъ рядѣ знаній должно имѣть въ виду не образованіе какой-либо одной способности, а просвѣщеніе всей души человеческой,—иначе онѣ должны быть вводимы въ душу человеческую не чрезъ одно ученіе, а главнымъ образомъ чрезъ воспитаніе. Истинно-просвѣщающая школа должна заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы выработать въ душѣ своихъ питомцевъ строгое, ясное нравственное направленіе, постоянную и непоколебимую склонность къ добру и постепенному совершенствованію. Навыки, неизмѣнная въ указанномъ направленіи душевная настроенность составляютъ благо человѣка. Они одни могутъ дать несравненно больше, чѣмъ всѣ въ мірѣ знанія, если только послѣднія лишены истинныхъ и животворныхъ нравственныхъ началъ. Такими же высшими нравственными началами, все въ себѣ объединяющими, все возвышающими и всему сообщающими истинно-человѣческій смыслъ и значеніе, могутъ быть только *религіозно-нравственныя истины*, не выдуманная челоѣкомъ, а данная ему, по неизреченной любви къ челоѣку, Высочайшимъ Существомъ, Неизмѣняемымъ и Вседовольнымъ, Богомъ. Эти начала вѣчны, важностію и высотой своею все превосходятъ,—но въ то же время и общедоступны, для всѣхъ понятны и, слѣдовательно, всѣми могутъ быть усвоены. Они собою не исключаютъ дру-

гихъ знаній, они не замыкають для человѣческаго разума путей къ приобрѣтенію самыхъ разнообразныхъ знаній; напротивъ—они вели и ведутъ человѣка къ этимъ знаніямъ и при этомъ освѣщаютъ значеніе ихъ высшимъ свѣтомъ и освящаютъ къ употребленію на пользу человѣка, его умственнаго и въ особенности нравственнаго самосовершенствованія. Какъ таковыя, притомъ существенно-необходимыя для человѣка и превосходящія его способности,—не въ смыслѣ возможности *понимать ихъ*, а *додумываться* до нихъ—эти истины даны были человѣку изначала, въ первое время его райской жизни, но, вслѣдствіе грѣхонаденія, были частію затемнены въ сознаніи человѣка, частію совершенно имъ забыты: духовныя очи человѣка, ослѣвленные грѣхомъ, отвернулись отъ внутренняго духовнаго міра и обратились ко-внѣ. Господь Богъ, въ Своей неизреченной благодати къ человѣку, ниспослалъ на землю Единороднаго Сына Своего, чтобы вторично и яснѣе открыть ему все, что ему должно быть извѣстно для осуществленія цѣлей его земнаго существованія, и что часто скрывается отъ его взоровъ подъ цѣлымъ слоемъ имъ самимъ измышляемыхъ цѣлей и задачъ. Весь мятущійся родъ человѣческій, въ *своемъ исканіи* правды и истины дошедшій уже почти до полнаго нравственнаго и умственнаго изнеможенія, Христомъ Спасителемъ міра призванъ къ единственному источнику всякой правды и истины—Божественному откровенію. Истины Божественнаго откровенія и основанной на нихъ нравственности должны, поэтому, прежде всѣхъ другихъ знаній быть усвояемы человекомъ; съ нихъ и ими же должно начинаться и проникаться всяческое человѣческое просвѣщеніе, и тѣмъ болѣе начальное. Истины вѣры и нравственности, зановѣданныя на вѣчныя времена міру Спасителемъ, неизмѣнно и во всей своей святой чистотѣ сохраняются Православною Церковію. Она, единственная хранительница заповѣдей Божіихъ, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ необходимыя средства, чтобы правильно и *всенародно* истолковывать евангельское ученіе и руково-

дѣть къ животу вѣчному всѣхъ ищущихъ его. Это руководство—ея обязанность, устранить ее отъ этой обязанности не въ правѣ. „Св. Церковь наша Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ поставлена блюсти и возвѣщать міру божественныя писанія, *могущія умудрити во спасеніе* (2 Тим. 3, 15), быть учительницей вѣры и благочестія и неоскудную сокровищницею благодарованныхъ благодатныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы сѣмена Слова Божія произращали плоды благіе во время свое, *да совершенъ будетъ Божій человекъ, на всякое благое дѣло уготованъ* (2 Тим. 3, 17). Поэтому-то, она въ той или другой мѣрѣ всегда была истинною матерью, подъ кровомъ своимъ воспитывающею людей всякаго возраста и пола. И „слово Церкви возвышается надъ всѣми ученіями человѣческими и одинаково властно для дѣтей и отцовъ, для пасомыхъ и самихъ пастырей, проповѣдниковъ и истолкователей ея ученія. Каждый христіанинъ долженъ жить и приготовляться къ вѣчности подъ кровомъ Церкви, подъ живымъ и постояннымъ воздѣйствіемъ ея наставленій“¹⁾. Отворяя и освящая двери земной жизни таинствомъ крещенія для каждаго христіанина и сопровождая его своимъ напутствіемъ въ жизнь вѣчную, Церковь должна постоянно, непрерывно исполнять свою воспитательную задачу. Являясь обладательницей и хранительницей вѣчной истины, она одна можетъ дать просвѣщающемуся человечеству тѣ незыблемыя основанія, которыя, способствуя мирному, спокойному теченію просвѣщенія, сообщать всѣмъ званіямъ и стремленіямъ человѣческимъ устойчивость и прочность.

Итакъ, вотъ гдѣ корень той обязанности, къ которой православное приходское духовенство вновь призвано Царемъ-Миротворцемъ. Она тѣсно, неразрывно связана съ самымъ пастырскимъ служеніемъ и составляетъ какъ бы вто-

¹⁾ Progr. учебн. предметовъ для церк.-прих. школъ. Введеніе, стр. 3.

рую, послѣ церковнаго учительства, половину этого служенія. Ясно, что смотрѣть на школьное учительство, какъ на дѣло не только постороннее, но даже хотя бы и второстепенное для пастырей Церкви, значить—суживать пастырское служеніе наполовину и лишать пастыря Церкви одного изъ существенныхъ правъ и таковой же обязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишать его въ той же степени и возможности быть истиннымъ пастыремъ.

(Продолженіе будетъ).

Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ ¹⁾.

Гл. 9, ст. 9—10. „Она (прежняя скинія) есть образъ настоящаго времени, въ которое приносятся дары и жертвы, не могущія сдѣлать въ совѣсти совершеннымъ приносящаго, и которыя съ яствами и питіями и различными омовеніями и обрядами, относящимися до плоти, установлены были только до времени исправленія“. Слыша, что апостоль считаетъ несовершенными „дары и жертвы“, „яства и питія, омовенія и обряды“, штундисты относятъ это къ таинствамъ новозавѣтной Церкви, къ жертвѣ и трапезѣ Евхаристіи, къ водному крещенію. Подъ „настоящимъ временемъ“ они разумѣютъ время господства православія, а подъ „временемъ исправленія“ время распространенія своего „духовнаго“ христіанства. Посему въ отвѣтъ православнымъ миссіонерамъ, когда послѣдніе доказываютъ несомнѣнно-божественное установленіе крещенія и причащенія, они говорятъ, что все подобное установлено до „времени исправленія“. Однако апостоль даетъ намъ ясно понять, что подъ „временемъ исправленія“ онъ разумѣетъ время пришествія Христова, ибо непосред-

¹⁾ См. № 21-й за 1898 годъ.

ственно, въ ст. 11—12, присовокупляетъ: „но Христосъ, Первосвященникъ будущихъ благъ,—однажды вошелъ во святилище и приобрѣлъ вѣчное искупленіе“,—и далѣе, въ ст. 14, говоритъ: „кровь Христа, Который—принесъ Себя непорочнаго Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“ Въ томъ, что апостолъ называетъ вѣчнымъ („вѣчное искупленіе“), могъ ли онъ допускать еще какое-то исправленіе? Конечно нѣтъ, равно какъ не могъ онъ знать и говорить о штундизмѣ, который явился послѣ него спустя 18 вѣковъ. Итакъ „время исправленія“ есть время пришествія Христа и съ Нимъ—Новаго Завѣта, смѣнившаго и восполнившаго Завѣтъ Ветхій. Соотвѣтственно этому нужно понимать и „настоящее время“, о которомъ апостолъ говоритъ, что образомъ его была прежняя скинія: это есть время Ветхаго Завѣта, время кровавыхъ жертвъ, когда оскверненные очищаемы были кровію тельцовъ и козловъ (ст. 13); оно называется здѣсь „настоящимъ“ потому, что при ап. Павлѣ, писавшемъ это посланіе, существовалъ еще и храмъ іерусалимскій, и ветхозавѣтная обрядность соблюдалась, а Церковь Христова была въ самомъ началѣ. Дѣйствительно, весь Ветхій Завѣтъ изображался въ устройствѣ и расположеніи частей скиніи (или храма), и то, что во Святое Святыхъ („вторая скинія“ ст. 7) даже первосвященникъ могъ входить только одинъ разъ въ годъ, знаменовало, что ветхозавѣтныя средства очищенія и оправданія были недостаточны и не могли открыть людямъ доступа въ небесное царство.

Если апостолъ считаетъ несовершенными обряды, дары и жертвы, яства и питія, бывшія въ Ветхомъ Завѣтѣ, то этого отнюдь нельзя распространять на тайнодѣйствія Новаго Завѣта. Несовершенство ветхозавѣтныхъ установленій происходило оттого, что они были образомъ (8, 5), а образъ ниже предмета, который имъ изображается; новозавѣтные предметы и событія отбрасывали въ Ветхій Завѣтъ какъ бы тѣни, заключавшіяся въ ветхозавѣтныхъ установленіяхъ; понятно, что, сравнительно съ этими „тѣнями“, они имѣютъ

большую силу и достоинство. Тамъ были прообразовательныя жертвы и связанныя съ ними яства и питія, кропленія и омовенія, а въ Новомъ Завѣтѣ принесена истинная жертва Христова, и всѣ тайнодѣйствія основаны на этой жертвѣ и неразрывно съ нею связаны. Посему тѣ жертвы не могли сдѣлать приносящихъ „совершенными въ совѣсти“, и способствовали только внѣшнему или плотскому очищенію (ст. 9 и 13); Кровь же Христа несомнѣнно имѣетъ силу очищать нашу совѣсть отъ мертвыхъ дѣлъ для служенія Богу живому и истинному (ст. 14).

Ст. 11—12. „Христосъ, Первосвященникъ будущихъ благъ, пришедши съ (διὰ, чрезъ) большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною, то есть, не такового устроенія, и не съ кровію вѣзловъ и тельцовъ, но съ Своею кровію, однажды вошелъ во святилище, чѣмъ приобрѣлъ вѣчное искупленіе“. Сопоставимъ эти стихи съ ст. 24, гдѣ говорится: „Христосъ вошелъ не въ рукотворенное святилище, но образу истиннаго устроенное, но въ самое небо“. Очевидно, что подъ скиніею, чрезъ которую прошелъ Христосъ, и подъ святилищемъ, въ которое вошелъ Онъ съ Своею Кровію, апостолъ разумѣлъ небо.

Ст. 14. „Кровь Христа, Который Духомъ Святымъ принесъ Себя непорочнаго Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“. Возникаетъ вопросъ, почему апостолъ соединяетъ здѣсь слова: Духомъ Святымъ? Мы, православные, уясняемъ себѣ это, исходя изъ того, что въ таинствѣ Евхаристіи хлѣбъ и вино становятся жертвенными въ силу своего преложенія въ Тѣло и Кровь Христа, а это преложеніе совершается Святымъ Духомъ: сообразно съ этимъ, какъ слѣдуетъ думать, и пролитая на Голгоѣ Кровь и пострадавшее тамъ Тѣло содѣлались жертвою за грѣхи міра при содѣйствіи Святаго Духа, которое противопоставляется немощному человѣческому дѣйствію Левитовъ при жертвахъ ветхозавѣтныхъ.—„Очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“. Въ слѣдующемъ стихѣ апостолъ говоритъ, что смерть

Христова имѣла цѣлю искупленіе „преступленій, сдѣланныхъ въ первомъ завѣтѣ“. Итакъ, „мертвыя дѣла“ (ст. 14) и „преступленія“ (ст. 15) представляются тождественными. Можно также сказать, что мертвыми дѣлами названы здѣсь дѣла закона, отягощавшія совѣсть ветхозавѣтнаго человѣка своею неисполнимостію и производившія въ немъ тягостное чувство безысходной преступности; они же названы и преступленіями не потому, чтобы законъ предписывалъ что-либо преступное, но потому, что дѣло, предписанное закономъ и однако неосуществимое, есть уже преступленіе (ср. Рим. 7, 7—13).

Ст. 23. „Образы небеснаго должны были очищаться сими, самое же небесное лучшими сихъ жертвами“. Подъ „образами небеснаго“ апостолъ разумѣетъ упомянутые въ ст. 21 „скинію и всѣ сосуды Богослужебныя“; онъ называетъ ихъ такъ потому, что скинія и всѣ ея принадлежности устроены были по образцу, показанному Богомъ Моисею на горѣ (ср. 8, 5). Скинія очищаема была посредствомъ кропленія кровію жертвенныхъ животныхъ, о чемъ апостолъ выражается такъ: „образы небеснаго должны были очищаться сими“. Скинія нуждалась въ такомъ очищеніи по тому, что она находилась, какъ говорится въ Моисеевомъ законѣ, среди нечистоты сыновъ Израилевыхъ (Лев. 16, 16—19), и эта нечистота могла сообщаться ковчегу завѣта, жертвеннику и проч. священнымъ предметамъ. Но, по ученію апостола, въ очищеніи нуждаются не только образы небеснаго, но и самое небесное, т. е., та скинія, видѣнная Моисеемъ на горѣ, по образцу которой была построена имъ скинія земная (ст. 1); потому апостолъ и говоритъ: „самое же небесное лучшими сихъ жертвами *очищается*“. Что же такое представлялъ собой этотъ небесный образецъ? Если бы это былъ просто строительный планъ или рисунокъ, то онъ не нуждался бы въ очищеніи ради временности своего существованія и по отсутствію въ немъ самостоятельнаго значенія. Если бы это былъ небесный домъ Божій, съ престоломъ превознесеннымъ,

съ серафимами, стоящими окрестъ его, то, конечно, онъ не нуждался бы въ очищеніи, какъ неизмѣримо отдаленный отъ нечистоты человѣческой (ср. Исаія 6, 1—5). Остается только признать, что подъ „небеснымъ“ апостолъ разумѣлъ царство Христово, именуемое небеснымъ, хотя и пребывающее среди людей, сообщающее имъ всѣ духовныя благословенія и преобразующее ихъ отъ славы въ славу (Фил. 3, 21). Это царство, иначе называемое Церковію, имѣетъ потребность въ очищеніи ради немощи вступающихъ въ него и дѣйствительно очищается жертвою, превосходящею ветхозавѣтныя жертвы, о чемъ апостолъ говоритъ: *Христосъ возлюбилъ церковь и себе предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водою въ слово: да представитъ ю себѣ славною церковью, не имущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Еф. 5, 25—27). Итакъ Церковь Христова превосходитъ скинію, такъ какъ она очищается лучшими жертвами, жертвой Голгоеской и многократно совершаемой Евхаристіей.

Гл. 10, ст. 1—2. „Законъ—однѣми и тѣми же жертвами, каждый годъ постоянно приносимыми, никогда не можетъ сдѣлать совершенными приходящихъ съ ними. Иначе перестали бы приносить ихъ“. Сн. ст. 18. „Гдѣ прощеніе грѣховъ, тамъ не нужно приношеніе за нихъ“. Основываясь на этихъ словахъ, сектанты отвергаютъ всякаго рода приношенія, дѣлаемые христіанами въ надеждѣ получить отъ Бога милость и прощеніе грѣховъ. Сюда относятся приносимыя въ храмъ просфоры, ладанъ, свѣчи; все это (равно какъ и приношеніе самой евхаристіиной жертвы) сектанты считаютъ излишнимъ и неумѣстнымъ въ виду того, будто прощеніе грѣховъ уже снискано Голгоескимъ страданіемъ, упразднившимъ всѣ другія средства примиренія съ правосудіемъ Божиимъ. Мы уже разъяснили, что однажды принесенная Христомъ жертва и по православному ученію не повторяется, но лишь непрерывно сохраняетъ свое дѣйствіе, а Тѣло и Кровь Христовы столь же непрерывно сохраняютъ свое ходатайственное значеніе, съ которымъ они являются и

въ таинствѣ Евхаристіи. Но мы должны безъ числа и мѣры прибѣгать къ этой всемірной жертвѣ, дабы полученное нами прощеніе соблюсти и снисканное примиреніе съ Богомъ не утратить по причинѣ новыхъ грѣхопаденій. Прибѣгаемъ мы къ Великому Первосвященнику и Агнцу многообразными способами: то одною вѣрою, то вѣрою, подкрѣпляемою посредствомъ молитвы (Матт. 26, 41), колѣнопреклоненій (Лук. 22, 41), приношеній въ храмъ (21, 1—4), милостыни (19, 8). Всѣ эти подвиги не имѣютъ значенія и свойства искупительнаго приношенія за грѣхи: такова была только жертва Христова; но выражаютъ лишь нашу любовь къ Христу (7, 47) и усердіе, съ которымъ мы стараемся соблюсти Его вѣчное искупленіе. Конечно, никто не скажетъ, что прощеніе грѣховъ, приобретенное намъ жертвоприношеніемъ Христа, не можетъ быть нами утрачено по причинѣ нашего нерадѣнія и грѣховности.

Вообще, апостолъ, противопоставляя множественности ветхозавѣтныхъ приношеній единство жертвоприношенія Христова, совсѣмъ не хочетъ научить насъ тому, что послѣднее, однажды совершивши все отъ него зависящее, затѣмъ уже не дѣйствуетъ (не продолжаетъ ходатайственнаго дѣйствія въ Евхаристіи), или тому, что оно не оставляетъ мѣста выраженіямъ нашей любви къ Христу и нашего попеченія о спасеніи. Онъ только показываетъ читателямъ евреямъ, что множество приносимыхъ по закону агнцевъ свидѣтельству о невозможности получить чрезъ нихъ оправданіе, и что жертва Христа вполне довѣдетъ для этого, а потому и есть единая.

Ст. 19—22. „Имѣя дерзновеніе входитъ во святилище посредствомъ крови Іисуса Христа, — да приступаемъ съ искреннимъ сердцемъ, съ полною вѣрою, кропленіемъ очистивъ сердца отъ порочной совѣсти, и омывъ тѣло водою чистою“. Подъ святилищемъ разумѣется здѣсь небо или царство Христово, преисполненная небесными благословеніями

новозавѣтная Церковь Божія. Для входа въ нее апостолъ указываетъ, какъ средство, Кровь Христову. Какъ пользоваться этимъ средствомъ? Отвѣтъ на это находится въ ст. 22, гдѣ сказано: „кропленіемъ очистивъ сердца“. Итакъ, для вступленія въ небесное царство Христово требуется окропленіе Христовою Кровію. Подъ кропленіемъ разумѣется такое дѣйствіе, когда вода или другая жидкость разбрасывается, какъ бы раздробляется, и удѣляется малыми частями множеству предметовъ или лицъ. Такъ Моисей окропилъ всѣхъ израильтянъ завѣтною кровію, чтобы, падая на нихъ малыми каплями, она каждого изъ нихъ сдѣлала участникомъ завѣта. Такое же кропленіе требуется, по ученію апостола, и въ Новомъ Завѣтѣ, утверждающемся на Крови Іисуса Христа: недостаточно, чтобы эта Кровь содержалась въ человѣческой природѣ Искупителя, какъ въ единомъ выѣстилицѣ, недостаточно, чтобы она однажды излилась на Голгоѣ; нужно, чтобы она сообщалась и удѣлялась каждому изъ насъ, каждому изъ безчисленнаго множества христіанскаго народа. Такое кропленіе Христовою Кровію и совершается въ таинствѣ Евхаристіи, въ которомъ Тѣло Христово преломляется и Кровь раздѣляется для множества вѣрующихъ, чтобы каждый изъ нихъ сдѣлался причастникомъ Божественнаго естества.

Скажутъ, что кропленіе должно совершаться чрезъ вѣру въ спасительныя страданія Христовы; но вѣра упоминается апостоломъ отдѣльно и съ кропленіемъ не смѣшивается („съ полною вѣрою, кропленіемъ очистивъ сердца“). Кромѣ того, апостолъ присоединяетъ: омывъ тѣло водою чистую. Здѣсь рѣчь идетъ о тѣлесномъ омовеніи, подъ которымъ нельзя разумѣть ничего иного, какъ только крещеніе; омовеніе тѣла не можетъ совершаться вѣрою, для него требуется чувственная вода. Соотвѣтственно этому и кропленіе должно пониматься, какъ видимое, тѣлесное дѣйствіе, посредствомъ котораго каждому христіанину подается часть завѣтной Крови. Это дѣйствіе называется кропленіемъ по со-

отношенію съ ветхозавѣтными кропленіями (9, 13); у насъ не можетъ быть собственно такъ называемаго кропленія, такъ какъ драгоцѣнная кровь Христова не должна разбрасываться и падать на землю, но должна приниматься въ существо человѣка.

(Окончаніе будетъ).

Обозрѣніе проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ ¹⁾.

Одинъ изъ членовъ Владимірскаго цензурнаго комитета по разсмотрѣнію проповѣдей въ своей докладной запискѣ указываетъ цѣлый рядъ недостатковъ, замѣченныхъ имъ въ проповѣдяхъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Владимірскаго комитета (Владим. Еп. Вѣд., 1897 г., № 7). Эти же недостатки, за очень незначительными видоизмѣненіями, замѣчаются и въ большинствѣ проповѣдей, печатавшихся въ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ въ 1897 году. И прежде всего, нѣкоторые проповѣдники не пользуются надлежащимъ образомъ Библіею—этимъ первымъ и главнымъ источникомъ церковной проповѣди—и совсѣмъ иногда не приводятъ текстовъ въ своихъ поученіяхъ; другіе приводятъ ихъ только какъ бы мимоходомъ, въ качествѣ украшенія своей собственной рѣчи. Тексты часто приводятся недословно, неточно, вслѣдствіе чего иногда извращается заключающійся въ нихъ смыслъ, равно какъ и священно-историческія событія; одинъ текстъ приводится на русскомъ языкѣ, другой на церковно-славянскомъ, третій—на обоихъ вмѣстѣ. Во главѣ проповѣди большею частію нѣтъ начального текста, который, заключая въ себѣ основную мысль проповѣди, сразу же даетъ слушателямъ почувствовать, что имъ предлагается не человѣческое

¹⁾ См. № 23-й за 1898 годъ.

слово, не человѣческое ученіе, а Слово Божіе, ученіе Божественное, а потому возбуждаетъ въ нихъ и соотвѣтствующее благоговѣйное настроеніе и особо-сосредоточенное, не ослабѣвающее до самаго конца проповѣди, вниманіе.—Нѣкоторые проповѣдники, наоборотъ, пользуютъ Библіею слишкомъ уже неумѣренно. Есть проповѣди, состоящія почти сплошь изъ однихъ текстовъ, связанныхъ между собою чисто внѣшнимъ образомъ: „такой-то св. апостолъ говоритъ“; „такой-то св. апостолъ увѣщаетъ“; „Господь чрезъ пророка такого-то угрожаетъ“; „тамъ-то читаемъ“ и т. п. Что говорить,—Слово Божіе дѣйствителѣе всякихъ человѣческихъ убѣжденій; но задача церковной проповѣди — раскрывать, выяснять ученіе Слова Божія, указывать спасительное примѣненіе его въ обыкновенной жизни, а не дословно повторять его предъ слушателями въ видѣ хотя бы то и самаго глубокомысленнаго и счастливаго подбора текстовъ.

Если нѣкоторые проповѣдники мало пользуютъ Библіею въ своихъ проповѣдяхъ, то про богослужебныя книги, про тѣ нѣснопѣнія и молитвословія, которыя Церковь положила на каждый праздникъ, почти забываютъ. Счастливымъ, хотя и очень рѣдкимъ, исключеніемъ являются только тѣ проповѣди, которыя составлены на тропари, кондаки и вообще пѣснопѣнія и молитвословія праздничныя. Между тѣмъ, богослужебныя книги представляютъ неисчерпаемый источникъ и одно изъ самыхъ благодарныхъ и богатѣйшихъ пособій для церковной проповѣди. Творенія свв. отцевъ и учителей Церкви также весьма многими проповѣдниками совершенно опускаются изъ виду, тогда какъ высокая назидательность ихъ и безусловное достоинство для непредубѣжденныхъ слушателей должны были бы побуждать проповѣдниковъ возможно чаще обращаться къ этой нескучной сокровищницѣ православно-христіанскаго вѣро-и правоученія. Но что особенно оживляетъ проповѣдь, сообщая наглядную убѣдительность ея доводамъ, —это примѣры изъ житій святыхъ. Между тѣмъ о нихъ проповѣдники часто совсѣмъ какъ будто

забываютъ. Проповѣди же на дни святыхъ иногда представляютъ собою не болѣе, какъ простой пересказъ житія, безъ надлежащаго даже, болѣе или менѣе подробно развитаго, правоученія. Мало пользуются также проповѣдники примѣрами изъ обыденной жизни, изъ окружающей природы; отдѣльныхъ же поученій по поводу тѣхъ или иныхъ явленій природы, окружающихъ въ сознаніи народа всевозможными суевѣріями, мы совсѣмъ не встрѣтили,—а это такъ желательно и такъ необходимо.

Особенно сильно чувствуется недостатокъ оживляющей повѣствовательной части въ проповѣдяхъ катихизическихъ и вообще въ проповѣдяхъ, имѣющихъ предметомъ своимъ раскрытіе догматическаго ученія Православной Церкви. Въ нихъ не всегда даже можно встрѣтить историческое освѣщеніе догмата, такъ много способствующее его выясненію и закрѣпленію въ сознаніи слушателей. Другимъ существеннымъ недостаткомъ этихъ проповѣдей является ихъ узкая односторонность. Задавшись цѣлью изложить ученіе Православной Церкви, проповѣдникъ обыкновенно какъ будто совсѣмъ забываетъ, что главная цѣль церковной проповѣди—нравственный урокъ, назиданіе, проведеніе въ жизнь и приложеніе къ дѣятельности Божественнаго ученія. Какъ на прекрасномъ образцѣ катихизическихъ поученій, не можемъ не остановиться здѣсь на словѣ извѣстнаго Кронштадтскаго настыря прот. І. Сергіева въ день Пятидесятницы, произнесенное имъ въ Архангельской губерніи, проѣздомъ на родину лѣтомъ 1897 года (Арх. Еп. Вѣд. № 12—13). Во главѣ слова проповѣдникомъ поставлено начало праздничной стихиры на Господи возвахъ: *Приидите, людие, Троицѣстасному Божеству поклонимся.* „Ишѣшній день,—говоритъ проповѣдникъ,—св. Церковь Православная во всемъ мірѣ празднуетъ и торжествуетъ исполненіе обѣщанія Господа нашего Иисуса Христа, именно—ниспосланіе отъ Отца ученикамъ и всѣмъ бывшимъ съ ними въ Сіонской горницѣ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, едносущнаго и соприсвосущнаго Отцу и Сыну,

просвѣтившаго и обновившаго ихъ и содѣлавшаго ихъ огненными и сильными пронести проповѣдь о Христѣ во всѣ концы міра и просвѣтитъ и обновитъ его Своимъ Божественнымъ ученіемъ и чудесами, спасительными и страшными. Такимъ образомъ, всѣ Лица Св. Троицы въ этотъ день торжественно и дѣйственно открылись міру: Отецъ, ниспославшій Духа Своего Святаго, Сынъ, умолившій Отца послать Его, и Духъ Святой, сошедшій на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ и совершившій ихъ чудесное возрожденіе, обновленіе, утвержденіе, освященіе и обоженіе. Ниспосланіемъ Духа Святаго завершилось и запечатлѣлось дѣло искупленія чловѣчества Сыномъ Божиимъ, явилась вѣрность всѣхъ глаголовъ и обѣтованій Іисуса Христа, исполнившаго Свое обѣщаніе, и выяснилось ученіе о Духѣ Святомъ, какъ истинномъ Богѣ, единосущномъ и соприносущномъ Отцу и Сыну, единосильномъ и единославномъ и только отъ Отца, но и не отъ Сына исходящемъ, ибо Сынъ умолилъ Отца послать Его въ міръ, и если-бъ не отошелъ Сынъ къ Отцу, Духъ Святой не пришелъ бы.... Побесѣдуемъ о спасительныхъ, творческихъ, державныхъ дѣйствіяхъ Св. Духа въ Церкви и въ мірѣ вещественномъ и вмѣстѣ о величій и державѣ всей Св. Троицы. Третье Лице Св. Троицы Духъ Святой снизшелъ на землю продолжать и совершать дѣло спасенія чловѣческаго рода совокупно съ Богомъ Отцемъ и Сыномъ, ибо каждое Лице равное участіе принимаетъ въ нашемъ спасеніи, и когда, по благоволенію Отца, Сынъ Божій совершилъ дѣло, которое далъ Ему Отецъ, да сотворитъ, и вознесся на небо, не разлучаясь однако съ нами, по Божеству, то Духъ Святой пришелъ въ міръ продолжать дѣло спасенія: Онъ возрождаетъ насъ въ тайнѣ крещенія, и каждая душа христіанская есть дочь Духа Святаго. Въ миропомазаніи Духъ Святой освящаетъ всѣ наши силы и чувства душевныя и тѣлесныя; въ покаяніи утѣшаетъ и разрѣшаетъ грѣшника отъ грѣховъ и примиряетъ съ Богомъ; въ таинствѣ Тѣла и Крови Христовой претворяетъ Своею живоначальною властію

хлѣбъ—въ Тѣло Христово, а вино—въ Кровь Христову, въ бракѣ освящаетъ союзъ мужа и жены и естественное рожденіе дѣтей; въ елеосвященіи разрѣшаетъ грѣхи болящаго и врачуетъ немощи тѣлесныя; въ священствѣ даруетъ благодать избраннымъ лицамъ поучать народъ слову истины, совершать таинства и богослуженіе и руководить духовно всѣхъ къ святой жизни и вѣчному спасенію. Духъ Святый хранить въ истинѣ и православіи всю Церковь вселенскую и есть премудрый, всеблагій и всемогущій Кормчій ея; даетъ искреннюю молитву, и когда мы горячо молимся, мы дѣлаемъ это Духомъ Святымъ. Онъ подаетъ вѣру человѣку, и мы не можемъ искренно увѣровать въ Господа Иисуса Христа безъ благодати Духа Святаго: *никтоже можетъ рещи Господа Иисуса, тѣмъ Духомъ Святымъ*. Духъ Святый есть животъ, животворящій всѣхъ, и воскресеніе мертвыхъ въ послѣдній день совершится Духомъ Святымъ; Онъ есть Свѣтъ и свѣта Податель; Самоблагій и Источникъ благодѣянія; чрезъ Него Отецъ познавается, и Сынъ прославляется и отъ всѣхъ познавается; Онъ—Духъ премудрости, Духъ разума, правый и умный; Богъ и боготворитъ достойныхъ; Огнь, отъ Огня происходящій, глаголюй, дѣйи, раздѣляя дарованія людямъ. Въ видимой природѣ Духъ Святый производитъ благораствореніе воздуха, подаетъ животворную теплоту и всю поднебесную освѣщаетъ и украшаетъ свѣтомъ солнечнымъ, а ночь озаряетъ тихимъ свѣтомъ луны и звѣздъ, произращаетъ безчисленные растенія самыхъ разнообразныхъ видовъ и красивѣйшихъ цвѣтовъ съ пріятными благоуханіями и со всякими вкусными плодами и плодитъ все животное царство, умножая и одаряя его различными силами, способностями и искусствами, удивляющими человѣка, и влагая въ нихъ горячую, трогательную любовь къ своимъ исчадіямъ. Духъ Святый обогащаетъ разными природными дарами родъ человѣческій, подаетъ людямъ способность говорить разными языками и нарѣчіями, сообщаетъ имъ многоразличные дарованія, научаетъ искусствамъ и изобрѣтеніямъ, необходимымъ въ обще-

житіи; просвѣщаетъ и умы и сердца человѣческія; собираетъ людей въ благоустроенныя общества; поставляетъ надъ ними царей и владыкъ и всякія начальства и содѣйствуетъ всякому правильному общежитію, спокойствію, тишинѣ и вообще правильному теченію жизни; располагаетъ сердца людей къ взаимной любви и сочувствію;—все это и многое другое доброе и полезное безъ числа творитъ Духъ Святый при содѣйствіи Бога Отца и Сына. Такимъ образомъ, всякимъ добромъ въ вѣрѣ, въ жизни и природѣ мы обязаны посредственно и непосредственно Св. Духу Богу, купно со Отцемъ и Сыномъ. Духъ Святый содѣйствовалъ всѣмъ святымъ и теперь содѣйствуетъ произволяющимъ въ достиженіи святости и нетлѣнія и вѣчной жизни, и Онъ почиваетъ во всѣхъ святыхъ. Такова благодать Св. Духа въ Церкви, въ мірѣ и въ природѣ.—Далѣе въ словѣ говорится о величій, благости, святости, премудрости, всемогуществѣ всей Св. Троицы. Намъ могутъ сказать, что въ приведенномъ словѣ прот. Сергіева нѣтъ *нравственнаго приложенія*, какъ *отдѣльной* составной его части; но все слово отъ начала и до конца проникнуто дотого очевиднымъ правоученіемъ, неволью чувствуемымъ всѣми и каждымъ, что въ выдѣленіи его въ особую часть нѣтъ никакой надобности.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 30 мая 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
цію сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, іюня 21-го.

Содержаніе: Обязанности пастырей въ виду недорода хлѣба.—Нѣсколь-
ко словъ о народныхъ обрядахъ и обычаяхъ, соединяемыхъ съ
праздникомъ Рождества св. Іоанна Предтечи.—Обозрѣніе проповѣ-
дей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ (продолженіе).

Обязанности пастырей въ виду недорода хлѣба.

Населеніе нѣсколькихъ среднихъ губерній находится въ
тягостномъ положеніи вслѣдствіе недорода хлѣбовъ и травъ
въ минувшемъ 1897 году. Тяжелѣе всего приходится бѣд-
нымъ жителямъ деревень, гдѣ недостатокъ собственнаго хлѣ-
ба часто соединяется съ полнымъ отсутствіемъ покупныхъ
средствъ, съ крайней задолженностію, съ потерей скота, или
погибшаго отъ безкормицы, или давно уже проданнаго за
безцѣнокъ подъ давленіемъ крайней нужды. Тяжело и сель-
скимъ пастырямъ переживать это лихолѣтье. У многихъ изъ
нихъ будеть надрываться сердце при видѣ тяжелой и бе-

зыходной нужды пасомыхъ. Потребуется отъ нихъ великій запасъ духовной бодрости, почерпаемой въ вѣрѣ и преданности всеблагову Промыслу Божію, для того, чтобы и самимъ не упасть духомъ, и укрѣпить „руцѣ и колѣна разслабленныя“ въ своей паствѣ.

Настоящія обстоятельства напоминаютъ о событіяхъ, повѣствуемыхъ въ 11 главѣ Дѣяній Апостоловъ. „Въ тѣ дни, читаемъ мы тамъ, пришли изъ Іерусалима въ Антіохію пророки. И одинъ изъ нихъ, по имени Агавъ, вставъ, предвозвѣстилъ Духомъ, что по всей вселенной будетъ великій голодъ, который и былъ при Кесарѣ Клавдіи. Тогда ученики положили каждый по достатку своему послать пособіе братіямъ, живущимъ въ Іудеѣ; что и сдѣлали, пославъ собранное къ пресвитерамъ чрезъ Варнаву и Савла“ (ст. 27—30). Замѣчательно, что въ этомъ мѣстѣ въ первый разъ въ Священномъ Писаніи упоминается о пресвитерахъ, и какъ упоминается? Пресвитерамъ вручается собранное для братій пособіе, вручается, конечно, для раздачи нуждающимся. Предполагалось, конечно, что никто лучше пресвитера не знаетъ степень состоятельности или бѣдности отдѣльныхъ братій, никто не одушевленъ большимъ желаніемъ облегчать ихъ бѣдствіе, никто не переживаетъ большихъ нравственныхъ страданій при видѣ ихъ несчастія и посему никто такъ не нуждается въ нравственномъ утѣшеніи, возникающемъ изъ возможности помогать, выручать изъ нужды. Посему распоряженіе пособіемъ ввѣряется пресвитерамъ съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ доброй совѣсти. Такъ при благочестивомъ царѣ Іосіи ввѣряли строителямъ серебро, собираемое на утвержденіе разсѣлинъ храма, *обаже не сочисляху ихъ о сребрѣ—яко вѣрно тѣмъ творяху* (4 Цар. 22, 6—7).

Находя въ книгѣ Дѣяній указаніе на то, кому въ апостольской Церкви ввѣрялась раздача собраннаго для братій пособія, мы находимъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ другое указаніе на то, какъ именно пособія этого рода собирались. „При сборѣ для святыхъ“, пишетъ апостолъ, „по-

ступайте такъ, какъ я установилъ въ церквахъ Галатійскихъ. Въ первый день недѣли каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволить ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я приѣду. Когда же приѣду, то которыхъ вы выберете, тѣхъ отправлю съ письмами, для доставленія вашего подаенія въ Иерусалимъ“ (16, 1—3). Подача и на этотъ разъ собиралось для бѣдныхъ жителей Иудеи и Иерусалима; очевидно, что, сообщивъ міру духовное сокровище вѣры, они крайне нуждались въ томъ, что нужно для тѣла, и бѣдствовали отъ нищеты (Рим. 15, 26—27). Доброе дѣло приурочиваетъ апостолъ въ первому дню недѣли, къ той *единой отъ субботы*, когда Господь исполнилъ учениковъ Своихъ радостію воскресенія, когда Онъ побѣдилъ смерть и привелъ человѣчество къ жизни. Въ этотъ день естественно христіанину вспомнить о тѣхъ, которымъ препятствуютъ радоваться нужда, голодъ, болѣзнь и другія страданія,—естественно вспомнить о меньшей братіи Христа, о бѣдныхъ и немощныхъ, которыхъ Христосъ вѣрилъ попеченію богатыхъ и здоровыхъ. Кромѣ того, послѣ шести трудовыхъ дней недѣли (къ которымъ христіане причисляли и субботу), употребленныхъ на снисканіе средствъ жизни, легко и естественно было каждому христіанину, пользуясь покоемъ воскреснаго дня, обдумать и опредѣлить, какимъ недостаткомъ онъ располагаетъ и какою частію своего недѣльнаго заработка онъ можетъ пожертвовать для вспоможенія нуждающимся; а это нужно было потому, что апостолъ не требовалъ отъ вѣрующихъ такого усердія, которое превышало бы достатокъ cadaго. Онъ любилъ равною любовію и состоятельныхъ, и недостаточныхъ, а потому писалъ: „не требуется, чтобы другимъ было облегченіе, а вамъ тяжесть, но чтобы была равномѣрность. Нынѣ вамъ избытокъ въ восполненіе ихъ недостатка, а послѣ ихъ избытокъ въ восполненіе вашего недостатка, чтобы была равномѣрность“ (2 Кор. 8, 13—14). При этомъ апостолъ не только прилагаетъ попеченіе о томъ, чтобы пожертвованія на немощныхъ братьевъ

не разстроили благосостоянія и не истощили достатка имущихъ, но и снисходить къ общечеловѣческой немощи, вслѣдствіе которой намъ кажется легче платить постепенно, чѣмъ вдругъ, легче жертвовать малыми частями въ продолженіе долгаго времени, чѣмъ сдѣлать крупное пожертвованіе разомъ. Апостолъ не только предписываетъ и даетъ побужденія къ исполненію долга, но и указываетъ путь наименѣе обременительный, изобрѣтаетъ способъ, облегчающій это исполненіе.

Нѣсколько удивительнымъ можетъ показаться то, что еженедѣльно отчисляемое въ пользу бѣдныхъ братій, по установленію апостола, должно было до прихода его въ Коринѣ сохраняться на рукахъ у тѣхъ самыхъ лицъ, которыя производили изъ своихъ доходовъ эти отчисления. Почему бы кажется не дѣлать по воскреснымъ днямъ сбора пожертвованій для совмѣстнаго храненія ихъ до времени отиравленія по назначенію? Но, очевидно, апостолъ считалъ вѣрнѣйшимъ хранителемъ пожертвованій самого жертвователя и вполне надѣялся, что чувство любви и состраданія, однажды пробудившись въ его душѣ, не остынетъ со временемъ и не позволить ему постепенно накопившіяся пожертвованія уменьшать или удѣлять въ свою пользу. вмѣстѣ съ тѣмъ, назначая жертвователя вмѣстѣ и хранителемъ (до времени) его собственныхъ пожертвованій, апостолъ еще яснѣе выражаетъ свою основную мысль, что дѣло вспоможенія святымъ должно быть свободнымъ дѣломъ отъ начала до конца.

Изъ того, что сказано, легко заимствовать уроки для пастырей Церкви какъ въ тѣхъ сельскихъ приходахъ, которые постигнуты бѣдствіемъ недорода, такъ и въ тѣхъ, которые миновали бѣды и сохраняютъ достатокъ. Изъ достовѣрныхъ сообщеній извѣстно, что урожай прошлаго года отличается такъ называемой пестротой, т. е., въ однѣхъ и тѣхъ же губерніяхъ и даже уѣздахъ есть мѣста, гдѣ былъ неурожай, и мѣста, гдѣ былъ удовлетворительный по количеству сборъ хлѣба. Такимъ образомъ по сосѣдству съ мѣстностями,

крайне нуждающимся въ средствахъ пропитанія, есть мѣстности, которыя не испытываютъ нужды и могли бы что нибудь отдѣлить изъ своего достатка для продовольствія голодающихъ. На этомъ основанъ избранный правительствомъ способъ дѣйствія въ борьбѣ съ послѣдствіями прошлагодняго недорода. Мы разумѣетъ то, что Высочайшимъ повелѣніемъ 19 іюня 1897 года разрѣшено было, между прочимъ, допустить по ходатайствамъ земствъ позаимствованіе хлѣба изъ сельскихъ магазиновъ обществъ, не нуждающихся въ магазинномъ хлѣбѣ, для нуждающихся обществъ, подъ гарантіей земства и на условіи срочнаго возврата позаимствованнаго хлѣба.

Несомнѣнно, что первымъ условіемъ успѣшности мѣръ, предпринимаемыхъ въ борьбѣ съ послѣдствіями недорода какъ правительствомъ и обществомъ, такъ и частными лицами, является точное знаніе, въ какой степени терпятъ нужду отдѣльныя семьи и отдѣльныя лица. Въ составѣ не только губерніи и уѣзда, но и каждой деревни степень недостаточности бываетъ крайне неодинакова, такъ какъ наряду съ людьми, которые находятся въ безвыходной нуждѣ, есть люди, которые могутъ пережить бѣду своими средствами; между тѣмъ, какъ для первыхъ пособіе является спасеніемъ отъ голода, для вторыхъ оно было бы поощреніемъ безпечности. Различить истинно нуждающихся въ пособіи отъ тѣхъ, которые могутъ желать и даже громко просить его, не испытывая въ немъ неотложной и существенной потребности, можетъ только лицо, столько же безпристрастное, сколько близкое къ населенію; а такимъ лицомъ во множествѣ случаевъ можетъ быть только сельскій пастырь. На немъ и лежитъ теперь священная обязанность точно изучить нужду своихъ прихожанъ. Добывъ о ней ясныя представленія, онъ долженъ своимъ знаніемъ дѣла послужить тѣмъ временнымъ и постояннымъ учрежденіямъ, которымъ ввѣрена организація помощи населенію, какъ то: сельскимъ и участковымъ попечительствамъ, отдѣленіямъ общества Краснаго Креста,

земскимъ управамъ. Ознакомленіе съ горькой нуждой во всей ея наготѣ вдохновитъ всякаго истинно-христіанскаго пастыря желаніемъ отыскать средства и способы къ облегченію этой нужды, заставить предъ горемъ народа забыть о мелкихъ непріятностяхъ своей собственной жизни и о нѣкоторой собственной скудости, въ которой неизбѣжно должна отразиться бѣда. Затѣмъ пусть онъ предстательствуетъ, ходатайствуетъ, просить и умоляетъ о помощи, кого только можно и должно просить и умолять: онъ исполнитъ этимъ долгъ, лежащій на христіанскомъ пастырѣ съ самаго (какъ мы видѣли) начала христіанства, и скрѣпитъ свою связь съ приходомъ узами любви и благодарныхъ воспоминаній.

Не менѣе важны обязанности тѣхъ сельскихъ пастырей, въ приходахъ которыхъ есть достатокъ въ средствахъ пропитанія. Они должны настойчиво напоминать своимъ пасомымъ о христіанскомъ долгѣ — помогать нуждающимся братьямъ. По примѣру апостольскаго времени въ каждый воскресный день должно призывать добрыхъ христіанъ къ пожертвованіямъ и отчужденіямъ въ пользу нуждающихся. Этотъ призывъ долженъ основываться на той апостольской мысли, что „нынѣ вашъ избытокъ въ восполненіе ихъ недостатка, а послѣ ихъ избытокъ (будетъ) въ восполненіе вашего недостатка“. Въ благосостояніи сельскаго жителя и особенно нахара ничто не зависитъ отъ вѣрныхъ человѣческихъ расчетовъ, но все отъ милости Божіей, изливающейся на землю въ дождѣ и теплѣ. Единственное средство обезпечить себѣ милость Божію, средство, указанное намъ въ Откровеніи, состоитъ въ дѣлахъ любви и благотворительности. *Добротна дателя любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7).

С. К.

Нѣсколько словъ о народныхъ обрядахъ и обычаяхъ, соединяемыхъ съ праздникомъ Рождества св. Іоанна Предтечи.

Дни, посвященные памяти св. Іоанна Крестителя, пользуются въ народѣ особеннымъ уваженіемъ наряду съ великими праздниками Православной Церкви. Въ день Усѣкновенія главы св. Предтечи (29 авг.), по вѣрованію народному, сама природа носить на себѣ слѣды кроваваго событія, памяти котораго посвященъ праздникъ. Именно, если при восходѣ солнца въ этотъ день поставить блюдо, наполненное водой, таѣъ, чтобы на него падали солнечные лучи, то въ водѣ можно будетъ замѣтить постоянную смѣну цвѣтовъ, среди которыхъ преобладающимъ будетъ кроваво-красный. Въ этотъ праздникъ, по вѣрованію народа, охотиться грѣшно: Богъ жестоко наказываетъ всякое пролитіе крови: кровь убійцы должна пролиться за всякую убитую имъ жертву. День Рождества св. Іоанна Предтечи пользуется не меньшимъ уваженіемъ вашего простаго народа. На этотъ день перенесены, между прочимъ, древне-языческіе обряды, которыми чествовался языческій богъ Купала. Это перенесеніе совершилось въ отдаленное время нашей исторической жизни, когда наши предки, принявши христіанство, чувствовали себя въ то же время еще неспособными отрѣшиться отъ обрядовъ, которые имѣли за собою вѣковую давность. Началось приспособленіе обрядовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ христіанскими праздниками. На день Рождества Предтечи были перенесены обряды, составлявшіе принадлежность языческаго праздника Купалы, праздновавшагося около 24 іюня и имѣвшаго ближайшее отношеніе къ солнцу, дѣйствіе котораго на природу въ это время достигаетъ высшей степени силы. О праздникѣ Купалы еще въ Стоглавѣ замѣчается, что во время сего праздника мушны и женщины ходили ночью по домамъ и по улицамъ, забавлялись безстыдными играми, пѣли сатанинскія

пѣсни и плясали подъ гусли. По прошествіи ночи съ великимъ крикомъ всѣ отправлялись въ рощи и омывались въ рѣкѣ „какъ бѣшеные“. По свидѣтельству архимандр. Кіево-Печерскаго монастыря Иннокентія Гизеля праздникъ Купалы отправлялся слѣдующимъ образомъ. „Въ навечеріе Рождества св. Предтечи собравшіеся въ вечеру юноши мужеска и дѣвическа и женска полу соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія нѣкоего, и возлагаютъ на главы и опоясываются ими. Еще же на томъ бѣсовскомъ игрищѣ кладутъ огонь, и окрестъ его, взявшись за руки, нечестиво ходятъ, и скачутъ, и пѣсни поютъ, сквернаго Купала часто повторяюще, и чрезъ огонь прескачуще, самихъ себе тому бѣсу Купалу въ жертву приносятъ“¹⁾. Изъ этихъ обрядовъ праздника Купалы нельзя не видѣть, что онъ былъ для нашихъ предковъ какимъ то днемъ очищенія огнемъ и водой, и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ праздникомъ лѣтняго солнцестоянія, когда обыкновенно природа дѣйствуетъ съ особенною всеоживляющею и всепобѣждающею силою. Нельзя также сомнѣваться въ томъ, что наши предки съ праздникомъ Купалы соединяли мысль о лѣтнемъ солнцеповоротѣ. Извѣстно, что до-христіанскій русскій праздникъ Купала совершался во время лѣтняго солнцестоянія, когда солнце достигаетъ крайне сильнаго вліянія на землю, послѣ чего оно начинаетъ свой поворотъ на зиму. На этомъ основаніи предки наши считали даже церковный праздникъ Рождества св. Предтечи собственно началомъ лѣта²⁾. Отсюда естественно, что при совпаденіи древняго праздника Купалы съ днемъ св. Предтечи оба эти празднества въ понятіи народномъ могли очень легко смѣшиваться между собою,—тѣмъ болѣе, что въ исторіи св. Іоанна Крестителя въ этомъ случаѣ предки наши могли найти нѣкото-

¹⁾ Синописи; изд. 1764 г.

²⁾ Такъ, въ древнихъ Сборникахъ встрѣчаются такіа надписавія. „Мѣсяца іюнія—въ 24 день Рождество Предтечи Господня, отсель начинается лѣто“,—или „лѣто, второе время года, іюня отъ 24 числа“.

рых случайныя черты, которыя могли подать поводъ къ такому смѣшенію ¹⁾). Такимъ образомъ въ представленіи народномъ совершенно незамѣтно празднество древнерусскаго Купалы слилось съ праздникомъ христіанскимъ въ честь св. Предтечи, и послѣдній необходимо сдѣлался представителемъ и покровителемъ всего, что прежде усваивалось языческому Купалѣ. Поэтому-то предки наши, сохранивъ вѣрованія и обычаи древняго Купалы, соединили ихъ съ днемъ и именемъ св. Іоанна Крестителя. Передававшіеся изъ рода въ родъ обряды и обычаи и донынѣ во многихъ мѣстахъ удерживаетъ нашъ народъ потому, что они доставляютъ ему развлеченіе и, выполняя ихъ, не подозрѣваетъ того внутренняго смысла, которымъ они нѣкогда были одухотворены. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ ночь на Ивановъ день зажигаютъ костры, огонь для которыхъ добываютъ треніемъ досокъ, поютъ вокругъ костровъ нарочито для такого случая существующія пѣсни и въ заключеніе сжигаютъ соломенную чучелу, украшенную цвѣтами и лентами.

Въ старину вѣрили, что рождество св. Предтечи придаетъ нужныя свойства или силы травамъ и цвѣтамъ, и потому, согласно съ народнымъ обычаемъ и вѣрованіемъ, на Рождество св. Крестителя запасались разными травами и цвѣтами. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ въ 1657 году писалъ къ московскому ловчему стольнику Матюшкину: „которыя волости у тебя въ конюшенномъ приказѣ вѣдомы, и ты бѣ велѣлъ тѣхъ волостей крестьянамъ и бобылямъ на Рождество Іоанна Предтечи, іюня въ 23-й день, набрать цвѣту серебориннаго, да травъ империновою да мятпой съ цвѣтомъ и дятлю и дятельнаго корня, по 5 пудовъ“ ²⁾. Въ древне-

¹⁾ Самое имя Купалы отъ глагола „купать“—погружать въ воду, омывая тѣло, дѣлать его чистымъ (отсюда купель) возбуждаетъ мысль о св. Крестителѣ. О св. Іоаннѣ Предтечѣ, крестившемъ Спасителя во Іорданѣ, по просту черѣдко говорятъ въ народныхъ пѣсняхъ, что онъ „купалъ Христа“.

²⁾ Дополнен. къ актамъ историческ. 3, стр. 253.

русскихъ травникахъ читаемъ самыя подробныя описанія цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и цвѣтовъ и собираніе ихъ пріурочивается къ Иванову дню или Ивановой ночи. Напр., о папоротникѣ въ одномъ травникѣ сказано: „есть та черная папорть, растеть въ лѣсахъ, въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, а съ испода большіе листы,... а цвѣтеть она наканунѣ Иванова дня въ полночь. Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хочетъ богатъ и мудръ быти. А братъ тотъ цвѣтъ не просто, съ надобностями: въ Иванову ночь идти къ тому мѣсту, гдѣ растеть трава папороть, и очертясь кругомъ говорить: таланъ Божій судъ твой, да воскреснетъ Богъ“. И въ настоящее время среди нашего народа можно встрѣтить еще такихъ простаковъ, которые посвящаютъ цѣлую Иванову ночь на отысканіе цвѣта папоротника. По глубокому убѣжденію многихъ папоротникъ только въ эту ночь цвѣтеть огненнымъ цвѣтомъ и цвѣтъ этотъ необходимъ при отысканіи кладовъ. Нужно, впрочемъ, признаться, что оба названные чисто языческіе обычаи съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, сохраняясь только въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ нашего отечества. Просвѣщеніе народа, хотя медленно, дѣлаетъ свое дѣло. Болѣе извѣстнымъ среди нашего народа является обычай, составляющій также отголосокъ древнеязыческихъ воззрѣній,—собирать въ Иванову ночь разныя травы, которымъ приписывается, иногда не безъ основанія, цѣлебное дѣйствіе. Нашему предку-язычнику естественно было вѣрить, что травы получаютъ особенную цѣлебную силу къ тому времени, когда солнечная теплота достигаетъ высшей степени, т. е., ко времени, которое было освящено праздникомъ Купалы. Обычай, какъ и вездѣ, надолго пережилъ вѣрованіе, и нашъ простолюдинъ и нынѣ собираетъ по преимуществу въ Иванову ночь лѣкарственныя травы для своего домашняго обихода, приписывая исключительно времени собиранія травъ то дѣйствіе ихъ, которое стоитъ несомнѣнно въ связи съ ихъ цѣлебнымъ свойствомъ, какъ травъ

лѣкарственныхъ. Въ Малороссіи 24-го іюня обтыкають избы широкими листьями лопуха, отчего самый праздникъ носить названіе „Ивана Лопуховатаго“ или „Лопушника“. Листья лопуха, который растеть большею частію на пустыряхъ и вообще въ мѣстахъ, лишенныхъ богатой растительности, для христіанъ можетъ служить напоминаніемъ той пустыни, среди которой провелъ жизнь великій ветхозавѣтный проповѣдникъ. Какъ и съ другими праздниками, съ праздникомъ Рождества Крестителя Христова народъ связалъ много разнаго рода примѣтъ. Въ ряду ихъ можно указать на одну, касающуюся урожая орѣховъ. Если на день Рождества св. Предтечи будетъ дождь, народъ вѣритъ, что годъ будетъ плохимъ на орѣхи, дозрѣетъ ихъ очень мало и изъ дозрѣвшихъ много будетъ порченныхъ. Въ Малороссіи праздникъ Рождества св. Предтечи называется въ народѣ, попросту, еще „Иваномъ гулящимъ“, какъ видно, оттого, что день сей изстари проводится съ разнаго рода народными удовольствіями, забавами и развлеченіями.

Обозрѣніе проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ ¹⁾.

Отвлеченностью и общимъ характеромъ отличаются не только проповѣди догматическаго содержанія, но и проповѣди нравственно-практическія. Проповѣдники ограничиваются въ большинствѣ случаевъ раскрытіемъ только общехристіанскихъ истинъ, а не тѣхъ частныхъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе собственно къ ихъ прихожанамъ; облачаютъ недостатки и пороки общечеловѣческіе, а не тѣ, которыми заражены и страдаютъ собственно ихъ прихожане.

1) См. № 24-й за 1898 г.

Такимъ образомъ, проповѣди являются совершенно чуждыми мѣста и времени, и любая изъ нихъ безъ всякой передѣлки съ одинаковымъ удобствомъ и успѣхомъ можетъ быть произнесена и въ столицѣ, и въ захолустномъ городѣ, и въ заброшенномъ на самыя дальнія окраины обширнаго отечества нашего селѣ—и въ этомъ году, и 10-ю годами раньше, и черезъ 10 лѣтъ послѣ. Исключеніе представляютъ только проповѣди полемико-обличительныя, направленные перѣдко противъ мѣстныхъ сектантовъ. Но такихъ проповѣдей не много напечатано.

Напыщенность и вообще искусственность языка мало-по-малу начинаетъ отходить въ область преданій. Но ничего хорошаго нѣтъ и въ томъ вторженіи въ церковную проповѣдь иностранныхъ словъ, какое замѣчается особенно въ проповѣдяхъ за 1897 годъ. Иные проповѣдники прибѣгаютъ къ иностраннымъ словамъ положительно изъ какого-то наивнаго тщеславія, употребляя ихъ не всегда кстати, на ряду съ устарѣвшими: „поелику“, „ибо“ и т. п.—и притомъ къ слушателямъ, которые и на родномъ языкѣ не все свободно понимаютъ; другіе же, очевидно, какъ бы желаютъ показать, что они, по своему умственному развитію, начитанности и т. п., нисколько не отстали отъ современнаго движенія науки и почти наполовину заполняютъ рѣчь свою иностранными словами. Борется съ этимъ зломъ школа, борется особое общество, существующее вотъ уже три года въ Петербургѣ, возстаетъ противъ него здравый смыслъ и чувство народной гордости,—и вдругъ оно заявляетъ себя даже съ высоты церковной кафедры!

Проповѣдей на воскресные дни въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ напечатано около 100. На недѣли: предъ Просвѣщеніемъ, Мясопустную, 2-ю Великаго поста, о Разслабленномъ, о Самаряныѣ, 2, 3, 5, 7, 8, 13, 14, 17, 18, 20 и 27 по Пятидесятницѣ мы не встрѣтили ни одной проповѣди; на 1-ю недѣлю Великаго поста помѣщено 9 проповѣдей, на 25 недѣлю по Пятидесятницѣ—6, на прочія

же—отъ 1 до 3 и очень рѣдко—до 4. Лучшими изъ проповѣдей на дни воскресные являются слѣдующія: поученіе въ нед. Мытаря и Фарисея—Преосв. Иринея, еп. Подольскаго (Подольск. епарх. вѣдом., № 5), слово въ 1-ю нед. Великаго поста—с. Р. Н. З. (Кишин. епарх. вѣдом., № 5), слово въ нед. свв. Отецъ—свят. М. Авдашкевича (Дух. Вѣстн. Груз. экз., № 17), слово въ нед. по Пятидесятницѣ—прот. І. Сергіева (Арх. епарх. вѣдом., № 14), слово въ нед. 26-ю по Пятидесятницѣ—Преосв. Владиміра, еп. Оренбургскаго (Оренб. еп. вѣдом., № 24), слово въ нед. православія—свят. Юрашкевича (Минск. епарх. вѣдом., № 6), поученіе въ нед. 25-ю по Пятидесятницѣ—Преосв. Виссаріона, еп. Костромскаго (Костр. епарх. вѣдом., № 22), поученіе въ нед. Сыропустную—Преосв. Никандра, еп. Симбирскаго (Симб. епарх. вѣдом., № 6), слово въ нед. 10 ю по Пятидесятницѣ и поученіе въ нед. о Слѣпомъ—свят. Е. Ильинскаго (Сарат. епарх. вѣдом., №№ 14 и 11). Мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

О. Юрашкевичъ въ словѣ своемъ подробно выясняетъ, что такое православіе, такъ какъ на этотъ, повидимому—въ высшей степени простой, вопросъ весьма многіе затрудняются дать болѣе или менѣе ясный и точный отвѣтъ, хотя исповѣдуютъ православную вѣру отъ дней младенчества своего. Православіе,—говоритъ проповѣдникъ,—въ своей сущности есть та христіанская истина, которая намъ передава во дни древніе Церковію Греческою, а Греческая Церковь содержала эту истину неизмѣнно, въ чистотѣ и неповрежденности, также отъ дней древнихъ, восходящихъ ко временамъ вселенскихъ соборовъ, ко временамъ, когда христіанскій западъ еще не питалъ братоубійственной вражды къ христіанскому востоку, когда и здѣсь, и тамъ раздавалось устно и письменно вдохновенное христіанское слово великихъ отцевъ и учителей Церкви: Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Амвросія Медіоланскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Кирилла Александрійскаго, Іоанна

Дамаскина и др., духовныя дарованія которыхъ, изощренныя трудами и подвигами ихъ святой жизни и апостольской ревности къ раскрытію и уясненію христіанской истины, доставили имъ славу великихъ свѣтилъ христіанской Церкви, предъ которыми благоговѣть въ одинаковой мѣрѣ какъ православный востокъ, такъ и латинскій западъ, изъ которыхъ многіе жили, писали и проповѣдывали еще тогда, когда такъ свѣжо было апостольское преданіе. И наша Православная Церковь, въ своемъ духѣ, въ своемъ вѣроученіи, въ своихъ обрядахъ и во всемъ богослужебномъ строѣ, въ главныхъ чертахъ своего внѣшняго устройства, совершенно согласна съ этою христіанскою древностію, съ этимъ строемъ церковнымъ въ лучшую пору жизни Церкви Христовой. А это время въ своемъ духѣ и содержаніи было вѣрнымъ преданіемъ Церкви апостольской, основанной Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, передавшимъ св. апостоламъ Свое ученіе и главныя и существенныя предначертанія по устройству и управленію Своей Церкви. Такимъ образомъ, наша Православная Церковь не иную истину исповѣдуетъ, какъ только ту, которая перешла къ ней, чрезъ преемство вѣковъ, отъ Самого Господа нашего Іисуса Христа и отъ Его св. апостоловъ, и вѣрна какъ въ духѣ и общемъ строѣ своемъ, такъ равно и во всѣхъ частностяхъ содержанія своего вѣроученія и своего внѣшняго богослужебнаго и іерархическаго устройства тому вѣроученію и строю, какой заповѣданъ на всѣ времена и вѣка первыми основателями христіанской Церкви. Поэтому, православное вѣроученіе, будучи совершенно согласнымъ съ Словомъ Божиимъ, въ то же время не противорѣчитъ здравому уму человѣческому, тѣмъ высокимъ созданіямъ человѣческой мысли, до которыхъ можетъ дойти человѣкъ усиліями собственнаго разума, не ослѣпленнаго измышленіями извращеннаго и горделиваго суетумудрія. Отсюда, въ православномъ вѣроученіи господствуетъ удивительно разумный взглядъ на міръ Божій, на его судьбы, на существо человѣка и его назначеніе, на основы и весь строй его прав-

ственной жизни и дѣятельности, на отношенія человека къ Богу, къ самому себѣ, своему ближнему, семьѣ, обществу и государству, среди котораго Божіею волею опредѣлено жить человеку. Отсюда, далѣе, вытекаетъ та давно уже отмѣчен-ная истина, что Православная Церковь, чуждая мірскихъ стремленій, не ищущая вѣшняго господства надъ государствами, въ которыхъ она распространялась и явилась преобладающею, становится какъ бы народною Церковію этихъ государствъ и входящихъ въ составъ его племенъ. Не мѣшая естественно-свободному народному и государственному развитію этихъ племенъ, она своимъ нравственнымъ голосомъ освящаетъ и одобряетъ всѣ лучшія начинанія государственной, общественной и народной жизни, благословляя всѣ лучшія проявленія народнаго ума, народныхъ успѣховъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ дѣятельности. Она, какъ попечительная и добрая мать, радуется всякому доброму начинанію и преуспѣянію этого народа и скорбитъ при видѣ его неуспѣховъ, а тѣмъ болѣе—несчастій и злополучій. Она не становится въ противорѣчіе съ честною и разумною дѣятельностью, направленною на изученіе дѣлъ Божіихъ и человѣческихъ, стремящуюся пріобрѣсти правильное понятіе о Богѣ и человекѣ, если только эта дѣятельность не надмевается своими успѣхами и не вступаетъ въ борьбу съ истинами Божественнаго Откровенія, а имѣетъ въ виду лишь истину—и только одну истину, а не чуждые ей стремленія, нерѣдко закрывающія всѣ пути къ истинѣ и ко всякому нравственному добру. Православіе не знаетъ *борьбы съ наукой и просвѣщеніемъ*, если они—дѣйствительно наука и просвѣщеніе, а не произведеніе человѣческой гордости и суетности, стремящагося къ извращенію и даже разрушенію коренныхъ основъ человѣческой мысли и нравственныхъ основъ человѣческой дѣятельности. Православная Церковь не знаетъ мира съ этими направленіями заблуждающагося человѣческаго ума и готова всегда чрезъ доступныя, чистыя и нравственныя, средства вступить въ борьбу со зломъ, котораго

она не назоветъ добромъ, въ какихъ бы блестящихъ видахъ оно ни являлось, въ какой бы обманчиво-прекрасной формѣ оно ни обнаруживалось. Вотъ почему русская, напр., исторія не знаетъ борьбы Церкви съ государствомъ, борьбы вѣры съ наукою и просвѣщеніемъ; зато эта же исторія знаетъ не одно время, когда только Церковь спасала Русское государство и русскій народъ отъ неминуемой государственной и нравственной гибели. Такъ, и въ настоящее время на нивѣ народной русской жизни растетъ не мало плевель, заглушающихъ здоровыя начала нашей жизни,—разнаго рода лжеученія, смыслъ и значеніе которыхъ не вполне понятны многимъ даже просвѣщеннымъ русскимъ людямъ, стоящимъ вдали отъ Церкви и ея духа. И Церковь, въ лицѣ ея представителей, а также тѣхъ, которые стоятъ близко къ ней и проникнуты ея наставленіями, ясно и настойчиво въ всеуслышаніе объясняетъ смыслъ этихъ лжеученій, даетъ должную оцѣнку распространяемой устно и печатно ихъ проповѣди, указываетъ на принесенный ими уже вредъ и на неисчислимыя гибельныя послѣдствія для правильной умственной, нравственной и государственной жизни русскаго народа, какія послѣдуютъ отъ внесенія въ эту жизнь началъ, проповѣдуемыхъ лжеученіями, не имѣющими ничего общаго съ началами, которыя вносятся въ нашу жизнь ученіемъ Православной Церкви. И горе намъ, если еще и до сихъ поръ для многихъ изъ насъ не ясна та непреложная истина, что, пока будетъ стоять твердо и незыблемо Православная Церковь, до тѣхъ только поръ будетъ несокрушима и незыблема твердыня нашего государства, будутъ тверды и незыблемы умственные и нравственные, общественные и народные устои нашей русской жизни: А потому, кто подрываетъ твердое стояніе этой Церкви, кто ослабляетъ значеніе ея ученія, ея заповѣдей и установленій, тотъ неминуемо подрываетъ всѣ здоровыя основы нашей жизни, тотъ лишаетъ насъ всего дорогого и святаго, великаго и завѣтнаго, чѣмъ стояла, стоитъ и будетъ стоять Русская земля.

Преосв. Виссаріонъ, еп. Костромской, поставивши во главѣ своего поученія слова Спасителя, обращенныя Имъ къ законнику въ заключеніе притчи о милосердомъ самарянѣ: *иди и ты твори такожде* (Лук. 10, 37) и объяснивши въ приступѣ надлежащій ихъ смыслъ и значеніе, въ изложеніи раскрываетъ, насколько и въ какой мѣрѣ эта заповѣдь Спасителя обязательна и для насъ-христіанъ. Мы также должны поступать въ отношеніи къ иновѣрцамъ снисходительно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ полнымъ уваженіемъ. Съ иновѣрцами грѣшно соглашаться въ дѣлахъ вѣры. Убѣжденіе въ превосходствѣ нашей православной вѣры предъ всѣми другими вѣрованіями и исповѣданіями не должно покидать насъ ни въ какомъ случаѣ. Крайне грѣшно было бы думать, что во всякой вѣрѣ, какова бы она не была, можно спастись. Спасаетъ насъ только истинная вѣра, содержащая Православную Церковь; въ ней одной заключаются всѣ необходимыя условія для спасенія. Въ Церкви нѣтъ истины, нѣтъ и всего того, что нужно знать и дѣлать для спасенія. Но какъ бы ни были велики отступленія отъ истины въ иновѣрныхъ исповѣданіяхъ, мы должны знать, что и у иновѣрцевъ многому хорошему можно научиться намъ безъ всякаго вреда для нашей вѣры. Такъ, наши раскольники походятъ на самарянъ, отступивъ, подобно имъ, отъ истинной Церкви, за что они достойно и осуждены Церковію. Но, съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что и въ ихъ обществѣ есть нѣчто, достойное уваженія и даже подражанія. Напр.: они любятъ истовое совершеніе богослуженія, строго исполняютъ уставъ церковный о постахъ, и какъ бы ни были продолжительны церковныя службы, выстаиваютъ ихъ до конца съ терпѣніемъ и благоговѣніемъ и приучаютъ ко всему этому, своихъ дѣтей; въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ они ведутъ себя степенно, не смѣются, не разговариваютъ, не оглядываются по сторонамъ. Все это такія достоинства, которыми и мы—православные должны подражать, строго ую-

рая себя въ небрежномъ исполненіи церковныхъ уставовъ о совершеніи богослуженія, въ безстрашномъ нарушеніи постовъ и безчинномъ стояніи въ храмѣ. Мы должны отдать справедливость раскольникамъ также въ томъ, что они воздерживаются отъ куренія и нюханія табаку. Конечно, они заблуждаются, почитая эту прихоть смертнымъ грѣхомъ, хотя въ то же время снисходительно смотрятъ на излишнее употребленіе горячительныхъ напитковъ; тѣмъ не менѣе православные тяжко грѣшатъ, если употребленіе табаку обращается у нихъ въ непобѣдимую привычку и страсть, если забываютъ, что это употребленіе есть постыдная прихоть, удовлетвореніе которой не только не требуется природою, но, какъ неестественное, вредно дѣйствуетъ на здоровье. Пристрастіе многихъ православныхъ къ табаку достойно осужденія еще и потому, что подаетъ поводъ раскольникамъ какъ бы отожествлять его съ православіемъ. Если раскольникъ начинаетъ колебаться въ преданности расколу и привыкаетъ употреблять табакъ, о немъ говорятъ, что онъ „обмірщился и сталъ походить на православныхъ“, какъ будто сущность православія состоитъ въ куреніи и нюханіи табаку.—Абиссинцы, не такъ давно пріѣзжавшіе къ намъ въ Россію, чтобы заручиться благосклонностію къ себѣ русскаго правительства, во многомъ сходны съ нами въ церковномъ отношеніи, такъ какъ у нихъ сохранились древнія церковныя преданія. Но они отнюдь не единовѣрцы съ нами, какъ увѣрили всѣхъ въ томъ мало освѣдомленные въ церковномъ дѣлѣ свѣтскія газеты. По вѣрѣ они близки къ армянамъ, потому что, подобно имъ, исповѣдуютъ одно естество въ Іисусѣ Христѣ, каковое лжеученіе строго осуждено на *четвертомъ* вселенскомъ соборѣ. Тѣмъ не менѣе и у этихъ неправославныхъ христіанъ есть черты церковной жизни, достойныя нашего подражанія. Они строго-благочестивы и набожны, во дни св. Четыредесятницы вкушаютъ пищу не болѣе *трехъ* разъ въ недѣлю, налагаютъ на себя тяжкія епитиміи за грѣхи, не тяготеютъ продолжительными церковными службами, благоговѣніе къ храму выра-

жають тѣмъ, что при вступленіи съ него снимають съ ногъ обыкновенную обувь и стоятъ или босикомъ, или въ особыхъ сандаліяхъ. Церковная жизнь у нихъ преобладаетъ надъ всѣмъ житейскимъ, и въ этомъ отношеніи они вполне достойны подражанія.—Извѣстна также любовь англичанъ къ Слову Божію. Они за свои лжемудрствованія въ дѣлѣ вѣры не заслуживаютъ нашего сочувствія. Но ихъ ревность къ чтенію Библіи, къ распространенію ея по всему свѣту въ переводахъ почти на всѣ языки дѣлаетъ имъ великую честь. Равно они заслуживаютъ нашего уваженія и подражанія по усердію къ празднованію воскресныхъ дней согласно съ 4-ю заповѣдію десятословія: у нихъ въ эти дни совершенно прекращаются всякія житейскія занятія и увеселенія. И не только англичане, но и евреи заслуживаютъ нашего подражанія въ исполненіи 4-й заповѣди десятословія. Они пользуются дурною извѣстностію по своей враждѣ къ христіанской вѣрѣ, по своему лукавству, по своей склонности ко всякаго рода обманамъ, по своему чрезмѣрному корыстолюбію, по страсти къ несправедливой наживѣ; но что касается до празднованія субботы, которую они проводятъ исключительно въ благочестивыхъ упражненіяхъ, они заслуживаютъ за это похвалы, и мы должны стыдиться, если, будучи православными христіанами, не уважаемъ своихъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, проводя ихъ въ торговлѣ, въ увеселительныхъ заведеніяхъ, пьянствѣ, развратѣ. У татаръ мы можемъ поучиться ихъ исправности въ работахъ, честности и трезвости и т. п.—Такъ у всѣхъ иновѣрцевъ и самихъ язычниковъ мы можемъ перенимать достоподражаемыя черты ихъ жизни, но только ни въ какомъ случаѣ не соглашаться съ ними въ дѣлахъ вѣры.

Изложеніе поученія Преосв. Никандра, еп. Симбирскаго, дѣлится на двѣ равныя части: въ *первой* архипастырь говоритъ о смыслѣ церковнаго и домашняго взаимопрощенія, во *второй*—о нравственно оживляющей силѣ его. Общій и прямой отвѣтъ на первый вопросъ онъ указываетъ въ словахъ

Самого Господа изъ дневного евангельскаго чтенія: „аще отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный: аще ли не отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“ (Матѳ. 6, 14—15). Господу угодно было поставить однимъ изъ главныхъ условій полученія нами отъ Бога прощенія грѣховъ нашихъ прежде всего наше собственное взаимное прощеніе другъ другу частныхъ личныхъ обидъ и оскорбленій, которыя мы, живя въ мірѣ, часто наносимъ другъ другу, своимъ ближнимъ, получая и отъ нихъ въ возмездіе себѣ подобныя же обиды и оскорбленія—если не дѣломъ, то словомъ, а чаще всего злоумышленіемъ, затаенною злобою, въ ожиданіи удобнаго случая излить мечь на дѣлѣ. И много изъ этой затаенной злобы людской и происходящей отъ нея при случаѣ дѣйствительной мести, отъ этихъ обидъ и оскорбленій бываетъ зла на землѣ. Вотъ почему Господу, Который „всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити“ (1 Тим. 2, 4), и угодно, чтобы христіане, взаимнымъ прощеніемъ обидъ другъ другу и чрезъ то взаимнымъ примиреніемъ, сами отнимали у исконнаго своего врага діавола эти его излюбленныя и наиболѣе дѣйствительныя и сильныя оружія, которыми овъ чаще всего вредитъ христіанамъ въ дѣлѣ спасенія и уловляетъ ихъ въ свои коварныя и губительныя сѣти. Съ другой стороны, съ чувствомъ затаенной злобы и мести нельзя успѣшно молиться Богу, Царю мира и правды, Отцу милосердія и щедротъ. Молитва наша о грѣхахъ, приносимая къ алтарю Господню, только тогда будетъ пріятна Богу и услышана Имъ, когда установятся миръ и любовь между людьми; когда мы явимся предъ лице Бжіе въ молитвѣ своей не врагами между собою, а примиренными и примирившимися и любящими братьями во Христѣ предъ Отцемъ нашимъ Небеснымъ (Матѳ. 5, 23—24). Тогда только мы съ сознаніемъ дѣйствительной силы и правды словъ молитвы Господней, какъ уже нашей собственной, отъ сердца идущей, будемъ взывать къ Богу: „Отче нашъ,

Иже еси на небесѣхъ!... Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“ (Матѣ. 6, 9. 12). Въ мірѣ нравственныхъ отношеній Богомъ установленъ такой непреложный законъ: „въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ“ (Матѣ. 7, 2). Уклониться отъ этого закона, избавиться отъ его дѣйствія никто не можетъ: законъ этотъ всеобщій и непреложный. Кто вздумаетъ какъ-нибудь обойти этотъ законъ или избавиться отъ его дѣйствія, тотъ будетъ только обманывать себя и вредить себѣ въ нравственномъ отношеніи. Вотъ почему готовящимся вступить въ св. Четырнадцатницу, намѣревающимся каяться и просить себѣ у Бога прощенія во грѣхахъ, необходимо прежде всего самимъ на дѣлѣ примириться другъ съ другомъ, испросить себѣ прощеніе у ближнихъ и съ своей стороны простить ближнимъ „каждо отъ сердець нашихъ прегрѣшенія ихъ“ (Матѣ. 18, 35).— Чтобы отъ сердца, отъ души, искренно простить ближнему причиненныя намъ отъ него личныя обиды и оскорбленія, нужно подавить въ себѣ такія страсти, которыя служатъ корнемъ, источникомъ всякаго грѣха,—это—*гордость* и *самолюбіе*. Часто говорятъ: „какъ я могу простить его?—Онъ обидѣлъ меня до глубины души, онъ унижилъ меня, онъ оскорбилъ мою честь!... Не прощенія, а жестокой мести, жестокаго наказанія онъ достоинъ!...“ Не трудно понять, что такъ говорить заставляетъ „людей вѣка сего“ *самолюбіе*, *гордость*, а оттуда—и *злоба*. Истинно смиренный, богобоязненный человѣкъ въ такомъ состояніи оскорбленія и обиды, причиненной ему ближнимъ, скажетъ: „Богъ ему судья; видно, я того достоинъ по грѣхамъ своимъ“. И такое безобидчивое, смиренное, полное сознанія своего недостойнства и виновности предъ Богомъ, отношеніе истиннаго христіанина къ ближнему вполне согласуется съ ученіемъ Слова Божія. „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ“, сказалъ Господь, отнимая этимъ у человѣка всякое право на попытку къ отмщенію врагамъ за обиды. И въ другомъ мѣстѣ Слово Божіе говоритъ: „да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ“ (Ефес. 4, 26), не давая

этимъ человѣку гнѣваться, злобствовать на ближняго своего даже только до слѣдующаго дня. И человѣкъ, подавившій въ себѣ гордость, самолюбіе и злобу, дѣлаетъ великій шагъ впередъ на пути улучшенія своей нравственной жизни. Онъ полагаетъ самое надежное начало къ своему нравственному исправленію и самоусовершенію, становится на самую вѣрную дорогу къ примиренію съ Богомъ и полученію отъ Него всепрощенія. Если сказано, что „начало грѣха есть гордыня“; то съ такимъ же правомъ можно сказать, что и начало нравственнаго обновленія и улучшенія духовной жизни заключается въ побѣдѣ надъ этой гордыней въ себѣ, въ подавленіи себя. Какъ велико, какъ цѣнно это дѣло въ очахъ Божіихъ, можно судить уже потому, что побѣждающему свою гордость, самолюбіе и злобу, прощающему своимъ врагамъ сейчасъ же дается и духовная награда отъ Бога, ощутительная для cadaго,—это—миръ души, спокойствіе совѣсти, радостное настроеніе духа, которые каждому дано испытывать послѣ прощенія и примиренія съ ближними. Какъ будто бремя тяжкое, которое прежде тяготѣло на немъ, сваливается съ души и сердца человѣка; чувствуется необыкновенное облегченіе и радость. Съ другой стороны, въ прощеніи врагамъ, по ученію Спасителя, заключается главное, существенное свойство или особенность христіанства и его величайшая нравственная сила. Этою силою, а не бранными оружіями, оно побѣдило грѣшный, языческій міръ. „Аще любите любящихъ васъ, кую мзду имате, не и мытари ли тожеде творять; И аще цѣлуете други ваша токмо, что лишше творите; не и язычники ли такожде творять; Азъ же глаголю вамъ, — говоритъ Господь: любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгонящихъ васъ....“ (Матѣ. 5, 46—47. 44). Христіане, такимъ образомъ, ставятся на величайшую нравственную высоту—*богоуподобленія*. А всего этого можно достигнуть только чрезъ побѣду надъ своею гордостію, самолюбіемъ и злобою, чрезъ прощеніе обидъ и дѣйствительное примиреніе съ ближними и врагами.

Свящ. Е. Ильинскій, въ словѣ въ недѣлю 10-ю по Пятидесятницѣ, на текстъ: „сей родъ не исходитъ токмо молитвою и постомъ“ (Матѣ. 17, 21), говоритъ, что лукавый духъ искони ищетъ господства надъ человѣкомъ, стараясь всячески подчинить его себѣ, сдѣлать послушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ; а потому въ борьбѣ съ нимъ нужно имѣть вѣрное, испытанное средство, необходимо его кознямъ и проискамъ противопоставить силу болѣе крѣпкую, чѣмъ та, какою обладаетъ самъ онъ. Такимъ вѣрнымъ средствомъ, такою силою являются, по словамъ Господа, молитва и постъ. Ничего такъ не боится онъ, какъ поста и молитвы человѣка; никогда столь посрамленнымъ не отходитъ отъ него, какъ въ это именно время. Лукавый даже близко не осмѣлится подойти къ тому, кто ограждаетъ себя молитвою и постомъ. Молящійся человѣкъ бесѣдуетъ съ Богомъ; а гдѣ—Самъ Богъ, тамъ, какъ дымъ, исчезаютъ отъ Него демоны, таютъ они отъ лица Божія, какъ воскъ отъ огня. То же нужно сказать и о постѣ. Смирія тѣло, постъ подавляетъ въ человѣкѣ всякую наклонность къ предмету страсти и, такимъ образомъ, хотя иногда на время, отдаляетъ человѣка отъ грѣха, подчиняя его плоть духу; и такъ какъ здѣсь врагу спасенія нашего нечего дѣлать, то и остается ему выжидать другого времени, остается отсрочить свое нападеніе. Чѣмъ дольше постится и чѣмъ больше молится человѣкъ, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ злоба лукаваго, тѣмъ разнообразнѣе и обольстительнѣе искушенія, которыя лукавый готовитъ ему. Пріятно бываетъ борцу одолѣть сильнаго противника, не менѣе того радостно бываетъ и демону соблазнить того, кто долго силился противостоять ему. „Вотъ почему, христіанинъ,—замѣчаетъ проповѣдникъ,—когда ты молишься или постишься, будь остороженъ, помни: врагъ и тогда силенъ, когда стоитъ въ сторонѣ отъ тебя,—потому силенъ, что, наблюдая за тобой, придумываетъ средство ослабить твой постъ и молитву, изобрѣтаетъ путь къ соблазну. Не успокаивай себя тѣмъ, что лукавый далеко; ибо онъ и тогда можетъ дѣйствовать на

тебя, хотя чрезъ посредство другого. Одно его желаніе,—и подсылаетъ онъ съ искушеніемъ, какое придумалъ, человѣка, извѣстнаго или близкаго тебѣ. О, бойся тогда этого смутителя; не вѣрь ему, не сдавайся! Онъ—человѣкъ, но, вѣдь, устами его заговорить съ тобою духъ злобы. Вспомни: не то же ли самое и въ раю было, когда, во образѣ змія, діаволъ соблазнилъ Еву, а послѣдняя—мужа. Поистинѣ такъ. Чаше приводи на память себѣ: не устоишь однажды,—участятся демонскія нападки, и съ каждымъ разомъ труднѣе и труднѣе будетъ для тебя брань со врагомъ. Поддержи себя въ началѣ, дабы не раскаться въ концѣ, потому что можетъ случиться и такъ: обезсиленный въ борьбѣ, подъ конецъ опустишь руки и смиришься предъ демономъ и станешь орудіемъ въ рукахъ того, кто будетъ злорадствовать твоему паденію. Скажи: перенесешь ли тогда стыдъ предъ Богомъ и ангелами? Въ борьбѣ со врагомъ ободряй себя мыслию, что не ты одинъ, а всѣ люди борются съ нимъ, и даже Самъ Господь былъ отъ него искушаемъ въ пустынѣ.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 5 іюня 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад. прот. І. Корольковъ.

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 26.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, іюня 28-го.

Содержаніе: У гробовъ святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ.—Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ (окончаніе).—Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности (продолженіе).

У гробовъ святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ.

Съ давнихъ временъ нашихъ благочестивыхъ паломниковъ привлекали къ себѣ для благоговѣйнаго поклоненія не только великія святыни востока, но и святыни запада. Что влекло русскихъ поклонниковъ къ границамъ запада?—Гробы святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ и мѣроточивыя мощи святителя Николая въ Баръградѣ. Наши благочестивые паломники не страшились „путническаго труда“ для поклоненія симъ великимъ святынямъ. Въ концѣ прошлаго вѣка предпринялъ „путническій трудъ“

къ симъ святынямъ одинъ извѣстный кіевскій пѣшеходъ, могла котораго находится теперь въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, Вас. Григоровичъ-Барскій. Онъ описываетъ это свое странствованіе въ 1 т. своихъ путешествій по св. мѣстамъ (стр. 110—143). Въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія къ гробницамъ первоверховныхъ апостоловъ прибылъ для поклоненія могучій русскій Царь Николай I-й, направивъ затѣмъ изъ Рима свои стопы въ Баръ-градъ для поклоненія мощамъ святителя Николая. У сей муроточивой гробницы еще недавно (въ 1894 г.) молился за Русскую землю и нынѣ благополучно царствующій Императоръ Николай II-й.

Какимъ образомъ гробницы святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла оказались въ Римѣ, на западѣ, а не на православномъ востокѣ?—Во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа Римъ былъ столицею всего міра. Вотъ почему изъ Рима *во дни тѣя изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа написати всю вселенную* (Луки 2, 1). Въ это именно время и благоволилъ *родитися* Христосъ Господь. Кто утвердилъ приговоръ распять Христа Господа?—Римскій правитель Іудей, Понтій Пилать. Куда устремилась св. муроносица Марія Магдалина съ проповѣдью—*Христосъ воскресъ*? Въ тотъ-же Римъ. Римъ въ тѣ времена былъ средоточіемъ всемірной власти. По мудрымъ путямъ Промысла Божія сей Римъ не могли обойти и первоверховные ученики Слова, свв. Ап. Петръ и Павелъ.

По сказанію житія св. первоверховнаго апостола Петра, сей апостоль „прошедъ Африку, приде въ Римъ“ (Чет.-Мин. іюнь, 139 стр.). По сказанію книги *Дѣяній Апостольскихъ*, другой первоверховный апостоль Павелъ прибылъ въ Римъ во узахъ, *веригами обложенъ* (Дѣян. Ап. 28, 20). У апостола Петра въ Римѣ были только *приснѣи по вѣрѣ*, въ томъ числѣ и св. Климентъ, котораго апостоль *въ помощь церковному правленію постави*. У апостола Павла были въ Римѣ и близкіе сродники по плоти. Симъ сродникамъ онъ и передавалъ свое цѣлованіе: *цѣлуйте Андроника и Іунію срод-*

ники моя и сплнники моя: иже суть нарочиты во Апостолѣхъ, иже и прежде мене впрвоаша во Христа.... Цѣлуйте Руфа избраннаго о Господѣ, и мать его и мою (Римлян. 16, 7—13). Святые первоверховные апостолы были въ Римѣ не мало время, проповѣдуя неустанно Евангеліе царствія Божія и умножая число *върующіихъ* въ Римѣ. И уже при сихъ апостолахъ *вѣра* римлянъ *возвѣщалась* во *всемъ мірѣ* (Римл. 1, 8).

За проповѣдь о воскресеніи Христовомъ и новомъ благодатномъ евангельскомъ ученіи святые апостолы были заключены въ темницу. Темницу эту и теперь указываютъ въ Римѣ. Въ ней находится самая бѣдная католическая церковь въ Римѣ. Бывшихъ въ заключеніи въ Мамертинской темницѣ въ Римѣ могъ ожидать не иной приговоръ суда, какъ только приговоръ на смертную казнь. *Время моего отшествія наста*: писалъ изъ темницы сей предъ произнесеніемъ смертнаго приговора св. Павелъ (2 Тимое. 4, 6). Св. апостолъ Петръ былъ предваренъ Самимъ Христомъ Господомъ о мученической его кончинѣ. За стѣнами Рима и теперь существуетъ храмъ съ именемъ: „*Камо грядеши*“. На семъ мѣстѣ, по мѣстному преданію, Христосъ возвѣстилъ кончину апостолу Петру. По мѣсяцеслову нашей Православной Церкви, годомъ святой кончины первоверховныхъ апостоловъ признанъ 67-й годъ отъ Рождества Христова (Полный Мѣсяцъ Востока). Въ сей годъ нечестивый царь римскій Неронъ въ ярости обоихъ свв. апостоловъ, *на смерть взыскавъ, уби*. „Осудивъ Петра, яко иностраннаго (изъ Іудей), *на распятіе*, Павла же, яко римлянина, егоже не подобаше безчестною уморити смертію, *на вечное постыченіе отдавъ*“. Известно, что св. ап. Петръ былъ распятъ внизъ своею святою главою.

Гдѣ-же гробы святыхъ верховныхъ апостоловъ?—Св. Петръ былъ распятъ въ тѣхъ загородныхъ садахъ Нерона, въ которыхъ сожигали, въ видѣ факеловъ, тѣла христіанскихъ мучениковъ. Св. Павелъ былъ усѣченъ на мѣстѣ въ

ближайшихъ окрестностяхъ Рима, извѣстныхъ подъ именемъ „Трехъ фонтановъ“. На мѣстѣ распятія Петра теперь стоитъ извѣстный Соборъ Петра въ Римѣ; на мѣстѣ усѣченія Павла находится убогій загородный католическій монастырь „у Трехъ фонтановъ“; но мощи сего св. апостола покоятся теперь въ другомъ храмѣ. Послѣ распятія апостола Петра, „святый Климентъ, ученикъ Петровъ, испросивъ тѣло апостолово, снятое со креста, и опрятавъ, созва оставшіяся вѣрныя и *святители*, погребѣ оныя честно“ (Жит. ап. Петра). Св. мощи были погребены за стѣной садовъ Нерона. Надъ гробомъ ап. Петра преемникомъ св. Климента была сооружена малая часовня. На семъ мѣстѣ св. и равноапостольный Константинъ создалъ первый величественный храмъ въ Римѣ. Теперь на семъ мѣстѣ, какъ было замѣчено выше, стоитъ извѣстный Соборъ Петра и при немъ *пресловутый*, какъ называетъ его кievскій пѣшеходъ 18 в., Ватиканъ, съ жилищами Римскаго папы. Гробница святаго верховнаго апостола Петра находится въ древней стѣнѣ храма Константина Великаго. Въ новомъ храмѣ сдѣланы ступени, по которымъ сходятъ къ подножію древней стѣны Константинова храма, гдѣ, за бронзовой рѣшеткой, находятся *старый и новый* гробы верховнаго ап. Петра. Сія великая святыня въ рукахъ римскихъ; но она есть дорогое достояніе всего вѣрующаго христіанскаго міра. Къ сей гробницѣ притекають для поклоненія и наши русскіе паломники.

Гробъ святаго апостола Павла находится на другой противоположной сторонѣ Рима, за стѣнами сего большого града. Когда воинъ усѣкнулъ святую главу *апостола языковъ* у мѣста „Трехъ фонтановъ“, въ то время одна благочестивая римлянка, по имени Лукина, испросивъ для себя святыя мощи апостола, честно погребла ихъ въ своемъ загородномъ домѣ, по Остійской дорогѣ. Какъ надъ гробомъ апостола Петра, такъ и надъ гробомъ апостола Павла равноапостольный Константинъ воздвигъ обширный храмъ. Пятнадцать вѣковъ стоялъ сей св. храмъ, храня подъ своими

сводами драгоценную святыню—святых мощи великаго апостола языковъ. Тысячи народа со всѣхъ концовъ земли при-текали сюда для поклоненія. Этотъ храмъ въ 1740 году видѣлъ еще нашъ вѣевскій путешественникъ. Но въ іюлѣ 1823 года сей Константиновъ храмъ истребленъ пожаромъ. Въ подземной криптѣ сохранился только гробъ съ мощами святаго апостола. Для православнаго христіанина и того достаточно. Теперь, по Остійской дорогѣ, надъ гробомъ апостола Павла сооружается новый храмъ; но храмъ сей еще не оконченъ.

На западѣ обычай поклоненія свв. мощамъ не по нашему православному чину. Въ нашихъ православныхъ храмахъ всякая та великая святыня доступна всѣмъ для поклоненія и лобызанія. На западѣ же вообще, а въ Римѣ, въ частности не допускаютъ прикасаться устами къ святымъ мощамъ и священнымъ предметамъ. Тамъ святыню хранятъ подъ спудомъ, покрывая оную своими престолами, какъ это сдѣлано въ Баръ-градѣ съ муроточивыми мощами святителя Николая и въ Римѣ съ мощами святыхъ апостоловъ Петра и Павла,—или поднимаютъ оную высоко въ храмахъ, устроая для сего въ храмахъ особые киворіи и балдахины, какъ это учинено, напримѣръ, въ древнемъ Латеранскомъ соборѣ, гдѣ хранятся св. главы апостоловъ Петра и Павла. Въ нарочитые дни ихъ только показываетъ римскій служитель алтаря молящемуся народу.

Можетъ статься, что въ сердцѣ православнаго христіанина зародится мысль: почему гробницы святыхъ первоверховныхъ апостоловъ хранятся въ Римѣ, а не въ Іерусалимѣ?... Пути Промысла Божія не всегда могутъ быть постигнуты нами. Св. Іоаннъ Златоустъ не былъ почитатель Рима, но это не мѣшало ему взывать: „кто дастъ мнѣ нынѣ прикоснуться къ Павлову тѣлу, прильнуть ко гробу его и увидѣть прахъ его тѣла, которое восполнило на себѣ лишеніе скорбей Христовыхъ, носило язвы Христовы, повсюду посѣяло проповѣдь, прахъ тѣла, въ которомъ Павелъ обтекъ

всю вселенную,—прахъ тѣла, чрезъ которое вѣщаль Христосъ! Я бы желалъ видѣть прахъ, не только устъ, но и сердца Павлова, которое, не погрѣша, можно назвать сердцемъ вселенной, источникомъ тысячи благъ, началомъ и стихіею нашей христіанской жизни“. „Подобно великому тѣлу, Римъ имѣетъ, по словамъ вселенскаго учителя, два свѣтлыя ока—тѣла обоихъ верховныхъ апостоловъ. Я удивляюсь въ Римѣ, говоритъ онъ, не множеству золота, не колоннамъ или прочимъ украшеніямъ, но симъ столпамъ церкви“ (Толк. Злат. на посл. къ Римлянамъ).

Гробницы первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла—достояніе не Рима только, но всей вселенной. Будучи первопрестольными апостолами и вселенскими учителями, они молятъ Владыку за всю вселенную—*миръ вселенный даровати и душамъ нашимъ велию милость* (Тропарь 29 іюня).

Протоіерей К. Хоменко.

Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ¹⁾.

Ст. 26. „Если мы, получивъ познаніе истины, произвольно грѣшимъ: то не остается болѣе жертвы за грѣхи“. Здѣсь разумѣется не всякое произвольное и сознательное грѣхопаденіе, но отпаденіе отъ Христа, выражающееся въ отреченіи отъ „исповѣданія упованія“ (ст. 23), въ оставленіи собранія христіанскаго (ст. 25), въ поправленіи Сына Божія, въ почитаніи крови завѣта (преподаваемой въ Евхаристіи) за скверну и въ оскорбленіи Духа благодати (ст. 29). Кто отвергъ вѣру въ спасительное дѣйствіе и жертвенное значеніе Крови Христовой, кто даже возмнѣлъ, что она есть вѣчто скверное, тому „не остается болѣе жертвы за грѣхи“,

¹⁾ См. № 24-й за 1898 годъ.

тотъ не найдетъ нигдѣ другаго искупленія, другаго Ходатая, ибо *нѣсть иного имени* (кромѣ Христова), о немже *подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4, 12). Этимъ не ограничивается безграничное искупительное дѣйствіе Крови Христовой въ прощеніи грѣховъ, совершаемыхъ безъ отпаденія отъ вѣры и Церкви (см. примѣчаніе къ ст. 6, гл. 6).

Гл. 12, ст. 16—17. *Исавъ—за ядъ единому отдалъ есть первородство свое—потомъ похотѣвъ наслѣдовати благословеніе, отверженъ бысть: покаянiя бо мѣста не обрѣте, аще и со слезами искалъ его.* Апостолъ увѣщаетъ христіанъ изъ евреевъ быть бдительными и осмотрительными, чтобы кто нибудь изъ нихъ не лишился благодати Божіей. Неосмотрительность и нерадѣніе о сохраненіи полученныхъ благъ могутъ рождаться отъ мысли, что, и утративъ ихъ, мы всегда можемъ снова возвратить ихъ себѣ. Въ пресѣченіе такого легкомысленнаго отношенія къ дарамъ благодати, апостолъ и приводитъ въ примѣръ Исава, который, легкомысленно отказавшись отъ первородства, уже не могъ потомъ никакъ возвратить его себѣ, не могъ наслѣдовать того благословенія, которое дано Іакову и вообще давалось первороднымъ. Хотя и желалъ Исавъ получить благословеніе первородныхъ и со слезами просилъ объ этомъ отца, но отецъ говорилъ ему: Іакова я благословилъ, онъ и будетъ благословенъ (Быт. 27, 33). Изъ этого видно, что въ словахъ: *покаянiя мѣста не обрѣте* разумѣется не покаяніе Исава (которое будто бы оказалось безплоднымъ), но покаяніе или перемѣна въ мысляхъ Исаака; Исавъ не нашелъ перемѣны въ Исаакѣ и не могъ добиться ея ни крикомъ, ни слезами. У самого Исава было сожалѣніе объ утраченномъ преимуществѣ, а это не есть покаяніе. Итакъ, нельзя ссылаться на это мѣсто въ подтвержденіе той ложной мысли, будто покаяніе не можетъ возвращать согрѣшающимъ христіанамъ милость Божію. Нужно только опасаться, чтобы грѣховнымъ легкомысліемъ не уничтожить въ себѣ способности къ покаянію.

Ст. 22—24. *Приступисте къ Сіонскій горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, торжеству (торжествующему собору), и церкви первородныхъ на небесахъ написанныхъ, и судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ ходатаю завета новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше плагоющей, нежели Аве-лева.* Въ этихъ словахъ изображается всецѣлый составъ Церкви, того небеснаго непоколебимаго царства, въ которое вступаютъ вѣрующіе во Христа (ст. 28). Она называется горою Сіономъ, какъ мѣстопребываніе Божіе, какъ мѣсто, откуда Господь подаетъ людямъ спасеніе; въ этомъ отношеніи она уподобляется древнему Сіону (Псал. 47, 3; 109, 2; 131, 13, 14 и др. мн.). Церковь называется также градомъ Бога живаго, подобно тому, какъ Іерусалимъ назывался градомъ Божіимъ, градомъ великаго Царя (Матѣ. 5, 35); въ этомъ наименованіи содержится указаніе на то, что въ Церкви Богъ обитаетъ среди Своихъ избранныхъ, въ совѣтѣ и родѣ праведныхъ (Пс. 1, 5; 13, 6), какъ царь земной живетъ въ своемъ городѣ среди своихъ подданныхъ. Далѣе, Церковь именуется Іерусалимомъ небеснымъ, какъ такой градъ Божій или такое царство Божіе, которое нѣсть отъ міра сего (Іоан. 18, 36), которое состоитъ не только изъ земныхъ людей, но еще болѣе изъ небожителей, и въ которомъ земнородные получаютъ небесныя благословенія и ведутъ небесную жизнь (см. прим. къ ст. 11—12 и 24 гл. 9). Церковь называется *торжествомъ* (πανήγυρις), т. е., всеобщимъ праздничнымъ собраніемъ, подобно тому какъ Христосъ уподобляетъ Свое царство брачному пиру, на который небесный Домовладыка звалъ многихъ (Лук. 14, 16). Къ Церкви принадлежатъ *тмы ангеловъ*, затѣмъ въ нее входятъ, какъ составная часть, *Церковь первородныхъ*, которыхъ имена написаны на небесахъ, т. е., святыхъ угодниковъ, патріарховъ, апостоловъ, которые раньше прочихъ причислены къ гражданамъ царства небеснаго (Лук. 10, 20). Къ Церкви Христовой причисляются апостоломъ и вообще „духи праведниковъ, достигшихъ со-

вершенства“; до времени общаго воскресенія они находятся въ разлученіи съ тѣлами, не облечены плотію и болѣе подобны безплотнымъ ангеламъ, чѣмъ земнороднымъ, но ожидаютъ воспріятія тѣлъ, подобныхъ славному тѣлу Христову (1 Кор. 15, 44; Филип. 3, 21). Изображая въ такомъ видѣ составъ Церкви, апостолъ даетъ неизблемое основаніе православнымъ догматамъ о призваніи въ молитвахъ и прославленіи небесныхъ силъ и святыхъ угодниковъ Божіихъ, о молитвѣ за умершихъ и о молитвенномъ заступленіи и благодатной помощи ангеловъ и умершихъ святыхъ остающимся въ живыхъ. Въ Церкви, ради ея единства, всѣ молятся за всѣхъ, и всѣ содѣйствуютъ всѣмъ, ибо ни въ чемъ иномъ не можетъ выражаться то, что мы дѣйствительно приступили къ „торжествующему собору“, къ „небесному Іерусалиму“.

Восходя по лѣствицѣ созданій къ вершинѣ небеснаго Сіона, къ Бытію несозданному и вѣчному, апостолъ говоритъ: (приступите къ) *Судіи всѣхъ Богу*—и къ *Ходатаю завѣта новаго Іисусу*. Богъ (Отецъ) есть законодатель и судія челоувѣчества, Который говорилъ о Себѣ: *Азъ есмь—Богъ ревнитель, отдавая грѣхи отецъ на чада до третіяго и четвертаго рода* (Исх. 20, 5), Который не обезвинитъ преслушниковъ и преступниковъ воли Его и согрѣшающихъ не очиститъ (34, 7; Іерем. 32, 18—19); отсюда открывается, какъ драгоцѣнно или безцѣнно для людей ходатайство Іисуса Христа, приобретающаго людямъ вѣчное искупленіе и Новый Завѣтъ. При этомъ ходатайство Христа возносится на такую высоту, что съ нимъ ни въ какое сравненіе не идетъ ходатайство безплотныхъ силъ и святыхъ. Ходатайствомъ Христа дарованъ намъ Новый Завѣтъ, а *взаимопомощь* людей въ дѣлѣ спасенія основывается уже на пребываніи ихъ въ единомъ Новомъ Завѣтѣ; ходатайствомъ Христа создана Церковь, а молитвенное содѣйствіе намъ святыхъ истекаетъ уже изъ пребыванія нашего въ одной съ ними Церкви (*приступите къ—духомъ праведникъ*). Посему, хотя мы и прибѣ-

гаемъ къ заступленію святыхъ, однако отнюдь не сравниваемъ ихъ съ *Единымъ Ходатаемъ* (1 Тим. 2, 5). Изясняя, какимъ образомъ Христосъ пріобрѣлъ намъ вѣчное искупленіе и даровалъ Новый Завѣтъ, ап. Павелъ говоритъ: (приступите къ) *крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева*. О крови Авеля Господь сказалъ Каину: „голосъ крови брата твоего вопіеть ко мнѣ отъ земли“ (Быт. 4, 10). Въ этихъ словахъ выражается то, что пролитая Каиномъ кровь брата не безмолствуетъ, но вопіеть, ходатайствуетъ предъ Богомъ объ отмщеніи. Это и послужило для апостола основаніемъ сравнивать съ нею Кровь Христову, которая также вопіеть, т. е., ходатайствуетъ предъ Богомъ, но только *лучше* вопіеть,—не объ отмщеніи, а, напротивъ, о примиреніи и прощеніи. Вслѣдствіе сего ходатайственнаго дѣйствія Христовой Крови и получаютъ люди искупленіе и Новый Завѣтъ. Для насъ важно поставить здѣсь слѣдующій вопросъ: одинъ ли разъ возопила о насъ Богу Кровь Христова, именно, когда была пролита на Голгоѣ, или она доселѣ вопіеть? Апостолъ сказалъ: *глаголющей*, значитъ, она постоянно глаголетъ. Къ тому же и кровь Авеля вопіяла и послѣ убійства, а не только во время его совершенія. Іовъ, желая примириться съ Богомъ, Котораго онъ представляетъ враждебнымъ себѣ, говоритъ: „земля! не закрой крови моей“ (16, 18): онъ убѣжденъ, что невинная кровь его, изливающаяся изъ ранъ его, вопія къ Богу, возвратитъ ему нѣкогда милость Божию (не напрасно Іовъ считается прообразомъ Христа, такъ какъ и его кровь вопіяла лучше Авелевой). Пророкъ Исаія говоритъ, что земля обнаружитъ кровь убитыхъ, не сомнѣваясь, что эта кровь исходитайствуетъ отмщеніе убійцамъ (26, 21). Во всѣхъ этихъ случаяхъ кровь является вопіющею не только во время ея пролитія, но и послѣ. Посему и Христова Кровь доселѣ вопіеть, и всякій, кто вступаетъ въ Христову Церковь, приступаетъ и къ этой немолчно-вопіющей Крови, почему и становится участникомъ пріобрѣтаемаго ею Новаго Завѣта. Но для того, чтобы постоянно

вопіять, Кровь Христова должна постоянно пребывать; для того, чтобы въ ней приступать, нужно гдѣ-нибудь ее находить; для того, чтобы приобщаться ея, необходимо вѣровать, что она не изсякла, но постоянно удѣляется вѣрующимъ (почему и называется *кровію кропленія*) изъ неоскудѣвающаго источника. Эта завѣтная Кровь и сообщается (какъ бы кропится, см. примѣч. къ гл. 10, ст. 22) намъ въ таинствѣ Евхаристіи, послѣ того какъ ради нея чрезъ таинство крещенія вступили мы въ Церковь, которая служитъ ея истощимой сокровищницей.

Таково по апостолу должно быть изображеніе Церкви, въ которой обитаетъ Богъ, которую Ходатай—Христосъ освящаетъ Своею Кровію, которая объемлетъ въ своемъ единствѣ земнородныхъ и небожителей.

Гл. 13, ст. 7. *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.* На этихъ словахъ апостола основывается почитаніе угодниковъ Божіихъ, въ особенности святыхъ пастырей Церкви, прославленіе ихъ подвиговъ и въ особенности страданій и смерти за вѣру, что разумѣтъ апостолъ подъ скончаніемъ жительства, и, наконецъ, какъ послѣдствіе сего, испрашиваніе у нихъ помощи на такое прохожденіе жизненнаго поприща, которое бы исполнѣ сообразовалось съ ихъ ученіемъ и примѣромъ.

Ст. 9—10. *Добро благодатію утверждати сердца, а не брашны, отъ нихже не пріяша пользы ходившии въ нихъ. Имамы же оятарь, отъ негоже не имутъ власти ясти слушающіи съни (скиніи).* Когда апостолъ призываетъ укрѣплять сердца благодатію, а не брашнами (яствами), то разумѣтъ тѣ брашна, которыя устроились изъ остатковъ ветхозавѣтныхъ жертвъ. О нихъ то и говоритъ апостолъ, что они не принесли пользы тѣмъ, которые занимались ими и возлагали на нихъ надежды. Но не всѣ яства бесполезны для спасенія, иначе пришлось бы утверждать, что бесполезенъ и тотъ Хлѣбъ, который Самъ Первосвященникъ Новаго Завѣта Хри-

стось преломилъ и далъ ученикамъ, говоря: *пріимите, ядите—сіе творите въ Мое воспоминаніе*. Сказавъ о тѣхъ яствахъ, которыя для спасенія бесполезны, апостолъ далѣе говоритъ: *имамы же олтарь*. Если есть у насъ алтарь, то есть и приношенія, есть и жертва, потому что безъ жертвъ алтарь уже не алтарь, онъ заслуживаетъ этого наименованія только тѣмъ, что на немъ приносятся жертвы. Какія же жертвы (или жертва) приносятся на нашемъ алтарѣ? Дальше говорится, что отъ этого алтаря не могутъ ѣсть *служащіи сѣни* (скиніи). Ясно, что на этомъ алтарѣ возлагается и приносятся нѣчто такое, что можно вкушать; апостолъ не сказалъ, что съ этого алтаря *нечего* ѣсть, но сказалъ, что съ него могутъ ѣсть *не всѣ*; слѣдовательно на немъ возносится Богу и потомъ предлагается людямъ нѣчто съѣдобное, что однако могутъ вкушать только хрістіане; а жертва хвалы никакъ не можетъ быть названа съѣдобною. Апостолъ Павелъ въ другомъ посланіи сказалъ: „служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника“ (1 Кор. 9, 13); никто не скажетъ, что они могутъ дѣлиться съ алтаремъ жертвами духовными, питаются жертвами славословія. Здѣсь, въ посланіи къ Евреямъ, онъ ясно говоритъ, что и хрістіане имѣютъ алтарь, слѣдовательно возносятъ и жертвы, притомъ такія, которыя могутъ и должны быть вкушаемы, но только хрістіанами и хрістіанскими священниками, а отнюдь не служителями Ветхаго Завѣта, не служителями прообразовательной скиніи. Превосходство этого алтаря, превосходство приносимой на немъ жертвы и предлагаемаго на немъ Брашна и служить основаніемъ, почему хрістіане не должны возвращаться къ яствамъ ветхозавѣтнымъ, которыя не приносили пользы. Все это незыблемо утверждаетъ ученіе о хрістіанскомъ алтарѣ, о приносимой на немъ евхаристіей Жертвѣ и уготовляемой на немъ Трапезѣ Господней. При этомъ апостолъ говоритъ: „олтарь“, а не „олтари“, хотя у насъ много алтарей, равно какъ и храмовъ; но онъ употребляетъ единственное число ради одинаковости совершаемаго

на христіанскихъ алтаряхъ приношенія, подобно тому какъ по той же причинѣ говоритъ и объ единой Чашѣ, хотя тогда, какъ и теперь, чашъ было не менѣе, чѣмъ храмовъ (1 Кор. 10, 16).

Ст. 15—16. *Тѣмъ (Христомъ) приносимъ жертву хваленія выну Богу, сирѣчь плодъ устенъ исповѣдающихся имени его. Благотворенія же и общенія не забываютъ: таковыми бо жертвами благоугодается Богъ.* Въ Церкви приносятся Богу жертвы хвалы и благотворенія. Слѣдуетъ ли отсюда, что не нужна жертва евхаристійная, или что апостолъ не зналъ объ этой жертвѣ и не требовалъ ея совершенія? Нѣтъ. Онъ ограничиваетъ здѣсь свою рѣчь только тѣми жертвами, которыя люди приносятъ сами отъ себя, какъ бы изъ того, что имъ принадлежитъ, а въ Евхаристіи руками священника приносить Себя въ жертву Самъ Христосъ, приносить принадлежащее Ему, воспріятое въ воплощеніи и пострадавшее на Голгофѣ челоѣчество (*твоя отъ твоихъ—приносяще*, возглашаетъ священникъ), потому то о жертвѣ Тѣла и Крови здѣсь и умалчиваетъ апостолъ. Но онъ говоритъ: *Тѣмъ*, т. е., Христомъ или чрезъ Христа (приносимъ), и этимъ показываетъ, что всѣ собственно *наши* жертвы должны присоединяться къ жертвѣ Христовой и вмѣстѣ съ нею, ея силою, возноситься къ Богу, потому что, если бы не ходатайствовали о насъ Тѣло и Кровь Христовы, никакія жертвы наши не были бы угодны Богу и для насъ спасительны.

Ст. 17. *Повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь: тѣмъ бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще: да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе.* „Повинуйтесь“ своимъ наставникамъ въ томъ, что они предписываютъ вамъ, какъ очевидно спасительное, безспорно благотворное; „покорны будьте“ въ томъ, чего они требуютъ отъ васъ по силѣ данной имъ власти и чего можете вы до времени не разумѣть. Между „повиновеніемъ“ и „покорностію“ можно указать лишь то различіе,

что первое основывается не только на силѣ и власти повелѣвающего, но и на безспорной пользѣ повелѣній его, а покорность основывается только на власти. Ясно, что подъ наставниками должно разумѣть людей, начальствующихъ въ Церкви, составляющихъ ея іерархію.—Съ властію, воспринятою ими отъ Пастыреначальника Христа, соединены, по ученію апостола, труды и отвѣтственность: „они неусыпно пекутся о душахъ вашихъ, какъ обязанные дать отчетъ“. Если они должны отдать отчетъ, то значить имъ что либо вѣрено (ср. отчетъ объ управленіи домомъ, Лук. 16, 2), и конечно не что иное, какъ спасеніе душъ или водительство овецъ стада Христова на пажить вѣчной жизни.—Если пасомые покорны пастырямъ, то послѣдніе несутъ свои труды „съ радостію“; съ тою же радостію будутъ они нѣкогда и *воздавать слово*, какъ не вотще потрудившіеся, какъ собравшіе плодъ для жизни вѣчной (Филип. 2, 17; Ісаян. 4, 36). Если же вѣрующіе оказываютъ церковнымъ начальникамъ неповиновеніе и непокорность, то вдвойнѣ тягостенъ бываетъ трудъ начальствованія и „съ воздыханіемъ“ ожидается день отчета. Но непокорность и самимъ непокорнымъ не полезна, не приноситъ имъ той пользы, какой обыкновенно подчиненные ждуть отъ свободы и независимости; *нѣсть полезно вамъ сіе*, говоритъ апостолъ.

С. Кохомскій.

Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности ¹⁾).

Если церковное учительство является дѣломъ многотруднымъ, то многотруднымъ является и дѣло школьное, требующее непрерывнаго напряженія всѣхъ духовныхъ силъ.

¹⁾ См. № 24-й за 1898 годъ.

Въ какія же условія поставлено учительство духовенства въ начальныхъ церковно-приходскихъ школахъ? Основательная школьная подготовка, неустанная забота о самопросвѣщеніи, а главное—ясное сознаніе величія тѣхъ обязанностей, которыя *добровольно* приняты на себя, и отъ которыхъ, какъ освященныхъ Самимъ Богомъ, никто уже не въ правѣ отказаться,—все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ тѣ условія для школьнаго учительства православнаго духовенства, которыя нѣмъ и ничѣмъ по существу не могутъ быть не только отвергаемы, но и умаляемы въ своей непререкаемости. Но чтобы то или другое дѣло, въ особенности же дѣло такой важности, какъ народное образованіе, шло успѣшно, необходима серьезная общественная — нравственная и матеріальная поддержка, нужно сочувствіе. Что же встрѣтило и встрѣчаетъ православное духовенство въ этомъ отношеніи? — Недалеко еще то время, когда оно было призвано съ высоты Царскаго Престола къ дѣлу народно-школьнаго учительства. Памятно всѣмъ это время. Не напоминаетъ ли оно нѣкоторыя иныя времена, когда государству грозили чужеземные враги, и когда спасеніе приходило именно отъ Церкви? Чуждое всякихъ властолюбивыхъ цѣлей, православное духовенство всегда твердо стояло на почвѣ общихъ интересовъ Церкви и отечества, и не было еще въ нашей исторіи случая, когда бы оно ратовало не за общіе, а за свои личные интересы. Не удивительно, поэтому, что Царь-Миротворецъ, въ годину тяжкихъ испытаній и воспоминаній взявши на себя задачу дать миръ взволнованной всевозможными смутами русской душѣ, обратилъ свой взоръ на православное духовенство и призвалъ его къ борьбѣ съ врагомъ—явнымъ, а болѣе всего тайнымъ—не съ мечемъ въ рукахъ, а съ словомъ просвѣщающимъ, т. е., съ такимъ оружіемъ, которое острѣе и дѣйственнѣе всякаго меча. И это всѣ, кому нужно было, поняли,—поняли, именно, то, что разъ дѣло народнаго просвѣщенія перейдетъ въ руки православнаго духовенства, просвѣщеніе это, можно быть вполнѣ

увѣреннымъ, не будетъ уже служить никакимъ инымъ цѣлямъ, какъ только цѣлямъ *просвѣщенія*. Цѣлыхъ десять лѣтъ духовенство должно было изъ ничего создавать дѣло, подвергаясь притомъ и нареканіямъ. Но твердая вѣра Государя и его ближайшихъ сотрудниковъ въ могучую силу духовенства, въ его умѣнье беззавѣтно трудиться на пользу Церкви и отечества не могла соблазниться дѣйствительно поучительнымъ зрѣлищемъ развитія и укрѣпленія дѣла народнаго просвѣщенія на началахъ православія и въ то же время на началахъ безкорыстнаго труда и благотворительности со стороны „меньшихъ братій“. Другой подобнаго рода дѣятельности не можетъ указать исторія въ одной страны.

Не распространяемся о противодѣйствіи церковной школъ со стороны враговъ Церкви; церковно-школьное просвѣщеніе не встрѣтило поддержки и со стороны тѣхъ просвѣщенныхъ людей, которые присматривались къ церковно-школьной дѣятельности духовенства.... съ цѣлю подмѣтить и оповѣстить всему міру одно только худое, чтобы подорвать, такимъ образомъ, къ этимъ школамъ всякое довѣріе со стороны общества, если возможно—то и со стороны простого народа. Никто, конечно, никогда не можетъ сказать, что всѣ церковныя школы—совершенство; недостатки ихъ хорошо и близко извѣстны и всѣмъ тѣмъ, кто ревнуетъ о нихъ. Но вѣдь эти недостатки, особенно, если принять во вниманіе условія жизнедѣятельности церковныхъ школъ, должны были приводить мыслящихъ людей только къ одному убѣжденію—необходимости помочь духовенству исправить ихъ. вмѣсто же этого мы видимъ сознательное, нарочито преувеличенное униженіе церковныхъ школъ во мнѣніи русскаго народа, необыкновенно старательное и вмѣстѣ съ тѣмъ злорадное собираніе самаго разнообразнаго матеріала для этого униженія.

Но вотъ пора испытанія, которому подверглись церковныя школы въ теченіе перваго десятилѣтія своего существованія, кончилась. По волѣ Государя, онѣ стали получать пособіе изъ Государственнаго Казначейства,—пособіе довольно

важное, особенно съ точки зрѣнія ободренія самоотверженно работающих на нивѣ народнаго просвѣщенія.

Ничто не можетъ быть прочнѣе, какъ тѣсная духовная связь между людьми. Къ установленію этой-то связи съ пасомыми и нужно стремиться православному духовенству. И она можетъ быть установлена, между прочимъ, и посредствомъ церковнаго и школьнаго учительства, когда приходскій священникъ является воспитателемъ духа прихожанъ, начиная съ самыхъ раннихъ ихъ лѣтъ, руководителемъ въ годы возмужалости и утѣшителемъ во дни старости. Только при этомъ учительствѣ установится между пастыремъ и пасомыми общность духовныхъ интересовъ, и первый всегда будетъ являться въ глазахъ послѣднихъ самымъ дорогимъ лицомъ. Чтобы понять справедливость сказаннаго, достаточно вспомнить, какія отношенія устанавливаются въ школахъ между учителями и ихъ учениками,—а приходская жизнь есть постоянная, непрерывающаяся школа, гдѣ ученики отъ купели крещенія до гробовой доски не расстаются съ своимъ учителемъ. Мы особенно настаиваемъ на этомъ значеніи школы для пастырскихъ отношеній къ пасомымъ, такъ какъ не только не видимъ иныхъ, болѣе цѣлесообразныхъ и лучшихъ средствъ закрѣпить эти отношенія, но и думаемъ, что при иныхъ основаніяхъ, а тѣмъ болѣе при равнодушномъ отношеніи православнаго духовенства къ школѣ, какъ основѣ наилучшаго воздѣйствія на жизнь паствы и установленія прочныхъ связей съ послѣднею, будетъ многое потеряно, и вернуть это потерянное будетъ впослѣдствіи уже не возможно. Указанная дѣятельность захватываетъ и увлекаетъ большее и большее количество священнослужителей, и мы вѣримъ, что немного пройдетъ времени, когда каждый приходъ будетъ имѣть школу, а разбросанные—и не одну, руководитель которой—приходскій священникъ—съ особенною любовію будетъ заботиться о ней, подготавливая изъ учениковъ школы добрыхъ пасомыхъ, всегда приобѣгающихъ за совѣтомъ и разрѣ-

шеніями различныхъ своихъ сомнѣній и недоумѣній не къ кому иному, какъ только къ своему отцу духовному, съ самыхъ малыхъ лѣтъ руководящему и наставляющему ихъ.

Церковно-школьное учительство православнаго духовенства встрѣчено и поддержано было съ большимъ сочувствіемъ простымъ народомъ. Не смотря на свою бѣдность, иногда крайнюю неудовлетворительность постановки учебнаго дѣла, школа церковная все-таки сдѣлалась близкою народному сердцу: народъ, самъ крайне бѣдный, понесъ свои послѣдніе гроши на церковную школу, и мы стали свидѣтелями такого неизвѣстнаго дотоѣ явленія, какъ широкое развитіе среди народа школьной благотворительности. Изъ грошей и копеекъ народныхъ созданъ не одинъ десятокъ тысячъ школъ, разсѣянныхъ по всему лицу православной Руси; сотни тысячъ крестьянскихъ дѣтей переполняютъ церковныя школы, другіе десятки тысячъ ихъ—стоятъ у дверей этихъ школъ, стучатся въ нихъ,—но съ душевною болью отходятъ, потому что нѣтъ въ нихъ болѣе мѣста.—Въ этомъ одномъ явленіи нашей народной жизни много можно найти отраднаго, ободряющаго, возвышающаго духъ тружениковъ церковной школы! Въ иныхъ, впрочемъ, мѣстностяхъ церковная школа, по видимому, не встрѣтила сочувствія со стороны народа; но для объясненія этого явленія всегда были особыя причины, ничего общаго не имѣющія съ сущностью церковной школы. Такъ, противъ церковной школы вооружалось населеніе иногда подъ вліяніемъ *принципіальныхъ* враговъ ея и духовенства, при чемъ эта вражда продолжалась иногда только до тѣхъ поръ, пока сильно было вліяніе мнимыхъ *друзей* народа и ревнителей народнаго просвѣщенія въ духѣ запада. Не всегда съ открытою душою встрѣчало церковную школу населеніе съ преобладающимъ фабричнымъ, раскольничьимъ и сектантскимъ элементомъ; неохотно шелъ народъ на призывъ духовенства открывать церковныя школы и тамъ, гдѣ онъ несъ немалыя повинности въ пользу земскихъ или министерскихъ школъ. Излишне было бы останавливаться на выясненіи при-

чинъ подобнаго отношенія къ церковной школѣ со стороны указаннаго населенія,—онѣ для всѣхъ слишкомъ и безъ того очевидны.

Много горя, укоризнъ, несправедливыхъ обвиненій перенесло православное духовенство отъ враговъ церковной школы; но теперь оно можетъ уже нѣсколько утѣшиться: даже въ тѣхъ рядахъ, откуда слышны были глумленія надъ церковной школой, разнаго рода навѣты, откуда не видно было никакого желанія не только помочь школѣ, но и внимательное присмотрѣться къ ней и ея дѣлу, въ настоящее время совершается уже замѣтный поворотъ къ лучшему, слышатся, хотя еще пока и рѣдко, не только добрые отзывы о дѣятельности и вліяніи церковной школы на жизнь народную, но и таковыя же пожеланія. Слѣдя за развитіемъ школьнаго дѣла, мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ этотъ поворотъ и приписываемъ его сколько безкорыстному труду православнаго духовенства, столько же болѣе и болѣе увеличивающемуся благоустройству церковныхъ школъ, увеличивающейся прочности внѣшней и внутренней организаціи ихъ. Какъ ни взволнованъ былъ враждебный церковной школѣ міръ, когда, вслѣдствіе пособія государства, приступлено было къ надлежащей организаціи надзора, напр., надъ церковными школами, но и онъ въ концѣ концовъ долженъ былъ признать, что школа, которой пророчили скорую гибель, твердо стала на ноги и потому не можетъ бояться никакихъ измѣнчивыхъ вѣяній, что она—совершенно равная сестра другимъ школамъ. Мало того,—многіе стали серьезно задумываться, особенно въ виду болѣе и болѣе выдвигаемаго жизни „всеобщаго обученія“, надъ вопросомъ, при какой изъ школъ—церковной или другого какого типа—возможно скорѣйшее и удобнѣйшее осуществленіе такъ желательнаго и настолько существенно необходимаго „всеобщаго обученія“. Останавливаемъ вниманіе пастырей Церкви на этомъ явленіи. Да будетъ для нихъ великимъ утѣшеніемъ то несомнѣнное убѣжденіе, что трудъ и любовь къ дѣлу всегда являются

побѣдителями, какіе бы враги ни встрѣтились у нихъ на пути къ достиженію цѣли. Самая трудная пора церковно-школьнаго учительства, очевидно, прошла или проходить, неблагопріятныя условія для него мало-по-малу исчезаютъ. Необходимо приложить еще нѣсколько усилій, и, наконецъ, настанетъ пора уже спокойнаго и потому еще болѣе благотворнаго и многоплоднаго труда.

Многіе не только изъ недовольныхъ церковными школами, но и изъ среды самого духовенства говорятъ, что приходскимъ пастырямъ заниматься школами и въ школахъ нѣтъ времени; что у нихъ и безъ того много своихъ прямыхъ обязанностей, и что, вслѣдствіе этого, вносится какъ въ самое дѣло учительства, такъ и во всю постановку церковно-школьной жизни много неправильнаго, искусственнаго и даже прямо ложнаго и вреднаго. По нашему мнѣнію, всѣ такія и имъ подобныя разсужденія представляютъ собою плодъ недоразумѣній и неяснаго пониманія требуемыхъ отъ православнаго духовенства отношеній къ школьному учительству. Школьное учительство составляетъ для приходскихъ пастырей такую же прямую и неотложную обязанность, какъ и всѣ другія; отнять или умалить ее, а равно совсѣмъ отказать отъ нея—значить по существу унижить, сузить кругъ обязанностей православнаго духовенства, поставить послѣднее въ отношеніи къ этимъ обязанностямъ въ приходѣ ниже духовенства инославнаго и иновѣрческаго, значить вообще лишить его одного изъ самыхъ главныхъ средствъ быть истинными пастырями своихъ пасомыхъ. Но какъ же, въ самомъ дѣлѣ, священнику быть учителемъ школы, когда онъ отвлекается дѣлами прихода и своими личными, которыя, при малой обеспеченности нашего духовенства, не могутъ быть никогда и ни въ какомъ случаѣ пренебрегаемы? Отъ завѣдующаго церковной школой вовсе не требуется, чтобы онъ былъ постояннымъ учителемъ школы. Такое требованіе было бы, дѣйствительно, во многихъ случаяхъ неисполнимо, особенно тамъ, гдѣ не одна школа, а двѣ и болѣе, или гдѣ

священникъ состоитъ одновременно и законоучителемъ въ земской или министерской школѣ, отчего онъ не въ правѣ отказываться. Сущность требованій, предъявляемыхъ къ церковной школѣ, заключается въ томъ, чтобы она находилась подъ постояннымъ надзоромъ и руководствомъ приходскаго духовенства, чтобы она, составляя неразрывное цѣлое съ приходомъ, со всею его жизнію, служила не лицемерно духовно-просвѣтительнымъ задачамъ церковно-приходской жизни. Быть же руководителемъ школы священникъ и долженъ, и можетъ. Долженъ—потому, что школа есть могущественнѣйшее орудіе развитія духовной жизнедѣятельности прихода; можетъ—потому, что въ его рукахъ находятся всѣ необходимыя средства для того, чтобы знать жизнь и дѣятельность школы. Дать нѣсколько уроковъ въ недѣлю, посѣтить школу и въ другое время, быть постоянно внимательнымъ къ нуждамъ школы, *видѣть* школьниковъ и ихъ учителя въ храмѣ, вообще—создать въ мнѣніи прихода себѣ положеніе всегда заботливаго отца школы, умѣющаго знать все, что дѣлается въ ней, руководить всѣми, такъ или иначе къ ней причастными, прійти всегда на помощь тѣмъ, кто въ этой помощи нуждается,—все это вполне возможно и для священника, много занятаго дѣлами прихода и своими личными, если, конечно, послѣднія не заслоняютъ собою всѣхъ другихъ дѣлъ и обязанностей пастырства. Самымъ же надежнѣйшимъ средствомъ для выполненія этого служить знаніе учителя и прихода.

Знать настроеніе прихода по отношенію къ школѣ для завѣдующаго весьма важно. Обезнеченность школы, благоустройство ея, положеніе учителя въ селѣ и даже въ извѣстной степени внутренняя жизнь школы—все это въ большинствѣ случаевъ зависитъ оттого, какъ прихожане относятся къ школѣ и порядкамъ, въ ней введеннымъ. Вотъ почему уже одно существованіе въ селѣ школы налагаетъ на завѣдующаго нравственную обязанность расположить прихожанъ къ ней, заставить полюбить ее,—но достигнуть этого

можно не внѣшними только какими-либо средствами, а бесѣдами, особенно частными, учрежденіемъ попечительства о школѣ и объ ученикахъ,—вообще—возможно широкимъ привлеченіемъ крестьянъ къ участию въ тѣхъ или другихъ, хотя бы и небольшихъ, заботахъ о школѣ: тогда послѣдняя будетъ уже не „поповскою“ школою или „затѣей“, а школою всѣхъ прихожанъ, будетъ ихъ роднымъ дѣтищемъ. Несомнѣнно, привлекая прихожанъ къ самому ближайшему и широкому участию въ жизнедѣятельности школы, священникъ долженъ дѣлать это умѣло, иначе ему угрожаетъ опасность если не потерять, то уронить свое собственное значеніе въ школѣ и для школы, угрожаетъ опасность воспитать въ прихожанахъ ложное, преувеличенное представленіе о зависимости школьной жизни отъ ихъ воли. Были примѣры, когда прихожане открыто высказывали такой взглядъ: „наша школа, мы ее содержимъ, а потому—что хотимъ, то и дѣлаемъ съ ней“. Особенно въ такихъ случаяхъ тяжело положеніе учителей: они тогда являются въ глазахъ народа не просвѣтителями, не труженниками съ крайне скудно оплачиваемымъ трудомъ, а такими же наемниками, какъ сельскіе писаря или даже церковные и иные сторожа.

Не имѣя возможности и необходимости лично вести въ школѣ все дѣло обученія и воспитанія, священникъ во многомъ долженъ полагаться на учителя. Если же такъ, то онъ долженъ *знать* послѣдняго. По смыслу всей организаціи церковныхъ школъ, учитель долженъ быть прежде всего проводникомъ взглядовъ священника, какъ не только завѣдующаго школой, но и единственно отвѣтственнаго предъ Богомъ и людьми и своей пастырской совѣстью за благосостояніе школы. Для этого же требуется, чтобы учитель проникся такими именно взглядами, чтобы онъ понималъ не только смыслъ общаго направленія дѣятельности священника, но и могъ видѣть это направленіе во всѣхъ частностяхъ отношеній завѣдующаго къ школѣ. При какихъ же условіяхъ это достижимо? Прежде всего, нельзя не сознаться, что составъ

учительствующихъ въ церковныхъ школахъ далеко не можетъ быть названъ пока вполне удовлетворительнымъ. Большинство представляетъ изъ себя что-то случайное. Впрочемъ, сколько-нибудь прочный, устойчивый типъ учителя, съ ясно опредѣлившимся міроозрѣніемъ и цѣлями дѣятельности у насъ не выработался еще не только въ церковной, но и во всякой другой начальной школѣ. Мы находимся въ ожиданіи его. И высшая церковно-школьная администрація, сознавая, съ одной стороны, неудовлетворительность дѣйствующаго нынѣ учительскаго люда, особенно въ школахъ грамоты, и съ другой—необходимость создать типъ учителя этихъ школъ, прилагаетъ много усилій для достиженія намѣченныхъ цѣлей въ этомъ отношеніи. Недавно появившіяся второклассныя школы, несомнѣнно, должны будутъ сыграть въ дѣлѣ выработки типа учителя первоначальной школы выдающуюся роль, и потому должны быть приложены всѣ средства къ тому, чтобы эти школы поставлены были прочно. Если все православное духовенство проникнется сознаниемъ важности второклассной школы для цѣлей его школьной дѣятельности; если оно будетъ смотрѣть на благоустройство этой школы не только какъ на дѣло одной власти, на то поставленной, а какъ и на свое дѣло: тогда цѣли, намѣчаемыя второклассной школой, скорѣе и полнѣе будутъ достигнуты, и мы скорѣе увидимъ *учителя* первоначальной школы,—учителя, неразрывно связаннаго съ этой школой, всецѣло проникнутаго задачами церковной школы и являющагося сознательнымъ органомъ воспитательной дѣятельности пастыря Церкви. Но, какъ бы то ни было, а пока еще такого учителя у насъ нѣтъ, и потому православному духовенству приходится быть постоянно на сторожѣ въ отношеніи къ учительствующимъ въ церковной школѣ, нести лишнія тяготы, непрестанно быть непосредственнымъ руководителемъ мало подготовленныхъ умственно и нравственно учителей и, вслѣдствіе этого, нерѣдко нести незаслуженныя упреки со стороны тѣхъ, которые видятъ одни только не-

достатки дѣла и не хотятъ знать условій, при какихъ оно совершается.

Въ отношеніяхъ завѣдующихъ школами къ учителямъ не можемъ не отмѣтить здѣсь нѣкоторыхъ очень нежелательныхъ неправильностей. Такъ, нѣкоторые изъ завѣдующихъ позволяютъ себѣ иногда какое то высокомѣрное отношеніе къ учителямъ, которое обыкновенно отталкиваетъ человѣка не только отъ человѣка, но и отъ самаго дѣла, представителемъ котораго является послѣдній. Назадъ тому года два прошелъ слухъ, что всѣ начальныя народныя школы будутъ отданы въ вѣдѣніе духовенства. И, нужно замѣтить, этотъ слухъ вызвалъ среди учительствующихъ въ министерскихъ и земскихъ школахъ не мало волненій—и притомъ не существомъ своимъ, а именно тою стороною, о которой у насъ теперь рѣчь. Конечно, не лучше отношенія бываютъ и между земскими или министерскими учителями и инспекторами того же вѣдомства; но острота такихъ отношеній здѣсь смягчается отдаленностью послѣднихъ и сравнительно,—въ годъ разъ, два,—рѣдкими случаями этихъ непосредственныхъ отношеній.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 9 іюня 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Варскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 27,

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, іюля 5-го.

Содержаніе: Къ исторіи праздника положенія честныя ризы Господней.—Замѣтка о лѣтнихъ народныхъ предразсудкахъ и повѣрьяхъ: объ обливаніи и десятой пятницѣ.—Обозрѣніе проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ (продолженіе).

Къ исторіи праздника положенія честныя ризы Господней (10-го іюля).

Въ числѣ многихъ святынь единственно въ Православно-русской Церкви имѣется и благоговѣнно сохраняется драгоценнѣйшее сокровище—святая риза Спасителя или тотъ хитонъ Его, краткое извѣстіе о которомъ дается въ сказаніяхъ евангельскихъ (Матѣ. 27, 28; Марк. 15, 24; Лук. 23, 34; Иоанн. 19, 23—24).

Одежды осужденнаго на крестную смерть Христа Спасителя по жребію были раздѣлены римскими воинами, со-

гласно римскому закону, по которому одежды распятыхъ составляли собственность совершителей казни. У евангелиста Іоанна мы находимъ сказаніе о томъ, что по совершеніи дѣлежа одежду Христовыхъ оставался еще хитонъ Господень, который, по записанному у Евѳимія Зигабена преданію, представлялъ трудъ и даръ Пресвятой Матери Божіей. Хитонъ былъ цѣлый, весь тканый или вязанный сверху, такъ какъ основа была сдѣлана на верху, гдѣ находился воротъ или отверстіе для головы, и потомъ вязанье шло внизъ. Если бы разорвать такой хитонъ, то онъ, конечно, потерялъ бы всю свою цѣну: въ виду этого воины распинатели пожалѣли раздирать Христовъ хитонъ и порѣшили бросить отдѣльный жребій, чтобы онъ достался одному весь въ цѣльномъ видѣ. Въ этомъ дѣяніи распинателей исполнились слова пророческія: *раздѣлиша ризы Моя себѣ, и о одежди Моей меташа жребій* (Ис. 21, 19; ср. Іоанн. 19, 24). Краткость евангельскаго упоминанія о нешвенномъ хитонѣ Христовомъ могла нѣкоторымъ образомъ послужить поводомъ къ различнымъ сказаніямъ о немъ, особенно въ средневѣковомъ католичествѣ. При этомъ усердные изъ католиковъ собиратели и почитатели священныхъ предметовъ, напоминавшихъ о событіяхъ первыхъ дней христіанства, не преминули присвоить себѣ и хитонъ Господень. Даже до послѣднихъ дней римско-католическая церковь считала и считаетъ себя обладательницею этой святыни; но, къ великому соблазну ея вѣрующихъ, хитонъ, якобы принадлежавшій Христу Спасителю, во время земной Его жизни, оказался въ нѣсколькихъ экземплярахъ, при чемъ для удостовѣренія подлинности каждаго изъ нихъ была сложена своя исторія ¹⁾. Между тѣмъ, въ

1) Существующія въ римско-католической церкви два, повидимому, равнозначущія сказанія и вѣрованія о хитонѣ Господнемъ со всею силою обнаружили недавно, когда былъ открытъ и выставленъ для открытаго поклоненія хранящійся въ г. Трирѣ (въ Германіи), якобы подлинный, хитонъ Спасителя. Во время тор-

противоположность западнымъ сказаніямъ о хитонѣ Господнемъ, не имѣющимъ подъ собою прочной исторической почвы, съ великою устойчивостію выступаетъ непоколебимое вѣрованіе нашей Православно-русской Церкви, основанное на единомъ, въ себѣ согласномъ, древнѣйшемъ преданіи и подтвержденное ясными свидѣтельствами свыше.

Господствующее въ Православно-русской Церкви преданіе указываетъ Грузію первоначальнымъ мѣстохранилищемъ хитона Господня, и указаніе на него отчасти связываетъ съ личностію св. Нины († 335 г.), просвѣтительницы Грузіи. Племянница іерусалимскаго патріарха, воспитанная при гробѣ Искушителя, Нина съ дѣтскаго возраста любила внимать бесѣдамъ о дальней Иверіи нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ вѣрою іерусалимскихъ евреевъ, родственники которыхъ уже со временъ плѣна Вавилонскаго обитали въ этой мѣстности. Ее очень озаботила участь хитона Христова, который достался въ удѣлъ одному изъ этихъ поселенцевъ и былъ унесенъ имъ въ столицу Иверіи, Мцхетъ. Послѣ чуднаго видѣнія Богоматери, указавшей Нинѣ высокое поприще на Кавказѣ, она, напутствованная патріархомъ, съ большими затрудненіями прибыла въ Мцхетъ съ цѣлію узнать что либо о хитонѣ Господнемъ. Здѣсь она, между прочимъ, повстрѣчалась съ евреемъ Авгадаромъ, потомкомъ того, кто нѣкогда принесъ сюда эту святыню изъ Іерусалма и, по обращеніи его въ вѣрѣ Христовой, въ бесѣдѣ услышала отъ него слѣдующую

жества выставки Трирскаго хитона въ различныхъ газетахъ и журналахъ было выражено сомнѣніе въ его подлинности, имѣвшее довольно прочную опору для себя въ томъ, что въ Аржантейлѣ, вблизи Парижа, оказался издревле хранимый, также считаеый подлиннымъ, хитонъ Христовъ, который одинаково служить предметомъ благоговѣйнаго поклоненія. Сами католическіе представители и писатели раздѣлились между собою по вопросу о подлинности этой святыни, между тѣмъ какъ протестанты за это время устно и письменно глумились надъ простотою вѣры католиковъ.

повѣсть ¹⁾ о дивной судьбѣ хитона Господня, записанную даже царственными лѣтописцами Грузіи. По словамъ Авіадара, прадѣды его Еліозъ, изъ рода первосвященника Ілія, спустя слишкомъ 30 лѣтъ послѣ поклоненія персидскихъ царей родившемуся Спасителю міра, получилъ изъ Іерусалима отъ первосвященника Анны такое извѣстіе. „Тотъ, въ Которому приходили персидскіе послы на поклоненіе съ своими дарами, пришелъ въ совершенный возрастъ и проповѣдуетъ, что Онъ есть Мессія и Сынъ Божій. Идите во Іерусалимъ, чтобы видѣть смерть Его, которую Онъ долженъ повести по закону Моисееву“. Когда Еліозъ собрался въ дальній путь вмѣстѣ съ другими Мцхетскими евреями (избранные изъ которыхъ ежегодно были посылаемы въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи), мать его—благочестивая старица сказала: „сынъ, иди по призыву царскому; но умоляю тебя: не участвуй въ совѣтѣ нечестивыхъ противъ Того, Котораго рѣшили убить, потому что Онъ есть слово пророковъ, свѣтъ язычниковъ и жизнь вѣчная“. Пришедши въ Іерусалимъ, Еліозъ присутствовалъ при распятіи Спасителя, и тутъ же приобрѣлъ отъ одного изъ римскихъ воиновъ доставшійся ему по жребію нешвенный хитонъ Христовъ, а возвратившись вскорѣ на родину, Еліозъ рассказалъ о случившемся въ Іерусалимѣ и показалъ сестрѣ своей Сидоніи приобрѣтенный имъ хитонъ Христовъ. Въ великой радости Сидонія вырвала изъ его рукъ эту одежду Богочеловѣка, стала лобызать ее и затѣмъ, прижавъ къ груди своей, тотчасъ упала мертвою: никакая человѣческая сила не могла изъ рукъ умершей вырвать хитона Господня (котораго никто, кромѣ нея, не былъ достоинъ вслѣдствіе общаго невѣрія), такъ что Еліозъ былъ вынужденъ похоронить сестру вмѣстѣ съ этою святынею ²⁾.

¹⁾ Житія святыхъ россійск. Церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ. 1860 г. янв., 360—377.

²⁾ По другому же сказанію, дѣвица Сидонія, узнавъ отъ брата о распятіи Господа, только послѣ просьбъ получила отъ него хитонъ Его въ подарокъ. Разказы брата внушили ей вѣру въ

Надъ могилою Сидоніи выросъ величественный кедръ, отъ котораго стала истекать нѣкая сила цѣлебная, почему здѣсь и собирався народъ въ изобиліи; на это-то таинственное мѣсто, сокрывшее священный хитонъ, и указалъ св. Нинѣ Авіадаръ, и съ тѣхъ поръ она приходила сюда по ночамъ для усердной молитвы въ тѣни кедра. Затѣмъ, по преданію, когда грузинскій царь Миріанъ, ясно ощутившій на женѣ своей и себѣ чудодѣйственную силу исповѣдуемой св. Ниной вѣры Христовой, пожелалъ, по принятіи христіанства, соорудить храмъ Господу, св. Нина указала ему избрать для этого то самое мѣсто въ царскомъ саду, гдѣ красовался кедръ, прославленный многими знаменіями. При постройкѣ этого храма случились знаменательныя событія, указавшія мѣстопребываніе хитона Господня 1). Во время нашествія на Грузію варварскихъ племенъ Тамерлана (въ концѣ 14 вѣка),

распятаго Иисуса Христа, и она съ благоговѣніемъ сберегала священный Его останокъ и завѣщала, по смерти своей, непременно положить ее во гробъ въ этомъ хитонѣ, вмѣсто обычнаго савана. Вскорѣ по кончинѣ Сидоніи завѣщаніе ея было исполнено Еліозомъ, который похоронилъ свою сестру тайно въ царскомъ саду и тѣмъ на долгое время укрывъ мѣстопребываніе хитона отъ изысканій человѣческихъ.

1) Между прочимъ, когда таинственный кедръ срубили и изъ ствола и вѣтвей его вырѣзали семь основныхъ столповъ для созидаемаго храма, отъ пня усѣченнаго кедра начало истекать благовонное миро, отъ котораго многіе получали исцѣленіе. Поэтому царь Миріанъ оградилъ это святое мѣсто внутри храма, сооруженнаго во имя 12 апостоловъ, и съ тѣхъ поръ оно сдѣлалось предметомъ глубокаго уваженія народнаго даже язычниковъ и магометанъ. Чудесное миро отъ пня продолжало истекать въ теченіе многихъ вѣковъ, пока дѣдъ царя Аббаса при отцѣ Грузинскаго царя Симона не вступилъ въ Грузію съ своими полчищами. Тогда многія зданія были разорены, а въ соборномъ храмѣ непріатели ставили лошадей и вообще скотъ, и съ тѣхъ поръ цѣлебное миро перестало истекать отъ пня чудеснаго кедра.

по преданію, нѣкоторый слагочестивый мужъ, изъ опасенія поруганія драгоцѣнной святыни (хитона Господня) отъ невѣрныхъ, открылъ гробъ Сидоніи и взялъ изъ него пречистый хитонъ Господень. О дальнѣйшей судьбѣ этого хитона извѣстно лишь то, что по скоромъ возстановленіи Мцхетскаго храма эта святыня сначала хранилась въ ризницѣ архіерейской, а затѣмъ помѣщена въ храмъ и въ видахъ наилучшаго соблюденія скрыта въ церковномъ крестѣ.

Въ началѣ 17-го столѣтія эта великая святыня сдѣлалась достояніемъ нашей Православной Церкви при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1624 г. 27-го іюля русскіе послы въ Персіи (Коробынъ и Кувшиновъ) дали знать въ Москву письмомъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу о томъ, что персидскій шахъ намѣренъ прислать къ нему въ видѣ дорогаго подарка хитонъ Христовъ. По увѣренію шаха, эту святыню, задѣланную въ крестъ, онъ нашелъ, по завоеваніи Грузіи, въ митрополичьей ризницѣ, при чемъ шахъ увѣдомилъ, что уже многіе изъ христіанскихъ государей, желая пріобрѣсти себѣ эту знамениту „срачицу“, присылали къ нему съ просьбой о ней. Въ видахъ предварительнаго ознакомленія съ исторіею срачицы Христовой изъ Москвы было послано предписаніе тѣмъ русскимъ посламъ, чтобы они со всею тщательностію собрали подробныя свѣдѣнія о подлинности ея и чествованій въ Грузіи и, если можно, постарались бы увидѣть ее сами, какова она: тофтявая ли или полотняная, какъ велика мѣрою и въ какихъ мѣстахъ видна кровь ¹⁾. 25-го февраля 1625 г. въ Москву прибыли пер-

1) Между тѣмъ повелѣно было дьяку Грамотину разспросить о ризѣ Христовой у келаря Новоспасскаго монастыря, Іоанникія гречанина, проживавшаго въ Москвѣ съ іерусалимскимъ патр. Ѳеофаномъ; и вотъ, Іоанникій, бывшій въ Грузіи 16 лѣтъ назадъ, между прочимъ, описалъ внѣшній видъ хитона въ такихъ чертахъ. „На Христѣ былъ хитонъ отъ верху и додолу, а ткала де тотъ хитонъ Сама Святая Богородица, а того не вѣдаетъ, въ

сидскіе послы отъ шаха и 11-го марта были представлены государямъ царю Михаилу Ѳеодоровичу и отцу его патріарху Филарету Никитичу. Послѣ поклона имъ отъ великаго шаха, посоль Русамбекъ, родомъ грузинъ, поднесъ патріарху, между прочими богатыми дарами, золотой ковчегъ за печатью шаха, украшенный драгоценными камнями, и при этомъ сказалъ: „государь мой Аббасъ шахъ прислалъ къ тебѣ, великому государю, золотой ковчегъ, а въ немъ великаго и славнаго Христа срачица“. Патріархъ съ радостію принялъ отъ шахова посла подарокъ и въ тотъ же день созвалъ соборъ изъ бывшихъ тогда въ Москвѣ мудрыхъ и благочестивыхъ старцевъ изъ Іерусалима и Греціи—Нектарія и Іоаннікія, также изъ Сарскаго и Подонскаго митрополита Кипріана вмѣстѣ съ архимандритами, игуменами и протопопами. По долгомъ разсужденіи о срачицѣ Христовой освященный соборъ съ благоговѣніемъ осматривалъ ее и при осмотрѣ оказалась въ золотомъ ковчегѣ „часть вѣкая ризы Господни, а въ длину и поперегъ пяди, полотняна, какъ бы красновата, походила на мели, или будетъ отъ давнихъ лѣтъ лице измѣнила, а ткана во льну“. Но какъ ни отраднo было пріобрѣтеніе столь рѣдкой святыни для русской Православной Церкви, отсутствіе надлежащихъ историческихъ свидѣтельствъ, на основаніи которыхъ можно было бы положительно признать эту срачицу за подлинный хитонъ Господень, и продолжительное пребываніе ея въ рукахъ невѣрныхъ побудили патріарха Филарета въ этомъ замѣчательномъ случаѣ дѣйствовать съ осторож-

шелку или во льну, а цвѣтомъ—де сказываютъ, былъ лазоревъ, а дѣломъ какъ бы манатъя безъ рукавъ, широкъ и дологъ, только лишь тѣмъ разнился, что безъ бору и безъ шитья,—весь тканъ сверху“. Немного позже архіеписк. вологодскій Нектарій, грекъ, сообщалъ, что онъ, бывши однажды въ Грузіи, по порученію константиноп. патріарха, видѣлъ ризу Господню въ церкви по имени Ислета, и слышалъ отъ тамошнихъ священниковъ, что риза Господня въ давнія времена принесена туда воиномъ, бывшимъ въ Іерусалимѣ при распятіи Спасителя, и что отъ нея бываютъ чудеса.

ностію ¹⁾. И вотъ, независимо отъ различныхъ показаній, царь и патріархъ рѣшили искать доказательствъ свѣдѣній для окончательнаго убѣжденія въ подлинности срачицы Христовой. 18-го марта, чрезъ недѣлю по представленіи персидскихъ пословъ царю, патр. Филаретъ держалъ ему такую рѣчь. „Святѣйша, что называютъ Христовою срачицею, прислана отъ иновѣрнаго царя; истиннаго свидѣтельства о ней нѣтъ, а невѣрныхъ слово безъ испытанія въ свидѣтельство не пріемлется. Надобно пѣть молебны, носить святѣйшу ту къ болящимъ, возлагать на нихъ и молить Бога, чтобы Онъ Самъ открылъ о ней истину“. Поэтому во всей Москвѣ былъ установленъ недѣльный постъ; во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ совершались молебствія; ризу Господню въ особомъ серебряномъ ковчегѣ за патріаршею печатью носили къ больнымъ для возложенія на нихъ, чтобы Господь Богъ о той святѣйшѣ проявилъ волю Свою и теперь, подобно тому, какъ древле, при благочестивой царицѣ Еленѣ, благоволилъ явить ее о крестѣ Христовомъ. Не прошло еще и недѣли, какъ начали совершаться многія исцѣленія отъ срачицы Христовой. И какъ нѣкогда женщина, страдавшая 12 лѣтъ въ болѣзни, чудесно исцѣлилась чрезъ одно прикосновеніе къ одеждѣ Христа Спасителя (Марк. 5, 25—29), такъ теперь больные выздоравливали отъ прикосновенія къ нимъ Его хитона. Такъ, послѣдовавшія отъ ризы Господней многія исцѣленія явились наилучшими доказательствами подлин-

1) Въ отвѣтъ на предписаніе царя Коробѣинъ и Кувшиновъ, въ письмѣ отъ 16 ноября 1625 г., повторили только прежнія свои донесенія, такъ какъ имъ не случилось ничего новаго узнать о срачицѣ. Между прочимъ, эти послы доносили, что срачица была всенародно чествуема въ Грузіи съ древнихъ временъ, и что отъ нея были замѣчательныя исцѣленія,—извѣщали также, что срачица послана шахомъ до Москвы съ купчиною Мамеселѣмъ въ золотыхъ поволокахъ, и на Москвѣ онъ долженъ былъ взять ее съ сундукомъ за печатью шаха и доставить самому патріарху.

ности этой святыни. Послѣ этого царь и патріархъ поручили Крутицкому митрополиту Кипріану вмѣстѣ съ двумя архимандритами и двумя игуменами произвести надлежащее разслѣдованіе дѣйствительности этихъ чудесныхъ исцѣленій и, по полученіи удостовѣренія въ томъ, приговорили 26 марта быть собору въ царскихъ палатахъ. На соборѣ торжественно было объявлено синелиту царскому и православному народу о многочисленныхъ чудесахъ отъ срачицы Христовой (кому, именно, когда и отъ какой болѣзни) и было опредѣлено поставить ковчегъ съ нею въ Успенскомъ соборѣ и учредить въ честь ея общерусскій ежегодный праздникъ 27-го марта, который впослѣдствіи былъ перенесенъ на 10-е іюля. Патріархъ въ Успенскомъ соборѣ устроилъ особое мѣсто на югозападной сторонѣ въ правомъ углу и здѣсь въ мѣдномъ шатрѣ съ подобающимъ благоговѣніемъ, къ великой радости чадъ Православной Россіи, и положенъ былъ хитонъ Господень въ ковчегѣ, и о таковомъ положеніи ризы Христовой (въ январѣ 1626 г.) было возвѣщено православнымъ царскими и патріаршими грамотами для принесенія Богу благодаренія и ежегоднаго празднества. Хранящійся въ ковчегѣ, вмѣстѣ съ другими ковчегами, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (въ придѣлѣ свв. апост. Петра и Павла) „Божественный покровъ“ ¹⁾ въ празднество ему торжественно

1) Отъ драгоцѣннаго Божественнаго „покрова“, положеннаго въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, нынѣ одва часть имѣется въ Києво-Софійскомъ соборѣ, двѣ части ризы Христовой сохраняются въ Петербургѣ. Изъ нихъ одна часть находится въ Петропавловскомъ соборѣ, въ который она перенесена была вмѣстѣ съ мощами св. Іакова Персянина и всею утварію церковною изъ Петропавловской церкви, бывшей на сѣняхъ въ Московскомъ дворцѣ. Отъ этой части святыни отдѣлена небольшая часть, которая хранится въ церкви Спаса Нерукотвореннаго Образа, что въ зимнемъ дворцѣ. По благочестивому обычаю малѣйшая частица отъ срачицы Христовой издавна отдѣляется для ношенія на груди каждому новорожденному члену Царствующаго Дома въ Россіи.

архіереємъ износится изъ мѣднаго шатра на аналой для чествованія во время всенощнаго бдѣнія, а послѣ литургіи снова полагается въ кипарисовомъ гробѣ въ шатрѣ.

Служба на день положенія ризы Господней принята отъ Крутицкаго или Сарскаго митрополита Кипріяна, который изложилъ ее по повелѣнію патр. Филарета Никитича. Въ сей службѣ риза Господня, святая съ Господа при Его распятіи и потомъ положенная въ Москвѣ, въ крестоноклонную педѣлю св. Четырнадцатницы въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ прославляется вмѣстѣ съ животворящимъ крестомъ. Призывая вѣрныхъ къ поклоненію Божественной ризѣ Спасителя, св. Церковь въ день праздника ей 10-го іюля торжественно возглашаетъ, что „эта риза есть хитонъ Господень“ (3-я стихира на литіи и кондакъ), что ею облекалась живоносная и святая плоть Господа Іисуса Христа (8 пѣсн. канона), что она драгоценна по силѣ исцѣленій. „Риза честная Твоя, Владыко, яко Твое Божественное и Пречистое тѣло покрывающая, одежду исцѣленій дарова намъ и источникъ источающи благодати присноживотныя воды“ (1 стих. на Госп. воззв.). Поэтому св. Церковь призываетъ къ чадамъ своимъ: „почерпите челоуѣцъ спасеніе душамъ и исцѣленіе тѣлесемъ: рака всѣмъ днесь предлежитъ, въ ней же положиися архіерейскими руками честная риза Христа Бога нашего“ (3-я стих. на литіи),—и торжественно научаетъ вѣрныхъ, что „ризу Божественную Владыка Христосъ даровалъ граду Москвѣ богатство неотъемлемое: покровъ же и славу и необоримую стѣну и исцѣленій сокровище и чудесъ источникъ приснотекущъ“ (2 стих. на литіи).

Замѣтка о лѣтнихъ народныхъ предразсудкахъ и повѣрьяхъ: объ обливаніи и десятой пятницѣ.

Въ нашемъ простонародьи существуетъ суевѣрное обливанье. Во время засухи сельскіе наши жители, въ особенности женскій полъ, набираютъ воды изъ рѣчки и колодцевъ съ тою цѣлю, чтобы облить своихъ сосѣдей, гостей или мимопроходящихъ. Иди въ такую пору священникъ по селу, прихожане, пожалуй, обольютъ и его. Этого случая даже нищутъ и выжидаютъ, и воспользоваться случаемъ облить своего священника считаютъ какимъ-то добрымъ предзнаменованіемъ. Преимущественно стараются совершить это обливанье тогда, какъ молебствуютъ на поляхъ. Въ тѣ священныя минуты непременно всѣ молящіеся и старые и малые обольютъ другъ друга водою съ головы до ногъ, обольютъ и причтъ весь церковный; исключеніе бываетъ лишь тамъ, гдѣ, какъ говорятъ, „понъ сердить“, и его не совсѣмъ-то жалуютъ. Что же это за обливанье? Откуда оно зашло на святую Русь, и какаѣ цѣли его?... Не нужно доказывать, что обливанье это не есть что-нибудь религіозное; оно есть ни болѣе ни менѣе, какъ суевѣрный обычай. Начало свое оно ведетъ едва-ли не отъ языческихъ временъ, когда наши предки имѣли богопочтеніе къ Купалѣ. Быть можетъ, ему кланялись и молились преимущественно во время засухи и отъ него ожидали самаго дождя: въ честь Купалы, быть можетъ, и купались, и обливались. Какъ бы то ни было, а цѣль нашего обливанья именно та, чтобы пошелъ дождь. „Намочи вась, Боже!“ взываютъ наши крестьяне и крестьянки, когда обливаютъ одинъ другаго,—„намочи и въ полѣ, и на печи!“.... Если за всѣмъ тѣмъ засуха продолжается, то и обливанье продолжается до самихъ дождей. Чтобы опровергнуть это народное заблужденіе и искоренить его среди нашего простонародья, нужно не только доказывать нелѣпость

обливаться: надобно бороться съ нашими суевѣрами благо-временнѣ и безвременнѣ силою разумнаго обличительнаго слова; и эта борьба увѣнчается побѣдою тогда лишь, какъ грамотность и Слово Божіе возрастутъ и окрѣнутъ въ умахъ и сердцахъ нашего простонародья.

Послѣ Пасхи, на десятой седмицѣ, пятница пользуется особеннымъ народнымъ почитаніемъ. Въ эту пятницу наше простонародье оставляетъ всѣ свои полевые и домашнія работы и проводитъ время въ праздничныхъ удовольствіяхъ. Не смотря на то, что въ эту пору уже начинаютъ убирать сѣно, и полевые работы не терпятъ дальнѣйшаго промедленія, самъ народъ говоритъ объ этомъ времени: „теперь день года кормить“!—за всѣмъ тѣмъ на этотъ день нашъ мужичокъ ни за что не пойдетъ косить, а крестьянки не станутъ подбирать скошенной травы. „Грѣхъ большой! работа не въ прокъ будетъ! Богъ накажетъ чѣмъ-нибудь!“ такъ говорятъ о тѣхъ, кто не празднуетъ десятой пятницы. Что же это за пятница? откуда она зашла къ намъ и чѣмъ заслужила себѣ такую честь въ простонародьи? На всѣ эти вопросы нашъ чернорабочій людъ не скажетъ намъ ничего, развѣ только: „такъ въ старину велось; наши праотцы почитали эту пятницу и намъ приказали почитать; испоконъ-вѣку этотъ день празднуется!“ Если взглянемъ въ исторію нашего отечества, то не найдемъ въ ней никакихъ данныхъ на то, чтобы сколько нибудь положительно и прямо уяснить причину этого мнимаго празднества. Что значила встарину эта пятница? Не выражала ли она собою какой либо религіозной мысли? Не совершилось ли въ эту пятницу что-нибудь достославнаго, достойнаго народной памяти на всѣ вѣка? Не былъ ли этотъ день днемъ особеннаго благочестія въ народѣ? Народъ не ходилъ ли въ этотъ день когда-нибудь на богомолье? Не говѣли ли, не исповѣдывались ли въ эту пятницу, такъ какъ она бываетъ ежегодно во время Петрова поста? Быть можетъ, народъ въ эту пору воздавалъ особенную благодарность Богу за Его особенныя благодѣянія къ

людямъ. Быть можетъ, въ этотъ день просили Бога въ молитвахъ своихъ отвратить отъ нихъ праведный гнѣвъ Свой, какъ то: засуху, падежи, эпидеміи, бывающія обыкновенно въ эти лѣтніе мѣсяцы. Въ нѣкоторыхъ приходахъ на десятую пятницу имѣютъ обыкновеніе совершать крестные ходы на колодцы, въ другихъ освящаютъ стада, а иные отправляютъ молебствіе по домамъ и въ храмѣ, „ради души спасенія и всякаго благополучія“. Если же во всемъ этомъ нѣтъ основанія къ празднованію десятой пятницы, то не слѣдуетъ ли искать сему причины въ томъ времени народной исторіи, когда надъ русскимъ народомъ тяготѣло иго монгольское? Извѣстно, что мусульмане празднуютъ каждую пятницу; изъ нихъ турки, по ученію Корана, совершаютъ въ Константинополѣ по пятницамъ даже особенную молитву за своего хана, а потому за нарушеніе этого дня у мусульманскихъ народовъ строго наказываютъ виновныхъ. Можно предполагать, что во время монгольскаго ига магометанѣ принуждали русскихъ православныхъ христіанъ измѣнять святой вѣрѣ и ея церковнымъ праздникамъ и заставляли силою и мечемъ праздновать пятницу. Быть можетъ и то, что жестокіе побѣдители-мусульмане своимъ побѣжденнымъ христіанамъ давали отдыхъ отъ тяжелыхъ работъ по пятницамъ, или въ эту десятую пятницу, когда работы бываютъ сопряжены съ потомъ и кровію трудящихся. Если принять эту болѣе или менѣе вѣроятную догадку, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что простой народъ помнитъ и почитаетъ этотъ день, какъ праздникъ. Но при этомъ нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Кавказу и другихъ, болѣе близкихъ къ населеніямъ татарскимъ, и каждая пятница почитается оставленіемъ нѣкоторыхъ работъ. Есть живые примѣры тому, что по пятницамъ женщины не прядутъ и не ткутъ холста. Существуетъ въ народѣ суевѣріе, что въ пятницу грѣшно заниматься этими работами. Женская философія замѣчаетъ, что нитки порвутся или холстъ пропадетъ, если бываютъ сработаны въ пятницу. Какъ бы то ни было, отчего бы ни

произошелъ праздникъ въ десятую или другія пятницы, нельзя найти для него основанія въ христіанствѣ. Ни въ Священномъ Писаніи, ни въ Церковномъ Преданіи нѣтъ сказаній о десятой пятницѣ и предписаній проводить этотъ день въ праздности.

Обозрѣніе проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ ¹⁾.

Поученіе свящ. Ильинскаго въ недѣлю о Слѣпомъ проныкнуто и трогательнымъ сокрушеніемъ пастыря о грѣхахъ своихъ пасомыхъ, и большою силою убѣдительности, и—мѣстами—любовно-строгимъ отеческимъ внушеніемъ и вразумленіемъ.—Отвѣтъ Господа на вопросъ апостоловъ касательно слѣпорожденнаго: „Равви, кто согрѣши, сей ли, или родителя его, яко слѣпъ родися“ (Іоанн. 9, 2), по совершенно справедливому замѣчанію проповѣдника, ясно показываетъ, что несчастіе, которое терпитъ человѣкъ въ жизни, не всегда есть слѣдствіе его вины предъ Богомъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, виновенъ слѣпецъ, лишенный зрѣнія отъ утробы матери своей? Онъ—такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы: его разумная душа, какъ и наша, отражаетъ въ себѣ образъ и подобіе Творца; его сердце, подобно нашему, во всему отзывчиво; оно можетъ и чувствовать, и страдать, и радоваться. Это несчастный калѣка, котораго съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ гонятъ жестокосердые люди, смѣхомъ провожаютъ дѣти и судить на всѣ лады каждый прохожій, и передъ Богомъ, и передъ людьми достойнъ лучшей участи и большаго къ себѣ состраданія,—по одному уже тому достойнъ, что не только никого не обидѣлъ, но всякій часъ самъ терпитъ

1) См. № 25-й за 1898 г.

укоръ и судъ ближнихъ, попреки и напрасныя оскорбленія отъ тѣхъ, отъ кого, по праву возраста, могъ бы ожидать полного уваженія. И вотъ, какъ бы въ наше осужденіе, Христосъ Спаситель,—на глазахъ учениковъ Своихъ не отторгается отъ Себя одного изъ такихъ несчастныхъ, Самъ Праведный—не осуждаетъ его, Самъ Милосердый—даруетъ ему исцѣленіе, тѣмъ самымъ являя дѣло Божіе на немъ въ назиданіе прочихъ, въ наученіе наше. И намъ ли, послѣ этого, осуждать слѣпца, если Самъ Богъ оправдалъ его? Видимъ ли мы, слѣпы ли,—предъ Богомъ это безразлично; Ему не этого отъ насъ нужно, Онъ не этого ищетъ въ насъ, а вѣры правой, пламеннаго сердца, ревности къ дѣламъ благочестія. Все же это есть и въ слѣпцѣ, какъ и въ насъ; а потому слѣпецъ во всемъ равенъ намъ и такъ же близокъ къ Богу, такъ же дорогъ Ему, какъ и мы. „Христіанинъ! Господь даровалъ очи слѣпому,—иди и ты не судомъ, а милостію приготовь встрѣчу несчастному, котораго видишь: не оскудѣетъ отъ того рука твоя; иди и ты безъ укора покажи ему, какъ брату по вѣрѣ, участіе любви, порадуй несчастнаго добрымъ словомъ, скажи утѣшеніе.—и за свою милость къ ближнему самъ отъ Бога помилованъ будешь. Помни: *милуй нища, взаимъ даетъ Божови, и самъ препитается*“ (Притч. Сол. 19, 17; 22, 10). Затѣмъ проповѣдникъ обращается въ частности къ отцамъ и матерямъ. „Отцы и матери семействъ! По долгу своему научите дѣтей вашихъ воздавать почтеніе старшимъ, кто бы они ни были—здравые или калѣки, зрячіе или слѣпые, знатные или бѣдные. Не смотрите Богъ на лица человѣковъ, не смотрите и вы. За правило себѣ возьмите: не тотъ одинъ достоинъ чести, кто не нуждается въ нашей помощи, а и тотъ, кто въ зной и холодъ за милость вашу преклоняетъ свою сѣдину даже предъ малымъ ребенкомъ. Не забывайте и того, что за каждый неразумный шагъ и поступокъ дитяти вы отдадите отвѣтъ на страшномъ судѣ“. Далѣе проповѣдникъ обращается къ дѣтямъ. „А вы, дѣти, когда видите слѣпца или иного калѣку, знайте, что онъ та-

кой же, какъ и вы, человѣкъ, той же, какъ и вы, вѣры; а посему, не смѣхомъ встрѣчайте, не бранью провожайте его, а доброю христіанскою честію,—честь лучше безчестія. Кто знаетъ, что самихъ васъ ждетъ впереди? кто поручится за то, что въ будущемъ ни одинъ изъ васъ не протянетъ руки за подаваніемъ? Часто человѣкъ полагаетъ одно, а Богъ располагаетъ; часто бываетъ въ жизни не такъ, какъ намъ желательно, а какъ Богу угодно. Помните и то, что не дорогъ слѣпцу вашъ кусокъ хлѣба, данный съ укоромъ и бранью; ничто онъ и въ глазахъ Бога, такъ какъ не отъ сердца подавъ, и не сытъ имъ будетъ несчастный, которому въ иное время ласковое слово бываетъ дороже куска хлѣба. И думаете ли вы, что за этотъ самый кусокъ хлѣба, каждая кроха котораго отзывается болью въ сердцѣ несчастнаго, въ часъ, въ который не ждете, сами накажетесь Богомъ, потому что *ругайся убогому, раздражаетъ Сотворшаго его* (Притч. Салом. 17, 5)?“ Но особенно трогательно заключительное обращеніе проповѣдника къ самимъ слѣпымъ. „А тебѣ, одинокому, горькому страдальцу, что скажу въ утѣшеніе?—Не плачь, когда гонять тебя; не ропщи на Бога, когда оскорбляютъ: это житейскій крестъ, посланный тебѣ. Не виновать и не дашь ты отвѣта въ томъ, что не служишь на пользу ближняго, какъ бы хотѣлъ; но за то служи Богу: весь отдайся Ему и духомъ, и сердцемъ,—это за все вѣнчитъ тебѣ. Въ скорби своей утѣшься тѣмъ, что ты не забытъ Богомъ, не униженъ Имъ предъ людьми. Укрѣпись въ этой мысли тѣмъ, что Самъ Богъ не оттолкнулъ подобнаго тебѣ, Самъ Онъ оправдалъ его нынѣ. Надѣйся, придетъ время—и не тайно уже, а на глазахъ твоихъ обвинителей оправдаетъ и тебя Господь, чѣмъ ободрить и облегчить тебѣ крестъ твой, приблизить къ Себѣ и за временныя горести приведетъ въ вѣчному покою. Какъ можно чаще взывай, несчастный: Христе, Свѣте истины, *Ты сущихъ во тмѣ Свѣтъ пресвѣтлый* (конд.)! Эта пѣснь не земной, а небесный свѣтъ пролетѣтъ въ твою душу, и познаешь ты духовными очами не земныя,

а небесныя дѣла; въ нимъ будешь стремиться, отъ нихъ получишь отраду и облегченіе участи своей“.

Проповѣдей на дни праздничныя помѣщено въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ 1897 году въ общемъ около 250. Наибольшее количество проповѣдей напечатано на дни—Новаго года (17), священнаго коронованія (15), Рождества Христова, (12), преставленія св. ап. и еванг. Іоанна Богослова (10), тезоименитства Государя Императора (10), Введенія во храмъ Пресв. Богородицы (9) и въ Великій пятокъ (15); о ни одной проповѣди на дни—Св. Духа, Рождества Іоанна Предтечи, рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и оч. мн. др. Лучшими изъ проповѣдей на дни праздничныя являются: слово въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы и слово въ день св. прор. Іліи—въ Бозѣ почившаго митрополита Московскаго Сергія (Моск. церк. вѣдом., №№ 14 и 29), слово въ день преставленія св. Іоанна Богослова — архіеп. Новгородскаго Ѳеогноста (Новгор. епарх. вѣдом., № 19), поученіе въ день свв. апп. Петра и Павла—еп. Костромскаго Виссаріона (Костр. еп. вѣдом., № 12), поученіе въ день трехъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и поученіе въ день храмового праздника (25 сент.) Симбирской гимназій—еп. Симбирскаго Никандра (Симб. епарх. вѣдом., №№ 5 и 21), поученіе въ день преп. Сергія Радонежскаго—еп. Тульскаго Питирима (Тульск. еп. вѣдом., № 14), слово въ день Александра Невскаго и слово въ день Рождества Пресв. Богородицы—еп. Тамбовскаго Александра (Тамб. епарх. вѣдом., №№ 2 и 42), поученіе въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы—еп. Тобольскаго Антонія (Тоб. еп. вѣд., № 23), слово въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы—еп. Владикавказскаго Владиміра (Владик. епарх. вѣдом., № 23), слово въ Великій пятокъ и слово въ день рожденія Государя Императора—еп. Острожскаго Меводія (Вол. епарх. вѣдом., №№ 12—13 и 15), слова въ день Священнаго Коронованія—

прот. І. Сергіева (Тамб. еп. вѣд., № 23), свящ. А. Клитина (Кіевск. епарх. вѣдом., № 11), свящ. І. Сапоровскаго (Херс. епарх. вѣд., № 11), свящ. А. Журавлева (Волог. еп. вѣдом., № 11) и свящ. В. Троицкаго (Тамб. епарх. вѣдом., № 12), слово въ день Вознесенія Господня—свящ. Е. Ильинскаго (Сарат. еп. вѣдом., № 11), слова въ день Рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны—свящ. Н. Стеллецкаго (Кіевск. еп. вѣдом., № 12) и свящ. Н. Лашкова (Кишин. еп. вѣдом., № 12) и др.—Остановимся подробнѣе на проповѣдяхъ: митроп. Моск. Сергія, еп. Симбирскаго Никандра, еп. Костромскаго Виссаріона, еп. Тобольскаго Антонія и прот. І. Сергіева.

Въ словѣ въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы митроп. Сергій говоритъ о необходимости и важности для всѣхъ изученія Свящ. Писанія и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ и показываетъ неосновательность мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, будто обязанность изучать Свящ. Писаніе лежитъ только на лицахъ духовнаго званія. Въ храмѣ священнослужители предвѣщаютъ, возглашаютъ, поучаютъ, а всѣ предстоящіе слушаютъ и молятся; слѣдовательно, въ отношеніи къ Слову Божію, настыри обязаны не только знать его, но и разъяснять, а всѣ—читать, слушать и поучаться. Древніе христіане и въ путешествіи, и въ работѣ не оставляли книгъ священныхъ; женщины носили съ собою малыя Евангелія, подобно какъ нынѣ нѣкоторыя имѣютъ при себѣ краткіе молитвословы. Святые люди разсуждали: „хотя бы и не все понятно было въ священныхъ книгахъ; но отъ самаго чтенія ихъ бываетъ великое освященіе. Одинъ видъ этихъ книгъ дѣлаетъ насъ воздержнѣе на грѣхъ. Если гдѣ не можешь постигнуть того, о чемъ говорится; пойди къ учителю, къ настырю, спроси его о сказанномъ“ (Злат., бес. 3, отд. 3). Многихъ нынѣ увлекаетъ страсть къ чтенію, а множество печатаемыхъ книгъ и повременныхъ изданій даетъ обильную пищу этой страсти. Но какая польза отъ этого чтенія для души? Что къ концу жизни останется утѣшительнаго?—

Грядетъ Господь на вольныя страдавіа, и мы, Его послѣдователи, во дни Великаго поста приглашаемся сопровождать Его. Съ какимъ же душевнымъ стяжаніемъ пойдѣмъ за Нимъ? Достаточно ли знакомы мы съ повѣствованіями о послѣднихъ дняхъ Его земной жизни, съ тѣми пѣснопѣніями и священными чтеніями, которыми Церковь Его убажаетъ? А вмѣстѣ, припоминая неизбѣжность и своей кончины, помыслимъ, что изъ прочитаннаго возьмемъ съ собою въ загробную жизнь? Какія произведенія и какого писателя могутъ облегчить предсмертное томленіе умирающаго человѣка? Блаженна кончина того, кто, поживъ благочестиво, умирая, молится священными изреченіями, произносить стихи псалмовъ, готовясь въ предсмертномъ издыханіи проглаголатъ: *Господи Іисусе, приими духъ мой* (Дѣян. 7, 59).

Въ словѣ въ день св. прор. Іліи митр. Сергій говоритъ о томъ, какова должна быть ревность христіанская. Ревность эта, хотя и пламенная, въ то же время должна быть непременно кроткою. Великъ тотъ ревнитель вѣры, который возмогъ бы дѣйствовать „въ духѣ и силѣ Іліи“, чтобы „возвратить непокоривымъ образъ мыслей праведниковъ“ (Лук. 1, 17). Но силу ревности при этомъ должно умягчать своею кротостію и тихостію Христовою, по которой апостолы были тихи не только среди своихъ учениковъ, но и предъ лицомъ своихъ противниковъ. Истинная ревность не ужасаетъ, не грозитъ, но умоляетъ и преклоняетъ; ея чистый огонь не сожигаетъ, а согрѣваетъ охладѣвшія въ вѣрѣ и правдѣ сердца. Похвально ревновать всегда въ добромъ. Но и ревность, по предмету добрая, должна быть благоразумною, почему и ноставляется инымъ въ упрекъ, что они *ревность Божію имутъ, но не по разуму*. Сюда относятся всѣ тѣ, которые, хотя, повидимому, о славѣ Божіей ревнуютъ, о правильности и благолѣпії богослуженія, о безнорочности общественныхъ дѣятелей, но, по своей неумѣренности, занальчивости, односторонности убѣжденій, не достигаютъ доброй цѣли и даже причиняютъ иногда вредъ и разстройство. Хоро

шо, напр., ревновать о сохраненіи церковной древности. Но если кто, простирая свою ревность и на то, что безразлично для спасенія души, или древность чего сомнительна, порицаетъ, гнушается, отвращается всѣхъ, разсуждающихъ иначе, тотъ погрѣшаетъ противъ евангельской кротости. Не запрещено разсуждать о томъ, что правильнѣе и древнѣе—три ли перста слагать для крестнаго знаменія, или два. Но если держащіеся двоеперстія ненавидятъ троеперстниковъ и злословятъ, то они уже ревнуютъ не по разуму и не безвинны предъ Богомъ. Нужно, наконецъ, ревность соединять съ терпѣніемъ, хотя бы она относилась къ самымъ чистымъ и несомнительнымъ предметамъ. Господь среди пшеницы позволилъ плевеламъ расти до жатвы. Такъ и Православная Церковь терпитъ заблуждающихъ не только по жизни, но и въ сужденіяхъ о священной обрядности. Св. ап. Павелъ, возбуждая ревность солунянъ, чтобы вразумили безчинныхъ, заповѣдуетъ: *долойте терпите ко всѣмъ* (1 Сол. 5, 14).

Изложеніе поученія Преосв. Никандра въ день трехъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго дѣлится на *два* части. Всесторонне выяснивши въ *первой* части весьма важное значеніе для учащихъ въ класснаго чтенія, преосв. Никандръ во *второй* части останавливается своимъ вниманіемъ на вопросѣ: какія же книги слѣдуетъ читать готовящимся къ пастырскому служенію и къ церковно-народному учительству? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается кругомъ изучаемыхъ ими въ духовной семинаріи наукъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. И святители—Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ знакомились съ литературою всѣхъ изучавшихся въ то время наукъ. Сами они такъ дѣлали и готовившимся къ священству совѣтовали поступать такъ же. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „неужели тотъ, кому имѣютъ быть ввѣрены заботы о столькихъ душахъ, приметъ на себя обязанности, къ исполненію которыхъ не будетъ надлежащимъ образомъ приготовленъ? Поэтому, священникъ всячески долженъ стараться

пріобрѣсти силу слова и запастись всѣми необходимыми для него познаніями“ („О священствѣ“). Итакъ, кандидатамъ священства слѣдуетъ читать книги, касающіяся всѣхъ преподаваемыхъ имъ наукъ; потому что всѣ эти науки имѣютъ такое или иное, прямое или косвенное отношеніе къ предстоящему имъ служенію. Но такъ какъ, въ виду предстоящаго кандидатамъ священства служенія Церкви Божіей и спасенію ближнихъ, въ кругѣ преподаваемыхъ въ духовной семинаріи наукъ преимущественное мѣсто занимаютъ науки духовнаго, богословскаго характера; то на книги, касающіяся своимъ содержаніемъ этого послѣдняго разряда наукъ, и должно быть обращено кандидатами священства особенное, преимущественное вниманіе. Съ этими науками они должны главнымъ образомъ знакомиться, ихъ должны особенно основательно изучать, какъ главную опору для своего послѣдующаго служенія слову. Нѣкоторымъ чтеніе духовныхъ, богословскихъ или философскихъ книгъ можетъ казаться скучнымъ, а инымъ—и малопонятнымъ по отвлеченности изложенія, выпренности мысли и особенностямъ терминологіи. Но такъ можетъ скорѣе казаться отъ нашей лѣности, разсѣянности и непривычки къ серьезному вообще и въ частности къ духовному чтенію. Если же мы, подавляя свою лѣность и разсѣянность, съ молитвою къ Богу о помощи, нѣсколько разъ принудимъ себя къ такому чтенію, руководясь мыслию о величайшей его пользѣ и важности; то скоро, съ помощію Божіею, почувствуемъ надлежащій вкусъ къ этому чтенію, привяжемся къ нему, и оно можетъ сдѣлаться потомъ уже на сущую потребность нашей души.

Въ поученіи въ день храмоваго праздника въ Симбирской гимназіи Преосв. Никандръ указываетъ слушателямъ на такія стороны, свойства и явленія въ богослуженіи Православной Церкви, которыя почти постоянно ускользаютъ отъ вниманія большинства современныхъ посѣтителей храма Божія и совершаемыхъ въ немъ богослуженій, и которыя, однакоже, если бы были замѣчены, надлежащимъ образомъ

разсмотрѣны и продуманы, могли бы оказать громадное просвѣтительное вліяніе на молящихся. Для поясненія этихъ и другихъ своихъ мыслей, Преосв. Никандръ беретъ канонъ праздника Воздвиженія Креста Господня (поученіе произнесено было вскорѣ послѣ этого праздника, 25 сентября). „Прослѣдите, — говоритъ Преосвященный, — его содержаніе, обратите вниманіе на его форму, на образность рѣчи, на глубину мыслей, на оригинальность сопоставленій, на философски-поэтической взглядъ на исторію народа Божія, который проглядываетъ въ этомъ канонѣ, — и вы очарованы будете поразительной картиной, которая развернется предъ вашимъ умственнымъ взоромъ, восхищены будете той высокой поэзіей, которая вдохновляла нѣкогда священнаго поэта“. Глубоковѣрующій творецъ этого канона показываетъ намъ силу и славу креста Христова. Онъ даетъ намъ понять, какъ это величайшее и священное знаменіе и орудіе нашего спасенія было предуказываемо людямъ за цѣлыя тысячелѣтія до распятія на немъ Спасителя міра; какъ оно и тогда еще, чрезъ прообразованія свои, проявляло уже божественную чудодѣйственную силу, спасительную для однихъ, губительную для другихъ, страшную и, такъ сказать, *отпугивающую* для демонскихъ полчищъ. При свѣтѣ этого ученія мы начинаемъ понимать, что значатъ слова св. апостола, который говоритъ, что „слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть“ (1 Кор. 1, 18); научаемся понимать, какъ крестъ Христовъ и совершенное на немъ и чрезъ него дѣло спасенія нашего составляли и составляютъ средоточіе міровой жизни, міровой исторіи; научаемся понимать, почему св. апостолъ ничѣмъ инымъ не хотѣлъ хвалиться, какъ только о крестѣ Господа нашего Иисуса Христа, никакой другой мудрости не хотѣлъ проповѣдовать, какъ только о Христѣ — и притомъ распятомъ; научаемся поклоняться св. кресту и лобызать его съ тѣми чувствами умиленія, сокрушенія сердечнаго и величайшей благодарности къ прославившему крестъ Спасителю нашему, какія волно-

вали нѣкогда священныхъ поэтовъ,—взывать предъ крестомъ словами того же священнаго пѣснопѣвца: „О треблаженное древо, на немъ же распяся Христосъ. Царь и Господь!...“ Священный поэтъ незамѣтно вводитъ насъ въ тѣ чувства, мысли и настроеніе душевное, какія нѣкогда самъ испытывалъ, воспѣвая крестъ Христовъ и изображая его силу и славу; заставляетъ насъ переживать тѣ состоянія, какія нѣкогда испытывали люди, видѣвшіе на себѣ или на другихъ силу, дѣйствія и чудеса креста Христова и его прообразовъ.—Такъ св. Церковь своими священнодѣйствіями и пѣснопѣніями, часто независимо отъ нашей предварительной подготовки, отъ нашей воли и намѣренія, незамѣтно вводитъ насъ въ жизнь и духъ царства Христова и Самого Христа. Въ этомъ—великая правственнo-воспитательная сила Церкви и церковнаго богослуженія. Она какъ бы переноситъ насъ въ тѣ условія жизни, какія были въ отдаленныя времена; заставляетъ насъ переживать всѣ тѣ историческія событія, переиспытывать тѣ внутреннія состоянія, какія испытывали нѣкогда Самъ Христосъ Спаситель въ земной Своей жизни, или Его современники и св. апостолы, или ветхозавѣтные праведники. Возьмемъ ли богослуженіе великопостное, съ его умиленными покаянными канонами: оно способно у всякаго непредубѣжденнаго молящагося вызвать слезы умиленія и сокрушеніе сердечное. Возьмемъ ли богослуженіе Страстной седмицы съ ея трогательными чтеніями и пѣснопѣніями: они способны поставить насъ какъ бы предъ лицомъ самихъ голгоѣскихъ событій и заставить какъ бы непосредственно пережить исторію страданій нашего Спасителя и Господа. Возьмемъ ли богослуженія праздничныя, торжественныя—Рождества Христова, Пасхи, Пятидесятницы, съ

ихъ торжественно - радостными канонами, пѣснопѣніями и т. д.,—и мы не можемъ не увидѣть, какъ все это мудро соображено съ воспоминаемыми событіями, такъ что намъ невольно приходится какъ бы самимъ переживать всѣ эти событія, будто современникамъ ихъ.... Отсюда уже каждый легко можетъ видѣть и судить, что значить для христіанина православное богослуженіе, слѣдуетъ ли посѣщать его, вникать въ его глубочайшій смыслъ и въ высшей степени богатое содержаніе и принимать въ немъ самое живое участіе.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. цевз. печатать дозволяется. Кіевъ, 15 іюня 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

Г О Д Ъ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 28.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, июля 12-го.

Содержаніе: О необходимости таинствъ Церкви.—Значеніе непосредственной вѣры.—Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности (продолженіе).—Замѣтка.

О необходимости таинствъ Церкви.

Нужны ли таинства, какъ орудія, чрезъ которыя подается вѣрующимъ благодать, если Христосъ Самъ отъ Себя сообщаетъ имъ духовную жизнь, какъ глава тѣлу (Іоан. 15, 5; Ефес. 5, 23)? Такой вопросъ ставятъ, заранѣе торжествуя побѣду, сектанты протестантскаго направленія и между ними наши штундисты, читая многозначительныя слова Господа Иисуса Христа о Себѣ, какъ о Лозѣ, а о вѣрующихъ, какъ о вѣтвяхъ, и слова св. ап. Павла о Немъ, какъ о Главѣ—Своего тѣла—Церкви. Сущность приведеннаго возраженія сводится къ тремъ слѣдующимъ частнымъ: 1) иносказанія,

сравнивающія Христа, какъ источникъ духовной жизни для вѣрующихъ въ Него, съ Лозою и Главою тѣла, заключаютъ будто бы въ себѣ ученіе о томъ, что въ дѣлѣ оправданія и спасенія нѣтъ мѣста ни для чего внѣшняго, видимаго; 2) благодать дѣйствуетъ на человѣка только внутренно и непосредственно, и 3) таинства, какъ проводники благодати, не нужны и совершенно излишни.—Разсмотримъ каждое изъ этихъ возраженій въ отдѣльности.

Главнымъ основаніемъ для *перваго* возраженія служитъ легкомысленно допускаемое предположеніе полного и всесторонняго сходства между образомъ и изображаемой имъ истинной. Сектанты полагаютъ, что во всякомъ образѣ, сравненіи, притчѣ, употребленныхъ въ Св. Писаніи, извѣстная евангельская истина и предметъ, съ которымъ она сравнивается, необходимо должны совпадать между собою во всѣхъ подробностяхъ. Но это прямо противорѣчитъ правильному понятію о сущности иносказательнаго способа рѣчи. Приточный или образный способъ изложенія, къ каковому относятся вышеуказанныя мѣста Писанія, есть только *средство* или къ уясненію истины, или къ оживленію разсказа и наглядному изображенію чего-либо, или къ возбужденію большаго вниманія въ слушателяхъ къ проповѣдуемому учевію; а потому, онъ никогда не преслѣдовалъ и не могъ преслѣдовать полного и всесторонняго соотвѣтствія между сравниваемой истиной и предметомъ, съ которымъ послѣдняя сравнивается. Цѣлый рядъ знаменитѣйшихъ христіанскихъ толковниковъ Свящ. Писанія, во главѣ съ св. Іоанномъ Златоустымъ, неоднократно предостерегали и предостерегаютъ отъ слишкомъ пристальнаго разсмотрѣнія притчей и другихъ иносказательныхъ сказаній и оборотовъ. По мнѣнію блаж. Теофилакта, „всякая притча говоритъ косвенно и какъ бы образно уясняетъ сущность извѣстныхъ предметовъ, не во всѣхъ пунктахъ соотвѣтствуя тому, за что она принимается. Поэтому, намъ не надлежитъ слишкомъ много заниматься подробнымъ разсужденіемъ о всѣхъ частяхъ притчей, но, пользуясь ими,

насколько сообразно это съ подлежащимъ нашему разсмотрѣнію предметомъ, оставлять остальное въ покоѣ“. Весьма наглядно поясняетъ эту мысль Оригенъ превосходнымъ сравненіемъ: „подобно тому какъ въ картинахъ и статуяхъ нѣтъ совершеннаго сходства съ изображаемыми предметами, но портретъ, напр., на гладкомъ полотнѣ сходенъ только по-верхностію и цвѣтами, не передавая однако выпуклостей и углубленій, замѣняя ихъ перспективою, статуя, напротивъ, старается удержать сходство выпуклостей и углубленій, а не цвѣтовъ; восковая же статуя можетъ сохранить и то, и другое сходство, но безъ внутренняго выраженія: такимъ же образомъ и въ евангельскихъ притчахъ, если царствіе Божіе чему-либо уподобляется, подобіе не заключаетъ въ себѣ всѣхъ признаковъ предмета, избраннаго для сравненія, но лишь нѣкоторыя свойства, соотвѣтственно предположенной цѣли“ (Comment. in Matt. 13 гл., 47). Иного отношенія между образомъ и аллегорически изображаемой имъ евангельской истиной и быть не можетъ. Вслѣдствіе паденія человѣка, вся природа страдаетъ подъ тяготѣющимъ надъ ней проклятіемъ, „стенаетъ и мучится“ (Рим. 8, 22); „подвергшись суетѣ“, она потеряла значительную степень способности изображать высшія представленія, такъ что естественный міръ не можетъ во всей полнотѣ и всесторонности отображать міръ духовный, небесный, царство истины, святости, свѣта и добра. Оттого ни одинъ евангельскій образъ не отражаетъ истины вполне. Сѣмя, напримѣръ, изображающее Слово Божіе, вѣчно живое, не умирающее и дѣйственное, само гибнетъ и истлѣваетъ. Земныя пиршества, подъ образомъ которыхъ рисуется нерѣдко вѣчная и „неизреченная сладость зрящихъ лица Божія доброту неизреченную“ въ царствѣ славы, переходятъ иногда въ грубое пресыщеніе, оставляющее по себѣ лишь чувство, тоски и отвращенія. Отношенія родителей къ дѣтямъ, изображающія собою отношенія къ людямъ любвеобильнаго, всесвятаго, правосуднаго и премудраго Отца Небеснаго, далеко не соотвѣтствуютъ ими изображаемому,

переходя то въ неразумное нерадѣніе и небрежность, то въ чрезмѣрную суровость и жестокость, то въ самолюбивое своеволие и подчиненіе неразумной прихоти и т. п. Еще слабѣе образы естественнаго міра тамъ, гдѣ требуется посредствомъ ихъ уяснить истины, для нашего ума непостижимыя. Какимъ, напр., образомъ чувственнаго міра можно представить въ достаточной степени ясно и вѣрно полное таинственности и непостижимости отношеніе Господа къ вѣрующимъ? или какими примѣрами дѣйствительности можно всесторонне раскрыть и сдѣлать для всѣхъ понятнымъ таинственное возрожденіе ветхаго человѣка въ банѣ пакибытія? Неразумное стремленіе воплотить въ „тѣсныя и хрупкіе скудельные сосуды“ естественнаго міра широкую и полную значенія и силы небесную истину всегда приводили, приводятъ и должны приводить къ одному лишь увлеченію тщеславной игрой остроумія въ истолкованіи Слова Божія и къ потерѣ изъ виду главной цѣли Св. Писанія—освященія сердца истиною, даже къ ереси, какъ и случилось это съ сектантами. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы слѣдствіемъ толкованія, если бы мы въ притчѣ Господа о Себѣ, какъ о пастырѣ стада, задались цѣлью провести полное соотвѣтствіе между отношеніемъ пастыря къ стаду и Христа къ Церкви? Мы извратили бы ясно выраженное въ другихъ мѣстахъ Писанія ученіе о томъ же предметѣ. Мы должны были бы, напр., признать, что отношеніе Христа къ вѣрующимъ нарушаетъ личную свободу послѣднихъ въ выборѣ себѣ духовной пищи, такъ какъ пастырь, подъ образомъ котораго рисуется въ притчѣ Христосъ, избравъ извѣстную пажить, насильно гонитъ на нее свое стадо, не справляясь о томъ, хочетъ ли идти туда извѣстная овца, или нѣтъ и т. д. Та же самая несообразность неизбѣжно получится и въ томъ случаѣ, если мы станемъ добиваться проведенія полнаго и всесторонняго соотвѣтствія между отношеніемъ Христа къ Церкви, какъ Лозы къ вѣтвямъ и Главы къ тѣлу, и предметами, послужившими образами для этихъ отношеній. Если всѣ признаки, свойственные лозѣ, приложимы къ Христу, то выйдетъ, что

Христось, служащій источникомъ и началомъ духовной жизни для вѣрующихъ въ Него, Самъ нуждается для Себя въ такомъ источникѣ, не имѣетъ въ Самомъ Себѣ источника бытія; что Онъ, подобно лозѣ, зависитъ въ Своемъ бытіи и жизни отъ разнаго рода внѣ Его лежащихъ условій и т. п.

Увлекаясь желаніемъ во что бы то ни стало отвергнуть православное ученіе о таинствахъ и съ этою цѣлью превратно толкуя вышеприведенныя иносказанія, сектанты забываютъ и другое обстоятельство, что притча служитъ только *средствомъ* въ уясненію ученія, *уже утвержденнаго и раньше выраженнаго ясно, безъ аллегорій и иносказаній*, такъ что на основаніи ея нельзя составлять ученія. Если бы всякое насильственное и утонченное разрѣшеніе иносказанія или притчи „могло стать на высоту христіанскаго догмата, то не было бы и догматовъ, и зданіе вѣры утверждалось бы не на камнѣ, а на пескѣ“ (Ирин. Соп. Наеч. 2, 27). Отсюда вытекаетъ два правила для толкователя: 1) не слѣдуетъ ожидать „во всякомъ мѣстѣ“ всего круга христіанской истины, такъ какъ, по словамъ блаж. Іеронима, „о всѣхъ мѣстахъ не учится въ каждомъ мѣстѣ; но всякое подобіе отнесено къ тому, для чего оно служитъ подобіемъ“ (Adv. Iovin., 2); во-2-хъ, всякое подобіе должно разсматривать во взаимной связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ Писанія, потому что въ нихъ большею частію заключаются указанія главной мысли или ключъ притчи. Оба эти правила при толкованіи разсматриваемыхъ иносказаній сектантами совершенно упущены изъ виду. Они, во-первыхъ, стараются найти въ этихъ иносказаніяхъ то, чего тамъ быть не можетъ; во-вторыхъ, разсматриваютъ ихъ внѣ связи съ контекстомъ. Приведемъ первое мѣсто въ контекстѣ: „какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ. *Я есмь Лоза, а вы вѣтви*; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не пребудетъ во Мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ;

а такіа вѣтви собирають и бросають въ огонь, и онѣ сгорають“ (Іоанн. 15, 4—6).—Спасителю нужно было раскрыть предъ слушателями, что принести добрые плоды, достигнуть нравственнаго совершенства сами по себѣ, безъ благодатной помощи своего Искупителя и Господа, они не могутъ; что желающій достигнуть этого совершенства долженъ непременно быть съ Нимъ въ единеніи, вступить въ число членовъ Его Церкви и получать отъ Него живительныя струи благодати. Какимъ именно способомъ подается эта благодать, Господь и объясняетъ примѣромъ лозы и вѣтвей. Принести сами по себѣ добрые плоды, безъ единенія съ Христомъ, вѣрующіе не могутъ потому, что, въ ихъ духовной жизни, Христосъ для нихъ то же, что стволъ лозы для вѣтвей. Какъ эти послѣднія живутъ и могутъ приносить плоды только до тѣхъ поръ, пока питаются соками ствола и растутъ на немъ; такъ и вѣрующіе имѣютъ жизнь только до тѣхъ поръ, пока пребываютъ во Христѣ, въ Его св. Церкви, питаются подаваемою чрезъ нее Его благодатію. До тѣхъ же поръ могутъ они приносить и добрые плоды; а какъ только отпадутъ отъ общенія съ Христомъ, потеряютъ связь съ Его Церковію, удалятся отъ обильно изливаемыхъ на нее благодатныхъ даровъ, такъ тотчасъ же перестанутъ жить духовною жизнію, засохнутъ и вмѣсто того, чтобы приносить плоды, будутъ преданы сожженію и сгорятъ.

Что касается контекста апостольскаго изреченія, одобряющаго Христа Главѣ, а Церковь—тѣлу, или же Христа—мужу, а Церковь—женѣ, то онъ таковъ: „жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, какъ Господу; потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ Глава Церкви, и Онъ же спаситель тѣла. Но какъ Церковь повинуетъ Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ“ (Еф. 5, 22—24). Изъ приведенныхъ стиховъ ясно, что Христосъ называется въ данномъ случаѣ Главою Церкви вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это сектанты, т. е., будто отношенія между Нимъ и Церковію—непосредственныя, „чуждыя вся-

кихъ промежутковъ“,—а въ томъ же, въ какомъ мужъ есть глава жены. Другими словами: Христосъ—Глава потому, что Онъ Господь и устроитель Своей Церкви, что Господь возлюбилъ ее до такой степени, что и Себя предалъ за нее; что Онъ освятилъ ее, очистивъ банею водною посредствомъ слова, чтобы представить ее Себѣ славною Церковію, не имѣющею пятна или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна (ст. 25—27); что Онъ ее охраняетъ и спасаетъ, принимая всѣ необходимыя для того мѣры, какъ глава въ естественномъ тѣлѣ одухотворяетъ и одушевляетъ послѣднее, руководить его жизнію и направляетъ его дѣятельность, изыскивая средства къ охраненію и поддержанію жизни и благополучія тѣла. Церковь же, какъ и естественное тѣло, подчиняется рѣшеніямъ Главы: дѣлаетъ то, что одобряетъ Глава; избѣгаетъ того, отъ чего Глава предостерегаетъ. Итакъ, исходною точкою сравненія Христа съ главою служитъ то, что глава спасаетъ жизнь тѣла отъ всего грозящаго ей опасностію, поддерживаетъ эту жизнь соотвѣтствующими средствами, направляетъ къ разумнымъ цѣлямъ. Обязанные своею жизнію и благоденствіемъ Главѣ-Христу, вѣрующіе передаютъ себя волѣ Своей Главы-Христа, повинуются Ему. Очевидно, въ приведенномъ мѣстѣ посланія св. ап. Павла къ Ефесянамъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, будто непосредственное взаимоотношеніе между Христомъ и Церковію дѣлаетъ излишнимъ существованіе орудій, чрезъ которыя сообщается благодать.

Такимъ образомъ, таинства, какъ проводники Божественной благодати, извращаемыми сектантами иносказаніями совершенно не затрогиваются. Впрочемъ, если бы нужно было, на основаніи сравненія между Христомъ и лозою, доказать необходимость особыхъ *посредствъ* для полученія благодати, то это легко было бы сдѣлать, не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ при толкованіи. Сравненіе Христа съ лозою ясно указываетъ, что въ Церкви Христовой, изображенной подъ видомъ лозы и вѣтвей, не всѣ члены одинаково

близки къ Христу: одни изъ нихъ ближе, другіе дальше, третьи еще дальше и т. д. Первыя, самыя ближайшія къ стволу лозы, вѣтви—это апостолы Христовы: они получили благодать непосредственно отъ Самого Христа; вторыя—епископы: они получили благодать и власть сообщать ее вѣрующимъ отъ апостоловъ; третьи—пресвитеры: этимъ передана благодать и право сообщать ее другимъ въ таинствахъ отъ епископовъ,—и, наконецъ, четвертыя—всѣ остальные вѣрующіе, получающіе освященіе и благодатные дары отъ пастырей церковныхъ. То же самое и въ именованіи Христа Главою. Какъ глава тѣла естественнаго не непосредственно дѣйствуетъ въ дѣлѣ сохраненія тѣла и доставленія ему всего необходимаго для продолженія бытія и достиженія благополучія; такъ и Глава Церкви—Господь Иисусъ, для спасенія Своего духовнаго тѣла—Церкви, „поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова“ (Еф. 4, 11—12). Если бы сектантское толкованіе было вѣрно; если бы въ извращаемыхъ ими мѣстахъ Писанія Христосъ и св. ап. Павелъ хотѣли высказать ту мысль, будто благодать сообщается душѣ каждаго вѣрующаго *только непосредственно*: то какъ мирились бы съ этимъ слова того же апостола о поставленіи Христомъ однихъ апостолами, другихъ пророками? „Совершеніе святыхъ, созиданіе тѣла Христова“ происходило бы тогда само собой: каждый вѣрующій, при помощи незримаго ни для кого внутренняго озаренія благодати, самъ бы дѣлался членомъ тѣла Христова, „достигалъ бы мужа совершенна, мѣры полного возраста Христова“ (Еф. 4, 13). Если же Христосъ не довольствуется тѣмъ, что лично и непосредственно стоитъ у дверей каждаго сердца и *толцетъ* (Апок. 3, 20); если считаетъ недостаточнымъ то, что „каждому изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова“ (Еф. 4, 7): то, слѣдовательно, находить, что при посредствѣ однихъ внутреннихъ благодатныхъ озареній общество вѣрующихъ въ

Него никакимъ образомъ не можетъ „прійти въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова“ (Еф. 4, 13); а для этого необходимо существованіе особаго разряда посредствующихъ лицъ и дѣлаго ряда посредствующихъ дѣйствій, каковыми и являются церковная іерархія и церковныя таинства. Что это нужно понимать именно такъ, торжественно заявляетъ въ томъ же посланіи самъ св. ап. Павелъ. Изъ Христа, говоритъ онъ, „все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви“ (Еф. 4, 16). Что же это—за взаимно скрѣпляющія связи? Это, несомнѣнно, все то, на чемъ зиждется и утверждается единство Церкви. А это единство, по словамъ апостола, основывается, во-первыхъ, на томъ, что у всѣхъ насъ „одинъ Господь, одна вѣра“; во-вторыхъ—что всѣ мы „однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло“ (1 Кор. 12, 13); въ-третьихъ—что всѣ мы „напоены однимъ Духомъ (тамъ же), и, въ-четвертыхъ—что всѣ мы отъ „одного хлѣба причащаемся“. Другими словами,—эта связь, взаимно-связывающая всѣхъ вѣрующихъ въ одно тѣло Христово, кромѣ религіозно-нравственнаго ученія и вѣры во Христа, заключается въ таинствахъ церковныхъ, которыя, какъ въ тѣлѣ суставы, какъ въ лозѣ прививка, прикрѣпляютъ и приобщаютъ отдѣльныхъ членовъ къ общей жизни Церкви.

(Окончаніе будетъ).

Значеніе непосредственной вѣры.

(Вѣстн. Европы, 1898 г. Мартъ, стр. 334—356).

Безъ мѣры увлекаясь благами образованности, либеральные писатели стараются какъ можно больше унижить вѣру людей простыхъ, называемую непосредственной. „Вѣра, когда

она есть только фактъ, принятый чрезъ преданіе, есть дѣло чрезвычайно непрочное, неустойчивое, всегда и всѣмъ застигаемое въ располхъ.—Исключительно фактическая, слѣпая вѣра несообразна достоинству человѣка. Она болѣе свойственна или бѣсамъ, которые вѣрують и трепещуть, или животнымъ безсловеснымъ, которыя, конечно, принимаютъ законъ своей жизни на вѣру, безъ размышленій, безъ тоски, безъ думы роковой,—безъ напрасныхъ, безъ пустыхъ (?) сомнѣній“. Плоды такой вѣры, какъ не имѣющей „лучшихъ основъ“, представляются въ видѣ или „дьявольской кровожадности“, или „скотскаго безстыдства“.—„Слѣпая и безотчетная религія обидна“, говорятъ, „прежде всего для своего предмета, для самого божества, которое не этого требуетъ отъ человѣка. Какъ безграничное Благо, чуждое всякой зависти, оно хотя даетъ мѣсто въ мірѣ и бѣсамъ, и животнымъ, но радость его не въ нихъ, а въ сынахъ человѣческихъ; и чтобы эта радость была совершенною, оно сообщило человѣку особый даръ, которому завидуютъ бѣсы, и о которомъ ничего не знаютъ животныя“. Этотъ даръ состоитъ въ философіи, въ „критическомъ и діалектическомъ изслѣдованіи“; назначеніе этого дара указывается въ томъ, чтобы не даромъ и не въ готовомъ видѣ получалъ человѣкъ вѣчную истину и блаженство, чтобы онъ достигалъ ихъ „трудовымъ путемъ“—„предварительнаго испытанія“.

Все это высказано г. Влад. Соловьевымъ по поводу стародавней исторіи отношеній между Сократомъ и его современниками, но раздраженный тонъ показываетъ, что дѣло это ближе къ сердцу автора, чѣмъ исторія греческаго философа,—что авторъ—можетъ быть—самого себя мнитъ русскимъ Сократомъ, а противникамъ своимъ, дѣйствительнымъ и воображаемымъ, представляетъ отвѣтствовать по любому изъ двухъ обвиненій: въ „суевѣрномъ демонскомъ трепетѣ“ или—въ „тупой животной безотчетности“.

Въ защиту той вѣры, которую такъ озлобленно хулить г. Влад. Соловьевъ и которую мы считаемъ основаніемъ

истиннаго философскаго знанія, которая должна быть, по нашему убѣжденію, только укрѣпляема, а не пересозидается философскимъ изслѣдованіемъ, мы скажемъ слѣдующее. Истина есть благо сама по себѣ, по своей природѣ, а не потому, какъ она достигается. Если бы истина была для человѣка благотворна только тогда, когда онъ самъ достигнетъ ея, и была бы лишена благотворнаго значенія для его жизни въ томъ случаѣ, если онъ получить ее въ готовомъ видѣ или усвоить ее себѣ по довѣрію къ свидѣтельству другихъ, то это значило бы, что важность и благотворное значеніе свойственны не самой истинѣ, а тому способу, которымъ она получается и добывается; это значило бы, что она есть благо относительное, *déce: ob fúste*, по приводимому г. Соловьевымъ выраженію софистовъ.

Скажутъ, что истина, когда достигается путемъ философскаго изслѣдованія, глубже усвоится и сильнѣе овладѣваетъ человѣкомъ, а потому и проявляетъ свое благодѣтельное дѣйствіе только при условіи достиженія ея этимъ именно путемъ. Но едва ли это такъ, едва ли даже не напротивъ: путь сомнѣній, колебаній и тоскливыхъ размышленій едва ли самъ по себѣ можетъ приводить къ убѣжденію непоколебимому, стоящему превыше сомнѣній; это значило бы, что причина производитъ то, чего въ ней совершенно нѣтъ, что даже совершенно ей противоположно, какъ противоположны отрицаніе и утвержденіе, сомнѣніе и вѣра. Правда, бываютъ случаи, что человѣкъ отъ сомнѣнія и отрицанія переходитъ къ полной вѣрѣ, но этотъ переходъ нельзя считать непосредственнымъ, сомнѣніе не само по себѣ производитъ вѣру, оно только порождаетъ въ человѣкѣ чувство мертвящей пустоты, а воспріятіе вѣры бываетъ послѣдствіемъ сильнѣйшаго желанія избавиться отъ этого чувства. Можетъ ли усвоеніе истины быть глубже и полнѣе отъ того, что человѣкъ ее критиковалъ и въ ней сомнѣвался?... Скажутъ, что изслѣдованіе предметовъ вѣры сообщить намъ новыя непререкаемыя данныя для убѣжденія въ ихъ несомнѣнности. Но это можно

сказать только объ истинахъ такъ называемаго положительнаго знанія; знаніе же метафизическое по самому существу своему не можетъ быть основано на данныхъ непреерекаемыхъ; иначе сказать, оно черпаетъ свою силу не въ фактахъ, не въ наблюденіяхъ и опытахъ, а въ нѣкоторомъ предуготовленіи къ нему всего внутренняго существа человѣка, въ благопріятной для него настроенности, въ предварительномъ сближеніи сердца и ума съ его истинами, кратко говоря—въ вѣрѣ. Говоря о метафизическомъ знаніи, мы разумѣемъ здѣсь всю область истинъ религіозныхъ, философскихъ, нравственныхъ. Если бы въ этой области существовали непреерекаемыя разсудочныя основанія, неоспоримыя данныя, то люди давно могли бы придти къ какому нибудь единству въ относящихся сюда воззрѣніяхъ. А между тѣмъ.... извѣстны взаимныя противорѣчія между философами.... Влад. Соловьевъ находитъ возможность прививать читателямъ Вѣстника Европы вкусъ къ такому идеалисту изъ идеалистовъ, какъ греческій философъ Платонъ. Но развѣ изслѣдованіемъ природы и жизни приведенъ былъ Платонъ къ тому, что уничтожилъ видимый міръ предъ міромъ идеальнымъ, предъ первообразами видимыхъ и временныхъ созданій, сокрытыми въ предвѣчной Премудрости Божіей? Отчего же разсматриваніе природы привело въ противоположнымъ результатамъ другихъ, отчего бисеры Премудрости, разсыпанные въ изобиліи предъ очами людей, однихъ вынуждаютъ преклоняться предъ вѣчнымъ Разумомъ, а другимъ (какъ, напр., дарвинистамъ) не мѣшаютъ считать величественную систему міра дѣломъ слѣпыхъ случайностей?

Въ области религіозныхъ, нравственныхъ и философскихъ идей вѣра, основанная на преданіи (а въ христіанствѣ, кромѣ того, на таинственномъ воздѣйствіи благодати), есть свѣточъ, которымъ человѣкъ освѣщаетъ себѣ различныя пути изслѣдованія. Если этотъ свѣточъ возженъ отъ первобытнаго религіознаго преданія или отъ содержащагося въ Св. Писаніи Божественнаго Откровенія, то тѣмъ вѣрнѣе бу-

детъ путь человѣка и тѣмъ яснѣе будетъ взглядъ его на міръ. Твердо держа свѣтильникъ вѣры, онъ постоянно будетъ убѣждаться въ его благотворности и необходимости для разрѣшенія присущихъ душѣ вопросовъ о Богѣ, о мірѣ и человѣкѣ, но если тотъ свѣтильникъ померкнетъ, то никакое изслѣдованіе этихъ вопросовъ снова возжечь его не можетъ. Богъ не можетъ быть созданіемъ человѣческаго ума, не можетъ быть научной гипотезой, потому что отъ конечнаго, въ сферѣ котораго дѣйствуетъ человѣческій умъ, нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ Бесконечному; хотя, съ другой стороны, всѣ силы и средства познающаго духа могутъ быть посвящаемы на уясненіе и всестороннее освѣщеніе идеи Бога, данной человѣку въ готовомъ видѣ. Если бы мы сказали, что религіозная истина есть и была произведеніемъ человѣческаго ума, то мы прославили бы чрезъ это умъ, но унизили бы самую истину, которая, оставаясь дѣломъ нашей мысли, не могла бы въ точности называться и религіозной. Посему Господь сказалъ ап. Петру, исповѣдавшему Его Сыномъ Божиимъ: „блаженъ ты, Симонъ,—потому что не плоть и кровь“ (не человѣческія средства познанія) „открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ“ (Мате. 16, 17). Посему вѣра непосредственная, какъ обладаніе души истинною, данною въ преданіи и воспринятою при таинственномъ воздѣйствіи приносящаго Разума (Логоса, Иоан. 1, 9), есть нѣчто первоначальное, предшествующее изслѣдованію,—основное, опредѣляющее, а не опредѣляемое—для направленія всякихъ изслѣдованій и для построенія полнаго міровоззрѣнія,—бесконечно-цѣнное, не зависящее въ своемъ достоинствѣ отъ критическаго и діалектическаго изслѣдованія, какъ и вообще истина не зависитъ въ своемъ достоинствѣ отъ способа ея воспріятія, конечно ужъ—и отъ нашего сомнѣнія въ ней.

Скажутъ, что критическое изслѣдованіе безусловно необходимо для непосредственной вѣры потому, что къ ней могутъ примѣшиваться мнѣя, суевѣрныя сказанія, предста-

вляющія искаженіе основныхъ религіозныхъ истинъ. Но въ такомъ случаѣ до чего суживается задача изслѣдованія, до чего она становится пустой! Стоило ли „діалектическому изслѣдованію“ задаваться критикой шутливыхъ разсказовъ о шалостяхъ олимпійцевъ, объ ихъ личномъ участіи не только въ хорошихъ, но и въ дурныхъ человѣческихъ дѣлахъ? Вѣдь и тогда, конечно, было всѣмъ понятно, что подобныя некрасивыя пристройки къ главному зданію религіи суть дѣло дурно направленной и совсѣмъ неблагочестивой фантазіи. Можетъ быть и теперь въ чьихъ нибудь глазахъ „непосредственная вѣра“ заслуживаетъ порицанія потому, что съ ней соединяется иногда довѣріе къ сказаніямъ о „Снѣ Богородицы“, или „о двѣнадцати лихорадкахъ“. Но не вездѣ религія, гдѣ только религіозныя имена. Въ греческой религіи существеннымъ было представленіе о божественной силѣ, если не единой по множеству божественныхъ лицъ (политеизмъ), то однородной по единству ихъ происхожденія,—сотворившей міръ, промысляющей о немъ, полагающей людямъ законы, судящей и мздовоздающей. Кромѣ политеизма, все это заимствовано изъ первобытнаго преданія, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ религій. Созерцая созданія Божіи, естественно изумляться Премудрости Создателя, прославляя ее какъ сокровищницу Божіихъ предначертаній о мірѣ. „Славлю Тебя (Господи), потому что я дивно устроенъ“, говоритъ псалмопѣвецъ израильскій: „въ Твоей книгѣ записаны всѣ дни, для меня назначенные. Какъ возвышенны для меня помышленія Твои, Боже, и какъ велико число ихъ! Стану ли исчислять ихъ, но они многочисленнѣе песка“ (138, 14—18). Эти божественныя помышленія или предначертанія, называемыя также идеями, прославилъ и греческій философъ Платонъ, почитая ихъ областію истинно-сущаго. Критиковалъ ли онъ истины непосредственной „фактической“ вѣры? нѣтъ; но онъ воспользовался ими, какъ свѣтильникомъ, чтобы уяснить вопросъ объ отношеніи видимаго міра къ невидимому, временнаго къ вѣчному.

Всякій человѣкъ, не лишенный вѣры, можетъ усилить и утвердить ее въ себѣ не тѣмъ, что позоветъ ее на судъ, къ отчету и отвѣту предъ разсудкомъ, вооруживъ этотъ послѣдній „ножемъ критическаго анализа“, но тѣмъ, что будетъ воздвигать на истинахъ вѣры все свое міросозерцаніе и доставлять себѣ радость о нихъ, какъ такихъ, которыя всего лучше уясняютъ намъ зрѣлище міра и жизни. Нашему знанію внѣ насъ соотвѣтствуетъ міръ; нашей религіозной вѣрѣ соотвѣтствуетъ Премудрость Божія; посему—какъ Богъ радовался о Своей Премудрости, созерцая дѣла Свои, видя, что творенія Его вышли вполне сообразными съ нею (*азъ бѣхъ, говоритъ Премудрость, о ней же радовашеся Богъ,— вселенную совершивъ, Притч. 8, 30—31*), такъ и человѣкъ радуется о своей вѣрѣ, наслаждается ею, соорудивъ на ней зданіе своего знанія и видя, какую получаетъ оно стройность и твердость отъ такого основанія.—Но не всѣ люди служатъ знанію, не всѣмъ быть учеными и филосогами; огромное большинство людей преданы практической дѣятельности, труду обезпеченія жизни. Если они имѣютъ вѣру, то она такъ и остается у нихъ, какъ воспринята, остается непосредственной, „фактической“, внѣ вліяній умственнаго труда. Однако и у нихъ тѣмъ не менѣе истины вѣры являются животворнымъ и зиждительнымъ началомъ, только въ области не научной мысли, но практической жизни. Истины вѣры являются предначертаніемъ ихъ дѣлъ и отношеній съ другими людьми. На вѣрѣ строится прекрасное, во всѣ времена привлекающее восторженные взоры людей зданіе жизни благочестивой, служащее лучшимъ доказательствомъ, неоспоримымъ свидѣтельствомъ чистоты и красоты лежащихъ въ основаніи его вѣрованій. Чѣмъ болѣе жизнь проникается истинами вѣры, тѣмъ болѣе крѣпнуть онѣ въ убѣжденіи человѣка, потому что въ нихъ заключается главнымъ образомъ предначертаніе жизни, а всякое предначертаніе или планъ признается въ своемъ достоинствѣ по той мѣрѣ, въ какой выполняется. Истины вѣры, если человѣкъ не располагаетъ

по нимъ своей жизни, чувствуются имъ въ душѣ, какъ ненужное бремя; это—все равно, что прекрасный планъ дома, о постройкѣ котораго навсегда забыли. Христосъ учитъ: *всякъ слышай словеса моя сія, и не творя ихъ, уподобится мужу юродиву, иже созда хramину свою на песокъ: и сниде дождь, и приидоша рѣки, и возвѣяша вѣтри, и опрошася хramинъ той и падеся: и бѣ разрушеніе ея велие* (Матѣ. 7, 26). Итакъ, не критическимъ изслѣдованіемъ утверждаются люди въ истинахъ вѣры, но соблюденіемъ и осуществленіемъ ихъ въ своей дѣятельности.

Величайшая животворность истинъ религіозной вѣры открывается особенно въ томъ, что вездѣ и всегда люди старались сообразовать съ ними не только частную жизнь, но и общественную, и государственную, что на нихъ они строили не только обычаи личной и семейной жизни, но и установленія общества и государства. Въ основѣ государства лежитъ всегда религія, какъ его предначертаніе. Божество считается первообразомъ и первоисточникомъ власти, божественное избраніе пребываетъ на царяхъ и правителяхъ народа, божественная воля обнаруживается въ установленіяхъ и законахъ. Такимъ образомъ, Богъ является Богомъ извѣстнаго народа, и народъ (въ его государственномъ объединеніи) является народомъ Божиимъ. Въ этомъ нѣтъ ничего противнаго здравымъ понятіямъ. Если Богъ одѣваетъ полевые лиліи, то откажетъ ли Онъ въ Своемъ покровѣ такому огромному собранію почитающихъ Его людей, какъ государство? если Онъ питаетъ птицъ небесныхъ, то оставитъ ли безъ Своего промышленія и попеченія судьбы великаго царства? Онъ произвелъ раздѣленіе людей на народы, Онъ назначилъ каждому изъ народовъ предѣлы обитанія, сплотилъ его узамъ взаимной привязанности, Онъ же и содѣйствуетъ ему во всемъ, что служить къ дальнѣйшему осуществленію этихъ предначертаній. Богъ близокъ ко всему, что совершаютъ люди, и что совершается съ людьми. Убѣжденіе это достигается въ непосредственно-вѣрующихъ русскихъ людяхъ по-

разительной силы. Крестьянинъ, рассказавши о безвременной утратѣ имъ дѣтей, опоры приближающейся старости, прибавляетъ: „и слава Богу“.—„Какъ? развѣ ты не любилъ ихъ?“ спросите вы. „Коли не любилъ? какъ свою душу-любилъ; но Господь устроилъ, какъ лучше, потому что Онъ знаетъ, что кому нужно; потому и говорю я, что слава Ему“. Такимъ образомъ, Безконечное и Абсолютное Существо представляется человѣку съ непосредственной вѣрой ближайшимъ хранителемъ и попечителемъ его семьи. Какъ же не быть Господу покровителемъ великой семьи государственной? *Богъ приближаясь азъ есмь,—а не Богъ издавеча*, говоритъ Господь о Себѣ у пророка (Иерем. 23, 23).

Но стороннику философскаго, діалектическаго изслѣдованія религіи такія представленія „непосредственной вѣры“ важутся очень непріятными. Его выраженія таковы: „отнять у божества полицейскую функцію, а у полиции божественную санкцію“... „слитность—религіи—съ полиціей“... „религіозно-полицейскій строй жизни“... „главные отеческіе боги по существу—городскіе стражи,—человѣческіе стражи“ (правители) „по существу божественны“... Какъ все это г. Соловьеву противно! Очевидно, философія, занимаясь отвлеченными свойствами Божества, можетъ затмить разумѣніе Его, какъ вѣчно бодрствующаго надъ всѣми нами Промыслителя. Очевидно, будучи философомъ и діалектически изслѣдуя истины вѣры, можно уподобиться жителямъ гадаринской земли, которые *молиша Сына Божія, дабы прешелъ отъ предѣлъ ихъ* (Матѣ. 8, 34),—можно, признавая Бога существующимъ, желать, чтобы Онъ былъ подальше отъ насъ и отъ нашихъ дѣлъ. Такъ малодушные подчиненные просятъ начальника осчастливить ихъ посѣщеніемъ, раздѣлить съ ними трапезу, но потомъ только тогда и чувствуютъ облегченіе, когда онъ оставляетъ ихъ общество и отъ нихъ удаляется. С. К—й.

Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности ¹⁾).

Въ церковной школѣ отношенія между завѣдующимъ и учителемъ не только ежедневныя, но, можно сказать, еже-часныя, и потому тотъ или другой характеръ ихъ весьма важенъ какъ для учителей, такъ и для завѣдующихъ школами. Среди причинъ, вызвавшихъ и вызывающихъ указанное уже печальное явленіе, конечно, не маловажную роль играютъ случайность и неподготовленность учителей къ дѣлу, а съ другой стороны—подчасъ совершенно нищенская скудость ихъ. Между тѣмъ, указываемое нами печальное явленіе не мало можетъ принести зла теперь, а въ будущемъ—и еще больше. Прежде всего, вслѣдствіе неправильныхъ отношеній между завѣдующими и учителями, должно страдать учебно-воспитательное дѣло въ школѣ. Пренебрегаемый, а тѣмъ болѣе унижаемый учитель школы—плохой соратникъ руководителя той же школы, такъ какъ люди, особенно же мало развитые, обыкновенно не раздѣляютъ личности отъ дѣла, которому служить эта личность, вслѣдствіе чего переносятъ неудовольствіе съ одной и на другое. Само собою, далѣе, понятно, что при такихъ отношеніяхъ не можетъ быть искренности, желанія вникнуть въ смыслъ дѣятельности и всесторонне осуществить тѣ или другія предначертанія; не можетъ быть и привязанности къ мѣсту службы. Неизбѣжно за всѣмъ этимъ должны слѣдовать, съ одной стороны, плохое веденіе дѣла въ школѣ, и съ другой—постоянная—и притомъ небезосновательная—боязнь священника относительно того, какъ бы учитель не внесъ въ школу чего-нибудь и положительно вреднаго. Здѣсь же коренится и источникъ столкновеній между учителями и завѣдующими,

¹⁾ См. № 26-й за 1898 годъ.

жалобъ, всевозможныхъ доносовъ другъ на друга. Особенно обостренными отношенія эти становятся тогда, когда завѣдующіе, подъ тѣми или другими предлогами, задерживаютъ жалованье учительское, не додають его или, ради какихъ-либо цѣлей, тѣснятъ учителя. Во всѣхъ такихъ случаяхъ школьное дѣло не можетъ идти хорошо. Потомъ,—каково можетъ быть, при указанныхъ отношеніяхъ между завѣдующимъ и учителемъ, положеніе послѣдняго въ глазахъ прихожанъ? Каково можетъ быть положеніе и самой школы, вліяніе ея на жизнь прихода? И что всего печальнѣе, школьное дѣло падаетъ при дурныхъ отношеніяхъ завѣдующаго къ учителю даже тамъ, гдѣ послѣдній и старателенъ, и внимателенъ къ своему дѣлу, и всецѣло преданъ ему.—Но не можетъ быть тамъ твердо поставленнаго дѣла, гдѣ одною рукою оно созидается, а другою разрушается. Первая обязанность завѣдующаго, который хочетъ видѣть школу хорошою, ласковымъ, преисполненнымъ любви, а иной разъ и снисходительности, отношеніемъ смягчить грубость сотрудника, ввести его понемногу и постепенно въ свой міръ духовный и, раскрывая свою душу передъ нимъ, тѣмъ самымъ раскрыть и его душу, вызвавши на поверхность ея все, что въ ней есть добраго. Понятно, этого не можетъ быть тамъ и тогда, гдѣ и когда учитель дальше передней не бываетъ въ домѣ завѣдующаго, гдѣ—что еще горше—учитель привлекается къ исполненію обязанностей, ничего общаго съ школьнымъ дѣломъ не имѣющихъ. Напротивъ, завѣдующимъ крайне необходимо приблизить учительствующихъ къ себѣ, сдѣлать ихъ истинными своими соработниками. Эта необходимость будетъ особенно ясна, если мы обратимъ вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Въ настоящее время идетъ усиленная работа надъ рѣшеніемъ вопроса о всеобщемъ обученіи. Будетъ ли оно обязательнымъ, и при помощи какой школы оно осуществится, еще не извѣстно; но, во всякомъ случаѣ, осуществленіе этого, несомнѣнно—желательнаго предположенія внесетъ въ жизнь народную много не только по-

ваго, но и въ высшей степени важнаго, способнаго видоизмѣнить всю нашу жизнь. А потому, самое серьезное вниманіе православнаго пастырства должно обратить на себя появленіе въ селахъ среди народа громаднаго количества *учителей народныхъ*. Тогда это будетъ цѣлая армія, и притомъ, по своему вліянію на духовную и внѣшнюю жизнь народа, въ высшей степени сильная. Не враговъ, не безразличныхъ даже дѣятелей,—для интересовъ, конечно, Церкви,—духовенство должно встрѣтить въ учителяхъ народныхъ, а друзей—и друзей искреннихъ, глубоко вѣрующихъ въ миссію православнаго духовенства, вмѣстѣ съ тѣмъ способныхъ подчиняться руководству послѣдняго и вести по одной дорогѣ дѣло народнаго просвѣщенія. Но будутъ ли таковыми учителями, хотя бы даже и вышедшіе изъ второклассныхъ школъ, если отношенія къ нимъ со стороны завѣдующихъ будутъ носить вышеуказанный характеръ? Исторія запада, который не мало въ этомъ отношеніи переиспыталъ, можетъ представить намъ много яркихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительныхъ доказательствъ того, какъ опасно для религіозной и всякой иной жизни народа, когда въ его средѣ образуются два противоположныхъ, враждебныхъ просвѣтительныхъ направленія. Велика по плодамъ, высока по цѣли, глубока по вліянію была у насъ, на Руси миссія православнаго духовенства, много прочнаго оно создало,—и почему? потому, что, стоя, такъ сказать, у души народной, духовенство имѣло возможность руководить ею, направлять по тому пути и къ тѣмъ цѣлямъ, по которому и къ которымъ само шло. Если же все, созданное православнымъ духовенствомъ въ дѣлѣ вѣры и государственнаго строенія, создано только потому, что духовенство было близко къ душѣ народной, то кто можетъ сомнѣваться въ такомъ же вліяніи и со стороны новой силы, которая вырабатывается изъ учителей, и которая тоже близко встанетъ къ душѣ народной?—Могутъ сказать, что эта сила—явленіе болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Но, во-первыхъ, и теперь учителей народныхъ уже много, во-вто-

рыхъ, въ смыслѣ совершенствованія ихъ и теперь дѣлается очень многое, и, въ-третьихъ, поздно будетъ говорить, а не только дѣлать что-либо для привлеченія нарождающейся силы для служенія дѣлу, которому служить духовенство, когда эта сила окончательно уже организуется и начнетъ свои дѣйствія. Крайне важно быть готовымъ ко всякому дѣлу своевременно, особенно когда приходится готовиться много, когда необходимо многое устранить и отчасти себя перевоспитать.

Мы сравнительно долго остановились на церковно-школьной дѣятельности православнаго духовенства (хотя далеко не все исчерпали) потому, что ни одна сторона современной пастырской дѣятельности не вызываетъ столько сомнѣній и нареканий, какъ именно церковно-школьная его дѣятельность. Нѣтъ сомнѣнія,—трудно это дѣло, требуетъ затраты громадныхъ силъ, выдвигаетъ, при своемъ развитіи, постоянно новыя и новые вопросы. Но нѣтъ также сомнѣнія,—оно исполнимо, богато благими надеждами, всегда способно дать много различныхъ утѣшеній ведущимъ его, и главное—оно, составляя существенную часть пастырскаго служенія, необыкновенно важно. И мы надѣемся, что православное духовенство, не имѣя никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ истиннаго просвѣщенія народа, не остановится предъ неизбежными трудностями церковно-школьнаго дѣла и съ честью выйдетъ изъ благородной борьбы на нивѣ и за истинныя начала народнаго просвѣщенія. И сдѣлаетъ это оно не ради *славы сего вѣка*, а ради и во имя Вѣчной Истины, вѣчно неугасающаго Свѣта.

(Окончаніе будетъ).

ЗАМѢТКА.

Отрадное явленіе въ жизни одного сельскаго священника.

Рѣдко читаешь или слышишь, чтобы мужички наши искренно цѣнили труды своего батюшки, уважали своего пастыря и выражали бы это въ добрыхъ своихъ отношеніяхъ къ нему. Еще болѣе рѣдкое явленіе, чтобы мужички наши, въ знакъ особеннаго своего расположенія къ батюшкѣ, подносили ему дорогіе знаки своего вниманія, въ видѣ креста или иконы, не въ юбилейные только дни священника, а въ обыкновенное время. Мѣсто такому рѣдкому и весьма отрадному явленію недавно было въ селѣ Озерянахъ, радомысльскаго уѣзда. Въ виду исключительности его и утѣшительнаго характера, считаемъ не лишнимъ подѣлиться рассказомъ объ этомъ и съ другими. Приходъ Озеряне—маленькій, представляющій много неудобствъ для постояннаго жительства тамъ. Не смотря на это, мѣстный священникъ Г. А., при помощи Божіей, благодаря своей энергичной натурѣ и умѣнью жить съ людьми, прожилъ въ немъ около 30 лѣтъ. Въ такой немалый періодъ священникъ Г. А. сумѣлъ кротостью и разумной строгостью постоянно держать своихъ прихожанъ въ послушаніи Церкви Божіей. Спокойная распорядительность, умѣнье разрѣшать различнаго рода недоразумѣнія, привѣтливое, кроткое обращеніе съ прихожанами снискали ему должное расположеніе. Долго думали мужички какъ бы порадовать своего батюшку, чѣмъ бы выразить свою любовь къ нему. Кстати случай представился. Узнали они, что всѣмъ священникамъ пожалованы особые наперсные кресты, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Обрадовались мужички, что нашелся поводъ выразить свое вниманіе, и тогда же рѣшили купить на собственные средства этотъ крестъ и поднести священнику. Заказали крестъ довольно цѣнный, въ 50 рублей, въ Москвѣ. Когда былъ

полученъ ими этотъ крестъ, выбрали самое лучшее время для поднесенія священнику, предъ началомъ литургіи. Былъ большой праздникъ. Стеченіе народа было большое. Выборный отъ крестьянъ, почтенный старичекъ, сталъ впереди всѣхъ, держа крестъ на блюдѣ. Когда священникъ предъ началомъ литургіи кадилъ церковь и выходилъ изъ алтаря, выбранный съ глубокимъ поклономъ и со словами: „пріймить отъ насъ, батюшка, подарокъ“, преподнесъ крестъ. Священникъ былъ глубоко тронутъ такимъ дорогимъ вниманіемъ своихъ прихожанъ. Принявши съ благоговѣніемъ этотъ крестъ, священникъ только отвѣтилъ: „благодарю васъ, братцы, за вашъ дорогой подарокъ“. Началась божественная служба. Въ концѣ литургіи, во время чтенія псалма: „благословлю Господа на всякое время“, священникъ, вышедши изъ алтаря, счелъ нужнымъ и благовременнымъ приблизительно въ слѣдующихъ словахъ выразить чувства радости и благодарности. „Православные христіане! дорогіе мои прихожане! Глубоко тронутъ я вашимъ любезнѣйшимъ вниманіемъ. Благодарю я, конечно, прежде всего Господа Бога, что Онъ призрѣлъ и на меня. уничиженнаго, доставилъ мнѣ великую радость въ моей жизни,—воочію видѣть расположенность моихъ прихожанъ ко мнѣ, вѣранныхъ мнѣ Самимъ Богомъ для руководства ко спасенію. Значить, между нами есть взаимная любовь! О, если такъ, то все есть,—есть и спасеніе. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. А апостоль Павелъ въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ прямо говоритъ: „если я имѣю всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто“. Великій даръ Божій—любовь, а особенно, если эта любовь существуетъ между настыремъ и пасомыми. Еще благодарю Господа Бога за оказанную мнѣ великую милость, ибо вѣрую, что не по дѣламъ моимъ Господь содѣлалъ сіе, а единственно по Своей милости. Благодарю также и васъ, мои дорогіе прихожане, за ваше доброе сердце, доброе желаніе жить со мной по-христіански. Много обрадовали вы меня, братья. Вы поддерживаете во мнѣ бодрость духа, вы

даєте мнѣ возможность нести свое отвѣтственное служеніе съ радостью, а не воздыхающе. Да приіметъ Господь Богъ ваше усердіе и да благословитъ Господь Богъ васъ и дѣтей вашихъ здравіемъ, долголѣтіемъ и вѣчнымъ спасеніемъ; да оградитъ васъ сей животворящій крестъ, которымъ вы высказали такое дорогое вниманіе ко мнѣ, отъ всѣхъ напастей вражїихъ! Аминь“. Поистинѣ отрадное явленіе въ жизни священника! Дай Богъ, чтобы побольше было такихъ свѣтлыхъ явленій въ жизни сельскаго священника! Дай Богъ, чтобы привѣтливость, простота, искренность и любовь всегда царствовали въ отношеніяхъ между пастыремъ и пасомыми.

(Кіевск. Еп. Вѣд. 1898 г. № 10).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 іюня 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 29.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, іюля 19-го.

Содержаніе: Ученіе о Божественномъ происхожденіи пастырскаго служенія.—О необходимости таинствъ Церкви (окончаніе) — Замѣтка объ Ильинской пятницѣ.—Замѣтки: Суподальныя кпигонози; обычай обхожденія крестнымъ ходомъ засѣянныхъ полей.

Ученіе о божественномъ происхожденіи пастыр- скаго служенія.

(Изъ сочиненій русскихъ духовныхъ писателей 18 вѣка).

Вопросъ о божественномъ происхожденіи въ Церкви Христовой пастырскаго служенія для духовныхъ писателей 18 вѣка не возбуждалъ никакихъ сомнѣній и недоумѣній и представлялся истиною непререкаемою, общеизвѣстною. Поэтому большинство святителей прошлаго столѣтія, говоря о началѣ или происхожденіи пастырства въ Христовой Церкви, ограничивались краткимъ замѣчаніемъ, что оно учреждено и освящено „пастырей Начальникомъ, Владыкою Христомъ“,

что пастыри Церкви суть прямые преемники служения апостольскаго, что Глава церковнаго служения—Иисусъ Христосъ, а орудіе Его въ этомъ служеніи—всѣ законно-поставленные пастыри Христовы и т. п. ¹⁾. Большою обстоятельностью въ разясненіи вопроса о происхожденіи пастырства отличаются св. Димитрій Ростовскій († 1707 года), Стефанъ Яворскій († 1722 года), св. Тихонъ Задонскій († 1783 года) и „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, которая, какъ извѣстно, по порученію Св. Синода, составлена Георгіемъ (Конисскимъ), архіеп. Бѣлорусскимъ († 1795 г.), и Парфе-ніемъ (Сопковскимъ), еписк. Смоленскимъ († 1795 г.). Раскрывая архипастырскія обязанности къ ростовской паствѣ, св. Димитрій, между прочимъ, говоритъ: „понеже Архіерей Великій, небеса прошедый, мене аще и недостойнаго поставилъ есть вамъ пастыря и увѣрилъ ми спасеніе ваше“..., приѣмлю азъ убо мою должность, яже къ вамъ“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же святитель замѣчаетъ: „предано отъ Бога іереомъ духовничество на послуженіе спасенію человѣкомъ“ ³⁾. Опредѣляя священство, какъ таинство, св. Димитрій о богоучрежденности его говоритъ такъ: „священство есть тайна, въ ней же черезъ рукоположеніе святительское дается власть отъ Бога священнику священнослуженіе совершати и дѣйствовать тайнами, установленными въ Церкви Божіей“ ⁴⁾. Въ одномъ только мѣстѣ святитель Димитрій сравнительно подробнѣе и обстоятельнѣе изъясняетъ божественное про-

¹⁾ Собр. соч. Георгія Конисскаго ч. I стр. 6, 85, 86, 197; ч. 2, стр. 136. Окружн. его посланіе духовенству. Могил. Епарх. Вѣд. 1889 г. № 25, стр. 378. Поуч. слова преосв. Анастасія ч. 3, стр. 1—4. „Нетлѣнная пища“, архим. Сильвестра, стр. 87. Соч. митр. Платона Левшина т. 1, стр. 8, 12; т. 7, стр. 128, 129; т. 9, стр. 218. Наставл. іереямъ еп. Гервасія. Рук. для сельск. паст. 1860 г., № 20, стр. 25.

²⁾ Твор. св. Димитрія Рост. Кіевъ. 1824 г. ч. 1, стр. 37.

³⁾ Тамъ же, стр. 108.

⁴⁾ Твор. св. Димитрія Рост. ч. 1, стр. 70.

исхожденіе пастырскаго служенія. Остановливаясь своимъ вниманіемъ на изреченіи Небеснаго Пастыреначальника: „*Азъ есмь Пастырь добрый*“ (Іоан. 10, 11), святитель слѣдующимъ образомъ толкуеть это изреченіе: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, донелѣже видимо на землѣ съ челоѣки пребываше, дотоль Самъ Онъ единъ нарицашеся Пастырь овцамъ, глаголя: *Азъ есмь Пастырь добрый*. А яко дѣло паствыства совершивъ, восхотѣ отыти ко Отцу Своему, оставилъ есть по Себѣ наслѣдники паствыства, святыя Своя Апостолы, и иже по тѣхъ архіерей, да пасуть стадо Его, къ комуждо отъ нихъ тоже глаголя, еже и къ св. Петру рече: *паси овцы Моя*“¹⁾. Въ приведенныхъ словахъ св. Димитрія видимъ указаніе не только на то, что пастырское служеніе получило начало свое отъ Самого Іисуса Христа, верховнаго „Главы всей Церкви“²⁾, но также—и на то, что благодать священства, преподанная вначалѣ св. апостоламъ ихъ божественнымъ Учителемъ и Пастыреначальникомъ, преемственнымъ порядкомъ чрезъ рядъ вѣковъ и временъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, почивала и почиваетъ на всѣхъ законнымъ образомъ, „чрезъ рукоположеніе архіерейское“³⁾ поставленныхъ пастыряхъ“. Св. Димитрій кратко, но съ историко-догматическою послѣдовательностью изображаетъ божественное происхожденіе и продолженіе въ Церкви Христовой пастырскаго служенія:

Такимъ же точно образомъ о богоучрежденности паствыства учили и другіе святители 18 вѣка. Сравнивая Церковь Христову съ виноградникомъ, а Христа Спасителя съ виноградаремъ, Стефанъ Яворскій ясно и опредѣленно выражаетъ ту мысль, что Спаситель міра, совершивъ великое дѣло искупленія, не желая оставить виноградъ Свой безъ воздѣльвателей, предъ вознесеніемъ Своимъ на небо возло-

1) Твор. св. Димитрія Рост. ч. 3, стр. 45.

2) Твор. св. Дим. Рост. ч. 1, стр. 132.

3) Тамъ же, стр. 363.

жилъ на св. апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и на всѣхъ епископовъ, пастырей и учителей власть и высокое право „всячески терніе грѣхное искореняти, плевелы соблазновъ, пшеницу подавляющія, исторгати, быліе избыточества душевреднаго пресѣцати, очищати, изметаи“ ¹⁾. Имъ, вѣрнымъ и мудрымъ дѣлателямъ въ вертоградѣ Христовомъ, заповѣдалъ Господь бодро, неусыпно и нелѣбно сохранять и оберегать свыше ввѣренный ихъ попеченію виноградъ, „дабы во онъ змій нѣкій лютый не вошелъ“ ²⁾. Преосвищ. Геденъ, архіеп. Псковскій († 1763 г.), убѣждаетъ не сомнѣваться, что „пастыри суть аки бы намѣстники Христовы и преемники званія апостольскаго“ ³⁾. Если Стефанъ Яворскій, для большей наглядности, проводитъ сравненіе между виноградникомъ и Церковью, то св. Тихонъ, епископъ Воронежскій, въ тѣхъ же видахъ, дѣлаетъ слѣдующее сравненіе: „Церковь Божія есть Домъ Божій; Господинъ Дому того есть Христосъ Господь; домашніе Его суть хрістіане; Епископъ и Пресвитеръ есть стражъ Дому того“ ⁴⁾; какъ посланникъ Божій ⁵⁾, поставленный, по слову св. апостола (Дѣян. 20, 28), на свое святое дѣло не властію человѣческой, но отъ Бога Духа Святаго ⁶⁾, епископъ и пресвитеръ долженъ съ особенною осторожностью и внимательностью пасти, охранять и стеречь овецъ Христовыхъ, „души хрістіанскія..., любимое стяжаніе Христа Сына Божія“, Который поручилъ ему ихъ, сказавъ: *паси овцы Моя* (Іоанн 21, 15—17) ⁷⁾.

¹⁾ Проповѣди Стеф. Яворскаго ч. 3, стр. 133. Москва, изд. 1805 года.

²⁾ „Диалогизмъ о преимуществахъ свящ. сана“ Варлаама Голенковскаго († 1740 г.). Изд. Кіевъ 1707 г. Листъ 23.

³⁾ Собр. разн. поученій Гедена Кривовскаго на всѣ воскр. и праздн. дни. Кіевъ, изд. 1778 г. ч. 3, листъ 113.

⁴⁾ Твор. св. Тихона, т. 13, стр. 42.

⁵⁾ Тамъ же, т. 1, стр. 154.

⁶⁾ Тамъ же, т. 9, стр. 45.

⁷⁾ Тамъ же, т. 13 стр. 44.

Съ особенною послѣдовательностію и обстоятельностью рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи пастырства въ Цевкви Христовой „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“. Истина богоучрежденности пастырства богословски доказана и обоснована въ ней на Св. Писаніи. Если вышеприведенные нами писатели говорили о божеств. началѣ и продолженіи священства кратко, то „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ раскрываетъ мысль о происхожденіи новозавѣтной іерархіи со всею неотразимою силою научной убѣдительности, посвящая разсужденію о ней отдѣльные пункты первой главы. „Священство предалъ въ Новомъ Завѣтѣ Самъ Христосъ ученикамъ Своимъ и ихъ преемникомъ“. Но чтобы кто не подумалъ, что благодать священства дарована Господомъ Іисусомъ Христомъ однимъ лишь апостоламъ и лицамъ, ими одними поставленнымъ, Книга о должностяхъ, на основаніи словъ Великаго Архіерея Спасителя міра, старается поставить вѣтъ всякаго сомнѣнія то божественное намѣреніе Небеснаго Пастыреначальника, по которому Онъ благоволилъ преподать таинство священства на всѣ времена и для всѣхъ лицъ, желающихъ священнодѣйствовать въ Его св. Церкви. Это намѣреніе Свое Господь Іисусъ Христосъ выразилъ въ то время, когда, посылая Своихъ учениковъ на всемірную евангельскую проповѣдь, заповѣдалъ имъ распространить предѣлы Церкви, научая всѣ языки истинамъ христіанской вѣры, преподавая имъ спасительныя таинства и руководя ихъ къ достиженію той высокой цѣли, для которой Искунитель и Спаситель міра благоизволилъ сойти на землю. Имъ же, св. апостоламъ Своимъ, Господь Іисусъ Христосъ изрекъ также обѣщаніе быть съ ними во вся дни, до скончанія вѣка (Мѡ. 28. 20). Но такъ какъ приведеніе въ благодатную Церковь Христову всѣхъ языковъ не могло быть, очевидно, сдѣлано евангельскою проповѣдью однихъ лишь св. апостоловъ, такъ какъ св. апостолы не могли жить „до скончанія вѣка“, а должны были прекратить свое земное существованіе, то несомнѣнно, что слова Свои Спаситель непреложно

обращалъ не къ однимъ только апостоламъ, а ко всѣмъ, безъ изъятія, преемникамъ послѣдующимъ и носителямъ благодати священства. Божественная власть, полученная св. апостолами отъ Господа Иисуса Христа, должна была перейти къ ихъ преемникамъ, чтобы такимъ образомъ дѣло искупленія и вѣра Христова, при содѣйствіи благодати, могли быть усвоены всѣми людьми во всѣхъ концахъ земли. „Яко не однимъ апостоламъ, продолжаетъ „Книга о должностяхъ“..., но и преемникомъ ихъ, епископомъ и пресвитеромъ сіе служеніе предаде Христосъ, явно изъ послѣдующаго тамъ же обѣщанія Христова: *и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*. Апостолы до скончанія вѣка не жили, но живутъ отъ временъ апостольскихъ, и до скончанія вѣка жить будутъ, другъ по другу преемники ихъ епископы и пресвитеры. Что Павелъ апостолъ утверждая сказуетъ: *и Той (Христосъ восшедый превыше небесъ) далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители*“ (Еф. 4. 11) ¹⁾.

Священникъ *І. Тихомировъ*.

О необходимости таинствъ церкви ²⁾.

Сектанты полагаютъ, будто внѣшнія связи не нужны, такъ какъ благодать, внутренно, непосредственно дѣйствуя на душу человѣка, внутренно и невидимо связываетъ его съ другими вѣрующими въ одно тѣло. Но противъ этого утвержденія говоритъ вся исторія божественнаго промысленія и домостроительства, ясно свидѣтельствующая, что обычный способъ божественнаго воздѣйствія на міръ и на человѣка есть способъ только посредствующій. Хотя Богъ Самъ милостиво промышляетъ о мірѣ, Самъ „поддерживаетъ природу

¹⁾ Кн. о долги. пресв. прих. §§ 1—4.

²⁾ См. № 28-й за 1898 годъ.

каждаго существа во вселенной, какъ относительно сущности, такъ относительно способностей и дѣятельности онаго“, однако это не значить, что Онъ непосредственно вмѣшивается въ каждое частное явленіе міра и въ каждое дѣйствіе тварей; но, „преднаписавши однажды тварямъ законы и указавши цѣль, Онъ наблюдаетъ за исполненіемъ Своихъ законовъ“ (Догм. бог. Ант., стр. 96), посредствомъ которыхъ и совершается промыслительное міроуправленіе. Такъ, въ низшей, неодушевленной природѣ все производится, несомнѣнно, единою божескою силою, тѣмъ же всесильнымъ словомъ, которымъ „въ началѣ небеса утвердишася“; но для произведенія частныхъ дѣлъ эта божеская сила употребляетъ различныя средства: земля, напр. ежегодно обновляется, „во одежду нову облакается“ при дѣйствіи силы Божіей; но эта сила Божія не иначе производитъ ея оживленіе, какъ чрезъ теплоту воздуха, чрезъ влажность облаковъ, ниспосылая дожди и росы. Такимъ же точно образомъ Премудрый Богъ дѣйствуетъ и въ человѣческой природѣ, — и не только въ человѣческой, но и въ самомъ ангельскомъ мірѣ, и въ мірѣ благодати. И въ этомъ послѣднемъ, безъ сомнѣнія, преднаписаны однажды навсегда извѣстные законы, которые и дѣйствуютъ всегда одинаковымъ образомъ, производя частныя дѣла оправданія и спасенія чрезъ установленныя Самимъ Богомъ средства. Вѣра, та основа душевной жизни, присутствіемъ которой въ душѣ христіанина сектанты думаютъ устранить необходимость таинствъ, какъ орудій сообщенія благодати, подтверждаетъ неизбѣжность средствъ въ дѣлѣ оправданія и спасенія человѣка благодатію. Являясь въ душѣ человѣка „плодомъ Духа“, какъ подаваемая „Тѣмъ же Духомъ“ (1 Кор. 12, 9), что и другіе благодатные дары, и утверждаемая не „на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей“ (1 Кор. 2, 5), вѣра возникаетъ въ нашемъ умѣ и сердцѣ не отъ одного только дѣйствія благодати на душу, но и чрезъ видимое средство: Такимъ средствомъ является проповѣдь Слова Божія, а лицомъ посредствующимъ—проповѣдникъ и учитель.

Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ такъ свидѣтельству-
етъ объ этомъ: „всякій, кто призоветъ имя Господне, спа-
сется. Но какъ призывать Того, въ Кого не увѣровали? какъ
вѣровать въ Того, о Комъ не слыхали? какъ слышать безъ
проповѣдующаго? И какъ проповѣдывать, если не будутъ по-
сланы?... Итакъ, вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ Слова
Божія“ (Римл. 10, 13 — 15. 17). Скажутъ, что посредства
нужны лишь при обращеніи къ христіанству и не нужны
для обратившагося и вѣрующаго. Но почему же всемогуще-
ство Божіе, устраняющее необходимость средствъ послѣ
призванія человѣка, прибѣгаетъ къ нимъ до обращенія? Развѣ
Слово Божіе, производящее въ сердцѣ человѣка вѣру, послѣ
того какъ послѣдняя возникла, становится ненужнымъ? развѣ
вѣрующій не нуждается болѣе въ освященіи своего сердца
заключенной въ Словѣ Божіемъ истиной? Если же нужно,
то не ясно ли, что для увѣровавшаго посредства необходимы
и послѣ обращенія, и чѣмъ совершеннѣе и плодотворнѣе эти
посредства, чѣмъ болѣе изливается чрезъ нихъ благодати Бо-
жіей, тѣмъ болѣе они способны утолить духовную жажду,
тѣмъ, слѣдовательно, необходимѣе.

Итакъ, благодать дѣйствуетъ обычно чрезъ видимыя по-
средства. Этого требуетъ сама природа вещей. Человѣкъ и
сообщающій благодать Духъ Божій—это два совершенно раз-
личныя начала. Первый въ лучшей части своего состава ду-
шевенъ,—Второй—чистѣйшій и совершеннѣйшій Духъ; пер-
вый—тварь,—Второй—Творецъ, Господь и Владыка; первый
—слабъ, немощенъ, убогъ,—Второй—всесиленъ, всемогущъ и
вседоволенъ; первый—грѣховенъ,—Второй—святъ и непоро-
ченъ; первый, какъ душевный по природѣ, „не принимаетъ
того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это
безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надоб-
но судить духовно“ (1 Кор. 2, 14),—Второй хочетъ, „чтобы
всѣ люди спаслись, и достигли познанія истины“ (1 Тим. 2,
4);—словомъ, первый—тьма, хотя и не лишенная проблесковъ
свѣта,—Второй—свѣтъ, въ которомъ *нѣтъ тьмы ни единыя.*

и открывая дѣла свои“ (Дѣян. 19, 18); оттого и ап. Іоаннъ возвѣщаетъ: „если *исповѣдуемъ* грѣхи наши; то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши, и очиститъ насъ отъ всякой неправды“ (1 Іоан. 1, 9). Если *исповѣдуемъ*, то *проститъ*. Иначе и быть не можетъ: если не исповѣдуемъ, то не узнаетъ о нашихъ грѣхахъ имѣющій власть „отпускать“ ихъ; если же не узнаетъ, то и не простятся.

Еще болѣе ясно учить Св. Писаніе о необходимости внѣшнихъ видимыхъ дѣйствій для низведенія благодати священства. Эти внѣшнія дѣйствія настолько необходимы, что Самъ Іисусъ Христосъ, сообщая апостоламъ благодать священства по воскресеніи Своемъ, счелъ нужнымъ употребить особый внѣшній знакъ для показанія дѣйствительности благодати священства — дуновеніе. И св. апостолы, когда, по мѣрѣ увеличенія Церкви, не успѣвая сами бывать всюду и всегда, вынуждены были поставлять на дѣло служенія лицъ, тщательно испытанныхъ, стали преподавать Божественный даръ священства *не иначе*, какъ чрезъ особый видимый знакъ — возложеніе рукъ. Вездѣ, гдѣ говорится о сообщеніи вѣрующимъ правъ папства и учительства, свидѣлствуется и о томъ, что таковая подавалась чрезъ особое видимое дѣйствіе — возложеніе рукъ. (Дѣян. 6, 3—6; 2 Тим. 1, 6; 1 Тим. 4, 14; Дѣян. 14, 23 и др.). Такъ поставлять лицъ іерархическихъ обязали апостолы и своихъ преемниковъ (1 Тим. 5, 22; Тит. 1, 5 и др.).

Были какія-нибудь внѣшнія священнодѣйствія въ вѣкъ апостольскій при совершеніи таинства брака и какія именно, за недостаткомъ на этотъ счетъ указаній въ Словѣ Божіемъ, сказать нельзя; но несомнѣнно, что и въ бракѣ особая благодать подавалась чрезъ какое-либо внѣшнее дѣйствіе, вѣрнѣе всего — тожественное по сущности своей съ нынѣ совершаемымъ.

Что же касается, наконецъ, подаванія благодати въ таинствахъ елеосвященія, то изъ свидѣтельства св. ап. Іакова

очевидно, что таковая подавалась чрезъ помазаніе елеемъ (Іак. 5, 14—15).

Такимъ образомъ, всѣ приведенныя выше возраженія сектантовъ противъ необходимости таинствъ, какъ орудій, чрезъ которыя подаются вѣрующимъ благодатныя дары Св. Духа, оказываются не только не имѣющими основанія, но и прямо противорѣчащими ясно выраженному ученію искупителя и могутъ быть объяснены однимъ только тупымъ упорствомъ и неразумнымъ ожесточеніемъ отщепенцевъ отъ Церкви Православной.

К. Первозниковъ.

Замѣтка объ Ильинской пятницѣ.

Послѣдняя пятница предъ Ильинымъ днемъ (предъ 20-мъ іюля) отмѣчается во многихъ мѣстахъ Великороссіи, особенно на сѣверѣ. Это—одна изъ 12 пятницъ предъ великими праздниками, которыя особенно чтитъ народъ. Въ извѣстномъ апокрифическомъ „Сказаніи о 12 пятницахъ“ о ней говорится: „седьмая пятница предъ Ильею пророкомъ; кто сію пятницу постится, тотъ отъ грома и молніи избавленъ будетъ“. Въ эту пятницу простой народъ непремѣнно ожидаетъ грозу, которая будто бы рѣдко обходится безъ человеческихъ жертвъ; отъ этого Ильинская пятница въ народномъ представленіи является грозною и страшною. День ея на сѣверѣ проводятъ въ строгомъ постѣ; многіе въ продолженіе его ничего не ѣдятъ. Въ этотъ день не работаютъ, не косятъ, не жнутъ, иначе „матушка пятница“ за непочтеніе своего дня попалитъ скошеное сѣно или сжатый хлѣбъ. Празднованіе этого дня въ иныхъ мѣстахъ выражается теперь въ общественныхъ молебствіяхъ и крестныхъ ходахъ по полямъ и лугамъ. Свое значеніе грозового дня Ильинская пятница получила отчасти отъ тѣхъ жаркихъ іюльскихъ дней, на которые она падаетъ, и въ которые чаще всего случаются грозы, а главное — отъ слѣдующаго за ней праздника въ

честь пророка Іліи, которому она служить какъ бы предвѣріемъ. Память пророка Іліи чествуется на сѣверѣ не только 20-го іюля, но и въ продолженіе цѣлой предшествующей этому дню недѣли, въ которой особенно выдѣляется „Ильинское воскресеніе“ и „Ильинская пятница“. Основанія же того, что Ильинская пятница проводится въ строгомъ постѣ нужно искать въ древне-русскомъ народно-юридическомъ установленіи такъ называемыхъ „обѣтныхъ пятницъ“. Объ установленіи празднованія этихъ пятницъ отъ 16-го вѣка сохранились особые акты: „заповѣдныя росписи“. Въ эти пятницы „міръ добровольно налагалъ на себя исполненіе какихъ либо нравственно-религіозныхъ подвиговъ, напр., совершеннаго воздержанія отъ пищи, особыхъ богомоленій, приношеній въ церковь и т. п. Устанавливались онѣ чаще всего по случаю или для предотвращенія общественныхъ бѣдствій — засухи, обильныхъ дождей, скотскаго падежа; а такъ какъ подобныя бѣдствія всегда особенно угрожаютъ и дѣйствительно чаще всего случаются около Ильина дня — въ Ильинскую недѣлю, то въ концѣ концовъ празднованіе „обѣтныхъ пятницъ“ свелось къ особому строго воздержанному провозженію пятницы предъ Ильинымъ днемъ. Во многихъ мѣстахъ Россіи ко дню Ильинской пятницы приурочивается празднованіе въ честь св. мученицы Параскевы-пятницы, память которой по церковному календарю празднуется 28-го октября. Обычай праздновать память св. Параскевы въ Ильинскую пятницу доселѣ существуетъ въ окрестностяхъ Петербурга.

З а м ѣ т к и.

Синодалыныя книгошны. Московская Синодальная типографія—учрежденіе, слишкомъ три столѣтія служащее религіозно-нравственному просвѣщенію, вступила нынѣ на новый путь въ своей многовѣковой дѣятельности на пользу русскаго народа. Являясь разсадникомъ богослужебныхъ и духовно-

нравственныхъ книгъ, она не могла оставить безъ вниманія тотъ классъ населенія, который больше и прежде другихъ требуетъ руководства въ своемъ нравственномъ воспитаніи. Распространеніе духовно-нравственныхъ книгъ среди крестьянскаго населенія—вотъ одна изъ главныхъ задачъ, которую поставила себѣ старѣйшая русская типографія. Крайняя ограниченность въ средствахъ, отдаленность большинства нашихъ поселеній отъ центровъ просвѣщенія, невозможность, а иногда и неумѣніе пользоваться услугами почты и телеграфа—таковы препятствія, съ которыми встрѣчается жажда духовнаго просвѣщенія въ простомъ народѣ. Между тѣмъ кому неизвѣстно, какъ любить нашъ простолюдинъ почитать и послушать что-нибудь „изъ Божественнаго“. Что эта жажда велика, что жаждущіе такъ стремятся получить удовлетвореніе, это не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Достаточно привести слѣдующіе два факта, извѣстные Синодальной типографіи, сильные по своей убѣдительности и трогательной простотѣ. Вотъ, напримѣръ, крестьянка, живущая въ глуши, вдали отъ города; съ разными препятствіями добивалась возможности переслать въ Москву свою просьбу о высылкѣ ей какихъ-либо книгъ и предлагаетъ за это вышитое ею полотенце. А вотъ крестьянинъ, живущій въ подобныхъ же неблагоприятныхъ условіяхъ, прося выслать книги, предлагаетъ вмѣсто книгъ, которыхъ нѣтъ у него, нитки, скрученные имъ зимой.

Въ глубокомъ сознаніи настоящей необходимости придти на помощь этому ищущему духовной пищи народу, Синодальная типографія рѣшила прибѣгнуть къ испытанному давно разными обществами средству вѣрнаго и удобнаго распространенія книгъ въ народѣ — именно воспользоваться услугами книгоношъ. Эти труженики на нивѣ народной со своимъ коробомъ могутъ проникнуть въ такіе уголки нашего необъятнаго отечества, гдѣ еще не проложены усовершенствованные пути сообщенія. Встрѣтивъ горячее сочувствіе и дѣятельную поддержку со стороны Оберъ-прокурора Св. Св-

нода К. П. Побѣдоносцева, Московская типографія въ короткое время достигла большихъ успѣховъ въ этомъ новомъ дѣлѣ. Въ теченіе какихъ-нибудь полтора года ея книгоноши успѣли побывать во многихъ мѣстностяхъ средней и южной Россіи, Крыма и Кавказа, являясь то на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, то на фабрикахъ, въ тюрьмахъ и казармахъ, и даже на судахъ Черноморскаго Флота, а нынѣшнимъ лѣтомъ маршрутъ ихъ направленъ на крайній сѣверъ, въ глушь тундръ и лѣсовъ. Добросовѣстность и честность въ исполненіи своихъ обязанностей этихъ въ буквальномъ смыслѣ носителей духовнаго просвѣщенія достаточно обезпечивается тѣмъ учрежденіемъ, отъ имени котораго они дѣйствуютъ. Показываясь то тамъ, то здѣсь по селамъ и деревнямъ, книгоноши Синодальной типографіи не только служатъ дѣлу просвѣщенія, но и представляютъ собою серіозный противовѣсъ сектантскимъ пропагандистамъ, неустанно и неослабно раскидывающимъ свои сѣти надъ православнымъ народомъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, довольно было короткаго знакомства съ внутреннимъ содержаніемъ и внѣшнимъ видомъ синодальныхъ изданій, предлагаемыхъ книгоношами, чтобы эти изданія получили полное преобладаніе. Каждый, кому дорого просвѣщеніе нашего народа, не можетъ не порадоваться этимъ успѣхамъ и не пожелать отъ души этому святому дѣлу дѣятельной поддержки съ разныхъ сторонъ. Говоря объ этой поддержкѣ, нельзя не отнестись съ чувствомъ глубокой благодарности къ тѣмъ лицамъ, которыя уже оказали свое содѣйствіе. Такъ, министры Финансовъ и Путей Сообщенія, по ходатайству Оберъ-прокурора Св. Синода, доставили Московской Синодальной типографіи возможность пользоваться десятью годовыми билетами для бесплатнаго

проѣзда во 2-мъ классѣ по желѣзнымъ дорогамъ и бесплатно перевозкой по всѣмъ линіямъ до 400 пудовъ книгъ въ теченіе года. Дай Богъ, чтобы это содѣйствіе не ослабѣвало и дало возможность развиться новому, въ высшей степени полезному учрежденію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

(Моск. Вѣд. 1898. № 152).

Обычай обхожденія крестнымъ ходомъ засѣянныхъ полей.

Изстари ведется въ Подоліи обычай освящать въ Троицынъ или другой праздничный день засѣянные поля. Освященіе полей совершается въ ту именно пору, когда молодая пашня уже значительно поднимается и имѣетъ уже колоситься, когда она такъ нуждается въ помощи Божіей. Сбросивъ съ себя ледяной покровъ, молодые побѣги ржи и пшеницы подъ живительными лучами весенняго солнца, подъ животворными каплями теплаго дождя, превращаются мало-помалу въ цѣлое изумрудное море, красиво волнующееся при легкомъ вѣтеркѣ. Но вотъ начинаются грозы, дающія мало влаги, но угрожающія градомъ, или настаетъ засуха, — и тревожное предчувствіе обнимаетъ хлѣбопашца. Тяжело вздыхаетъ крестьянинъ, съ тревогой смотритъ на поля крупный земледѣлецъ, да и сельскій священникъ, видя въ урожаѣ главное средство для воспитанія своей семьи, съ мольбой взираетъ на небо. Естественнo въ такую минуту обратиться съ нарочитою молитвою къ Господу Богу и испросить „благорастворенія воздухoвъ“ для сохраненія посѣвовъ отъ града и „дожди благовременны“ для орошенія хлѣбныхъ растеній. И вотъ селяне просятъ батюшку обойти съ молитвой ихъ поля, окропить ихъ святой водой и благословить будущій урожай. Сговариваются о днѣ, и предувѣдомленные заранѣе о семъ крестьяне отъ мала до велика собираются въ церковь и принимаютъ участіе въ крестномъ ходѣ. Тотчасъ послѣ литургіи молодыми, нарядно одѣтыми дѣвицами износятся изъ храма на погостъ особыя иконы, украшаются живыми цвѣ-

тами, парни берутъ хоругви, почетные хозяева — небольшія иконы. Священникъ съ крестомъ въ рукѣ и съ возгласомъ: „съ миромъ изыдемъ“ выходитъ изъ церкви. Вся эта тысячная толпа направляется первоначально къ колодцу для освященія воды; затѣмъ отправляются въ поле. По пути слѣдованія крестнаго хода селомъ по очереди выдѣляются домохозяева и, ставъ на колѣни противъ своихъ домовъ, просятъ прочесть св. евангеліе. Медленно подвигается крестный ходъ, такъ какъ желающихъ прослушать евангеліе много. Но вотъ и „колыворотъ“, а тамъ уже и безбрежное море пашень. „Иисусе Сладчайшій, спаси насъ!...“ „Пресвятая Богородице, спаси насъ“... поетъ священникъ, и за нимъ устами хора тѣ же слова повторяетъ и вся толпа народа. Кто разъ видѣлъ эту чудную картину, тому не забыть того подъема религіознаго духа въ народѣ, который проявляется въ этомъ общемъ моленіи подъ открытымъ ясно-синимъ небомъ, у плавныхъ волнъ, зеленѣющихъ нивъ. Священникъ окропляетъ эти нивы, кое-гдѣ также читаетъ евангеліе, произносить литіи... Но вотъ и привалъ. Значительный путь пройденъ, и всѣхъ томитъ усталость и жажда. Услужливыя крестьянки-хозяйки и „сестрицы“ (члены братства) предлагаютъ угощеніе. Останавливаются для отдыха обыкновенно гдѣ-нибудь между двумя стѣнами колосистой ржи, по близости къ роднику, гдѣ можно освѣжиться холодной влагой. Священникъ пользуется этимъ временемъ общаго подъема духа въ прихожанахъ и ведетъ сердечную бесѣду объ искорененіи въ народѣ того или другаго порока, того или другаго нежелательнаго явленія въ приходской жизни... Идетъ тихая сердечная бесѣда пастыря съ паствой, отца съ дѣтьми... А молодые дѣвицы въ ту пору вдали плетутъ вѣнки изъ колосьевъ ржи и васильковъ, чтобы ими украсить хоругви и крестъ. Но вотъ и отдохнули. Шагъ за шагомъ крестный ходъ подвигается дальше и дальше. Всю дорогу по желанію прихожанъ поются молебны и читаются евангелія. Только глубокими сумерками крестный ходъ возвращается въ церковь. Священникъ еще

разъ произносить сугубую ектенію и совершается отпустъ. Къ сожалѣнію, этотъ стародавній обычай обхожденія крестнымъ ходомъ полей въ нѣкоторыхъ приходахъ выводится: то крестьянамъ некогда — имъ нужно спѣшить въ ближайшее мѣстечко къ базару, то священнику недосугъ, то что-нибудь иное мѣшаетъ совершить этотъ крестный ходъ, — такъ и проходитъ весна. На другой годъ также не соберутся обойти пашни съ молитвой; такъ мало-помалу и выводится этотъ обычай. А между тѣмъ сколько въ немъ высокой поэзіи для хлѣбопашца, сколько поводовъ пастырю сблизиться съ своей паствой, имѣть на нее доброе благотворное вліяніе!

(Подольск. Еп. Вѣд. 1898. № 18).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанниій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 24 іюня 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатики, собств. домъ № 40.

Естественно, что прямого и исключительно непосредственного внутреннего общенія между человѣкомъ и сообщаемымъ ему Духомъ Божиимъ — общенія, такъ сказать, „лицемъ къ лицу“ нѣтъ и быть не можетъ; естественно, что „теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно и „знаемъ только отчасти“ (1 Кор. 13, 12). Внутреннее непосредственное общеніе человѣка, съ благодатію Божію общеніе „лицемъ къ лицу“ послѣдуетъ лишь тогда, когда тлѣнное наше облечется въ нетлѣніе, и смертное наше облечется въ безсмертіе“ (2 Кор. 15, 54), „когда настанетъ совершенное“ (1 Кор. 13, 10). Тогда только „то, что *отчасти*, прекратится“ (тамъ же). До наступленія же этого блаженнаго времени благодать Божія дѣйствуетъ на насъ только чрезъ видимыя священнодѣйствія и знаки. И это не потому, чтобы всемогущество Божіе не въ силахъ было совершить наше спасеніе безъ видимыхъ посредствъ, а потому, что мы безъ нихъ не можемъ усвоить совершеннаго Богочеловѣкомъ искупленія. Мы не нуждались бы во внѣшнихъ посредствахъ для усвоенія благодати только въ томъ случаѣ, если бы природа наша была чисто духовная, если бы не имѣли внѣшней оболочки, которая мѣшаетъ намъ принимать „то, что отъ Духа Божія“. Но такъ какъ мы вмѣстѣ съ душою имѣемъ и тѣло, которымъ душа наша ограничена настолько, что даже на высшей ступени земнаго развитія не можетъ совершенно освободиться отъ узъ чувственности ни въ своихъ познаніяхъ, ни въ чувствованіяхъ, ни въ практической и религіозно-нравственной жизни; то необходимо, чтобы и спасительныя средства освященія и совершенія духовнаго были духовно-чувственныя. „Если бы ты,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—былъ безтѣлесенъ, то Богъ преподавалъ бы тебѣ дары Свои въ ихъ готовѣ; но поелику душа твоя соединена съ тѣломъ, то и подаются тебѣ дары сн въ чувственныхъ видахъ“. Для того, чтобы воспользоваться посылаемою благодатію во спасеніе, необходимо не только *знать*, что по заслугамъ Иисуса Христа благодать подается вѣрующимъ въ Него, но и *быть увѣ-*

реннымъ въ томъ, что она дѣйствительно подана. Какъ же можетъ быть въ душѣ человѣка эта увѣренность, если какимъ-нибудь чувственнымъ, нагляднымъ образомъ не отмѣтить времени, въ которое эта спасительная сила Божія сообщается душѣ? Чувственнымъ взоромъ или какими бы то ни было другими чувственными способами постигнуть незримое и непостижимое вѣяніе Духа Божія не возможно. Правда, особенные избранники Божіи иногда ясно ощущали и признавали въ себѣ непосредственное дѣйствіе Духа Божія и засвидѣтельствовали это предъ другими многочисленными чудесами. Но для этого нужно имѣть въ высшей степени развитую жизнь духа, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать о большинствѣ христіанъ. Да и тѣ, которые достигли извѣстной высоты духовной жизни, не защищены совершенно отъ опасностей. Чувственная природа человѣка съ живущими въ ней похотями плоти, очесъ и гордости житейской окончательно не подавляется господствомъ духа. Она подобна могучему и вооруженному врагу, который, привыкши повелѣвать самъ, если ему придется подпасть власти другого, тѣмъ болѣе угнетается и тѣснится, тѣмъ болѣе проникается злобою, тѣмъ сильнѣе разгорается огнемъ желанія возвратить себѣ потерянное господство и не хочетъ успокоиться ни на часъ, всячески пытаясь поднять противъ подчинившагося его врага всю свою силу, чтобы отомстить за свое униженіе и позоръ. Это—плѣнникъ, тѣмъ болѣе опасный и жестокій, что у него множество незримыхъ для человѣка, но сильныхъ союзниковъ. Послѣдніе стараются всѣми средствами усыпить бодрость духа и, когда это имъ удастся, когда духъ начинаетъ погружаться въ дремоту, понемногу уязвляютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ или не очнется подъ вліяніемъ будящей духъ благодати, или, обезсиленный мелкими, но сильными уколами, окончательно не уснетъ. Погруженіе же въ духовную дремоту опасно въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, смежающимся очамъ дремлющаго можетъ показаться благодатію то, что представляетъ собою обольщеніе пло-

ти или діавола; ослабѣвающему слуху въ голосѣ чувственныхъ, но искусно прикрытыхъ оболочкою какъ бы нѣкоей духовности вождельній можетъ послышиться голосъ божественной благодати; тупѣющему сознанію прикосновеніе діавола можетъ показаться прикосновеніемъ Духа Божія. Съ другой стороны, дремлющія очи видя могутъ не видѣть приближающейся къ такому человѣку благодати; засыпающій слухъ можетъ не уловить чуднаго полного небесной тихой музыки благодатнаго гласа, духовное осязаніе можетъ не замѣтить нѣжнаго прикосновенія благодатнаго предостереженія. Примѣры многочисленныхъ христіанскихъ подвижниковъ всѣхъ временъ и народовъ ясно свидѣтельствуютъ о тѣхъ обольщеніяхъ, искушеніяхъ и соблазнахъ, которыми преисполненъ путь христіанскаго совершенствованія, вслѣдствіе козней исконнаго врага человѣкоубійцы-діавола, нерѣдко принимающаго видъ *ангела сѣтла* для уловленія въ свои лукавыя сѣти всѣхъ возстающихъ противъ его власти и господства. Оттого-то всегда люди, чувствовавшіе свое безсиліе въ познаніи божественнаго, искали чувственного знака присутствія благодати. Геденъ, когда услышалъ повелѣніе ангела Господня: „иди въ крѣпости твоей сей, и спасеши Израиля отъ руки Мадіамли и се послахъ тя“ (Суд. 6, 14), отвѣчалъ Посылавшему его: „аще обрѣтохъ благодать предъ очима Твоима, и да сотвориши мнѣ днесь знаменіе, яко Ты глаголеши со мною“ (ст. 17). Оттого-то иногда и особые избранники Божіи не сразу постигали бывшія имъ благодатныя явленія. Такъ, у шедшихъ въ Эммаусъ учениковъ Христовыхъ, по собственному ихъ выраженію, „горѣло сердце“, когда приставшій къ нимъ на дорогѣ Іисусъ Христосъ говорилъ имъ и изъяснялъ писаніе (Лук. 24, 32), и носилось въ ихъ сердцѣ вѣяніе благодатнаго присутствія Сына Божія; но постигли они это только тогда, когда присутствіе Спасителя обнаружилось знакомымъ имъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, когда „познался“ имъ Господь въ преломленіи хлѣба (Лук. 24, 30—32). Иногда благодатныя явленія казались людямъ,

удостоившимся ихъ, явленіями естественными и даже дѣйствіями темной, враждебной силы. Такъ было съ Самуиломъ. Божественный голосъ онъ принималъ два раза за голосъ Ілія и только послѣ троекратнаго зова, и то по указанію Ілія, понялъ, что это голосъ удостоившаго его Своимъ явленіемъ Господа (1 Цар. 3, 4—11). Такъ было съ апостолами, когда они, увидѣвъ ставшаго „посредѣ ихъ“ со словами: „миръ вамъ“ Господа Іисуса, испугались и подумали, что видятъ духа, „отрѣшеннаго отъ тѣла и пришедшаго изъ шеола, или тѣнь, имѣющую призрачное тѣло, что, слѣдовательно, это мертвецъ явился имъ“ (Толков. еванг. Михаила, кн. 2, стр. 638), а снисходящій къ слабостямъ людей Владыка, успокоивъ ихъ полными ласки словами: „что смущаетесь, и для чего такія мысли входятъ въ сердца ваши?“ далъ имъ знаменіе Своего присутствія: „посмотрите,—сказалъ Онъ, — на руки Мои и на ноги Мои: это Я Самъ; осяжите Меня, и рассмотрите; ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня“ (Лук. 24, 36—39). Если же Спаситель во время Своего земного служенія съ укоромъ говорилъ о тѣхъ, которые знаменія ищутъ, присовокупляя, что такого знаменія имъ не дастся, то этихъ словъ нельзя противопоставлять православному ученію объ установленіи таинствъ, какъ видимыхъ проводниковъ благодати: они были направлены противъ тѣхъ ослѣпленныхъ духовно, которые видя не хотѣли видѣть и слыша не хотѣли слышать, упорствуя въ своемъ ожесточеніи. Это—обличеніе хулы на Духа Святаго.

Признаніе вѣры единственнымъ условіемъ спасенія, отрицаніе всякихъ внѣшнихъ средствъ въ дѣлѣ оправданія и спасенія человѣка есть въ сущности отрицаніе не только видимой Церкви, но и всего христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, если для спасенія нужна только внутренняя вѣра, порождаемая къ тому же благодатію; если спасаетъ только внутреннее прикосновеніе благодати къ душѣ человѣка, безъ всякой самодѣтельности и усилій со стороны послѣдняго: то зачѣмъ вся внѣшняя исторія домостроительства? къ чему цѣлый рядъ

чудесъ и знаменій? зачѣмъ такое обиліе свидѣтельствъ и свидѣтелей? для чего апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя? на что, наконецъ, Слово Божіе? Чтобы, съ одной стороны, не лишить человѣка высшаго дарованнаго ему при твореніи преимущества — нравственной свободы, съ другой — не оставить его на произволъ его собственнаго разума, лишеннаго способности непосредственно постигать дѣйствія на него благодати, Господь сообщая благодать человѣку, даровалъ ему извѣстные, разъ на всегда и для всѣхъ людей опредѣленные видимые признаки полученія ея, которые бы увѣряли человѣка въ томъ, что благодать ему дарована. Такіе признаки и поданы человѣку въ видѣ таинствъ церковныхъ. О нихъ Писаніе въ различныхъ мѣстахъ ясно, точно и опредѣленно, безъ всякихъ иносказаній и притчей свидѣтельствуешь, что они нужны именно какъ *орудія*, чрезъ которыя подается вѣрующимъ во Христа необходимая для спасенія Божественная благодать Его. Такъ, необходимость *внѣшняго* священно дѣйствія для *воспріятія* благодати возрождающей прямо и положительно засвидѣтельствовалъ Самъ Иисусъ Христосъ, когда въ бесѣдѣ съ Никодимомъ сказалъ, что „если кто не родится *отъ воды* и Духа, то не можетъ войти въ царствіе Божіе“ (Іоан. 3, 5). Не сказалъ: „отъ Духа и воды“, чтобы не подумали, что человѣкъ возраждается благодатію *прежде* совершенія надъ нимъ дѣйствій крещенія водою, которыя, въ такомъ случаѣ, явились бы только символами, напоминающими намъ о совершенномъ искупленіи; а сказалъ: „отъ воды и Духа“, ясно давая этимъ знать, что рожденіе „отъ Духа“ или полученіе благодати крещенія происходитъ *не иначе*, какъ при „рожденіи отъ воды“, т. е., при совершеніи внѣшнихъ дѣйствій таинства. Что этотъ внѣшній знакъ таинства Спаситель считалъ не символомъ только, какъ превратно толкуютъ это сектапты, а *орудіемъ, проводникомъ* благодати, ясно доказываетъ то, что Самъ Онъ, не имѣя надобности ни въ какихъ символическихъ напоминаніяхъ о чемъ бы то ни было, принялъ крещеніе, и что въ то

именно время, *т. е.*, когда выходилъ Иисусъ изъ воды“ (Марк. 1, 10), разверзлись небеса, и Духъ, какъ голубь, сходилъ на Него (тамъ же). Своимъ примѣромъ Сынъ Божій наглядно показалъ, что вѣрующимъ въ Него можно возродиться не иначе, какъ только чрезъ посредство внѣшняго дѣйствія—таинства крещенія. По воскресеніи Своемъ, посылая апостоловъ на проповѣдь, Господь снова подтвердилъ это, какъ неизмѣнный и непреложный законъ, заповѣдая апостоламъ „научить всѣ народы, *крестя* ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа“ (Мѳ. 28, 19). Такъ и поняли заповѣдь Божественнаго Учителя Его боговдохновенные преемники, а потому сами всегда и вездѣ возрождали вѣрующихъ *не иначе*, какъ посредствомъ крещенія въ водѣ. Такъ, ап. Петръ въ день сошествія Св. Духа на апостоловъ „умилившимся сердцемъ“, вслѣдствіе вдохновенной проповѣди его, слушателямъ на вопросъ: „что намъ дѣлать, чтобы спастись?“ отвѣчалъ: „покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ; и получите даръ Св. Духа“ (Дѣян. 2, 37—38), давая ясно разумѣть, что для полученія дара Св. Духа *внѣшнее дѣйствіе таинства крещенія настолько же необходимо, какъ и вѣра во Христа и покаяніе*. Такъ же точно и самаряне, „когда *повѣрили* Филиппу, благовѣствующему о царствіи Божіемъ и о имени Іисуса Христа: то *крестились* и мужчины и женщины“ (Дѣян. 8, 12). Мало того, что *повѣрили*, нужно было еще непременно *креститься водою*: иначе не получили бы крещенія Духомъ. Такъ былъ принятъ въ лоно Церкви и евнухъ дарицы Еѳіопской; такъ были приняты всѣ тѣ, объ обращеніи которыхъ говорится въ книгѣ Дѣяній; такъ были приняты и всѣ христіане апостольскихъ временъ, какъ свидѣтельствуется ап. Павелъ (1 Кор. 12, 13; Тит. 3, 5). Совершеніе таинства крещенія въ сознаніи вѣрующихъ апостольскихъ временъ представлялось настолько необходимымъ для вступленія въ Церковь и полученія благодати возрожденія, что когда, по особому дѣйствію Промысла Божія, „Духъ Св. сошелъ на всѣхъ

слушавшихъ“ слово ап. Петра въ домѣ Корнилія сотника, вѣрующіе удивились этому, какъ явленію необычайному, и самъ ап. Петръ, не смотря на явное сошествіе на нихъ Св. Духа, счелъ нужнымъ „крестить ихъ водою“ (Дѣян. 10, 44 — 47), желая засвидѣтельствовать, что *возможность необычайнаго способа дѣйствія благодати не устраняетъ необходимости таинства, какъ обычнаго способа подавлянія благодати.*

Тоже свидѣтельствуетъ Писаніе и относительно другого таинства, въ которомъ подаются вѣрующимъ *божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3). Чтобы получить эти божественныя силы, недостаточно было только вѣровать, какъ утверждаютъ сектанты, но необходимо было и особое таинство, посредствомъ котораго низводились эти силы на вѣрующихъ въ Христа. Въ вѣкъ апостольскій это таинство совершалось чрезъ возложеніе рукъ на крещеннаго, въ наше же время — чрезъ замѣнившее его миропомазаніе. Если бы можно было получить дары Св. Духа, необходимые „къ животу и благочестію“, *только по вѣрѣ*, то „находившіеся въ Іерусалимѣ апостолы, услышавъ, что самаряне приняли Слово Божіе“ (Дѣян. 8, 14), не имѣли бы надобности посылать Петра и Іоанна для низведенія на нихъ Св. Духа (Дѣян. 8, 15), Который не сходилъ еще на этихъ самарянъ, хотя они уже и увѣровали (ст. 12. 16) и, слѣдовательно, если принять лжеумствованія сектантовъ, должны были бы получить Св. Духа непосредственно, безъ всякихъ внѣшнихъ дѣйствій и содѣйствій. Петръ и Іоаннъ, пришедши, „помолись о (самарянахъ), чтобы они приняли Духа Св.“ (8, 15); но и послѣ этого Духъ Св. сошелъ не тотчасъ же вслѣдъ за ихъ молитвой, а только тогда, когда апостолы *возложили руки*: „тогда возложили руки на нихъ, и они приняли Духа Св.“ (Дѣян. 8, 17). *Возложили, — и приняли*: очевидно, для полученія благодати необходимы, кромѣ личной вѣры крещаемого, и особые благодатные сообщители ея, и особое видимое дѣйствіе сообщенія. Въ силу той же необходимости

внѣшняго посредства для воспріятія благодати и ап. Павелъ, „нашедши нѣкоторыхъ учениковъ“ (Дѣян. 19, 1) въ Коринѣ, когда они „крестились во имя Господа Іисуса“ (ст. 5), чтобы получить имъ дары Св. Духа, *возложилъ* на нихъ *руки*. Не удовольствовался вѣрою Коринѣскихъ новообращенныхъ христіанъ, не ограничился и собственною апостольскою молитвой, а *возложилъ руки*; и не тотчасъ послѣ того, какъ увѣровали и крестились Коринѣяне, и какъ помолился о нихъ апостолъ, а „когда Павелъ возложилъ на нихъ руки, нисшелъ на нихъ Духъ Св. и они стали говорить иными языками и пророчествовали“ (Дѣян. 19, 6). Опять та же зависимость: *возложилъ руки,—и нисшелъ Духъ Св.*

Не менѣе ясно ученіе Св. Писанія о необходимости внѣшней стороны таинства и въ евхаристіи. Такими внѣшними дѣйствіями въ этомъ таинствѣ прямо, ясно и на всѣ времена Іисусъ Христосъ призналъ благословеніе и преломленіе хлѣба и вкушеніе хлѣба и вина (Мѡ. 26, 26—28; Мрк. 14, 22—24), засвидѣтельствовавъ непреложную необходимость ихъ словами: *аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ*. Плотію же и кровію Его становятся тѣ хлѣбъ и вино, которые претворяются въ таинствѣ евхаристіи Духомъ Святымъ. Такъ всегда совершалось таинство Причащенія св. апостолами, такъ должно, по заповѣди Спасителя, совершаться и до скончанія вѣка, какъ ясно свидѣтельствуется объ этомъ многократно св. ап. Павелъ (1 Кор. 11, 28. 26 и др.).

Необходимы внѣшнія дѣйствія и для полученія прощенія грѣховъ. Одною сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ и намѣренія исправить свою жизнь, по ученію Спасителя, было недостаточно для полученія прощенія грѣховъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, не было бы надобности давать апостоламъ особую власть *вязать и рѣзать* (Мѡ. 18, 18), не было бы надобности подавать имъ и особую благодать разрѣшенія отъ грѣховъ (Іоан. 20, 22—23). Оттого-то мы и видимъ, что „многіе изъ увѣровавшихъ приходили, исповѣдуя

Г О Д Ъ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ № 30. Подписка принимается въ редак-
цію руб., съ пересылкою ШЕСТЬ цѣм сего журнала, при Кіевской
рублей серебромъ. духовной Семинаріи.

1898 года, іюля 26-го.

Содержаніе: Исповѣдь духовенства и окружной духовникъ.—Обозрѣніе
проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ (про-
долженіе).—Замѣтка.

Исповѣдь духовенства и окружной духовникъ.

*По заповѣду вы святому, и сами святі во всемъ жи-
тіи будите. За не писано есть: святі будите, яко Азъ
святъ есмь (Лев. 19, 2; 1 Петр. I, 15, 16). Если слова эти
относятся ко всѣмъ вообще христіанамъ, носящимъ въ са-
момъ званіи своемъ имя призвавшаго ихъ Господа, то они
въ особенности глубоко должны быть напечатлѣны въ созна-
ніи, сердцѣ и волѣ пастыря Церкви, служа ему неизмѣн-
нымъ руководящимъ правиломъ всей его жизни. Пастырь
долженъ преуславлять въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви,
терпѣніи, подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры, держаться*

вѣчной жизни, къ которой и призванъ (1 Тим. 6, 11. 12); онъ долженъ быть бдительнымъ во всемъ (2 Тим. 4, 5), не-престанно воинствовать въ духовной жизни, какъ добрый воинъ Христовъ, имѣя въру и добрую совѣсть (1 Тим. 1, 18), неизмѣнно хранить добрый залогъ Духомъ Святымъ..., укрѣпляться въ благодати Иисусомъ Христомъ..., стараться представить себя Богу достойнымъ, дѣлателемъ неукоризненнымъ, не только вѣрно преподающимъ слово истины, но и въ жизни своей показывающимъ образецъ добрыхъ дѣлъ (2 Тим. I, 14; 2, 2. 7. 15). Иначе говоря, его долгъ—не только учить другихъ, но и въ себя вникать, чтобы, поступая такимъ образомъ, и себя спасти и слушающихъ его (1 Тим. 4, 16), и чтобы чрезъ это все пришли въ единство въры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова (Еф. 4, 13).

Но возможно ли пастырю Церкви явить въ себѣ полное совершенство въ жизни сей? Отвѣтъ всякому очевиденъ. Если Господь и въ ангелахъ Своихъ усматриваетъ нѣкоторыя несовершенства, то тѣмъ болѣе несовершенствъ можно ожидать въ людяхъ, хотя и избраннѣйшихъ въ Церкви земной и пріившихъ въ себѣ особенную благодать свыше, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую, однако не освобожденная отъ немощей плоти и живущихъ въ этомъ видимомъ мірѣ, полномъ соблазновъ и искушеній, нерѣдко столь заманчивыхъ и обольстительныхъ, часто прикрытыхъ видомъ естественности, общепринятаго обычая или даже мнимаго миролюбія, уживчивости, усиленія своего вліянія на другихъ. Грѣхъ—явленіе неизбѣжное и для пастыря Церкви, по самой ограниченности и удобопреклонности ко злу природы человѣческой. Посему и св. Іоаннъ Богословъ говоритъ: *еще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. I, 8). Мнѣнія нѣкоторыхъ сектантовъ имѣть у себя духовныхъ руководителей, которые были бы чисты всегда отъ всякаго порока, лишающаго будтобы Церковь Христову святости, чистоты и благодатной силы (напр.,

въ древности—монтанистовъ, новоціанъ, донатистовъ, въ наше время—баптистовъ и штундистовъ), оказались не состоятельными на дѣлѣ и осуждены навсегда непогрѣшеннымъ судомъ Церкви на соборахъ (1 Никейскаго 8 пр. Кареаген. пр. 128, 129 и 130 и др.). Пастыри, духовные руководители и врачи вѣранныхъ имъ душъ, могутъ подвергаться сами соблазнамъ, предаваться порокамъ и впадать въ грѣховную жизнь. Что же? Ужели нѣтъ въ этомъ отношеніи никакого различія между ними и мірянами? Есть, и должно быть, если не въ качествахъ грѣховнаго состоянія и свойствахъ грѣха, то въ силѣ и степени его. Если пастыри и впадаютъ въ грѣхи и пороки, то они должны чаще прибѣгать къ очищенію своей совѣсти церк. покаяніемъ и вообще представлять собою примѣръ постоянного самоиспытанія, исправленія своихъ пороковъ и возвышенія къ Богу. Горе тому пастырю, который среди общаго равнодушія къ вѣрѣ и христіанской добродѣтели, самъ небрежетъ объ ученіи вѣры и попираетъ правила жизни во Христѣ! Горе тому духовному вождю, который, будучи поставленъ пасти Церковь Господа и Бога, приводитъ людей къ союзу и тѣснѣйшему общенію съ Богомъ, спасать души ихъ отъ духовной смерти и гибели, самъ однако очень мало думаетъ о своемъ собственномъ спасеніи. Какъ можетъ онъ убѣдить другихъ оставить тотъ или иной порокъ, если въ немъ самомъ не видно охотнаго стремленія къ самоусовершенствованію и исправленію? Посему-то Церковь наша и предписываетъ пастырю возможно чаще прибѣгать къ духовной врачебницѣ ея-тайнству покаянія. По-елику же пастырь проходитъ свое духовное служеніе не одинъ, а совмѣстно съ другими (прочими членами клира и семействами), то Церковь простираетъ свои требованія относительно болѣе частаго очищенія совѣсти покаяніемъ и на всѣхъ членовъ причта съ ихъ женами и дѣтьми.

Бъ виду особаго положенія пастыря и прочихъ членовъ причта съ ихъ семействами среди пасомыхъ, въ практикѣ нашей Св. Церкви обязанность совершенія исповѣди сихъ

лицъ возлагается на особыхъ священниковъ, такъ называемыхъ *окружныхъ духовниковъ*. Обязанности этихъ пастырей—„духовниковъ“ настолько своеобразны, въ сравненіи съ обязанностями обыкновенныхъ духовниковъ - пастырей, насколько самъ духовный отличенъ отъ званія мірскаго по своимъ задачамъ и характеру. Въ настоящей статьѣ мы скажемъ: 1) о качествахъ, требуемыхъ отъ духовника духовенства; 2) о его обязанностяхъ; 3) о средствахъ воздѣйствія его на окружное духовенство, къ его духовному врачеванію; 4) о его пастырскихъ бесѣдахъ съ духовными дѣтьми; 5) о времени исповѣди у него; 6) о приготовленіи къ ней духовника и духовныхъ чадъ; 7) о самой исповѣди, наконецъ 8) о разрѣшеніи кающихся и епитиміяхъ ¹⁾).

1. По существующему въ нашей Россійской Правосл. Церкви положенію, „въ каждомъ благочинническомъ округѣ священнослужители избираютъ общаго духовника изъ священниковъ, отличающихся *духовнымъ разсужденіемъ, просвѣщеніемъ и честною жизнію*, и избранный представляется чрезъ консисторію на утвержденіе Епарх. Архіерея“ (Уст. дух. к-ріи, ст. 66). Подъ именемъ *духовнаго разсужденія* разумѣется основанная на духовномъ опытѣ духовная мудрость въ руководствѣ словесныхъ овецъ. Только такая мудрость способна къ надлежащей духовной наблюдательности за пасомыми, способна во-время предостеречь и предохранить ихъ отъ заблужденій, не дать развиться и укорениться въ нихъ духовнымъ недугамъ и, въ случаѣ появленія ихъ, съ успѣхомъ врачевать ихъ. Духовное разсужденіе дается только тому, кто прошелъ школу духовнаго опыта: только Іоаннъ Лѣствичникъ могъ написать *Лѣствица рая*; только

¹⁾ Пользуемся здѣсь одной дѣльной статьей, помѣщенной во 2, 3—4, 5 и 6 №№ Подольск. Епарх. Вѣд. за настоящій годъ, подъ заглавіемъ «Окружной духовникъ духовенства». Излагаемые ниже мысли взяты нами лишь въ сокращеніи изъ означенной статьи, съ нѣкоторыми несущественными добавленіями.

люди, надобные Антонію Великому, Пахомію, Макарію Египетскому, Иларіону, Антонію и Θεодосію Печерскимъ, Сергію Радонежскому, способны къ воспитанію подобныхъ себѣ людей посредствомъ духовнаго разсужденія. Такая духовная опытность дается не вдругъ, а только послѣ многолѣтняго самоиспытанія, многолѣтней борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями и похотями. Въ молодомъ священникѣ такой духовной опытности ожидать нельзя. Поэтому окружной духовникъ долженъ избираться изъ священниковъ пожилыхъ и опытныхъ въ духовной жизни.

Другое качество, требуемое отъ духовника духовенства— *просвѣщеніе*. Просвѣщеніе здѣсь разумѣется не свѣтское, а духовное, достигаемое путемъ изученія Слова Божія, правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ, церковныхъ уставовъ, „писаній отцевъ и учителей Церкви, правилъ иноческой жизни, составленныхъ великими подвижниками на основаніи духовнаго опыта, житій святыхъ, которыя представляютъ собою наглядныя картины и образцы восхожденія немощныхъ и подобострастныхъ намъ людей по лѣствицѣ рая до равноангельнаго совершенства, и руководства къ пастырству“ ¹⁾. Пастыри, отличающіеся особенною ревно-

¹⁾ Изъ Библіи духовникъ духовенства долженъ наичаще прочитывать 23 гл. пр. Іереміи, 3, 33 и 34 гл. пр. Іезекіилія и 2 гл. пр. Малахіи, въ которыхъ пророки отъ имени Самого Бога выражаютъ гнѣвъ Божій на недостойныхъ пастырей; пастырскія бесѣды Іисуса Христа съ учениками Его въ нагорной проповѣди, при отправленіи ихъ на проповѣдь, въ ученіи о добромъ пастырѣ и въ прощальной бесѣдѣ Его съ ними; прощальную бесѣду ап. Павла съ пресвитерами Ефесскими (Дѣян. 20 гл.) и пастырскія посланія его къ Тимоѳею и Титу. Для основательнаго знакомства съ правилами свв. всел. и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ духовнику духовенства слѣдуетъ имѣть и читать „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія“ Іоанна, епископа Смоленскаго. Кромѣ сего, духовнику должно имѣть и особенно прилежно читать слѣд. книги, въ которыхъ излагаются пастырскія обязанности и даются

стію къ чтенію Божественныхъ и духовныхъ книгъ, конечно, извѣстныя въ округѣ, и изъ нихъ долженъ быть избираемъ духовникъ.

Первыя два качества, требуемыя отъ окружнаго духовника, производятъ третье, а именно—*честную* его *жизнь*. Что такое *честная жизнь*? Это—жизнь не только хорошая и безукоризненная, но и вызывающая къ себѣ общее уваженіе, заставляющая другихъ воздавать человѣку за нее честь. Честная жизнь не только располагаетъ людей уважать человѣка за его нравственное совершенство, но и вліяетъ на нихъ честнымъ, духовно-облагораживающимъ образомъ. Какъ солнце, лучами своими согрѣвая землю, произращаетъ на нхъ злаки и плоды: такъ и человѣкъ честный производитъ изъ себя невидимые, духовно-благотатные лучи, которые, падая на души другихъ, раздуваютъ въ нихъ искру Божію, размягчаютъ ихъ одеревѣвшее сердце, очищаютъ въ нихъ закрытый разными грязными наслоеніями образъ Божій, вызываютъ наружу присущія всякой душѣ, а особенно христіанской, стремленія къ небесному, вѣчному и божественному и производятъ въ ней *елика честна, елика пречиста, елика прелюбезна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала*.

2. *Какія же обязанности духовника?* Какъ и всякій духовникъ, которому ввѣрено попеченіе о нравственномъ состояніи словесныхъ его овецъ, окружной духовникъ обязанъ, во 1-хъ, возможно близко знать окружное духовенство и во 2-хъ, пользоваться всѣми средствами къ нравственному воздѣйствію на него.

указанія къ надлежащему исполненію ихъ: 1) «Поученіе святи-
тельское къ новопоставленному іерею»; 2) Книга о должностяхъ
пресвитеровъ приходскихъ»; 3) «Добротолюбіе» въ перев. затвор-
ника епископа Теофана; 4) «Путь ко спасенію»; 5) «Письма по
пастырскому Богословію», въ трехъ частяхъ прот. Евг. Попова;
6) «Священникъ», В. Θ. Пивницкаго, и 7) «Служеніе священ-
ника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ», его же,
и друг.

Средствомъ къ знакомству съ нравственнымъ состояніемъ окружного духовенства для окружного духовника служить прежде всего *пастырскія посѣщенія имъ окружного духовенства*. Эти посѣщенія двоякого рода: *оффиціальныя и частныя*. Первыя бываютъ тогда, когда онъ, подобно другимъ членамъ окружного духовенства, является въ общія собранія его для выбора должностныхъ лицъ по округу или для сужденія о другихъ предметахъ, требующихъ обсужденія всего благоч. округа, или въ собраніи благоч. совѣта, членомъ котораго онъ состоитъ. Вторыя духовникъ дѣлаетъ по своему усмотрѣнію, пріѣзжая въ дома окружного духовенства частно. Благовидныхъ предлоговъ для этихъ посѣщеній найдется немало. Какъ членъ окружного духовенства, какъ общій знакомый своихъ духовныхъ чадъ, окружной духовникъ можетъ являться въ дома ихъ по случаю общехристіанскихъ, мѣстныхъ церковныхъ или семейныхъ праздниковъ и здѣсь наблюдать качества не только священниковъ, но и членовъ ихъ семействъ и взаимныя ихъ отношенія. Стоя, какъ духовникъ, какъ духовный отецъ, ближе другихъ членовъ окружного духовенства къ каждому изъ среды его, онъ долженъ посѣщать духовныхъ чадъ своихъ не только въ радостныхъ, но и въ печальныхъ случаяхъ ихъ жизни. Участіе ближнихъ пріятно намъ и въ радости, но оно дорого намъ въ нечали. Тотъ истинный нашъ другъ и добрый знакомый, который посѣщаетъ насъ, утѣшаетъ, ободряетъ и поддерживаетъ въ печальныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ нашихъ,—къ тому мы нитаемъ и сердечное расположеніе и уваженіе и благодарность,—для того болѣе открыто сердце паше и весь внутренній міръ нашъ,—тотъ легко можетъ ознакомиться и съ нравственнымъ состояніемъ души нашей. Можетъ, наконецъ, духовникъ духовенства пріобрѣтать свѣдѣнія о своихъ духовныхъ чадахъ и частнымъ образомъ, изъ *частныхъ разговоровъ и отзывовъ* о нихъ, но источникъ этотъ часто бываетъ мутный и на него положиться нельзя. Но самое важное средство къ знакомству съ нравственнымъ со-

состояніемъ своихъ духовныхъ чадъ для духовника служить *исповѣдь*, гдѣ онъ, при довѣріи къ нему, получаетъ такіа свѣдѣнія о нихъ, какихъ другимъ путемъ имѣть онъ не можетъ.

3. *Какія средства долженъ употреблять окружной духовникъ для воздѣйствія на окружное духовенство, къ врачеванію его недуговъ?* Врачеваніе духовной немощи и духовныхъ недуговъ зависитъ отъ двухъ сторонъ: отъ свойства врачебныхъ средствъ духов. врача-духовника и отъ воспріимчивости недугующаго къ предлагаемому врачевству. И то, и другое много зависитъ отъ искусства и способностей самаго духовнаго врача. Если въ лѣченіи тѣлесныхъ болѣзней участіе врача должно сказываться не только въ выборѣ и опредѣленіи самыхъ дѣйствительныхъ врачебн. средствъ противъ болѣзни, но и въ расположеніи больного къ довѣрію и принятію этихъ средствъ, то это еще болѣе относится къ врачеванію духов. немощей и недуговъ. Въ больномъ тѣлѣ и помимо врача дѣйствуютъ борющіяся съ болѣзнію силы, хотя и въ ослабленномъ видѣ, а душа духовно-недугующаго часто бываетъ подобна землѣ безводной, на которой нѣтъ ни одной травки свѣжей, никаго свѣтлаго духовнаго стремленія. Но какъ небо, посылая дождь и солнечный свѣтъ, произращаетъ злаки и на бесплодной землѣ, такъ и благодать Божія чрезъ свое орудіе—пастыря Церкви и духовника возбуждаетъ въ душѣ грѣшника святые мысли и стремленія и обращаетъ ее къ покаянію и исправленію.

Что же дѣлаетъ духовника способнымъ и достойнымъ орудіемъ для низведенія на духовно-немощныхъ и больныхъ благодати Божіей, въ низведеніи которой на нихъ и заключается сущность духовнаго врачеванія? По указанію Самого Пастыреначальника нашего Іисуса Христа, данному св. Его ученикамъ и апостоламъ, духовника такимъ орудіемъ въ рукахъ Божіихъ дѣлаетъ, во 1-хъ, *вѣра* въ Бога. Подъ именемъ вѣры здѣсь разумѣется постоянная и крѣпкая увѣренность въ томъ, что Богъ *всѣмъ человекомъ хочетъ спастися*

и въ разумъ истины приити (1 Тим. 2, 4); что Онъ хотѣніемъ не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему (Іезек. 33, 11); что Онъ пришелъ на землю не праведники призвать, но грѣшники на покаяніе (Марк. 11, 17); что на небѣ бываетъ радость объ одномъ грѣшникѣ кающемся болѣе, чѣмъ о девяти не имѣющихъ нужды въ покаяніи (Лук. 15, 7); что Богъ всему готовъ помочь, что направлено къ нашему спасенію: *иже Сына Своего не пощаде, но за насъ всѣхъ далъ есть Его, како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8, 32); что милосердію его нѣтъ предѣла; что все могущество Его неизреченно; что не изнеможетъ слово Пастыреначальника нашего, давшаго первымъ пастырямъ, а въ лицѣ ихъ и ихъ преемникамъ, *власть на дусѣхъ нечистыхъ, да изгонятъ ихъ, и цѣлти всякъ недугъ и всяку болѣзнь* (Мѡ. 10, 1). У самаго духовно-больного вѣра въ Бога, подъ вліяніемъ грѣха, слабѣетъ до крайности; онъ доходитъ до какой-то нравственной тупости, холодности и безразличія, потери всякой нравств. силы; онъ даже можетъ сознавать, что въ безднѣ грѣховной валяется, отъ многихъ грѣховъ немощствуетъ, немощствуетъ и душа его, но ни стремленія, ни даже хотѣнія исправиться нѣтъ у него.... Для нравственнаго возрожденія и врачеванія духовно-больного громадное врачующее значеніе имѣетъ вѣра близкихъ къ нему людей, а особенно пастыря Церкви. Многіе примѣры ново-завѣтной исторіи подтверждаютъ это. Когда, во время преображенія Господня, къ ученикамъ Его, бывшимъ подъ горою, привели бѣсноватаго отрока, то они не могли исцѣлить его. Господь сошелъ съ тремя учениками Своими съ горы; отецъ бѣсноватаго обратился къ Нему Самому: „Господи! говорилъ онъ, помилуй сына моего (Мѡ. 17, 15)... Аще что можеша, помози намъ, милосердовавъ о насъ. Господь отвѣчалъ ему: *еже аще что можеша впровати, вся возможна втрующему*. И тотчасъ отецъ отрока воскликнувъ со слезами: *втрую, Господи! помози моему невтрю* (Марк. 9, 22—24). Тогда Господь изгналъ бѣса изъ одержимаго имъ

навсегда. Когда же потомъ ученики спросили Его наединѣ, почему они не могли изгнать бѣса, то Онъ отвѣчалъ: *за не-
вѣрствіе ваше. Аминь бо глаголю вамъ, аще имате вѣру,*
яко зерно горюино, речете гору сей: преиди отсюда тамо, и
преидетъ, и ничтоже невозможно будетъ вамъ (Мѣ. 17,
19—20). По вѣрѣ близкихъ, Господь даже заочно исцѣлялъ
больныхъ, напр., въ Капернаумѣ, по вѣрѣ сотника, разсла-
бленнаго слугу его (Мѣ. 8, 5—13. Лук. 7, 1—10), въ стра-
нахъ Тирскихъ и Сидонскихъ, по вѣрѣ жены хананеянки,
бѣснующуюся дочь ея (Мѣ. 15, 21—28). По *вѣрѣ* ап.
Петра *во имя* Господа Иисуса Христа, *имя Его укрѣпило*
хромого отъ чрева матери, просившаго милостыни въ Іеру-
салимѣ при красныхъ вратахъ храма, *и вѣра, которая отъ*
Него, даровала ему исцѣленіе предъ всѣмъ народомъ (Дѣян.
3, 16 сн. ст. 6). Даже и недуги душевные врачуются Бо-
гомъ по вѣрѣ близкихъ къ духовно-больному людей. Однаж-
ды въ Капернаумѣ принесли къ Господу разслабленнаго, ле-
жащаго на одрѣ; *видѣвъ же Иисусъ вѣру ихъ, рече разсла-*
бленному: дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои,—и по-
томъ: *востани, возьми одръ твой и иди въ домъ твой* (Мѣ.
9, 2 и 6). „Вѣровали, говоритъ св. Кирилъ Іерусалимскій,
принесшіе, и исцѣленіемъ воспользовался разслабленный“
(О глас. поуч. 5-е). Итакъ, вѣра въ Бога близкихъ къ одер-
жимымъ тѣлесными и душевными недугами лицъ можетъ
низводить на нихъ врачующую благодать Божію. Пусть упо-
требляетъ это дѣйствительное средство при врачеваніи неду-
говъ своихъ духовныхъ дѣтей и духовникъ духовенства.
Крѣпкая вѣра его въ Бога, и сама по себѣ имѣющая вели-
кую силу предъ Богомъ, возбудитъ вѣру и въ его духовныхъ
чадахъ и привлечетъ къ нимъ возрождающую и спасающую
благодать Божію. Какъ страдающій тѣлеснымъ недугомъ и
потерявшій вѣру въ свое выздоровленіе, видя передъ собою
увѣреннаго въ себя врача, начинаетъ вѣрить въ свое выздо-
ровленіе: такъ и страдающій грѣховнымъ недугомъ, видя
предъ собою проникнутаго крѣпкою вѣрою въ вседѣйству-

ющую благодать Божию пастыря Церкви, какъ бы вдыхаетъ въ себя эту вѣру и дѣлается духовно крѣпче, дѣлается способнымъ къ духовному возрожденію, исправленію и спасенію.

Другое средство, которое дѣлаетъ духовника достойнымъ орудіемъ для низведенія на духовно-больныхъ врачующей благодати Божіей, по указанію Пастыреначальника нашего Иисуса Христа, есть *молитва*. Что молитва за духовно больныхъ имѣетъ для нихъ врачующее значеніе, изглаживаетъ ихъ грѣхи и подкрѣпляетъ ихъ духовныя силы, примѣровъ тому много какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Нов. Завѣтѣ. Вспомнимъ, напр., молитву Авраама объ Авимелехѣ (Быт. 20), праведнаго Іова о друзьяхъ его (Іов. 42 гл.), Моисея Боговидца о народѣ Еврейскомъ при горѣ Синаѣ (Исх. 29 гл.), Аарона о семъ же народѣ въ пустынѣ (Числ. 15 гл.). Самъ Пастыреначальникъ Иисусъ Христовъ, по случаю исцѣленія бѣсноватаго, говорилъ ученикамъ Своимъ, что для исцѣленія одержимыхъ бѣсомъ нужна не одна вѣра, но и молитва: *„сей же родъ ничимъ же можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ“* (Марк. 9, 29). Ап. Іаковъ прямо говоритъ, что молитва за духовно-больного имѣетъ для него врачующее значеніе: *молитесь, говоритъ онъ, другъ за друга, яко да исцѣлите* (Іак. 5, 16). Такое врачующее дѣйствіе молитвы за духовно-недугующаго ап. Іаковъ объясняетъ тою силою, какую имѣетъ предъ Богомъ молитва праведника, какъ лица любезнаго Богу, какъ *друга* Божія (Іоан. 15, 14): *много бо можетъ, говоритъ онъ молитва праведнаго поснѣшествуема* (Іак. 5, 16). Молитва другихъ подкрѣпляетъ человѣка въ искушеніяхъ, соблазнахъ и скорбяхъ. Большая опасность угрожала вѣрѣ св. апостоловъ, не исключая и Петра, который такъ самоувѣренно говоритъ о своей преданности Христу, предъ взятіемъ Его на крестную смерть. Но Господь, испытывая сердца и утробы человѣковъ, молился о Петрѣ, *да не оскудѣетъ вѣра его* (Лук. 22, 31—32), а послѣ Тайной Вечери такъ молился Богу Отцу о всѣхъ ученикахъ Своихъ: *Отче святыи, соблюди ихъ во имя Твое. Не молю, да возме-*

ими ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни. Святи ихъ во истину Твою.... Отче, ихже далъ еси Мнѣ, хочу, ба идѣже есмь Азъ, и тѣи будутъ со мною, да видятъ славу Мою (Іоан. 17, 11. 24). И молитва Господня была услышана Отцемъ небеснымъ. Апостолы обнаружили только минутное смущеніе и колебаніе, заплативъ тѣмъ дань чело-вѣческой слабости, но скоро благодать Божія ихъ соединила въ твердой вѣрѣ во Христа Распятаго и Воскресшаго и сдѣлала ихъ свидѣтелями во Иерусалимѣ и во всей Иудеѣ и Самаріи и даже до посылднихъ земли (Дѣян. 1, 8). Посему-то ап. Павелъ (какъ дѣлали несомнѣнно и другіе св. апостолы) непрестанно творилъ поминаніе о вѣрующихъ во Христа въ молитвахъ своихъ, да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, дастъ имъ духа премудрости и откровенія въ познаніе его.... (Еф. 1, 16—17), и молилъ христіанъ прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человеки.... За чѣмъ? Да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человекомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити (2 Тим. 2, 1—4). Молитва о вѣренномъ попеченіи окружающаго духовника духовенствѣ есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ низведенію на него благодати Божіей, немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей. Человѣкъ удобопреклоненъ во зло, особенно подъ вліяніемъ привычки, окружающей среды и наслѣдственности. Преодолѣть грѣховный недугъ естественными силами онъ не можетъ; остается помощь благодатная. Но какъ ее получить? Здѣсь много можетъ молитва другихъ, особенно молитва праведнаго постышествуема. Подобно Пастыреначальнику Іисусу Христу, молившемуся Отцу Своему объ ученикахъ Своихъ, духовникъ духовенства долженъ непрестанно вопіять предъ престоломъ небеснаго Врача я въ молитвѣ домашней о своихъ недугующихъ духовныхъ чадахъ, да ниспошлетъ Онъ въ душу ихъ росу благодати Своея и обратитъ ихъ въ покаянію.

И молитва его не будетъ тщетна. Небесный Врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ услышитъ его такъ же, какъ слышалъ Моисею, мать бл. Августина, молившуюся объ обращеніи своего сына, какъ слышалъ Василия Вел., молившагося объ обращеніи лѣчившаго его врача-еврея, какъ слышалъ молитвы мн. др., молившихся объ обращеніи грѣшниковъ.

Кромѣ вѣры и молитвы при врачеваніи духовныхъ недуговъ, Пастыреначальникъ нашъ заповѣдалъ Своимъ ученикамъ вооружаться еще *постомъ*. Сила поста состоитъ въ томъ, что онъ, освобождаетъ человѣка отъ грѣховныхъ влеченій плоти, дѣлаетъ духъ человѣка бодреннымъ, даетъ ему особенное дерзновеніе къ Богу, дѣлаетъ его чистымъ сосудомъ, изъ котораго возносимая молитва является предъ Нимъ яко кадило благовонное и яко всежженіе тучное и благопріятное. Оттого-то всѣ великіе праведники всегда постились, особенно въ какихъ ниб. важныхъ случаяхъ, какъ, напр., св. пророкъ и Боговидецъ Моисей—двукратно въ тепеніе 40 дней на горѣ Синаѣ, передъ первымъ принятіемъ Закона отъ Бога и предъ Боговидѣніемъ и вторичнымъ полученіемъ скрижалей Завета, вмѣсто разбитыхъ (Исх. 24, 18; 34, 28),—пр. Ілія—такъ же въ теч. 40 дней, на пути къ Хориву, тоже предъ чудеснымъ ему Боговидѣніемъ (3 Цар. 19, 8),—Пресв. Дѣва Марія—ежедневно, когда жила при храмѣ и уготовлялась въ одушевленный кивотъ Божій,—на-конецъ, Самъ Іисусъ Христосъ—въ пустынѣ, въ теченіе 40 дней и 40 ночей, передъ выступленіемъ Своимъ на общественное служеніе роду человѣческому (Мѡ. 4, 1) и мн. др. Особенно великое значеніе имѣетъ постъ при покаяніи, являясь естественнымъ слѣдствіемъ печали, яже по Бозѣ, содѣйствуя умерщвленію грѣховъ и болѣе ясному и серьезно-му сознанію ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привлекая милость Божію къ духовно-недугующему. Строгимъ постомъ Ниневитяне спасли себя отъ близкой къ нимъ гибели (Іон. 3 гл.). Моисей, молясь о прощеніи грѣха идолопоклонства Израильтянамъ при горѣ Синаѣ, постился сорокъ дней. Господь

нашъ, готовясь къ уврачеванію человѣч. рода, постился тоже сорокъ дней. Постъ заповѣдалъ Онъ и Своимъ ученикамъ при врачеваніи ими недуговъ духовныхъ: сей родъ *ничимъ же* исходитъ, *только молитвою и постомъ*. Пусть же вооружается постомъ при молитвѣ о духовно-больныхъ своихъ чадахъ и духовникъ духовенства и опъ такъ же будетъ въ состояніи изгонять изъ нихъ бѣсовъ тѣхъ грѣховъ, которыми они страдаютъ.

Вооружившись крѣпкою вѣрою въ Бога, молитвою и постомъ, какъ благодатными силами къ размягченію черствой души духовно-больныхъ своихъ чадъ, къ низведенію на нихъ благодати Божіей, духовникъ духовенства долженъ приступить къ самому вразумленію и врачеванію ихъ духовныхъ недуговъ. Орудіе, которое онъ долженъ употреблять при этомъ есть *устная бесѣда* его съ своими духовно-больными чадами, устное увѣщаніе, вразумленіе. Этимъ орудіемъ при вразумленіи Своихъ учениковъ всегда пользовался Христосъ; имъ же пользовались потомъ, по примѣру своего Божественнаго Учителя, и свв. апостолы.

(Продолженіе будетъ).

Обозрѣніе проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ ¹⁾.

Поученіе Преосв. Виссаріона въ день свв. апп. Петра и Павла, на текстъ: *понеже мнози хвалятся по плоти, и азъ похваляюся* (2 Кор. 11, 18), направлено противъ общераспространеннаго въ современномъ обществѣ самохвальства. Но при этомъ архипастырь замѣчаетъ, что съ самохвальствомъ ничего общаго не имѣютъ тѣ заявленія, какія иногда позво-

1) См. № 27-й за 1898 г.

ляють въ похвалу себѣ святые люди. Св. ап. Павелъ хотя соглашается, что хвалиться свойственно людямъ неразумнымъ (2 Кор. 11, 16), однако позволяетъ себѣ съ похвалою высказаться о своемъ лицѣ и служеніи. „Какъ многіе хвалятся по плоти,—говоритъ онъ,—то и я буду хвалиться“—и потомъ исчисляеть свои права на похвалу: онъ—потомокъ Авраама, членъ избраннаго народа, какъ и другіе, которые хвалятся тѣмъ же; онъ больше всѣхъ проповѣдниковъ евангелія потрудился въ апостольскомъ служеніи, больше всѣхъ претерпѣлъ гоненій и страданій за дѣло благовѣствованія; онъ наконецъ, удостоился чрезвычайныхъ видѣній и откровеній и однажды восхищенъ былъ въ рай и тамъ слышалъ неизреченные глаголы (2 Кор. 12, 22—29; 13, 1—5). Но все это—отнюдь не самохвалство. Во-первыхъ, св. ап. Павелъ отклоняетъ отъ себя упрекъ въ самохвальствѣ тѣмъ, что самъ признаетъ похвалбу дѣломъ неразумнымъ, которое позволяетъ себѣ, прежде всего, по надеждѣ, что коринѣскіе христіане, предъ которыми апостолъ хвалитъ себя, отнесутся снисходительно къ нему, какъ снисходительно относятся къ другимъ, *неразумнымъ* людямъ, которые ихъ поработаютъ, объѣдаютъ, бьютъ въ лицо (2 Кор. 11, 19—20). Въ этомъ случаѣ апостолъ какъ бы такъ говоритъ: „пустъ я покажусь въ очахъ вашихъ неразумнымъ, выхваляя самого себя; но все же неразуміе мое не превосходитъ неразумія другихъ людей (лжеапостоловъ), которыхъ власть надъ собою вы терпите, не смотря на ихъ своекорыстіе и безстыдство! Такимъ образомъ, апостолъ похваляетъ себя не по тщеславію, а съ намѣреніемъ дать понять коринѣскимъ христіанамъ, какъ не извинительно ихъ пристрастіе къ такимъ людямъ, ихъ готовность на нихъ промѣнять его, столь много и столь безкорыстно трудящагося для ихъ спасенія. Во-вторыхъ, все, что сказалъ апостолъ въ похвалу себѣ, особенно что повѣдалъ о своихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ,—все это сказалъ онъ для того, чтобы прославить благодать Божію, въ немъ явившуюся: онъ хвалитъ не себя, а Господа Бога, сила Котораго

въ немощи его совершается, и говорить о себѣ, какъ бы о постороннемъ человѣкѣ: „такимъ человѣкомъ могу похвалиться, собою же не похваюсь, развѣ только немощами своими“ (2 Кор. 12, 5. 9). Наконецъ, въ-третьихъ, указывая въ похвалу себѣ на подвиги своего апостольскаго служенія и на особенное благоволеніе Божіе къ нимъ, онъ имѣетъ въ виду убѣдить христіанъ, къ которымъ пишетъ, въ своемъ несомнѣнномъ апостольскомъ достоинствѣ, вопреки его недоброжелателямъ, которые утверждали, будто онъ—не настоящій Христовъ апостоль, и что потому проповѣдь его не имѣетъ надлежащаго достоинства. Въ случаѣ успѣха такихъ недоброжелательныхъ разглашеній, апостоль находился въ опасности потерять всѣ плоды своихъ проповѣдническихъ трудовъ и не могъ бы съ успѣхомъ продолжать своего служенія. Для устраненія этой опасности ему непремѣнно надлежало зацѣпить свое апостольское достоинство, честь своего служенія,—а этого можно было достигнуть ближе всего указаніемъ того, что благодать Божія совершила чрезъ него, какъ чрезъ послушное орудіе.—Такимъ образомъ, святые люди своимъ примѣромъ учатъ насъ не самохвальству, а, напротивъ, смиренію. Самъ ап. Павелъ, избранный сосудъ благодати Божіей, называетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ. Кто дорожитъ добрымъ мнѣніемъ о себѣ ближнихъ, тотъ долженъ стараться заслужить его не путемъ самовосхваленія, а дѣйствительными добродѣтелями: *да хвалитъ тя искренній, а не твоя уста, чуждій, а не твои усты* (Притч. Сол. 27, 2), говорить премудрый.

Поученіе Преосв. Тобольскаго Антонія въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и первое поученіе его при вступленіи на паству. Въ немъ архипастырь выясняетъ важное значеніе церковнаго учительства пастырей въ особенности въ наше время. Настоятельная нужда въ церковномъ учительствѣ, говоритъ онъ, всегда была и бываетъ велика, потому что во всѣ времена на ряду съ истиннымъ христіанствомъ существовали и существуютъ

многочисленные и весьма разнообразные виды христіанства мнимаго, нечистаго, неистиннаго. Время ересей въ христіанствѣ еще не прошло и, по свидѣтельству Спасителя, не престанетъ до скончанія міра. Въ прежнія времена еретики нерѣдко бывали малоискусны въ прикрытіи своей волчьей породы овечьей шерстью; въ нынѣшнія же времена они выучились быть гораздо искуснѣе и, представляясь по виду истинными, даже ревностными послѣдователями Христовыми, въ дѣйствительности гораздо опаснѣе по своему душепагубному вліянію на другихъ, чѣмъ еретики явные. Еще въ концѣ прошлаго вѣка прославленный отъ Бога нетлѣніемъ мощей святитель Задонскій Тихонъ почиталъ важнѣйшею обязанностію христіанскихъ пастырей благоразумно отличать истинное христіанство отъ мнимаго, хотя бы это мнимое христіанство было господствующимъ въ свѣтскомъ обществѣ, и свое ученіе изложилъ въ обширномъ сочиненіи: „Объ истинномъ христіанствѣ“. Но особенно полезное церковное учительство въ вѣду коварныхъ обольщеній демонскихъ. Односторонне судятъ тѣ, которые въ дѣйствіяхъ демоновъ видятъ *прямое* противодѣйствіе христіанству съ отверженіемъ всякой христіанской истины. Сатана, который дѣйствуетъ среди людей уже семь тысячъ лѣтъ съ его демонами, хорошо знаетъ, по свидѣтельству христіанскихъ подвижниковъ, что прямой соблазнъ и открытое противодѣйствіе христіанству гораздо менѣе губительны для людей, чѣмъ постепенное извращеніе въ нашемъ умѣ христіанскихъ истинъ, которое часто совершается такъ искусно, что бываетъ незамѣтно для насъ самихъ, и что въ обольщеніи представленіемъ себя лучше другихъ понимающими христіанское ученіе мы нерѣдко впадаемъ въ сѣти діавола, дѣйствующаго чрезъ посредство еретиковъ. Св. Макарій Великій научаетъ насъ, что „лукавый съ молящимися притворяется вмѣстѣ молящимся, съ тою цѣлію, чтобы обольстить, подъ предлогомъ молитвы вринувъ въ самоуниженіе; съ постящимися поспитъ, намѣреваясь ввести

ихъ въ обманъ самомнѣніемъ; съ имѣющими вѣдѣніе Писанія предприѣмлетъ то же, желая, чтобы подъ видомъ вѣдѣнія впади они въ заблужденіе; сподобившимся свѣта и откровений и самъ представляется такимъ же; ибо сказано, что и сатана преобразуется въ ангела свѣтла (2 Кор. 11, 14), чтобы, обольстивъ видимостію подобнаго свѣта, привлечь къ себѣ;—однимъ словомъ, для всѣхъ всякіе принимаетъ на себя виды, чтобы, подчиняя себѣ симъ уподобленіемъ, подъ благовиднымъ предлогомъ уготовлять погибель“. Лучшее средство не поддаваться увлеченію мнимыми видами истиннаго христіанства (на югѣ Россіи—штунда, въ срединной Россіи—толстовщина, пашковщина и т. п.) есть искреннее вниманіе учительству церковныхъ пастырей и нелицемѣрное повиновеніе имъ. Къ тому, кто вѣруетъ простымъ сердцемъ, нѣтъ доступа вліянію демоновъ и еретиковъ, такъ какъ онъ, ради своего смиренія и послушанія, бываетъ невидимо охраняемъ Божественною благодатію и, вслѣдствіе довѣрія своего къ пастырямъ Церкви Христовой, не колеблется въ вѣрѣ, не смущается сомнѣніями и не запутывается въ разнообразныя сѣти изворотливаго ученія еретиковъ. Гдѣ есть такое довѣріе и послушаніе паствы пастырю, тамъ трудное дѣло пастырства облегчается и дѣлается плодотворнымъ. А средствомъ къ образованію и укорененію такихъ качествъ служить главнымъ образомъ молитвенное общеніе паствы съ пастыремъ, такъ чтобы при возглашеніи: *и даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славить и воспѣвать пречестное и великоименное имя Твое, Отца и Сына, и Святаго Духа...*“ насомые дѣйствительно едиными усты и единымъ сердцемъ отвѣтствовали: *аминь*.

Прот. І. Сергіевъ въ словѣ въ день Священнаго Коронованія говоритъ о превосходствѣ самодержавія надъ всѣми другими формами правленія государственнаго. Бо главѣ слова о. Сергіевъ поставилъ текстъ: *дамъ Ти языки достояніе Твое и сдержаніе Твое концы земли* (Псал. 2, 8). Правда, эти слова царе-пророка Давида относятся собственно къ обѣ-

щанному Мессіи Христу, *чаянію* всѣхъ *языковъ*; но—замѣчаетъ проповѣдникъ—они могутъ относиться, по справедливости, и къ Державному Вождю Русскаго царства, въ составъ котораго входятъ многіе племена и народы, и которое простирается почти во всѣ концы земли, такъ какъ Русскій Государь есть единственный православный Помазанникъ Божій и образъ державы Божіей на землѣ, первый вѣнценосный сынъ Церкви. Съ давнихъ временъ цари и императоры наши называются самодержавными и единодержавными, и въ ихъ самодержавіи и единодержавіи, вмѣстѣ съ православіемъ, заключается мощь, ширь и слава Россіи; потому что съ тѣхъ поръ, какъ благовѣрные цари наши собрали и сплотили отечество наше въ одно цѣлое государственное тѣло, оно быстро стало укрѣпляться и распространяться во всѣ концы и нынѣ находится, милостію Божіею, на высотѣ своего политическаго положенія. Единодержавіе есть самая естественная, разумная и самая полезная для земныхъ царствъ форма правленія, самая надежная власть, такъ какъ она происходитъ непосредственно отъ Бога, *единого* Творца и Вседержителя міра. *Дана есть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго*, говоритъ премудрый Соломонъ. Міръ, созданный маніемъ и словомъ единого Бога, во всѣхъ своихъ безконечно-великихъ, малыхъ и незримо-малыхъ частяхъ управляется премудростію и силою *единого* Бога. Земля и безконечное множество небесныхъ тѣлъ, или свѣтилъ и планетъ, несравненно большихъ нашей земли или равныхъ ей и меньшихъ, висятъ въ безднахъ мірового пространства ни на чемъ и движутся въ изумительномъ порядкѣ цѣлыя тысячелѣтія, не встрѣчаясь и не сталкиваясь ни съ однимъ изъ свѣтилъ и не производя ни малѣйшаго безпорядка въ движущихся мірахъ потому только, что ихъ держитъ, движетъ и направляетъ *одна* Всемогущая Рука по законамъ тяготѣнія. Повсюду во вселенной и во всѣхъ созданныхъ мірахъ виденъ *одинъ* безконечный разумъ, *единая* сила и воля Творца. На нашей землѣ, какъ планетѣ, дѣйствуютъ во всѣхъ тваряхъ,

во всѣхъ стихіяхъ, во всѣхъ царствахъ природы *одни* и тѣ же законы. Родъ человѣческой подчиненъ *одному* нравственному закону—совѣсти. Общій всѣмъ Творецъ и Богъ подчинилъ всѣхъ людей *одному* закону—закону любви и взаимнаго повиновенія. Съ самихъ древнихъ временъ семейства и общества человѣческія подчинялись сначала отцамъ или старшимъ въ родѣ, потомъ патріархамъ, какъ у евреевъ, а потомъ—князьямъ и царямъ. Каждый видъ изъ безчисленнаго множества существъ или тварей земныхъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, руководится въ своемъ бытіи *одинаковыми* инстинктами и привычками, данными имъ отъ Бога, ими живутъ и управляются, доставляя благосостояніе себѣ или приручившему ихъ человѣку. Во всѣхъ разумныхъ дѣйствіяхъ людей, во всѣхъ ихъ произведеніяхъ—наукахъ, искусствахъ—усматривается *одна* какая-нибудь объединяющая мысль; въ писаніяхъ, въ сочиненіяхъ, въ книгахъ есть *одна*, связующая все множество мыслей и словъ, главная мысль, проникающая всю книгу, какъ душа—тѣло, и дающая ей стройность, жизнь, интересъ, назиданіе. Въ каждомъ благоустроенномъ учрежденіи государственномъ, учебномъ, или благотворительномъ, или врачебномъ есть *одинъ* уставъ для всѣхъ, какъ и *одно* главное, лицо, правящее учрежденіемъ; въ войскѣ—въ военное или мирное время—*одинъ* главный военачальникъ, объединяющій и направляющій всѣ части и дѣйствія воинства; въ правительственныхъ учрежденіяхъ всѣ чины подчиняются *одному* главному начальнику—министру, а все государство подчиняется *одному* лицу монарха или государя. Такимъ образомъ, единодержавіе и самодержавіе въ государствѣ есть самая естественная и Богомъ указанная и узаконенная форма правленія, всего болѣе споспѣшествующая благоденствію и процвѣтанію государства, благу подданныхъ и благу мира всѣхъ прочихъ государствъ. *Одно* державное слово могущественнаго монарха можетъ остановить военное кровопролитіе и утвердить миръ между воюющими державами; какъ это и было, напр., въ послѣднюю греко-турецкую войну. Вспомнимъ

также междуусобную рознь нашихъ древнихъ князей, непрестанно воевавшихъ другъ съ другомъ и тѣмъ все болѣе и болѣе ослаблявшихъ Россію, пока, наконецъ, совсѣмъ не поработили ее на цѣлыя 200 лѣтъ татары. Напротивъ, объединеніе *однимъ* самодержавнымъ царемъ Іоанномъ III Руси привело къ совершенному освобожденію отъ тяжкаго татарскаго ига, а послѣдующая затѣмъ мудрая политика и единоедержавная власть нашихъ Богомъ данныхъ царей и императоровъ привела Россію къ нынѣшнему не бывалому величію и славѣ.—Въ заключеніе проповѣдникъ призываетъ слушателей всегда всѣмъ сердцемъ благодарить Бога, что Онъ далъ намъ—и доселѣ даетъ—самодержавныхъ и единоедержавныхъ Царей по сердцу Своему, сохраняя преемство дома Романовыхъ и въ нихъ—духъ православія и стремленія къ возвеличенію вѣры и Церкви Православной и государства Всероссийскаго.

Проповѣдей на разные случаи, включая сюда и проповѣди, произнесенныя при обозрѣніи архипастырями своихъ епархій, а также при освященіи церквей, школьныхъ зданій, при погребеніяхъ, при началѣ и окончаніи учебныхъ занятій и т. п., и проповѣди *тематическія*, напечатано въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ 1897 году около 270. Лучшими являются: бесѣда еп. Томскаго Макарія „о томъ, какъ грѣшна, преступна и вредна небрежность нѣкоторыхъ родителей о добромъ и разумномъ кормленіи и уходѣ за малолѣтними дѣтьми“ (Томск. епарх. вѣд., № 16), бесѣда его же „о томъ, какъ слѣдуетъ кормить дѣтей, и что нужно дѣлать, чтобы имѣть добрый уходъ за малолѣтними дѣтьми въ рабочее время“ (тамъ же, № 19), поученіе его же при закладкѣ зданія Томской классической гимназіи (тамъ же, № 9), рѣчь его же при открытіи въ Сибири мировыхъ судебныхъ учрежденій (тамъ же, № 14), слово архіеп. Волынскаго Модеста по случаю 100-лѣтняго юбилея Седенгинскаго полка (Волынск. еп. вѣд., № 6), бесѣда „о томъ, какъ родители должны воспитывать дѣтей своихъ“ (Томск. еп. вѣд., № 20), *три* поученія

прот. В. Бѣловенцева „о важности и достоинствѣ жертвоприношеній Богу“ (Смол. еп. вѣд., №№ 22 и 23), слово прот. І. Сергіева „по поводу совращенія и ухода нѣкоторыхъ изъ лицъ Православной Церкви въ католичество, или другое инославное вѣроисповѣданіе, или пашеовщину, толстовщину и штунду“ (Холмско-Варш. Вѣстн., № 8), слова и поученія при освященіи церквей—свщ. П. Космодемьянскаго (Сарат. еп. вѣд., № 13), прот. І. Сергіева (Арханг. еп. вѣд., №№ 12 и 13), свщ. М. Тихомирова (Новгор. еп. вѣд., № 10) и свщ. І. Александрова (Уфимск. еп. вѣд., № 17), при открытіи и окончаніи учебныхъ занятій—прот. І. Сырцева (Костр. еп. вѣд., № 12) и свщ. В. Червесова (Донск. еп. вѣдом., № 17), при погребеніяхъ разныхъ лицъ и нѣк. др. Изъ указанныхъ мы остановимся на проповѣдяхъ еп. Томскаго Макарія и архіеп. Волинскаго Модеста.

(Окончаніе будетъ).

ЗАМѢТКА.

Одно изъ пастырскихъ воздѣйствій для привлеченія дѣтей въ школу.

На ряду съ многочисленными свидѣтельствами поборниковъ народнаго просвѣщенія о томъ, что необходимость грамоты уже вошла въ сознаніе самого народа, что народъ жаждетъ просвѣщенія и слѣдовательно вопросъ о всеобщности народной грамоты зависитъ теперь лишь исключительно отъ матеріальныхъ средствъ, нерѣдко приходится слышать, а еще болѣе наблюдать въ дѣйствительности и такія печальныя явленія народной жизни, когда народъ самъ упорно отстаиваетъ свое вѣковое невѣжество. Вмѣсто того, чтобы, дорожа краткостію учебнаго времени, поспѣшить болѣе раннимъ помѣщеніемъ дѣтей въ школу, родители—крестьяне подъ раз-

ными предложениями сами отдалают время ихъ привода, то ссылаясь на недостатокъ въ обуви и одеждѣ, то выставлѣя нужду въ ребенкѣ въ домашнемъ обиходѣ, то, наконецъ, указывая на то, что еще не выпалъ снѣгъ; зимой-де дитя будетъ охотнѣе учиться, а теперь пусть нагуляется. И дѣйствительно—лишь съ наступленіемъ зимы, съ появленіемъ снѣга, занятія въ школѣ начинаютъ идти при полномъ числѣ учащихся, да и то не всѣ дѣти школьнаго возраста—даже при возможности помѣщенія въ школѣ и большаго числа учащихся—приводятся родителями. Ничего предосудительнаго мы не находимъ въ томъ, если пастырь, въ виду безпричинно-несвоевременнаго привода дѣтей—однихъ и упорнаго уклоненія отъ пользованія грамотой другихъ, приметъ нѣкоторыя мѣры, имѣющія своею цѣлю побудить прихожанъ серьезнѣе отнестись къ дѣлу образованія дѣтей. Мѣрой, съ успѣхомъ практикуемой въ нѣкоторыхъ приходяхъ, является требованіе пастырями отъ брачующихся знанія молитвъ и вообще испытаніе ихъ въ пониманіи важнѣйшихъ истинъ вѣры. Означенной мѣрой—по свидѣтельству пастырей—одновременно достигается двѣ цѣли, изъ которыхъ ближайшею является та, что неграмотные—брачующіеся заблаговременно—по заведенному порядку—недѣли за двѣ или три до брака сами являются въ школу или въ одному изъ членовъ причта для обученія важнѣйшимъ молитвамъ; дальнѣйшимъ-же и наиболѣе важнымъ послѣдствіемъ такой мѣры служитъ то, что подобный порядокъ вещей вселяетъ среди крестьянъ убѣжденіе, что избѣжать совершенно грамоты неудобно и побуждаетъ родителей своевременно отсылать дѣтей въ училище. Предосудительнаго въ такомъ требованіи, намъ кажется, быть ничего не можетъ, оно имѣетъ основаніе и въ резолюціяхъ нашихъ архипастырей, которые, въ прошеніяхъ о повѣнчаніи несовершеннолѣтнихъ, ставятъ непремѣннымъ условіемъ повѣнчанія такихъ браковъ—испытаніе брачующихся въ знаніи молитвъ.

Какъ по виѣшней своей обстановкѣ бракъ не обуславливается ни неизбѣжностію, ни немедленною совершенія его, такъ, напротивъ, по внутреннему своему содержанію, по самому существу своему, это таинство прямо таки предполагаетъ основательное знакомство вступающихъ нъ бракъ съ Закономъ Божиимъ и законами христіанской нравственности. Въ таинствѣ брака испрашивается благословеніе Церкви къ христіанскому рожденію и воспитанію дѣтей. Коснѣя же въ грубомъ невѣжествѣ, не имѣя и приблизительнаго понятія объ основныхъ началахъ христіанскѣй семьи, ненаученные даже важнѣйшимъ молитвамъ, но тѣмъ не менѣе получившіе благословеніе Церкви на брачное сожительство, такіе родители не будутъ-ли въ томъ-же невѣжествѣ воспитывать и своихъ дѣтей? Для сознательнаго приступленія брачующихся къ таинству брака и слѣдовательно разумнаго воспитанія будущихъ дѣтей нужны серьезныя побужденія и такимъ побужденіемъ должно служить обязательное испытаніе брачующихся въ знаніи молитвъ и хотя простыхъ началъ христіанской нравственности. Такое требованіе, съ одной стороны, внушить прихожанамъ серьезность взгляда на бракъ и на обязанности, налагаемыя этимъ таинствомъ, а съ другой—привьетъ къ нимъ убѣжденіе въ необходимости и даже неизбѣжности школьной грамоты, которая одна подъ руководствомъ пастырей можетъ преподавать имъ основныя начала для разумной христіанской жизни.

(Воронеж. Еп. Вѣд. 1898 г. № 9).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 29 іюня 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

Г О Д Ъ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 31.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, августа 2-го.

Содержаніе: Умѣренность и полное отреченіе отъ вина.—О Спасовыхъ
праздникахъ (1, 6 и 16 августа).—Исповѣдь духовенства и окру-
жающаго духовника (продолженіе).—Замѣтка.

Умѣренность и полное отреченіе отъ вина.

Въ настоящее время правительство употребляетъ зна-
чительныя усилія къ искорененію народной невоздержности
въ употребленіи вина и не щадитъ для этой цѣли денежныхъ
жертвъ. Такъ какъ невоздержность относится къ области
нравственной жизни, то свѣтская власть считаетъ необхо-
димымъ для этого дѣла вступать въ сношеніе съ духовен-
ствомъ и приглашать къ содѣйствію церковныхъ пастырей
народа. Стараніями священниковъ во многихъ мѣстахъ еще
ранѣе того заведены были общества трезвости, въ основаніи
которыхъ положенъ обѣтъ полного воздержанія отъ вина,

даваемый на определенное время и по его истечении возобновляемый. Правительство съ своей стороны открываетъ попечительства о народной трезвости, которымъ предоставляетъ значительныя денежныя суммы для устройства чайныхъ, читаленъ и т. под. заведеній, имѣющихъ отвлекать народъ отъ разгула. При этомъ усматривается нѣкоторое различіе между цѣлю попечительствъ, или-что тоже—программой свѣтской власти,—и цѣлю означенныхъ обществъ трезвости, устроаемыхъ по предначертаніямъ власти церковной. Въ задачу попечительствъ совершенно не входитъ распространеніе въ народѣ безусловнаго воздержанія отъ вина; они ограничиваются заботою только объ умѣренности въ употребленіи спиртныхъ напитковъ; самое понятіе о трезвости повидимому сводится при этомъ къ такому пользованію охмеляющими напитками, съ которымъ совмѣстимо употребленіе ихъ въ значительныхъ дозахъ и довольно частое, но безъ опьяненія, безъ наружныхъ проявленій нетрезвости. Напротивъ, Церковь стремится къ распространенію въ народѣ полнаго воздержанія отъ вина, и это стремленіе нашло себѣ выраженіе въ обществахъ трезвости, члены котораго даютъ обѣщаніе не нить совершенно.

Намъ кажется, что эта разность дѣйствительно существуетъ, и что она вполнѣ естественна, что ни свѣтская власть не можетъ ставить своею задачею полное отреченіе народа отъ вина, ни церковное пастырство не можетъ свести свои требованія до проповѣди умѣреннаго винопитія. Свѣтская власть избрала предметомъ своего воздѣйствія въ этомъ случаѣ (равно какъ и въ другихъ) весь народъ. Программа попечительствъ, начертанная ею, будетъ дѣйствовать на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества, среди самыхъ разнообразныхъ условій, въ совершенно различныхъ слояхъ населенія. Имѣя дѣло съ такой огромной собирательной величиной и предначертывая общіе способы воздѣйствія на нее, правительство не можетъ задаваться такою цѣлю, какъ полное отученіе народа отъ вина. Эта цѣль по отношенію

къ цѣлому народу была бы мечтательной и несбыточной. И вообще гражданское законодательство, обращаясь съ такою совокупностію самыхъ разнообразныхъ единицъ, какъ народъ, понижаетъ свои требованія, ближе ставитъ свои задачи. Напротивъ, духовный пастырь имѣетъ дѣло съ приходомъ, сравнительно небольшой группою людей, и даже съ отдѣльными личностями, на которыя онъ можетъ воздѣйствовать сообразно духовнымъ потребностямъ каждой изъ нихъ. При этомъ найдется, конечно, не мало людей, особенно среди простонародья, для которыхъ проповѣдь объ умѣренномъ винопитіи будетъ не понятна, потому что у нихъ не ясно понятіе о мѣрѣ и умѣренности. Ожидать этого тѣмъ болѣе необходимо, что и вообще это понятіе неустойчиво и для разныхъ обстоятельствъ является различнымъ. Между тѣмъ стоитъ только отнять понятіе объ умѣренномъ, какъ неясное и относительное, и проповѣдь умѣреннаго винопитія превратится въ проповѣдь винопитія вообще. Найдется также не мало людей, надъ которыми вино воымѣло такую силу, что для ихъ освобожденія отъ мрачнаго господства страсти необходимо имъ не только не вкушать вина, но, если бы можно было, и не видать его. Для нихъ нужна такая рѣшительность въ борьбѣ съ грѣхомъ, какую указываетъ Самъ Христосъ, когда говорить: *аще око твое десное соблажняетъ тя, изми е* (хотя оно и не виновато само по себѣ), *и верзи отъ себе* (Матѣ. 5, 28): этими словами Онъ повелѣваетъ намъ отрѣшиться отъ всего, что подаетъ намъ поводъ къ грѣху, хотя само и не заключаетъ въ себѣ грѣха и хотя, быть можетъ, полезно и нужно намъ въ другихъ отношеніяхъ (таково именно *десное око*). Есть множество людей, для которыхъ первая рюмка есть первый шагъ по наклонной плоскости, на которую однажды вступивъ они уже не могутъ удержаться отъ паденія. Учить такихъ людей умѣренному употребленію вина—значитъ совершенно отказываться отъ ихъ исправленія, покидая ихъ въ жертву неудержимой страсти. Изъ такихъ людей иногда состоятъ цѣлыя деревни и даже приходы; „ослабѣв-

шіе“ крестьяне по мѣстамъ считаются не десятками и сотнями, но тысячами, составляя господствующій нравственный типъ. Такимъ образомъ проповѣдь всецѣлаго воздержанія по условіямъ мѣста и времени можетъ быть столь же необходимой, сколько была бы мечтательной и неосуществимой задача совершеннаго уничтоженія винопитія безъ отношенія къ мѣсту и времени.

Церковное учительство и руководство можетъ, сообразно съ обстоятельствами, то ограничиваться проповѣдью умѣренности, то возвышаться до требованія полнаго воздержанія, но никогда, конечно, церковный пастырь не скажетъ своимъ пасомымъ, что то и другое совершенно безразлично, что въ одинакой мѣрѣ душеспасительно и богоугодно—и пить умѣренно, и не пить совершенно. Вино не есть предметъ необходимости: если не принимать въ расчетъ тѣхъ случаевъ, когда оно бываетъ необходимо для укрѣпленія организма (*стомаха ради и—недуговъ*, 1 Тим. 5, 23), то оно есть единственно предметъ чувственной прихоти и употребленіе его есть послабленіе чувственности. Для христіанина, который призывается усмирять и поработать свое тѣло, распинать свою плоть съ ея страстями и похотями, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что полное воздержаніе выше и совершеннѣе умѣренности, что умѣренность въ томъ, что составляетъ предметъ прихоти, а не существенной необходимости, не есть въ собственномъ смыслѣ и умѣренность (какая возможна умѣренность въ излишествѣ?), что умѣренность въ винѣ цѣнится и одобряется не только по превосходству своему надъ неумѣренностью, но еще болѣе потому, что она служитъ переходною ступенью къ полному отреченію отъ вина, какъ предмета чувственной прихоти. Совершенно согласны съ этимъ и воззрѣнія лучшей части русскаго народа, въ которой хранятся старинныя благочестивыя понятія: поѣсть больше и ввуснѣе, чѣмъ необходимо, считается здѣсь плотоугодіемъ, грѣховной забавой; выпить вина—точно также; потому-то солдаты предъ бородинскимъ сраженіемъ, готовясь

къ смерти за отечество, отказывались отъ положенной имъ порціи водки, говоря, что не такой теперь день. Послѣ этого всякому понятно, что церковная проповѣдь не можетъ оставаться на умѣренности въ употребленіи вина, какъ на крайнемъ желаніи, и что она направляетъ мысли и стремленія пасомыхъ къ высшему и лучшему, къ полному воздержанію, какъ совершенной побѣдѣ надъ чувственнымъ желаніемъ, надъ стремленіемъ къ тѣлесной утѣхѣ.

Не только ученіе вѣры, но и опытъ, вмѣстѣ съ истиннымъ познаніемъ человѣческой природы, свидѣтельствуютъ противъ служенія прихотямъ въ пользу полного воздержанія отъ нихъ. Прихоть по самому значенію этого слова есть желаніе чего нибудь лишняго, чего нибудь выходящаго изъ ряда естественныхъ и обычныхъ хотѣній человѣка (*при* и *хотѣть*); поэтому, какъ скоро предметъ прихоти становится обычнымъ и зауряднымъ, какъ скоро онъ соединяется съ постоянными потребностями человѣка, прихоть, оставаясь вѣрной самой себѣ, какъ стремленіе къ чему то лишнему и непривычному, требуетъ новаго предмета въ томъ или другомъ родѣ, пока и этотъ новый предметъ не сдѣлается обычнымъ и неинтереснымъ и не будетъ отчисленъ въ число потребностей, предоставивъ прихоти искать чего нибудь другаго. Прихоть похожа на тощихъ коровъ, которыхъ видѣлъ во снѣ фараонъ и которыя пожрали тучныхъ коровъ, но сами не стали отъ того тучнѣе. Прихоть не насыщается и не наполняется, но за то безъ мѣры умножаетъ потребности, которыя впитываютъ въ себя все испробованное прихотію. Потребности растутъ до того, что удовлетвореніе ихъ занимаетъ все время у человѣка, а прихоть остается съ неизмѣнно раскрытымъ ртомъ и томится желаніемъ и ожиданіемъ новой пищи, неизвѣданныхъ удовольствій.—Такимъ образомъ, если въ началѣ человѣкъ изъ прихоти сталъ выпивать предъ обѣдомъ рюмку водки, то потомъ, когда это сдѣлается для него обычной потребностію, онъ изъ той же прихоти будетъ присоединять или вторую рюмку, или стаканъ вина, или

кружку пива. Съ теченіемъ времени все это сдѣлается для него привычнымъ, и прихоть, какъ врагъ всего привычнаго, будетъ изыскивать новыя средства возбужденія, не удовлетворяясь благоразумною умѣренностію. Поэтому лучше, безопаснѣе и душеспасительнѣе совѣмъ не допускать въ себѣ винной прихоти. „Берегись первой рюмки“, говорили встарину.

Говорятъ: вино по установленію Самого Господа употребляется въ таинствѣ Евхаристіи, и потому нельзя проповѣдывать безусловнаго воздержанія отъ вина. Но евхаристійное вино, претворенное въ Кровь Христову, употребляется и назначается не для прихоти, для питанія не жизни чувственной и временной, но духовной и вѣчной. Вино, предлагаемое въ храмѣ послѣ приобщенія въ видѣ такъ называемой теплоты, также должно быть принимаемо безъ сомнѣнія, хотя бы и данъ былъ кѣмъ нибудь обѣтъ безусловнаго воздержанія: то, что предлагается въ храмѣ по божественному установленію, никакъ не можетъ быть грѣховно; причиною грѣха можетъ быть только похоть (Іак. 1, 14—15). Ветхозавѣтный законъ о соблюденіи субботняго покоя былъ нарушаемъ въ храмѣ священниками, приготовлявшими и приносившими жертвы; однако Самъ Господь Іисусъ Христосъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ они были неповинны ради святости и величія храма; не читали ли вы въ законѣ, что въ субботы священники въ храмѣ нарушаютъ субботу, однако невиновны? Но говорю вамъ, что здѣсь Тотъ, Кто больше храма“ (Матѣ. 12, 5—6).

Говорятъ: въ Писаніи сказано, что *вино веселитъ сердце человека* (Пс. 103, 15), слѣдов., вино имѣетъ свою добрую сторону. Но у того же псалмопѣвца сказано: *возвеселится праведникъ о Господѣ* (63, 11). Какое же веселіе предпочтительнѣе? То ли, которое возбуждается виномъ, или то, которое проистекаетъ изъ упованія на Господа и изъ созерцанія дѣлъ Его. Правда, вино можетъ на нѣкоторое время изгнать изъ сердца печаль, почему и сказано у Премудраго: *дадите сикера сущимъ въ печалехъ* (Притч. 31, 6). Однако насколько

лучше и достойнѣе христіанина слѣдовать иному совѣту: *возверзи на Господа печаль твою* (Пс. 54, 23)! Когда враги Христа по установленному обычаю хотѣли облегчить для Него предстоящія страданія, помрачивъ Его сознаніе виномъ, смѣшаннымъ со смолою, то Господь отвергъ это: *дояху ему пити есмирнисмено вино онъ же не пріять* (Марк. 15, 23).—Так. обр., Писаніе, хотя и не отрицаетъ, что вино можетъ веселить человѣка и отгонять отъ него печаль, однако указываетъ для этого и другіе совершеннѣйшіе способы.

Указываютъ на событіе претворенія воды въ вино въ Канѣ Галилейской и повидимому хотятъ извлечь изъ него такой урокъ: такъ какъ Господь даровалъ этимъ чудомъ изобиліе вина, то, значить, Ему угодно было, чтобы брачное торжество сопровождаемо было изобильнымъ употребленіемъ дарованнаго, т. е., вина. Но если Господь подаетъ что либо въ изобиліи, то этимъ Онъ еще не выражаетъ Своей воли, чтобы все Имъ поданное было употреблено и притомъ неотложно. Пять хлѣбовъ и двѣ рыбы были чудесно умножены до того, что напители пять тысячъ человѣкъ, да кромѣ того образовался остатокъ въ двѣнадцать коробовъ, наполненныхъ несѣденными кусками (Іоанн. 6, 12—13). Слѣдовательно, не все, что подаетъ Господь, должно быть необходимо употреблено; дары Божіи могутъ изобиліемъ своимъ далеко превышать мѣру человѣческихъ потребностей; эти потребности должны соразмѣряться съ правилами воздержности и благоразумія, можетъ быть даже самоотреченія и самоумерщвленія, а не съ безмѣрною щедростію Творца и Владыки міра. Въ Канѣ Галилейской во время брачнаго пира оказалось полное отсутствіе вина; это было великимъ посрамленіемъ для жениха, устроявшаго пиръ; Христосъ по ходатайству Своей Матери снизошелъ къ человѣческому горю людей, близкихъ Его сердцу, и даровалъ великое изобиліе вина; но этимъ Онъ не указалъ, чтобы все чудесно происшедшее вино было выпито, чтобы не образовалось остатка, который бы составилъ подспорье для бѣднаго жениха (подобно елею, чу-

десно умноженному по слову пророка Елисея, 4 Цар. 4, 1—7); Онъ не повелѣлъ, чтобы пили много, чтобы пили всѣ; Онъ только положилъ конецъ тому „неимѣнію вина“, при которомъ воздержаніе было вынужденнымъ, тогда какъ оно должно быть добровольнымъ самоограниченіемъ, должно открываться и торжествовать, какъ истинно христіанскій подвигъ, не при скудости, которая дѣлаетъ его невольнымъ, но при изобиліи, когда оно является всецѣло дѣломъ возвышеннаго, „владычественнаго“ духа.

Не надлежащее значеніе усвоется иногда и словамъ архитрикліна къ жениху: *всякъ человекъ прежде доброе вино полагаетъ, и егда упоются, тогда худшее: ты же соблюлъ еси доброе вино досель* (Іоан. 2, 10). Изъ этого выводятъ то заключеніе, что, когда совершилось чудо Христово, брачные гости находились уже въ состояніи охмелѣнія, не позволявшаго имъ оцѣнить достоинства вина, *бывшаго отъ воды*, и поэтому претвореніе воды въ вино было какъ бы поощреніемъ къ несовсѣмъ умѣренному употребленію вина и къ дальнѣйшему пребыванію въ томъ состояніи, которое обозначено словами: *егда упоются*. Но слова архитрикліна выражаютъ только общее правило, по которому лучшее предлагалось напередъ, а напоследокъ худшее,—правило, основанное на томъ, что по мѣрѣ насыщенія и пресыщенія гость теряетъ нравственное право быть разборчивымъ. А всякое правило примѣняется и соблюдается не только при существованіи на лицо тѣхъ обстоятельствъ, которыя первоначально послужили для него основаніемъ, но и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ: лучшее вино подавалось впередъ, а худшее напоследокъ не только тогда, когда имѣлось въ виду пресыщеніе виномъ, но и тогда, когда по скудости запасовъ пресыщеніе не предполагалось. Послѣдній случай былъ въ Канѣ: откуда при скудости и неимѣніи могло быть пресыщеніе? но это не мѣшаетъ архитрикліну шутливо упрекнуть жениха за несоблюденіе обычая, установившагося

для всѣхъ безразлично случаевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовать достоинство вновь явившагося вина.

Итакъ, пастырское руководство не имѣетъ никакихъ побужденій оставлять свою точку зрѣнія на вопросъ о трезвости. Правда, Св. Писаніе не заключаетъ въ себѣ безусловнаго запрещенія употреблять вино, но христіанскій подвигъ не ограничивается воздержаніемъ отъ того, что безусловно запрещено, онъ выражается въ добровольномъ отреченіи отъ того, что дозволено. Въ стремленіи къ совершенству христіанское подвижничество отрывается отъ обладанія богатствомъ, отъ жизни брачной, отъ употребленія мясной пищи, хотя все это не воспрещено въ Писаніи, а дозволено. Новозавѣтное Откровеніе даетъ намъ понятіе о постепенности совершенствованія, о христіанской жизни, какъ постоянномъ движеніи впередъ, при чемъ то, что умѣстно на низшихъ ступеняхъ и въ первоначальныхъ стадіяхъ, становится нетерпимо на ступеняхъ высшихъ и въ стадіяхъ дальнѣйшихъ.—Умѣренность въ винѣ свойственна ступени обычной гражданской добродѣтели, полное воздержаніе отъ вина свойственно высшей ступени добродѣтели истинно христіанской.

С. Кохомскій.

О Спасовыхъ праздникахъ (1, 6 и 16 августа).

Названіе праздника „происхожденіе честныхъ древъ честнаго и животворящаго креста“, значащееся въ славянскихъ мѣсяцесловахъ и богослужебныхъ книгахъ Православной Церкви, составляетъ для многихъ трудно разрѣшимую задачу и грамотеями часто толкуется неправильно въ смыслѣ „произрастанія“ того древа, изъ котораго былъ устроенъ впоследствии крестъ Господа нашего Іисуса Христа. Но подлинное значеніе праздника уже довольно указывается греческимъ словомъ — *προοδος* („выступленіе впередъ“, „походъ“, ходъ) въ названіи этого праздника, а еще болѣе оно видно изъ его

исторіи. Извѣстно, что мать равноапостольнаго царя Константина, императрица Елена, обрѣвши въ Іерусалимѣ подлинный крестъ Господень, значительную часть древа животворящаго креста взяла съ собою въ Константинополь и положила на храненіе въ царской палатѣ или точнѣе въ дворцовой своей церкви. Изъ древнихъ же греческихъ мѣсяцеслововъ видно, что въ 9-мъ вѣкѣ въ Константинополѣ существовалъ обычай изношенія креста Господни, предъ 1-мъ днемъ августа, изъ царскихъ палатъ въ храмъ св. Софіи. Въ мѣсяцесловахъ и прологахъ это изнесеніе креста показывается то 30-го, то 31-го іюля, а внесеніе въ царскую палату 14-го или 13-го августа. Въ теченіе промежуточныхъ 14 дней св. древо креста Господни, ежедневно обносилось въ крестномъ ходѣ по улицамъ Константинополя, съ окропленіемъ ихъ водою, освященною 1-го августа въ храмѣ св. Софіи. Въ обрядникѣ императора Константина Порфироднаго (912—59) подробно изложены правила, когда выносить крестъ изъ палаты предъ 1-мъ августа,—смотря потому, на какой день недѣли падало 1-е августа, его выносили иногда за 8, 7, 5, 4, 3 и за два дня до 1-го августа. Крестные ходы въ эти дни совершались только изъ Софіи; изъ другихъ церквей и монастырей цареградскихъ такихъ крестныхъ ходовъ не было. Въ настоящее время въ Константинопольскихъ церквахъ и въ самой даже патріархіи ни особой торжественной службы, ни крестнаго хода въ 1-й день августа не бываетъ; служатъ лишь обычную литургію съ освященіемъ воды въ храмѣ, которое совершается каждый мѣсяцъ 1-го числа, послѣ чего приходскіе священники окропляютъ св. водою дома прихожанъ. Въ полномъ мѣсяцесловѣ архимандрита (нынѣ Высокопреосвященн.) Сергія сказано, что въ Студійскихъ Минеяхъ, употреблявшихся въ Россіи съ 11-го до конца 14-го и начала 15-го вѣка, не было никакой службы кресту ни 31-го іюля, ни 1-го августа; служба эта началась лишь съ введеніемъ у насъ іерусалимскаго устава вмѣсто студійскаго.— Въ Великороссіи праздникъ 1-го августа пазывается 1-мъ,

Спасомъ 1); освященіе воды съ крестнымъ ходомъ въ этотъ день совершается въ рѣкѣ, а гдѣ нѣтъ рѣки въ колодцѣ, день бываетъ нерабочій. Въ Малороссіи 1-е августа въ народѣ извѣстно болѣе подъ именемъ „дня свв. Макковеевъ“, память которыхъ творится въ этотъ день, почему въ освященію воды приносится въ церковь для освященія вмѣстѣ съ васильками и другими цвѣтами, преимущественно растеніе макъ 2); освященіе воды послѣ литургіи совершается большею частію въ церквахъ или ближайшихъ колодцахъ, въ церковь приходятъ главнымъ образомъ женщины и дѣти, а мужчины бываютъ на работахъ, кромѣ рабочихъ захожихъ изъ Великороссіи, которые считаютъ грѣхомъ работу въ этотъ день. Что касается наименованія праздника 1-го августа

1) Во многихъ мѣстахъ праздникъ перваго Спаса именуется „мокрымъ“, очевидно, отъ совершаемаго въ этотъ день чина водосвященія, для чего обыкновенно отправляются на источники, озера и рѣки. При этомъ поселяне наши считаютъ полезнымъ и спасительнымъ дѣломъ купаться въ священныхъ водахъ. Перѣдко еще праздникъ зовется „Спасомъ медовымъ“, какъ видно оттого, что около этого времени наши пчеловоды подрѣзываютъ соты. Еще доселѣ у нихъ соблюдается обычай на 1-е августа являться въ церковь съ медомъ, какъ своего рода новиною, для освященія. Во многихъ мѣстахъ, помимо того, благочестивые поселяне считаютъ долгомъ приносить въ церковь всякаго рода съмена и разнаго рода овощи въ цвѣтахъ и корнѣ, которыя освящаются здѣсь, какъ первые плоды лѣтнихъ сельскихъ трудовъ.

2) Изъ мака на этотъ разъ приготавливается особое кушанье такъ называемые „шулики“. Въ этомъ обстоятельстве нельзя не видѣть связи съ именемъ Макковеевъ, которые извѣстны въ народѣ подъ именемъ „Макотруса“, отъ собиранія маку. Нужно еще замѣтить, что простой вародъ ставитъ въ связь съ ветхозаветными Макковеями и упомянутый обрядъ освященія воды. Поэтому иные догадываются, не находится ли въ семъ случаѣ „Маккавей“ нашего простаго народа въ связи съ Мокошемъ, древнеславянскимъ богомъ, которому были посвящены рѣки, озера, и колодцы.

„Спасомъ“, употребляемаго въ сѣверо-восточномъ краѣ Россіи, то оно произошло отъ установленнаго въ 12-вѣкѣ празднованія въ этотъ день Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородицѣ за одержанную великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ побѣду надъ повожскими болгарами, и за побѣду, одержанную въ томъ же году греческимъ императоромъ Мануиломъ надъ сарацинами, какъ значитъ о семъ въ славянскомъ прологѣ. Церковная служба св. кресту и Всемиловитому Спасу на 1-й день августа извѣстна въ Россіи только съ 15-го вѣка, но въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ ея нѣтъ.

Праздникъ Преображенія Господня празднуется одинаково (6 августа) какъ въ сѣверо-восточной, такъ и въ юго-западной Руси. Народъ сѣверо-восточной Руси называетъ этотъ праздникъ „вторымъ Спасомъ“, а въ юго-западной Руси просто „Спасомъ“. На праздникъ Преображенія Господня предки наши приносили въ храмъ къ освященію садовые плоды и огородныя овощи, которыхъ, исключая огурцовъ, до этого праздника предки наши не употребляли въ пищу, считая это грѣхомъ, и только съ 6-го августа у нихъ на столѣ являлись всѣ огородныя и садовыя произведенія. Въ этотъ же праздникъ владѣльцы полей, какъ и доселѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, являются въ храмъ съ колосьями и сѣменами новаго хлѣба, надъ которыми совершается молитва и окропленіе святою водою, и эти освященные начатки потомъ берегаются къ началу новаго посѣва. Такъ какъ въ день Преображенія Господня изъ садовыхъ овощей приносятъ въ храмъ для благословенія преимущественно яблоки, то отсюда и самый праздникъ Преображенія Господня въ народѣ называется „Спасомъ яблочнымъ“.

„Третьимъ Спасомъ“ въ Великороссіи называется праздникъ 16 августа въ честь нерукотвореннаго образа Спасителя, по случаю перенесенія его изъ Едессы въ Царьградъ. Въ великорусскомъ народѣ онъ также принадлежитъ къ числу нерабочихъ дней, какъ и 1-е августа. Въ Малороссіи и

во всемъ юго-западномъ краѣ онъ считается однимъ изъ малыхъ праздниковъ и къ свободнымъ отъ работъ днямъ не причисляется. Впрочемъ, женщины въ этотъ день воздерживаются отъ нѣкоторыхъ ручныхъ работъ, какъ то: приденія, шитья и т. п., согласно названію образа. О нерукотворенномъ образѣ Спасителя извѣстно, что, по перенесеніи въ Царьградъ, онъ былъ поставленъ въ храмъ Богородицы Фаросской, созданномъ императоромъ Мануиломъ (856—867 г.). Въ настоящее время этого образа нѣтъ въ Царьградѣ. По наиболѣе вѣроятному сказанію этотъ образъ, при завоеваніи, Константинополя крестоносцами въ 1204 г., былъ захваченъ венеціанцами и въ числѣ прочей добычи былъ отправленъ въ Венецію, но на пути потонулъ вмѣстѣ съ кораблемъ въ Мраморномъ морѣ во время бури. По другому западному сказанію онъ находится въ г. Генуѣ, въ латинскомъ монастырѣ св. Вареолемея, куда поступилъ отъ генуэзскаго генерала Монтальто, а ему подаренъ греческимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ въ благодарность за помощь оказанную при нападеніи сарацинъ въ 1362 году. Въ Римѣ извѣстенъ, также съ именемъ нерукотвореннаго, образъ главы Христа Спасителя, сохраняющійся въ церкви св. Петра подъ куполомъ въ верхней части одного изъ четырехъ опорныхъ столбовъ, именно того, на которомъ изображенъ св. евангелистъ Матѳей. О чудесномъ происхожденіи этого нерукотвореннаго образа римское преданіе говоритъ такъ: когда Спаситель, во время Своего пути на Голгоѳу, изнемогалъ подъ тяжестью креста, сострадательная женщина по имени Вероника, домъ которой былъ на этомъ пути, подала ему полотенце отереть съ лица потоки кроваваго его пота; на семъ полотнцѣ или убрусѣ, отъ прикосновенія къ лицу Спасителя, чудесно изобразился ликъ его. Убрусъ этотъ съ образомъ Спасителя сохранялся, какъ драгоценность въ домѣ уѣзжавшей во Христа Вероники—въ Іерусалимѣ, но впоследствии времени перенесенъ въ Римъ. Печатные снимки сего образа съ посвидѣтельствомъ и печатію одного изъ

членовъ соборнаго причта, продаются въ Римѣ по недорогой цѣнѣ и весьма распространены среди католиковъ. Самого же образа никто, кромѣ членовъ соборнаго причта, не можетъ видѣть; только въ Великій пятокъ онъ показывается народу съ балкона внутри храма, но съ такой высоты, что, по свидѣтельству бывшихъ при этомъ, даже въ увеличительное стекло можно видѣть только черное пятно. Нѣкоторые писатели считаютъ, однако, лице Вероники мистическимъ, производя имя ея отъ „vera eikon“, что съ латиногреческаго языка обозначаетъ „истинный образъ“.

Исповѣдь духовенства и окружной духовникъ¹⁾.

4. Какой характеръ должны имѣть пастырскія бесѣды духовника духовенства съ его духовными дѣтьми? Поученіе святительское къ новопоставленному іерею даетъ такое наставленіе относительно вразумленія согрѣшающихъ мірянъ: „когда увидишь кого изъ прихожанъ или ссорящагося съ кѣмъ другимъ, или упивающагося, или безчинствующаго: тогда долженъ ты кроткимъ словомъ напомнить ему, что онъ прогнѣвляетъ Бога и дѣлаетъ соблазнъ на поврежденіе ближнему“. Такъ же и ап. Павелъ говоритъ епископу Тимоѳею: *Старца не укоряй, но умолай, яко же отца, юноши, яко же братію, старицы, яко же матери, юныя, яко же сестры* (1 Тим. 5, 1—2). Если такое отношеніе требуется отъ пастыря Церкви при вразумленіи мірянъ, то тѣмъ болѣе оно требуется при вразумленіи клира Церкви. Бесѣды духовника духовенства должны быть облечены приличіемъ, требуемымъ положеніемъ его духовныхъ дѣтей, какъ членовъ клира. Онъ долженъ быть очень благоразуменъ въ пастырско-вразумительныхъ бесѣдахъ съ своими духовными дѣтьми, а особенно

1) См. № 30-й за 1898 годъ.

съ равными ему пастырями Церкви, избирать по возможности благовидные поводы для посѣщенія ихъ и бесѣдовать съ ними умѣючи, принимая во вниманіе особенноти характера каждаго и выбирая для бесѣды удобную минуту. Онъ особенно долженъ помнить, что не только вещественное, но и духовное лѣкарство, если дается не во-время и не такъ, какъ слѣдуетъ, только растравляетъ рану и ухудшаетъ болѣзнь, а не врачуетъ. Своихъ духовныхъ дѣтей, а особенно пастырей Церкви духовникъ долженъ вразумлять такъ, какъ вразумлялъ первыхъ пастырей Церкви—апостоловъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ и какъ вразумляли пастырей Церкви апостолы. Изъ призванныхъ къ апостольскому служенію двѣнадцати учениковъ Христовыхъ Иуда, какъ извѣстно, страдалъ недугомъ сребролюбія: *таѣ бо бѣ, говоритъ о немъ Слово Божіе, и козачежеиѣ имѣаше и вѣмѣтаемая ношаше* (Іоан. 12, 1, 6); сребролюбіе довело его потомъ и до предательства Господа. Какъ же вразумлялъ его Пастыреначальникъ нашъ?—Духомъ кротости. До самыхъ послѣднихъ дней Своей жизни Онъ не удалялъ его отъ Себя, допустилъ его до участія въ Тайной Вечери, на которой кротко вразумляетъ его словами: *ядущій со Мною хлѣбъ воздвиже на Мя запитаніе.... единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. 13, 18, 21); когда выѣстъ съ другими учениками подошелъ къ Нему Иуда и спросилъ: не я ли Господи? Господь отвѣтилъ: *ты реклъ еси* (Мѡ. 26, 25) и, наконецъ, сказалъ ему: *еже твориши, сотвори скоро* (Іоан. 13, 27), такъ что другіе апостолы не поняли, въ чемъ дѣло, думая, что рѣчь идетъ о покупкахъ по случаю приближавшагося праздника Пасхи. Когда же Иуда предавалъ Его, то Господь въ послѣдній разъ опять кротко сказалъ ему: *Иудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши* (Лук. 22, 48)? Кроткое, дружелюбное вразумленіе—вотъ чѣмъ дѣйствовалъ Пастыреначальникъ нашъ на сребролюбіемъ недуговаващаго Своего ученика. Другой изъ призванныхъ къ апостольскому служенію учениковъ—ап. Петръ, не смотря на предупрежденіе Господа, трижды отрекся отъ Него и ири томъ съ

клятвою. А какъ врачуетъ его Господь? По отреченіи Петра Господь, выйдя изъ дома Каіафы, только посмотрѣлъ на Петра. Какъ же подѣйствовалъ этотъ взоръ Господа? *И изшедъ вонъ, Петръ плакася горько* (Лук. 22, 61—62). Глубокое раскаяніе падшаго Петра искупило минутную его слабость. Милосердый Господь вскорѣ утѣшилъ его явленіемъ ему отдѣльно по Своемъ воскресеніи; явившись же ему потомъ вмѣстѣ съ другими апостолами на берегу моря Тиверіадскаго, Онъ, послѣ троекратнаго вопроса: *Симоне Ионинъ, любиши ли Мя паче сихъ?* востановилъ его въ апостольскомъ достоинствѣ, сказавъ: *паси овцы моя* (Іоан. гл. 21). Итакъ и здѣсь Пастыреначальникъ нашъ врачуетъ рану духомъ кротости. Такъ же дѣйствовали по отношенію къ пастырямъ Церкви и апостолы. *Бдите*, говорилъ, напр., ап. Павелъ къ пастырямъ Ефесскимъ, *поминающе, яко три нѣта ночь и день не престаяхъ учи со слезами единаго коегождо васъ* (Дѣян. 20; 31).

Наблюденіе за нравственнымъ состояніемъ паствы укажетъ духовнику *предметы для его пастырскихъ бесѣдъ*. Здѣсь можно только сказать, что предметами этихъ бесѣдъ могутъ быть какъ *недостатки простого народа*, такъ и *личныя недуги духовенства*. Относительно членовъ клира, особенно псаломщиковъ, можно обратить вниманіе окружающихъ духовниковъ на сутяжничество и влязничество, нерадѣніе объ исправленіи своихъ обязанностей, пьянство, возмущеніе прихожанъ противъ насгоятеля и т. п. Съ самими же *пастырями* Церкви бесѣды духовника ихъ главнымъ образомъ должны направляться противъ тѣхъ недуговъ, которые особенно нетерпимы въ нихъ. Къ такимъ недугамъ относится, во 1-хъ, *ненадлежащее приотосленіе пастыря къ божественной службѣ, а особ. литургіи*. Надлежащее приотосленіе къ божеств. службѣ, а особ. къ литургіи, трезвенность, духовная сосредоточенность души, уклоненіе передъ службою отъ всего грѣховнаго, мірскаго, житейскаго, наставленіе себя въ мирѣ съ Богомъ и ближними уготовляютъ пастыря въ до-

стойнаго совершителя таинъ Божіихъ. При достойномъ при-
ступленіи пастыря къ божеств. службѣ, она, и особенно ли-
тургія, дѣлаетъ его достойнымъ сосудомъ благодати Божіей,
поддерживаетъ въ немъ пастырскій духъ, възгрѣваетъ въ
немъ даръ священства. При такомъ приготовленіи и совер-
шеніи пастыремъ Церкви божественной службы, все грѣхов-
ное въ немъ ослабѣваетъ и само собою, какъ шелуха, отпа-
даетъ. Совершеніе же богослуженія безъ надлежащаго при-
готовленія къ нему омѣрщаетъ пастыря, обращаетъ его въ
простаго требоисправителя и наемника. Отъ такого пастыря
благотворнаго вліянія на пасомыхъ ожидать трудно. Другой
недугъ, требующій особеннаго вниманія духовника духовен-
ства, — *вражда съ другими*, особенно съ низшими членами
причта, происходящая иногда отъ ненадлежащаго выдѣла со
стороны священника доходовъ или земли прочимъ членамъ
причта и вообще пренебреженія ихъ интересовъ. Такое от-
ношеніе пастыря къ низшимъ членамъ клира возбуждаетъ
въ послѣднихъ справедливое неудовольствіе противъ священ-
ника, которое проявляется вездѣ, гдѣ только они считаютъ
для себя это возможнымъ, даже въ храмѣ при совершеніи
богослуженія. Можетъ ли быть среди такихъ служителей
Церкви Богъ мира и любви и можетъ ли имѣть надлежащее
значеніе ихъ служба? Третій недугъ, нетерпимый въ лицѣ,
принадлежащемъ къ клиру, а особенно въ пастырѣ Церкви,
и требующій особеннаго попеченія духовника духовенства,
есть *пьянство*. Не дожидаясь исповѣди, духовникъ долженъ
посѣщать страдающихъ этими недугами, особенно же па-
стырей Церкви, разъяснять вредъ пьянства для здоровья,
показать, что оно разстраиваетъ хозяйство, ведетъ къ об-
нищанію, отражается на здоровьѣ и благосостояніи се-
мейства, унижаетъ человѣка вообще, а пастыря Церкви
въ особенности, лишаетъ его уваженія въ глазахъ прихо-
жанъ, семейства и духовенства, приводитъ его къ опущені-
ямъ по отправленію своихъ обязанностей, къ болѣе или
менѣе тяжелымъ проступкамъ, и наконецъ, влечетъ для него

запрещеніе священно-служенія и даже лишеніе сана. Четвертый недугъ, требующій особеннаго вниманія духовника духовенства и особенно нетерпимый между членами клира, и пастыря Церкви въ особенности, есть *нецѣломудренная жизнь*. Такая жизнь обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ пьянства и неумѣреннаго употребленія вина. *Не упивайтесь виномъ*, говоритъ ап. Павелъ, *въ немъ же есть блудъ* (Ефес. 5, 18). Но этому недугу предаются и люди трезвые и въ другихъ отношеніяхъ безупречные. По отношенію къ первымъ духовнику духовенства нужно обращать вниманіе главнымъ образомъ на причину или корень болѣзни—пьянство или неумѣренное употребленіе вина. Запретивъ больному употребленіе вина (постепенно), духовникъ можетъ отвратить его потомъ и отъ нецѣломудренной жизни. Тамъ же, гдѣ нецѣломудренная жизнь ведется независимо отъ употребленія вина, духовнику, познакомившись съ образомъ жизни недугующаго, должно дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ. Стремленіе къ нецѣломудренной жизни возбуждается не только неумѣренными употребленіями вина, но и обильнымъ употребленіемъ пищи. Замѣчено давно и всѣми, что, если плоть наша не допьетъ и не доѣстъ, не будетъ имѣть полнаго удовлетворенія какъ пищею, такъ и питьемъ (даже воды), тогда достигается двоякое благо: здоровье, бодрость тѣлесная и господство духа надъ тѣломъ. Постъ—вообще прекрасное средство противъ стремленій къ нецѣломудренной жизни. Когда постомъ положена на тѣло узда, тогда выступаютъ благородныя стремленія духа, тогда духъ дѣлается болѣе воспримчивъ ко всему святому и божественному. А тогда и нецѣломудренныя стремленія или вовсе не появляются, или если и появляются, то въ слабой степени и съ ними справиться легко. Пятый недугъ, требующій особеннаго вниманія духовника духовенства, есть *корыстолобіе*, которое обнаруживается въ вымогательствѣ запрашиваемой духовнымъ пастыремъ у прихожанъ неумѣренной платы за требы. Порокъ этотъ показываетъ въ пастырѣ сознательнаго наемника. Никакой рѣчи не можетъ

быть ни о пастырскомъ вліяніи такого пастыря на его паству, ни о добрыхъ между ними отношеніяхъ. Прихожане смотрятъ на такого пастыря, какъ на своего врага, и мстятъ ему, чѣмъ могутъ: портятъ хлѣбъ на полѣ, крадутъ скотъ его и т. п. Замѣтивъ этотъ порокъ въ пастырѣ Церкви, духовникъ духовенства долженъ немедленно приняться за врачеваніе его. Не дожидаясь исповѣди, онъ долженъ посѣщать страдающаго этимъ недугомъ собрата и наединѣ раскрыть ему глаза на его болѣзнь, показать ему несовмѣстимость этого порока съ званіемъ пастыря Церкви, возможность лишенія чрезъ этотъ порокъ всякаго значенія пастыря въ приходѣ, приобрѣтенія имъ злѣйшихъ враговъ въ своей паствѣ и наконецъ, появленія и усиленія сектантства въ приходѣ.

Вмѣстѣ съ указаніемъ и обличеніемъ важнѣйшихъ недуговъ духовенства окружной духовникъ долженъ постоянно говорить о тяжелой отвѣтственности пастыря за спасеніе вверенныхъ его попеченію душъ. Хотя *дѣйствительность богослуженія и таинства*, совершаемаго находящимся въ означенныхъ недугахъ и вообще въ смертномъ грѣхѣ пастыремъ Церкви, и не теряетъ своей силы, тѣмъ не менѣе *дѣйственность его можетъ*, вслѣдствіе грѣховности пастыря, *доходить до самой ничтожной степени*. Такъ, напр., для дѣйственности таинства покаянія требуется вѣра въ Бога, сокрушеніе во грѣхахъ и намѣреніе исправить свою жизнь. Вселить все это въ души пасомыхъ въ значительной степени зависитъ отъ пастыря Церкви. Но можетъ ли все это сдѣлать пастырь Церкви, самъ въ безднѣ грѣховнѣй валяйся? Слово его, какъ грѣшника, бездѣйственно и гнило; богослуженіе, совершаемое имъ, не благоговѣйно и не назидательно; образъ жизни его, недостойный не только пастыря Церкви, но и всякаго христіанина, возбуждаетъ невольное сомнѣніе и недовѣріе къ дѣйственности его пастырскаго служенія. Какъ же онъ можетъ пробудить въ пасомыхъ вѣру, расположить ихъ къ сокрушенію во грѣхахъ и намѣренію исправить свою жизнь?...

При томъ же самъ такой пастырь Церкви, лишенный пастырскаго духа, предающійся злобѣ, пьянству и любостыжанию, способенъ совершать и совершаетъ страшныя преступленія. Онъ можетъ оставить безъ крещенія новорожденного умирающаго младенца, безъ исповѣди и причастія св. таинъ умирающую родительницу или иного кого либо неожиданно умирающаго. Духовникъ духовенства обязанъ разъяснить такому пастырю страшную опасность, какой онъ подвергается, предаваясь означеннымъ порокамъ, ибо отъ руки его будетъ взыскана Господомъ смерть всякаго грѣшника, который умретъ въ смертномъ грѣхѣ по его грѣховности (Іезек. 3, 18), тѣмъ болѣе что и самъ онъ можетъ быть застигнутъ смертію неожиданно, безъ очищенія совѣсти покаяніемъ.

Такимъ и подобнымъ образомъ духовникъ духовенства долженъ вразумлять недугующихъ чадъ своихъ, а особ. пастырей Церкви. Ничто однако такъ не содѣйствуетъ ослабленію грѣховныхъ недуговъ пастыря Церкви, какъ *достойное приоттовленіе его къ божественной службѣ, а особенно къ литургіи, и самое совершеніе ихъ*. По „Учит. Извѣстію“, священникъ долженъ за нѣсколько дней до литургіи готовиться къ совершенію ея, воздерживаясь въ это время, а равно и въ самый день совершенія ея отъ вполнѣ законныхъ и дозволенныхъ удовольствій (ст. 2). А такъ какъ, достойно приготовившись къ совершенію литургіи, пастырь Церкви достойно приобщается Тѣла и Крови Господа, то что всего лучше его можетъ освятить и очистить, какъ не Самъ Господь, съ Которымъ онъ достойно соединяется въ таинствѣ Причащенія? Можетъ быть, не вдругъ, но все грѣховное, всякій порокъ, всякій недугъ духовный ослабѣетъ въ пастырѣ Церкви, исчезнетъ, какъ дымъ, растаетъ, какъ воскъ отъ лица огня. Ибо кое общеніе свѣту ко тмѣ, Христу съ Веліаромъ? Совѣсть тогда пробудется у пастыря Церкви и потребуетъ возстановленія нарушенныхъ своихъ правъ; грѣхъ потеряетъ постепенно свою сладость и притягательную силу, а на мѣсто его постепенно явится сладость церковная, и

наемникъ обратится въ добраго пастыря. О семъ главнымъ образомъ и долженъ заботиться духовникъ духовенства, при врачеваніи духовныхъ недуговъ своихъ чадъ, а остальное все явится само собою.

Самое удобное время для пастырскаго вразумленія и врачеванія ввѣреннаго попеченію окружнаго духовника духовенства—*время исповѣди*. Во время исповѣди душа христіанина бываетъ особенно настроена къ принятію духовнаго врачеванія. Душа его въ это время умягчается сознаниемъ своей грѣховности, смиряется въ послушаніе Христово, дѣлается особенно воспріимчивою къ вразумленію духовника. Тутъ-то духовнику и нужно быть особенно внимательнымъ.

5. *Когда же должны являться къ исповѣди духовныя чада окружнаго духовника духовенства?* Священникъ и діаконъ должны исповѣдываться у своего духовника всякій разъ, когда имѣютъ на своей совѣсти смертный грѣхъ ¹⁾: „Аще же о грѣсѣ смертномъ, говорится въ Учит. Изв. (ст. 2), обличаетъ его (священника или діакона) совѣсть, да не дерзнетъ литургисати, дондеже очиститъ себе отъ грѣха того, въ немъ же обрѣтается, сокрушеніемъ и болѣзнію сердечною и исповѣданіемъ устнымъ предъ духовнымъ отцемъ и крѣпкимъ предложеніемъ, еже кому не возвратитися ко грѣху“. Они должны также всякій разъ исповѣдываться въ случаѣ смущенія или тѣлеснаго движенія отъ оскверненія, во снѣ происшедшаго, если оно было вызвано бесѣдами или скверными помыслами съ вечера, или яденіемъ и питіемъ, или продолжительнымъ сномъ, наконецъ, даже и въ томъ случаѣ, если и въ маломъ чемъ обличаетъ ихъ совѣсть (тамъ же). Вообще же духовенство должно исповѣдываться *не менѣе четырехъ разъ въ годъ*, не одни только штатные священно-и церковно-служители, но и ихъ жены и дѣти и заштатные,

¹⁾ Къ смертнымъ грѣхамъ относятся: гордость, сребролюбіе или лихоимство, нечистота или блудъ, чревоугодіе, зависть, гнѣвъ и лѣность (Прав. Испов. II. Могилы).

и не только во Св. Четыредесятницу, но по возможности и во всѣ прочіе посты (Благочин. Инстр. § 9). Самъ окружной духовникъ долженъ исповѣдываться у священника другого округа, ибо было бы не сообразно съ понятіемъ духовнаго отца—исповѣдываться ему у своего духовнаго сына, хотя бы и священника 1).

6. *Какъ духовникъ духовенства долженъ готовить къ исповѣди своихъ духовныхъ чадъ и себя? Приготовление къ исповѣди духовныхъ чадъ должно состоять въ напominаніи имъ долга* 1) познать по возможности и привести на память всѣ свои грѣхи, содѣланные словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, а особ.—совершенные сознательно и свободно, за которые совѣсть угрызала и угрызаетъ, 2) раскаться въ нихъ и болѣзновать душою, что прогнѣвали Господа своего и возбудили противъ себя праведный гнѣвъ Его, 3) открыть предъ духовникомъ на исповѣди всѣ свои грѣхи, безъ утайки, смягченія вины, самоизвиненія или сложенія вины на другого, 4) возложить на Іисуса распятаго все упованіе объ оставленіи грѣховъ, 5) твердо рѣшиться не возвращаться къ грѣху, но, возненавидѣвъ грѣхъ, начать новую жизнь по заповѣдямъ Божиимъ, наконецъ 6), примириться со всѣми, съ кѣмъ была какая вражда, удовлетворить обиженныхъ и простить обидѣвшихъ (Кв. о должн. пресв. прих. § 91—97).

Приготовляя къ исповѣди своихъ духовныхъ чадъ, *духовникъ духовенства и самъ долженъ готовить къ принятію говѣющихъ на исповѣдь. Онъ долженъ возбудить въ себѣ самомъ сокрушеніе сердца о своихъ и людскихъ грѣхахъ, быть чуждымъ гордости, высокомерія и надменности, гнѣва и суровости, хранить воздержаніе и вообще быть добродѣтельнымъ, молясь на всякій часъ Богу, да подастъ ему Господь слово разума для исправленія обращающихся къ*

1) Митропол. Фотій писалъ Псковскому духовенству въ 1419 г.: „а попу, держа пона въ покаянніи у себе, самому у него не подобаетъ каятися“.

нему (Права и обяз. пресв. П. Забѣлина, стр. 189, ч. 1). Нужно чтобы они въ духовникѣ видѣли *друга, отца*, предъ которымъ со всѣмъ довѣріемъ сердца могли бы выплакать свою скорбь о содѣянныхъ ими грѣхахъ: „такъ имѣй грѣхи, говорится въ Москов. Требникѣ (1847 г. л. 292), яже повѣдаютъ тебѣ, якоже бы были твои, и такъ имѣй попеченіе, да отвѣщаеши Богу“.

(Окончаніе будетъ).

З а м ѣ т к а.

Обычай приносить въ церковь для освященія винограда и плоды въ праздникъ Преображенія Господня. Въ Православной Церкви существуетъ обычай, значеніе котораго не всѣми ясно сознается; разумѣмъ обычай освящать виноградъ и плоды въ праздникъ Преображенія Господня. Виноградъ и плоды приносятся въ храмъ для освященія изъ благодарности къ Богу; все, что Господомъ создано, что употребляется нами въ пищу, зависитъ отъ Его воли. Человѣкъ сѣетъ, насаждаетъ, обрабатываетъ, но еще не увѣренъ, что насажденіями своими воспользуется. Ихъ можетъ побить градъ, погубить засуха, повредить излішество дождей. „Насаждающій есть ничто, а все возвращающій Богъ“ (1 Кор. 3, 7). Когда же произведенія земли, для пищи потребныя, начинаютъ созрѣвать и приходятъ въ руки трудившагося дѣлателя, то первое его чувство есть сознаніе явленной ему милости Божіей; созрѣвшіе начатки несутъ человѣкъ въ церковь, „во благодареніе Подателю плодовъ“, како заповѣдано 28 прав. 6 всел. собора. Впрочемъ, приношеніе винограда имѣетъ еще свое особое значеніе. Въ словахъ Кормчей сказано: „грозди въ церковь паче всякаго инаго овоція изряднѣе приносятся; понеже отъ того бываетъ вино, па совершеніе безкровной жертвы приеменно“.

Издrevле установлено, чтобы приносимые въ храмъ начатки плодовъ земныхъ здѣсь были освящаемы. Что не благословляется Церковію, то не полезно и для души, и для тѣла. Напримѣръ, преждевременное или неумѣренное яденіе плодовъ, будучи вреднымъ для здоровья, не дозволяется и церковнымъ уставомъ. Освящаются же въ церковь приносимые плоды Словомъ Божиимъ и молитвою (1 Тим. 4, 5); на нихъ призывается спасительное имя Божіе, а въ молитвѣ, надъ ними произносимой, мы просимъ, чтобы вкушеніе ихъ было во здравіе и въ безгрѣшное удовольствіе вкушающимъ.

А почему плоды приносятся именно въ праздникъ Преображенія, объясняется тѣмъ, что къ этому времени по нашимъ мѣстамъ одни изъ нихъ приходятъ въ совершенную зрѣлость, другія начинаютъ созрѣвать. Можно указать и духовное основаніе для сего обычая. Плоды, когда еще растутъ, бываютъ мелки, зелены и некрасивы; затѣмъ, при содѣйствіи солнечнаго свѣта, теплоты и влаги, приходятъ въ зрѣлый видъ, принимаютъ полноту и красоту, совсѣмъ преобразуютъ я. Такъ земная жизнь для человѣка тоже, что время для созрѣванія плодовъ: здѣсь, на землѣ, человѣкъ долженъ воспитать себя, для своего будущаго преображенія. Самъ по себѣ человѣкъ нечистъ и грѣховенъ, а потому не благообразенъ; но если пользуется свѣтомъ Слова Божія, согрѣвается теплотою умилительныхъ священнодѣйствій, орошается и освящается таинствами, онъ духовно созрѣваетъ, и, какъ *пшеница зрѣлая, во время пожатая* (Іов. 5, 26), прие-млется въ житницу небесную. Подобаешь намъ, христіанамъ, пользоваться дарованными средствами благодатными, и Спаситель нашъ Господь, преобразившійся на горѣ, преобразить уничиженное тѣло наше такъ, что оно будетъ *сообразно славному тѣлу Его* (Фил. 3, 21). (Вятск. Еп. Вѣд. 1896. № 16).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанниній.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 3 іюля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатики, собств. домъ № 40.

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала. при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, августа 9-го.

Содержаніе: Примѣчанія къ Апокалипсису св. Іоанна Богослова.—Цѣль пастырскаго служенія.—Какъ образовались различныя наименованія епископской власти?—Замѣтка относительно производства работъ при возобновленіи приходскихъ храмовъ.—Замѣка.

Примѣчанія къ Апокалипсису св. Іоанна Богослова.

Сознаніе того, что мнимо-духовное христіанство весьма далеко отъ конечнаго торжества, что на пути его распространенія находятся неодолимые преграды, заключающіяся главнымъ образомъ въ преданности христіанъ истинной вѣрѣ и въ бодрствованіи пастырей Церкви, внушаетъ сектантамъ мрачный взглядъ на настоящее и побуждаетъ ихъ сближать переживаемое ими время съ послѣдними временами міра, когда по пророчеству Самого Христа оскудѣетъ вѣра и любовь (Лук. 18, 8; Мате. 24, 12). При этомъ они смотрятъ

на себя, какъ на избранниковъ, которые за сохраненіе истины тѣмъ достойнѣе похвалы, чѣмъ глубже окружающая ихъ тьма заблужденія, и побѣда которыхъ тѣмъ ближе, чѣмъ ближе послѣдній день міра, возвѣщаемый всеобщимъ господствомъ неправды. Посему Откровеніе Іоанна Богослова, изображающее приближеніе и наступленіе кончины міра и страшнаго суда Христова пользуется особенною любовію мнимо-духовныхъ христіанъ, которые тщательно отыскиваютъ и дорого цѣнятъ всякое совпаденіе (хотя бы и мнимое) обстоятельствъ, изображенныхъ въ этой книгѣ, съ обстоятельствами современной жизни какъ Церкви, такъ и сектантства, причемъ все мрачное относится на долю Церкви, а свѣтлое избирается ими для себя ¹⁾. Въ опроверженіе ихъ нужно въ этомъ случаѣ сказать, что, по заповѣди апостола, не слѣдуетъ „спѣшигъ колебаться умомъ и смущаться ни отъ духа, ни отъ слова, ни отъ посланія,—будто уже наступаетъ день Христовъ“ (2 Тессал. 2, 2). Не зная ни дня, ни часа, *въ онѣже Сынъ Человѣческій придетъ*, мы должны всегда бодрствовать и трезвиться, чтобы не быть застигнутыми неожиданно (Матѳ. 25, 13; 1 Тесс. 5, 6); но вслѣдствіе того же незнанія, мы не должны ни о настоящемъ, ни о какомъ-либо послѣдующемъ времени утверждать, что теперь-то или тогда-то наступитъ послѣдній судъ и кончина міра.

Кромѣ того, въ Откровеніи Іоанна не всѣ видѣнія относятся исключительно къ послѣднимъ днямъ міра, нѣкоторые предъизображаютъ событія, давно уже минувшія, хотя совершившіяся послѣ временъ Тайновидца, какъ, напр., страшныя гоненія на христіанъ, паденіе Рима. Къ такимъ-то событіямъ и относятся неоднократно встрѣчающіяся слова: „время близко“ (1, 3; 12, 10). Впрочемъ, непосредственное отношеніе нѣкоторыхъ видѣній къ событіямъ ближайшимъ не препятствуетъ ихъ отношенію и къ дальнѣйшимъ собы-

1) Сближенія, дѣлаемыя штундистами, часто безосновательны и крайне дерзки, такъ что о нихъ *не лѣтъ есть глаголати*.

тіямъ, потому что въ исторіи Церкви непрерывно осуществляется законъ прообразованія, такъ что предшествующимъ прообразуется послѣдующее, и послѣднее отображается въ первомъ, причемъ иногда нѣкоторыя отдѣльныя черты, указуемыя пророчесвенными видѣніями, находятъ осуществленіе не въ ближайшихъ прообразующихъ событіяхъ, а въ дальнѣйшихъ прообразуемыхъ. Посему полное объясненіе этихъ видѣній возможно будетъ только тогда, когда завершится весь кругъ событій, отъ перваго до послѣдняго, отъ начала Церкви до послѣдняго дня міра.

Гл. 1 ст. 6. Сотворилъ есть насъ цари и іереи Богу и Отцу своему. На эти слова мнимо-духовные христіане думаютъ опираться въ своемъ лжеученіи о всеобщемъ царскомъ и священническомъ достоинствѣ христіанъ, вслѣдствіе котораго не нужно будто бы особо поставленныхъ царей и священниковъ. Правда, что каждый христіанинъ является священникомъ, по мѣрѣ того какъ представляетъ въ жертву Богу свое тѣло и совершаетъ предъ Нимъ разумное служеніе (Рим. 12, 1). Правда и то, что каждый христіанинъ можетъ быть названъ царемъ, по мѣрѣ того какъ утверждается Духомъ владычнимъ (Пс. 50, 14), господствуетъ надъ своими страстями и торжествуетъ побѣды надъ кознями діавола. Но то и другое достоинство христіанъ въ земной жизни имѣетъ только слабое начало, и слово *сотворилъ* у апостола Іоанна скорѣе значить: *избралъ* для того, чтобы быть священниками и царями. Это видно изъ того, что ниже говорится: „блаженъ и святъ, имѣющій участіе въ воскресеніи первомъ; надъ ними смерть вторая не имѣетъ власти, но они будутъ священниками Бога и Христа и будутъ царствовать съ Нимъ тысячу лѣтъ“ (20, 6). *Будутъ* царствовать, *будутъ* священниками, а теперь воспитываются, создаются для этого чрезъ служеніе особо поставленныхъ пастырей и начальниковъ (Еф. 4, 12).

Ст. 10. „Я былъ въ духѣ въ день воскресный“. Эти слова доказываютъ, что уже въ вѣкъ апостольскій отличался

и почитался предъ прочими днями недѣли день воскресный; но полную ясность и силу они получаютъ только при свѣтѣ Преданія, такъ какъ русскому слову „воскресный“ соотвѣтствуетъ въ греческомъ текстѣ слово *Κοριακή*, что собственно означаетъ *Господень*, а что Господнимъ днемъ называлось въ древней Церкви именно воскресенье, объ этомъ узнаемъ не изъ Писанія, а изъ Преданія.

Ст. 20. *Седмъ звѣздъ, Ангели седми церквей суть.* Подъ ангелами церквей нельзя разумѣть никого иного, кромѣ епископовъ, почему и говорится дальше: „ангелу Ефесской церкви напиши—ты много переносилъ—ты ниспалъ—покайся“ (2, 1—5) и проч. Все это не приложимо къ блаженнымъ духамъ, называемымъ ангелами въ собственномъ смыслѣ, и приложимо только къ человѣческимъ предстоятелямъ церквей или епископамъ. Существованіе такихъ представителей въ вѣкѣ апостольскій совершенно опровергаетъ еретическое ученіе о всеобщемъ равенствѣ членовъ Церкви.

Главы 2—3. Господь повелѣваетъ Тайновидцу, чтобы онъ написалъ повелѣнія Его предстоятелямъ семи малоазійскихъ церквей. При этомъ Ефесская церковь упрекается въ томъ, что оставила прежнюю любовь (2, 4), Пергамская въ томъ, что есть тамъ николаиты (ст. 15) и т. д... Подобныя погрѣшности и несовершенства не препятствуютъ имъ однако называться и быть церквами, звѣзды которыхъ пребываютъ въ десницѣ Христовой, т. е., представители ихъ находятся подъ водительствомъ Христа (2, 1). Изъ этого усматривается, что вообще въ Церкви есть согрѣшающіе и заблуждающіеся, и что это не препятствуетъ ей оставаться истинно-Христовой Церковію.

Глава 3, ст. 7—8. Такъ какъ въ Филадельфійской церкви не указано Господомъ ни одной порочной черты, то штундисты и утверждаютъ, что они приняли свое ученіе отъ этой именно церкви. Но штунда возникла недавно, отождествлять ее съ ученіемъ древней Филадельфійской церкви и утверждать, что послѣдняя сообщила ей что-либо свое, есть дѣло ни съ

чѣмъ несообразнаго вымысла. Къ тому же эта церковь имѣла епископа (ангела), а епископовъ штундисты отвергаютъ.

Глава 4, ст. 2—3. Описаніе наружнаго вида, въ которомъ явился Тайновидцу Богъ Отецъ, избличаетъ самоуѣренность, съ которою штундисты отрицаютъ всякую возможность изображать и представлять Божество въ видимомъ образѣ. Правда, мы не должны думать, что Божество само по себѣ, по существу Своему, подобно золоту, или серебру, или камню (Дѣян., 17, 29). Однако невидимый Богъ, когда благоволилъ явиться Іоанну, то принявъ видимый образъ и представлялся подобнымъ человѣку, сѣдящему на престолѣ, и видъ Его былъ, какъ видъ ясписа и сардиса, драгоценныхъ камнейевъ (ср. Іезек. гл. 1, Дан. гл. 7).

Ст. 10. Примѣромъ двадцати четырехъ старцевъ, падающихъ и покланяющихся вѣчному Господу и полагающихъ вѣнцы свои предъ Его престоломъ, избличается лжеученіе, отрицающее необходимость и умѣстность тѣлеснаго поклоненія Богу.

Гл. 6, ст. 9—10. *Видѣхъ подѣ олтаремъ души избѣ-
енныхъ—и возопиша—доколы, Владыко, не судиши и не мсти-
ши крови нашей отъ живущихъ на землѣ?* Итакъ, души праведныхъ въ загробномъ мірѣ обращаются къ Владыкѣ живыхъ и мертвыхъ съ мольбами о наказаніи живущихъ на землѣ гонителей вѣры, слѣдовательно, и о пресѣченіи тѣхъ страданій, которымъ подвергаются отъ нихъ ея исповѣдники. Нельзя приписывать святымъ одно будто бы мстительное чувство, побуждающее ихъ молиться объ отмщеніи ихъ крови, и отказывать имъ въ доброжелательномъ чувствѣ, которое побуждаетъ молиться за гонимыхъ сотрудниковъ и братій. Напротивъ, даже говоря объ отмщеніи своей крови, они желаютъ не зла своимъ врагамъ и убійцамъ (это было бы противно Евангелію), но только торжества истинѣ. Всѣмъ этимъ не разоряется, а подтверждается ученіе Православной Церкви о молитвахъ умершихъ святыхъ за Церковь земную и за тѣхъ, которые испрашиваютъ у нихъ молитвъ.

Гл. 7 ст. 3. „Не дѣлайте вреда ни землѣ, ни морю, ни деревьямъ, доколѣ не положимъ печати на челахъ рабовъ Бога нашего“. „Печать“ есть знаменіе, по которому предметъ или человѣкъ узнается или отличается отъ другихъ. „Печать на челѣ“ есть, очевидно, наружное знаменіе, видимое тѣлесными очами и дающее возможность различать людей не только по внутреннимъ ихъ качествамъ, но и по вѣшнему виду, чтобы спасти рабовъ Божіихъ отъ всеобщаго погубленія. Подобнымъ образомъ предъ разрушеніемъ Іерусалима Господь повелѣлъ нѣкому мужу (*облеченному въ подиръ и поясъ отъ сапфира о чреслахъ его*): *даждь знаменія на лица мужей... и далѣе: идите въ градъ—изспытайте и не пощадите—а ко всѣмъ, на нихъ же есть знаменіе, не прикасайтесь* (Іезек. 9, 2—6). Посему понятно священное обыкновеніе христіанъ полагать на себѣ, на челѣ и персяхъ, знаменіе креста въ огражденіе отъ козней діавола. Ты скажешь, что не сами христіане должны запечатлѣвать себя знаменіемъ, что они, согласно Откровенію (гл. 7 ст. 3), должны ожидать, когда повелитъ запечатлѣть ихъ Господь. Но въ Писаніи есть и тому примѣръ, что Господь повелѣваетъ самимъ людямъ положить на домахъ своихъ знаменіе; *и примутъ* (сыны израилевы) *отъ крове* (во время совершенія въ Египтѣ первой пасхи и послѣдней казни) *и помажутъ на обою подвою и на прагахъ въ домъхъ* (Исх. 12, 7). Помазать косякъ съ перекладиною тамъ, гдѣ они соединяются, означаетъ со всею вѣроятностію изобразить крестъ, къ чему приводитъ также и то, что кровь агнца, которою совершалось помазаніе, прообразовала Кровь Христа, пролитую за спасеніе міра на крестѣ; если кровь агнца спасла тогда израильтянъ по силѣ своего прообразовательнаго отношенія къ Крови вѣчнаго Агнца, то и знаменіе, начертываемое на косякахъ и перекладинахъ дверей, было спасительно по сродной причинѣ, по своему образовательному отношенію къ кресту и къ совершаемому христіанами спасительному кре-

стному знаменію. Подобно сему и печать, полагаемая на челахъ рабовъ Божіихъ въ видѣніи Іоанна, есть крестъ.

Гл. 8, ст. 3—4. „Ангелъ сталъ предъ жертвенникомъ—и дано было ему множество ѳиміама, чтобы онъ съ молитвами всѣхъ святыхъ возложилъ его на золотый жертвенникъ—и вознесся дымъ ѳиміама съ молитвами святыхъ отъ руки Ангела предъ Бога“. Для уясненія этого мѣста необходимо обратиться къ параллельному мѣсту Ветхаго Завѣта. Когда Господь хотѣлъ истребить израильтянъ за ихъ ропотъ на Моисея и Аарона, то Ааронъ, по повелѣнію Моисея, долженъ былъ взять кадильницу, вложить въ нее огонь отъ алтаря, возложить на огонь ѳиміамъ и—молиться за народъ (Числ. 16, 46). Какъ тамъ, такъ и здѣсь разумѣются молитвы ходатайственныя, отвращающія отъ людей окончательную гибель. Къ молитвамъ святыхъ присоединяется ѳиміамъ, который имѣетъ особенное свойство направляться вверхъ и тоже свойство сообщаетъ какъ жертвамъ, съ которыми онъ въ Ветхомъ Завѣтѣ соединялся, такъ и вообще молитвѣ людей (*да исправится молитва моя, яко кадило*, Пс. 140, 2). Присоединяясь къ благоуханію жертвы Христовой (Еф. 5, 2), ходатайственныя молитвы святыхъ легко возносятся предъ Бога рукою ангела (здѣсь основаніе для почитанія ангеловъ).

Гл. 9 ст. 20. „Прочіе люди—не раскаялись въ дѣлахъ рукъ своихъ, такъ чтобы не поклоняться бѣсамъ и золотымъ, серебрянымъ, каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, которые не могутъ ни видѣть, ни слышать, ни ходить“. Эти слова напрасно прилагаются къ православнымъ, чтущимъ святыхъ иконы: они чтутъ не бѣсовъ, но Господа, поклоняются Ему въ тѣхъ видимыхъ образахъ, въ которыхъ Онъ по Своему благоволенію дѣйствительно являлся имъ,—и услышанія молитвъ своихъ надѣются не отъ дерева, на которомъ начертана икона, но отъ всевидящаго и вездѣсущаго Божества.

Гл. 10, ст. 5—6 подтверждаютъ законность употребленія клятвы.

Гл. 13 представляет изображеніе антихриста. Стараніе штундистовъ найти здѣсь черты, которыя можно было бы отнести къ установленіямъ Православной Церкви, столько же напрасно, сколько кощунственно. Антихристъ, по изображенію Тайновидца, будучи слугою сатаны, который для обольщенія людей облечается въ образъ свѣтлаго ангела, будетъ имѣть нѣкоторыя черты внѣшняго сходства съ Христомъ. Подобно умершему и воскресшему Христу, онъ будетъ смертельно раненъ, но рана его на удивленіе всей земли исцѣлѣетъ (ст. 3). Пророкъ антихриста, *иной звѣрь, восходящій отъ земли*, будетъ имѣть два рога, подобные Агнчимъ (ст. 11), будетъ обольщать живущихъ на землѣ знаменіями и чудесами и дѣйствовать такъ, чтобы они поклонились первому звѣрю, антихристу, чтобы они сдѣлали образъ его и поклонялись этому образу, чтобы имъ положено было на правую руку или на чело начертаніе, заключающее имя звѣря или число имени его (ст. 12—18). Это начертаніе есть очевидно злоухищренное подражаніе той печати, которою названа будутъ рабы Божіи; этотъ образъ есть такое же подражаніе драгоцѣнному для христіанъ образу Христа, Который предначертывается очамъ ихъ, какъ бы среди нихъ распятый (Гал. 3, 1). Пророкъ антихриста устроить то, что образъ звѣря будетъ говорить и дѣйствовать, какъ одушевленный разумнымъ духомъ (ст. 15): такъ нѣкогда безсловесный и неразумный змій обольщалъ Еву, по дѣйствию діавола говоря, какъ разумный. Пророкъ антихриста устроить также и то, что не имѣющіе начертанія звѣря не въ правѣ будутъ ни покупать, ни продавать, иначе говоря—лишены будутъ всякихъ гражданскихъ правъ (ст. 17).

Штундисты осмѣливаются говорить, что образъ (εἰκών) звѣря—это икона православная. Но гдѣ же тогда образъ Христа, которому очевидно антихристъ противопоставляетъ свой собственный образъ? Антихристъ поступаетъ по подражанію Христу и установленіямъ христіанскимъ противопоставляетъ свои собственныя, чтобы бороться противъ подобнаго по-

добнымъ. Поэтому, если будетъ „образъ звѣря“, долженъ быть и пречистый, чудотворный образъ Христа. Еретики утверждаютъ, что начертаніе на рукѣ или на челѣ есть крестное знаменіе. Тогда какъ же представлять ту печать, которая положена была на чело рабамъ Божиимъ, и которой звѣрь противопоставилъ свое начертаніе? Крестъ не можетъ противопоставляться печати Христовой, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ звѣря и съ числомъ 666. Все это приходитъ въ ясность лишь подъ тѣмъ условіемъ, если мы признаемъ, что въ Церкви всегда былъ и долженъ быть образъ Христа, которому антихристъ противопоставить свой образъ, и крестное знаменіе, которому антихристъ противопоставить свое знаменіе или начертаніе. Штундисты, отвергающіе крестное знаменіе, лишены пѣкоторыхъ правъ, но далеко не лишены продавать и покупать, какъ они хотѣли бы представить, чтобы подходить подъ пророчество въ 17 стихѣ разсматриваемой главы. Сн. 14, 9, 11; 15, 2; 16, 2; 19, 20; 20, 4.

Гл. 14, ст. 4. Сіи суть, иже съ женами не осквернишася: зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ агницу, а може аще пойдетъ. Этими словами возвышается достоинство безбрачія или дѣвства, подъемаемаго не ради житейскихъ или земныхъ расчетовъ, но ради безпрепятственнаго слѣдованія за Агнцемъ, куда бы онъ ни пошелъ (*не оженивыйся нечестся—како угодити Господеву, а оженивыйся—како угодити женѣ*, 1 Кор. 7, 32—33). Таково именно православное монашество. Но и брачное сожитіе во образъ Христа и Церкви не унижается какъ богопротивное и скверное въ очахъ Божиихъ (сказано: *честна женитва во всѣхъ, и може нескверно*, Евр. 13, 4), но лишь поставляется на низшее мѣсто по сравненію съ дѣвствомъ. Слова *не осквернишася съ женами* относятся только къ внѣшней и плотской сторонѣ брачнаго общенія и не заключаютъ въ себѣ понятія о его нравственной нечистотѣ или грѣховности.

Гл. 19 ст. 10. „Я палъ въ ногамъ его (Ангела), чтобы поклониться ему; но онъ сказалъ мнѣ: смотри, не дѣлай

сего; я сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ, имѣющимъ свидѣтельство Иисусово: Богу поклонись“. Почему Ангелъ отказывается отъ поклоненія, и не свидѣтельствуешь ли это противъ поклоненія, которымъ мы почитаемъ небожителей? Для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо рѣшить, изъ какого побужденія произошло намѣреніе Іоанна воздать Ангелу поклоненіе. Іоаннъ объять былъ великою радостію, видя гибель Вавилона и внимая вѣсти о брачной вечери Агнца (ст. 2 и 9). Въ этомъ духовномъ восторгѣ онъ принялъ ангела, говорившаго съ нимъ, за Самого Господа, за Самого Побѣдителя темной силы, посему и устремился воздать ему поклоненіе. Ангелъ долженъ былъ отказаться отъ поклоненія, воздаваемого съ такими мыслями. Онъ такъ и поступилъ, говоря: „смотри, не дѣлай этого“; ангеламъ подобаешь поклоненіе почитательное, а не то, которое воздается Богу (не λατρεία, но προσκύνησις τιμητική). Отстранивши отъ себя неподобающее ему поклоненіе, Ангелъ объясняетъ, кто онъ: „я“, говоритъ онъ, „сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ“, я—сотворенное лицо, посылаемое служить истинѣ вмѣстѣ съ апостолами и исповѣдниками. Затѣмъ Ангелъ говоритъ, кому подобаешь такое поклоненіе, какое намѣревался воздать ему Іоаннъ: „Богу поклонись“; божеское поклоненіе можно и должно воздавать Одному Богу. Однако это нисколько не противорѣчитъ тому, что можно и должно почитать преклоненіемъ главы и всего тѣла не только небесныхъ духовъ, но и святыхъ. Ср. гл. 22, ст. 6.

С. Кохомскій.

Цѣль пастырскаго служенія.

(Изъ сочиненій русскихъ духовныхъ писателей 18 вѣка).

Церковь Христова есть общество, имѣющее существовать на землѣ до того времени, „дондеже достигнемъ вси въ соединеніе отцы и познанія Сына Божія, въ мужа совершен-

на, въ мѣру возраста исполненія Христова (Еф. 4, 12, 13) ¹⁾. Отсюда само собою слѣдуетъ, что совершенство вѣрующихъ въ Господа Иисуса Христа есть цѣль, къ достиженію которой должны стремиться всѣ поставленные Богомъ пастыри Церкви. „Конечъ и предметъ священства есть тотъ, разсуждаетъ „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, дабы человѣцы, грѣхами своими отпадшіи отъ Бога, и каземъ вѣчнымъ себе подвергшии, паки въ благодать Божію приведены были, и по приведеніи совершились бы въ вѣрѣ, и святомъ житіи такъ, чтобы соединившіися со Христомъ, аки уди со главою своею во едино тѣло, сподобилися получить животъ вѣчный, въ славу совершителя спасенія нашего Тріипостаснаго Бога“ ²⁾. Неослабное попеченіе, заботливая тщательность и постоянное опасеніе о томъ, чтобы не уклонилась на стезю порока и гибели и не попала въ сѣти діавола ни одна словесная овца Христова,—вотъ та возвышенная цѣль, объ осуществленіи которой непрестанно, по ученію духовныхъ писателей 18 вѣка, долженъ помышлять истинный преемникъ апостольскаго служенія ³⁾.

Намѣтивши высокую цѣль пастырскаго служенія, русскіе святители 18 столѣтія указали и средства, при помощи которыхъ можно выполнить указанную цѣль. Средства эти состоятъ въ томъ, что пастырь Церкви, желающій соответствовать своему великому назначенію—устроителя вѣчнаго

¹⁾ Книга о должн. пресв. приход. § 3.

²⁾ Кн. о должн. пресв. прих. § 3.

³⁾ Твор. Св. Дим. Рост. ч. 2 стр. 118—9, изд. Кіевъ 1824 г.; ч. 3, стр. 352, 225, 360; Стеф. Явор.—„Кам. вѣры“, стр. 170, 173, изд. 1730 г.; Діал. Варл. Голен. изд. 1707 г., листъ 24; Твор. св. Тихона Зад., т. 1, стр. 154; т. 9 стр. 34, 37, 45; т. 10, стр. 72, 73; т. 11, стр. 113; т. 13, стр. 37, 38; изд. М. 1836 г.; Собр. соч. Георгія (Конисскаго), архіеп. Бѣлорусскаго, т. 1, стр. 4; Наставл. іереямъ преосв. Гервасія. Рук. для сельск. паст. 1860 г., № 20, стр. 25.

спасенія порученныхъ ему людей, обязанъ, во-первыхъ, поучать ихъ истинамъ св. вѣры и руководить къ утвержденію и преспѣванію въ благочестіи и христіанской нравственности; являть, во-вторыхъ, въ своемъ поведеніи образецъ истинно-христіанской добродѣтельной жизни, и въ-третьихъ, совершать церковныя богослуженія или священнодѣйствія. „Какая есть служительская церковная должность?“ вопрошаетъ Платонъ, митрополитъ Московскій, и отвѣчаетъ: „сія 1) Слово Божіе безъ раздѣленія чисто и ревностно учить (2 Тим. 3, 17)...; 2) таинства по установленію Христову вѣрно совершать; 3) во всемъ самого въ примѣръ добрыхъ дѣлъ во ученіи и нравовъ важности представлять (Тит. 2, 7), и 4) порядокъ церковный, по слову Божію, тщательно блюсти“¹⁾. Къ этимъ четыремъ пастырскимъ обязанностямъ митропол. Платонъ въ другомъ мѣстѣ присоединяетъ еще и пятую, состоящую въ томъ, чтобы „наставлять на добрые нравы“ своихъ пасомыхъ²⁾. Преподавая различныя наставленія духовенству своей епархіи и убѣждая послѣднее никогда не опускать изъ виду спасенія своихъ пасомыхъ, св. Тихонъ, епископъ Воронежскій, для успѣшнаго выполненія высокой цѣли пастырскаго служенія, указываетъ на слѣдующее весьма пригодное и существенно необходимое средство: „должно вамъ, поучаетъ іереевъ святитель, какъ вѣрнымъ слугамъ Христовымъ, стрещи домъ тотъ святой (св. Церковь) дѣломъ, словомъ и помышленіемъ. Дѣломъ, показывая примѣръ честнаго и хриstopодражательнаго житія людямъ... Словомъ: стрещи подобаетъ, наставляя и поучая къ храненію закона Божія. Помышленіемъ: всегда думать о душевной словесныхъ овецъ пользѣ“³⁾. Нѣсколько уже понимаетъ обязанности пастырскаго служенія „Духовный Регламентъ“. Выходя изъ

1) „Катихизисъ“ митр. Платона Левшина, т. 9, стр. 220; „Сокращенная Христ. Богословія“ т. 7, стр. 128—129 изд. Москва 1779—1797 гг.

2) „Разныя сочиненія“ митр. Платона, т. 6, стр. 168.

3) Твор. св. Тихона Задонск. т. I стр. 23.

того положенія, что пастыри Церкви у св. апостола Павла называются служителями Христовыми и строителями таинъ Божіихъ (1 Кор. 4. 1), Духовный Регламентъ всю совокупность „виѣшняго пастырскаго дѣла“ ¹⁾ ограничиваетъ лишь благовременнымъ и безвременнымъ проповѣдываніемъ Слова Божія и совершеніемъ „обрядовъ таинъ святыхъ“ ²⁾. Согласно съ митроп. Платономъ и св. Тихономъ учитъ о средствахъ къ осуществленію дѣли пастырскаго служенія и „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“. „Четыре должности суть, которыя исполнять прилѣжно обязаны пресвитеры ³⁾. для примиренія грѣшниковъ съ Богомъ, совершенія ихъ въ вѣрѣ и для полученія живота вѣчнаго во славу Божію ⁴⁾, говоритъ названная „Книга“. Первая: проповѣдывать Слово Божіе не упуская благовременнаго случая, и тѣмъ прихожанъ своихъ приводитъ въ познаніе вѣры и къ житію честному, христіанскому, по наставленію св. апостола Павла (2 Тим. 4, 2). Вторая: препровождать житіе согласное ученію евангельскому, и тѣмъ представлять себя примѣромъ святая жизни (Тит. 1, 7). Третья: строеніе таинъ Божіихъ, которыхъ единственно тотъ предметъ и намѣреніе есть, чтобъ вѣрующихъ во Христа Господа.... симъ средствомъ совершить ихъ.... во царствіе небесное. Четвертая: молитва къ Богу“ ⁵⁾. Говоря о первой обязанности пастыря, о проповѣданіи, „Книга о должностяхъ“.... разумѣетъ не только проповѣдническую дѣятельность, понимаемую въ обыкновенномъ смыслѣ, но также и духовное руководство пасомыхъ, что явствуетъ изъ того раскрытія сущности этой обязанности, которое дается на дальнѣйшихъ страницахъ „Книги“ ⁶⁾.

¹⁾ Внутреннее же дѣло пастырскаго служенія („обновленіе житія“) Духовный Регламентъ всецѣло усволяетъ Богу.

²⁾ Духовн. Реглам. „Дѣла Епископа“, § 14.

³⁾ Книга о должн. пресвит. приход. Предисл.

⁴⁾ Тамъ же § 1.

⁵⁾ Кн. о должн. пресв. прих. Предисл.

⁶⁾ Тамъ же § 11, 32, 40, 41 и др.

Подобнымъ же образомъ, только не такъ подробно и обстоятельно, говорить объ обязанностяхъ и средствахъ къ успѣшному достиженію высокой цѣли пастырскаго служенія и Гervasій епископъ Переяславскій и Бориспольскій (Умеръ въ 1769 г.) ¹⁾.

Священникъ *Г. Тихомировъ*.

Какъ образовались различныя наименованія епископской власти?

При церквахъ восточныхъ и западныхъ, не говоря о патріархахъ, папахъ и митрополитахъ, мы находимъ архіепископовъ, экзарховъ, автокефаловъ, католикосовъ; такъ же, какъ нынѣ викаріевъ. Подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ образовались эти названія епископовъ?

Исторія Церкви представляетъ три главныя причины этого. И прежде всего происхожденію наименованій епископовъ способствовали личныя качества ихъ. Превосходя современниковъ своимъ образованіемъ духовнымъ и удивляя рѣдкими подвигами своей доблестной жизни, нѣкоторые изъ іерарховъ располагали епископовъ другихъ Церквей къ особенному уваженію себя. Такое безотчетное и сначала свободное отъ всякаго подчиненія уваженіе, съ теченіемъ времени, становилось мало-по-малу долгомъ и нерѣдко утверждало не только за уважаемымъ первоначально святителемъ, но и за его преемниками право имѣть вліяніе на судьбу окрестныхъ епархій, и потому носить то или другое изъ почетныхъ наименованій. Въ этомъ смыслѣ св. Григорій Богословъ замѣчаетъ о Кипріанѣ кареагенскомъ, что онъ „былъ вселенскимъ епископомъ, какъ предсѣдательствовавшій не

¹⁾ Наст. іереямъ еписк. Гervasія. Руковод. для сельск. паст. 1860 г., № 20, стр. 25.

только въ Карѳагенской церкви и въ Африкѣ, но и надъ всѣми странами западными и восточными и въ сѣверныхъ и южныхъ предѣлахъ вселенной“ (Григ. Богосл. слово 18),—такъ же и объ Аѳанасіи Александрійскомъ, что, „сдѣлавшись епископомъ Александріи, онъ сдѣлался священноначальникомъ и предсѣдателемъ всей вселенной“ (Гр. Бог. похв. сл. св. Аѳанасію Великому, 21). По этой причинѣ нѣкоторые изъ іерарховъ восточныхъ до сихъ поръ удерживаютъ въ своемъ титулѣ названія, усвоенныя кому-либо одному изъ ихъ предшественниковъ. Такъ, титулъ „судіи вселенной“, данный патріарху Теофилу за примиреніе императора Василия Вулгароктона—съ патріархомъ Сергіемъ Константинопольскимъ, доселѣ составляетъ принадлежность патріарха Александрійскаго ¹⁾.

Образованію различныхъ наименованій епископской власти способствовало также уваженіе къ церквамъ древнѣйшимъ, особенно основаннымъ апостолами. Извѣстно, что первенствующая Церковь недолго оставалась свободною отъ посягательства на ея чистоту и святость со стороны *лжебра-тій* (Галат. 2, 4), *еретиковъ* (Тит. 3, 19). Къ внутреннимъ возмущеніямъ присоединились внѣшнія бѣдствія—гоненія отъ язычествующихъ императоровъ. Среди такихъ волненій, обуревавшихъ міръ христіанскій, подобно скаламъ неподвижнымъ, отражающимъ тревоженія моря, стояли и высились надъ всѣми каѳедры церквей апостольскихъ, утвержденныя на незыблемомъ основаніи—чистомъ преданіи св. апостоловъ. И ни усилія еретиковъ, ни удары гоненій, ничто не могло ниспровергнуть дома Божія, Церкви вселенской: она побѣдоносно отразила всѣ удары, опираясь на сохранившемся преданіи въ церквахъ древнѣйшихъ. Явно, что церкви, получившія начало отъ такихъ церквей, не могли оставаться равнодушными къ своимъ митрополіямъ, но обращались къ

¹⁾ Смотр. Путеш. ко св. мѣст. Муравьева, ч. 1 стр. 188—189. Спб. 1840 г.

нимъ за совѣтами и искали у нихъ разрѣшенія въ своихъ недоумѣніяхъ. И дѣйствительно св. Иринеи говоритъ. „Указывая на апостольское преданіе и на возвѣщенную людямъ и чрезъ пресмство епископовъ дошедшую до насъ вѣру, которую хранить величайшая и древнѣйшая и всѣмъ извѣстная, двумя преславными апостолами Петромъ и Павломъ въ Римѣ основанная и утвержденная Церковь, мы посрамляемъ всѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ, изъ угожденія ли себѣ, или изъ тщеславія, или по слѣпотѣ и неразумѣнію, разсуждаютъ неправильно. Ибо всѣ церкви, т. е., вѣрующіе, повсюду необходимо должны согласоваться съ ея Церковію, потому что есть болѣе могущественная изъ главныхъ церквей, въ которой всѣми вѣрующими повсюду сохранялось апостольское преданіе“. Современный почти св. Иринею, Тертуліанъ также совѣтовалъ въ дѣлахъ вѣры обращаться къ церквамъ апостольскимъ и совѣтовалъ это, конечно, въ духѣ современной ему практики церковной ¹⁾. Но епископы церквей частныхъ, обращаясь къ своей матери-церкви, основанной тѣмъ или другимъ апостоломъ, не могли не оказывать предпочтенія, сравнительно предъ прочими и ея предстоятелю (См. 7 прав. 1 вселейск. соб.). Припомнимъ 34 правило апостольское: въ немъ прямо говорится, что „епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго изъ нихъ, призывать яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его расужденія; творити же каждому только, что касается до его епархіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ. Но и первый да ничего не творитъ безъ расужденій всѣхъ“.

На происхожденіе наименованій епископской власти еще влияніе имѣло раздѣленіе Римской имперіи при Константинѣ Великомъ. Равноаностольный императоръ раздѣлилъ свою имперію на четыре части, и тѣмъ самымъ показалъ и Церкви способъ раздѣлить бремя ея правленія. Но такъ

1) Тертулл. л. 36. De praescriptionibus haeretic.

какъ, по раздѣленію императорскому, двѣ области на востокѣ (восточная и иллирійская) и двѣ на западѣ (итальянская и галликанская) завѣдывали содержащимися въ нихъ округами, округи—епархіями, а епархіи многими городами и селеніями: то, сообразно съ этимъ раздѣленіемъ, епископамъ, начальствующимъ надъ округами, Церковь дала названіе экзарховъ или приматовъ,—начальствующихъ надъ епархіями пазывала митрополитами или архіепископами,—надзирающіе надъ городами получили титулъ епископовъ, а тѣ, смотрѣнію которыхъ поручалась только нѣкоторая часть уѣзда, стали называться хорепископами. Само собою разумѣется, что каждому изъ означенныхъ іерарховъ, смотря по мѣсту, имъ занимаемому, Церковь усвояла особенныя права и преимущества, которыя впоследствии на соборахъ утверждены были за ними закономъ. Такъ, экзархи: Александрійскій, Римскій и Антиохійскій на 1-мъ вселенскомъ соборѣ получили право управлять епископами своего округа и назначать соборъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, вслучаѣ суда надъ ними. „Да хранятся древніе обычаи“, говорили отцы перваго вселенскаго собора (6 прав.): „обычаи, принятыя въ Египтѣ, Ливіи и въ Пентаполѣ, дабы епископъ Александрійскій имѣлъ власть надъ всѣми ими: ибо и Римскому епископу сіе обычно. Подобно въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей. Вообще же да будетъ извѣстно сіе: еще кто, безъ соизволенія митрополита, поставленъ будетъ епископомъ, о такомъ великій соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быть епископомъ“. „И епископъ пребывающій въ Эліи (въ Іерусалимѣ) получилъ послѣдованіе чести, съ сохраненіемъ достоинства присвоеннаго митрополіи“ (7 прав. 1 всел. соб.). А отцы 2-го вселенскаго собора (2 прав.), даровавъ каѳедрѣ константинопольской первую степень послѣ римской, обозначили и причину такого возвышенія, т. е., „да имѣетъ преимущество чести, потому что градъ оный есть новый Римъ“.

Замѣтка относительно производства работъ при возобновленіи приходскихъ храмовъ.

Забота о благолѣпіи храма Божія есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей приходскаго пастыря. Но рѣдко кто изъ священниковъ, особенно изъ молодыхъ, имѣетъ достаточную подготовку къ приведенію ввѣреннаго его попеченію храма въ должное благолѣпіе. Въ нужныхъ случаяхъ приглашаютъ обыкновенно подрядчиковъ, дѣлаютъ торги и сдаютъ работу, не вѣдая должнымъ образомъ ни подрядчика, ни подряда. Между тѣмъ въ устройствѣ, напримѣръ, иконостаса требуются спеціальныя знанія. Чтобы не было обмана со стороны исполнителей, сельскій священникъ долженъ имѣть понятіе о рѣзбѣ, о позолотѣ, хотя нѣсколько долженъ быть знакомъ и съ оцѣнкою живописи.

Какой бы ни былъ подрядчикъ, разъ онъ берется не за спеціальную работу, онъ ни больше, ни меньше, какъ барышникъ, жаждущій быстрой наживы. Принимая на себя не спеціальную работу, не безъ урѣзыванія же онъ будетъ ее и сдавать спеціальному мастеру. Если и въ своей мастерской будетъ исполнять заказъ, нисколько не лучше будетъ, потому что самъ не понимаетъ ничего. Поэтому то мы часто и видимъ въ сельскихъ церквахъ преждевременнo лопнувшее столярство, упавшую арабеску, облупившуюся позоту, искаженную живопись и много-много непригляднаго. Такое безвыходное положеніе дѣла и побуждаетъ меня предложить сельскимъ распорядителямъ нижеслѣдующія соображенія относительно устройства иконостасовъ.

Заказчикамъ иконостасовъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее: 1) Ни въ какомъ случаѣ не сдавать всей работы одному подрядчику: столярство и рѣзбу слѣдуетъ сдавать одному, позолоту—другому, живопись—третьему, чтобы, такимъ образомъ, каждая вещь попала въ первыя спеціаль-

ныя руки. 2) При выборѣ мастеровъ нужно требовать отъ нихъ свидѣтельства тѣхъ заведеній, гдѣ они обучались своему искусству, а также обращать вниманіе на тѣ аттестаціи объ ихъ поведеніи и добросовѣстномъ выполненіи заказовъ, которыя каждый мастеръ беретъ отъ священника по окончаніи работы. 3) Заказчики должны имѣть планъ иконостаса съ масштабомъ, точно подходящій къ мѣсту его установки, такъ, чтобы мастеръ, при постановкѣ иконостаса, не долбилъ стѣны и не отпиливалъ уже законченную какую-либо вещь. 4) Рѣзчикъ долженъ знать рисованіе; онъ тотъ же скульпторъ; если умѣетъ рисовать, можетъ хорошо и вырѣзать. Поэтому слѣдуетъ предварительно попросить рѣзчика нарисовать что-нибудь изъ плана, клеймо, арабеску, капитель и т. п.; этого вполне достаточно, чтобы видѣть, насколько онъ владѣетъ своимъ искусствомъ. 5) По окончаніи столярства и рѣзбы, не слѣдуетъ спѣшить позолотой, чтобы дать дереву высохнуть и совершенно сложиться на мѣстѣ. Хорошо золотить года черезъ два, или хоть черезъ годъ послѣ окончаній рѣзбы и столярства. 6) При приѣмкѣ столярства и рѣзбы линіи, углы и окружности слѣдуетъ провѣрять отвѣсомъ, ватерпасомъ, угольникомъ и циркулемъ. Замѣченные неточности слѣдуетъ заставить мастера исправить или передѣлать. 7) Всѣ прозрачныя вырѣзанныя украшенія укрѣплять на полотно столярства, а не на торецъ полотна. Составныя части колоннъ: капитель, стволъ, базъ соединять не шипами, а сквознымъ желѣзомъ и прикрѣплять на мѣсто къ полотну столярства не клиньями вверху между капителью и коробкой столярства, а желѣзными винтами съ гайками среди ствола. 8) Позолоту слѣдуетъ производить въ сухомъ мѣстѣ. Хорошую позолоту не трудно узнать. Приложите не въ далекомъ разстояніи къ вызолоченной вещи бѣлую простую бумагу, и вы чрезъ отраженіе отъ бумаги въ хорошей позолотѣ увидите одинъ чистый колеръ сплошного, какъ бы слитаго золота, а матъ желто-искристаго пріятнаго тона. Въ плохой позолотѣ повсюду увидите пятна, тонкія сѣчины и спай, т. е.

соединеніе листовъ золота. 9) Чтобы выбрать лучшаго живописца изъ двухъ или трехъ и болѣе, достаточно каждому изъ нихъ заказать написать одно и то же изображеніе съ слабаго рисунка, такъ чтобы имъ самимъ пришлось добавить и усовершенствовать его. Заказчики особенно должны быть внимательны и осторожны при задаваніи темъ живописцамъ. Въ этомъ случаѣ необходимо руководствоваться исторіей, или просто заранѣе купить рисунки и по нимъ дѣлать заказы. Большою частью заказчики при задаваніи темъ руководятся своими личными соображеніями, полагаясь на свой вкусъ и знаніе, и, конечно, дѣло не обходится безъ затрудненій. Въ одномъ мѣстѣ меня заставили перемѣнить фонъ на голубой во всѣхъ иконахъ иконостаса и стѣнахъ храма. Хотя голубой и сиреневый цвѣтъ пріятный для большинства, но нельзя же его писать во всѣхъ иконахъ. Нужно, напр., изобразить преподобнаго молящимся въ лѣсу или даже въ келліи. Благоразумно ли будетъ здѣсь допустить сиреневаго или розоваго цвѣта фонъ? Неужели келлія преподобнаго была отдѣлана подъ изысканный сиреневый цвѣтъ? Или: просятъ написать умирающую тещу апостола Петра, съ молодымъ лицомъ и румянцемъ на щекахъ, но—болѣзненнымъ... У насъ совсѣмъ почти не обращаютъ вниманія на живопись. А между тѣмъ эта вещь заслуживаетъ большаго вниманія и болѣе строгой и благоразумной цензуры, чѣмъ даже проповѣдь пастыря. Если въ проповѣди даже и вылетитъ изъ устъ пастыря какое нибудь неосторожное слово, оно можетъ забыться. Картины же или иконы всегда однѣ и тѣ же предъ глазами молящихся. Если прослѣдить внимательно: что и какъ пишутъ въ нашихъ сельскихъ православныхъ храмахъ разные художники и живописцы, то не мало найдется несогласнаго съ исторіей и духомъ православія. Много есть копированнаго съ рисунковъ западнаго вѣроисповѣданія. Поэтому пастырямъ приходскимъ слѣдуетъ быть особенно внимательными къ исполненію живописцами заказовъ по написанію иконъ для церквей.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о договорахъ между заказчиками и подрядчиками. Потаріальныхъ контрактовъ почти никогда не дѣлается: обѣ стороны полагаются на взаимную совѣсть и довольствуются простыми росписками въ пять-шесть строкъ. Это опущеніе неизвинительное. Но если дѣло и доходитъ до потаріуса, то весь контрактъ состоитъ изъ двухъ условій: 1—за сколько и 2—къ какому сроку.... А потомъ, при приѣмѣ работы, заказчикъ требуетъ свое, подрядчикъ представляетъ свое. Одинъ говоритъ, что при заказѣ говорили обѣ этомъ, другой отвѣчаетъ, что и помину не было, иначе онъ и не согласился бы съ этимъ. Словомъ, множество недоразумѣній и неудовольствій. Поэтому въ контрактѣ слѣдуетъ писать все до мельчайшихъ подробностей. Потаріусъ дороже не возьметъ, если прибавить 10—12 условій.

Мастеръ живописи *Николай Егоровъ Орловъ*.

Приб. къ Церк. Вѣдом. за 95 г. № 27.

З а м ѣ т к а.

О поминовеніи усопшихъ въ приходскихъ церквахъ.

Поминовение усопшихъ есть долгъ христіанскій, свидѣтельство нашей вѣры и любви. Св. Церковь ежедневно молится за усопшихъ христіанъ. Кромѣ поминовенія каждаго умершаго въ извѣстные дни по преставленіи его, Церковь на своихъ службахъ поминаетъ всѣхъ преждеотшедшихъ отцевъ и братій нашихъ. Поминовенію усопшихъ Церковію посвященъ особый день седмицы—суббота; среди субботъ есть родительскія или вселенскія субботы, въ которыя совершаются вселенскія панихиды; по благочестивому обычаю совершаются онѣ въ другіе дни, въ понедѣльникъ или вторникъ ѳоминой недѣли и 29 августа—для поминовенія православныхъ воиновъ за вѣру, Царя и отечество животъ свой

положившихъ. Поминовеніе усопшихъ древняго происхожденія. Въ Церкви Христовой обычай помянуть усопшихъ восходитъ къ временамъ апостольскимъ (Евр. 13, 7). Древность этого обычая простирается еще дальше: онъ соблюдался и во времена ветхозавѣтныя. Такъ, напримѣръ, патріархи: Іаковъ и Іосифъ просили не оставлять ихъ костей въ землѣ Египетской, но погребсти ихъ въ землѣ Ханаанской (Быт. 47 и 50). А это для того, какъ объясняется въ одномъ синодикѣ, чтобы и послѣ своей смерти были они участниками молитвъ и жертвъ, какія тамъ приносимы были. Въ послѣдующія библейскія времена о моленіи за усопшихъ свидѣльствуетъ вторая книга Маккавейская (12, 45).

По древле принятому обычаю поминовеніе усопшихъ должно твориться *поименно*. Для поименнаго поминовенія усопшихъ съ первыхъ временъ въ церкви существовали *диптихи* малые и большіе (полиптихи), въ которые записывались имена живыхъ и умершихъ и которые читались діаконъ за литургіей. Съ теченіемъ времени эти древніе диптихи видоизмѣнились въ позднѣйшіе *синодики*, или помянники, а въ западной церкви *некрологи*, для общей записи именъ усопшихъ, а еще въ позднѣйшія — *помянанія*, *поминальныя книжки* (граматики), имѣющіяся на рукахъ у мірянъ, для записи фамилійныхъ именъ. Эти послѣднія по своей внѣшней формѣ больше подходятъ къ древнему диптиху. Въ нихъ, какъ и диптихахъ, есть рубрики: *за здравіе*, гдѣ записываются имена живыхъ, и *за упокой*, гдѣ записываются имена умершихъ. Въ древней Руси синодики были очень распространены и среди книжной письменности занимали одно изъ первыхъ мѣстъ. Сохраняя память умершихъ, синодики нравоучительными повѣствованіями, выдержками изъ патериковъ, прологовъ и разныхъ сказаній давали обильную пищу христіанской душѣ для размышленія о загробной жизни. Переходя къ содержанію позднѣйшихъ нашихъ синодиковъ и судя по имѣющемуся у насъ подъ рукою синодику изда-

нія Холмушина (1865 г., С.-Петербургъ), должно сказать, что таковой имѣетъ исключительное сходство съ древлерусскимъ синодикомъ. Въ немъ также есть догматическій и повѣствовательный отдѣлы; въ немъ помѣщены имена усопшихъ императоровъ, императрицъ, князей и княгинь, патріарховъ Россійскихъ, православныхъ воиновъ за вѣру, царя и отечество на брани животь свой положившихъ. Само собою разумѣется, что въ каждый синодикъ приходской церкви должны быть помѣщены имена замѣчательныхъ для нея лицъ, т. е., имена всѣхъ епархіальныхъ преосвященныхъ, за ними непременно имена всѣхъ отъ основанія храма священноіереевъ мѣстной церкви, затѣмъ имена прочихъ членовъ клира, а также строителей и благотворителей храма и другихъ лицъ. Синодикъ этотъ долженъ прочитываться, если не за каждой литургіей, по крайней мѣрѣ, въ родительскія субботы и дни, въ которые совершаются такъ называемыя вселенскія панихиды.

Въ каждомъ приходскомъ храмѣ обязательно долженъ быть церковный синодикъ, хотя бы въ формѣ простой переплетенной тетради. Отсутствіе общихъ церковныхъ синодиковъ сопровождалось бы большими упущеніями въ исполненіи христіанскаго долга и заповѣди св. апостола: „поминайте наставки ваша, иже глаголаша вамъ Слово Божіе“ (Евр. 13, 7). Память святителей епархіи преставившихся, іереевъ храма—наставниковъ вѣры и благочестія, пастырей и отцовъ духовныхъ должна быть особенно священна въ душахъ христіанскихъ. Она должна быть свято хранима въ потомствѣ и почитаться съ особеннымъ уваженіемъ. Мы должны вспоминать ихъ благодѣянія, прославлять ихъ заслуги, подражать ихъ добродѣтели. *Восхваляемъ убо мужи славны и отцы наша въ бытіи... Слава ихъ не потребится... тѣлеса ихъ погребени быша, а имена ихъ живутъ въ роды... Похвалу ихъ исповѣсть церковь...*, говоритъ премудрый Сирахъ (44, 1, 12 — 14). Самымъ нагляднымъ и священнымъ примѣромъ уваженія къ храненію и почитанію памяти

преждеотшедшихъ отцевъ служить евангельская родословная Иисуса Христа, написанная евангелистомъ Матвеемъ въ первой главѣ его Евангелія и ежегодно читаемая на литургіи въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, называемую недѣлю Св. Отцевъ. Перечисленіе предковъ Иисуса Христа, начиная отъ Авраама, евангелистъ сдѣлалъ для того, что Евангеліе его предназначалось для христіанъ изъ евреевъ, которые этою родословною должны были убѣдиться, что обѣщанный Искупителъ есть потомокъ Авраама и Давида, которымъ даны были обѣтованія Божіи, что изъ ихъ племени произойдетъ Спаситель міра. Такое точное евангельское перечисленіе потомковъ Авраама и предковъ Иисуса Христа въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ тысячъ лѣтъ свидѣтельствуетъ о глубокомъ уваженіи къ предкамъ во времена библейскія. Вообще, въ древнія времена мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ благоговѣйное чувство религіознаго почтенія къ памяти своихъ предковъ. Даже языческіе народы древности, не просвѣщенные святою вѣрою, не одушевляемые надеждою безсмертія, и тѣ память земного бытія предковъ своихъ увѣковѣчивали великолѣпными памятниками. Память предковъ нашихъ тѣмъ болѣе дорога для насъ, что мы наслѣдовали великія дѣянія ихъ, что жизнь и дѣятельность предковъ нашихъ служитъ нашей учительницей; чрезъ предковъ сохранилась, отъ предковъ наслѣдована нами и самая наша вѣра христіанская. *Взирающе на жителство ихъ* (наставниковъ Слова Божія), *подражайте вѣрѣ ихъ*, говоритъ апостолъ (Евр. 13, 7).

Итакъ, Законъ Божій и любовь христіанская внушаютъ намъ хранить и уважать память предковъ. Прибавимъ къ этому еще и то, что каждый изъ нашихъ предковъ, нашихъ ближнихъ знакомыхъ, друзей предъ послѣднимъ смертнымъ вздохомъ, слѣдовательно, въ самыя важныя минуты земной жизни, просилъ вспоминать его, молиться о немъ. Молясь же о спасеніи другихъ, мы сами спасаемся. Помогающій другому идти, подниматься вверхъ, на высоту и самъ съ нимъ вмѣстѣ поднимается; что дѣлается нами для спасенія другихъ, для насъ самихъ спасительно.

(Минск. Еп. Вѣд. 1898 г. № 8).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 13 іюля 1898 г.

Цензоръ, э-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ*.

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

Г О Д Ъ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 33.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, августа 16-го.

Содержаніе: Нѣсколько замѣчаній о домашнихъ иконахъ у просто-
родья въ связи съ особенностями духовнаго склада русскаго на-
рода.—Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности
(окончаніе).—Замѣтка.

**Нѣсколько замѣчаній о домашнихъ иконахъ у про-
стонародья въ связи съ особенностями духовнаго
склада русскаго народа.**

Въ ряду особенностей духовнаго склада русскаго на-
рода совершенно справедливо указываютъ на любовь его къ
вышнимъ формамъ богопочтенія. Эта черта въ религіозной
жизни нашего народа издавна обращала на себя вниманіе,
какъ извѣстно, даже иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, и
издавна служила предметомъ обсужденія въ обществѣ и пе-
чати, порождая различныя толки и мнѣнія, которые не пре-
кращаются и до сихъ поръ. Одни относятся къ этой на-

божности нашего народа съ неподдѣльнымъ уваженіемъ, другіе отзываются о ней болѣе чѣмъ пренебрежительно; одни видятъ въ ней доказательство глубины религіознаго чувства, его простоты и непосредственности, другіе усматриваютъ грубое суевѣріе, унаслѣдованное отъ временъ язычества и близко граничащее съ идолопоклонствомъ.

Общезвѣстная и непреложная истина, что потребность выражать внутреннія религіозныя стремленія во внѣшнихъ формахъ такъ глубока и естественна въ человѣкѣ, что безъ религіозныхъ обрядовъ не можетъ быть и самой религіи. Если-же внѣшнее богопочтеніе въ христіанствѣ само по себѣ есть явленіе необходимое, ничего общаго ни съ суевѣріемъ, ни съ колдовствомъ не имѣющее, то, значить, и привязанность къ нему сама по себѣ не можетъ заслуживать порицанія и не отсюда происходятъ тѣ недостатки въ религіозной жизни русскаго народа, на которые любятъ указывать защитники нашего сектантства, усматривая въ послѣднемъ свѣтлое явленіе и считая его отраднымъ признакомъ въ умственномъ движеніи народа. Вопросъ, очевидно, только въ томъ, правильно-ли внѣшнее богопочтеніе понимается русскимъ народомъ? И только близорукость и совершенное непониманіе существа христіанской вѣры могутъ говорить, что нужно, если не подавлять, то умѣрять въ нашемъ народѣ усердіе къ обрядопочитанію. Забываютъ, очевидно, что здѣсь коренится и питается глубокая вѣра нашего народа и что не подавлять, а выяснять нужно надлежащій смыслъ обряда тамъ, гдѣ онъ затемненъ предразсудками и суевѣріемъ. Тому, кто жилъ въ селахъ и внимательно наблюдалъ религіозную жизнь нашего народа, хорошо извѣстно, что въ общемъ благочестіе народа нельзя признать только внѣшнимъ; тотъ знаетъ, да и всякій желающій легко можетъ убѣдиться, что въ большинствѣ случаевъ простой народъ, хоть онъ и самъ называетъ себя темнымъ, вѣрно смотритъ на взаимное отношеніе между внутренней и внѣшней сторонами богопочтенія и далекъ отъ того, чтобы одною внѣш-

ностью приобретать себѣ милость Божію; не даромъ же въ народномъ языкѣ существуетъ такое, напр., выраженіе, что „душа теплится предъ Богомъ, какъ свѣчка“. Совершенно понятно, что религіозное чувство простого народа питается преимущественно внѣшностью. Давно-ли у насъ стали серьезно заботиться о просвѣщеніи народа, давно-ли дана народу та школа, въ которой онъ можетъ получить религіозно-нравственное воспитаніе, которая призвана развивать и укрѣплять въ дѣтяхъ религіозно-нравственную настроенность и молитвенное расположеніе духа? Только въ послѣднее время церковно-приходская школа получила прочную и широкую постановку и вліяніе ея несомнѣнно скоро отразится на умственно-религіозной жизни нашего народа. И духовная власть, и подчиненное ей духовенство настойчиво стремятся очистить существующія въ простомъ народѣ религіозныя представленія и сдѣлать ихъ болѣе согласными съ церковнымъ ученіемъ. Съ этою, между прочимъ, цѣлью дѣлаются попытки положить конецъ и распространенію въ народѣ невѣрно написанныхъ священныхъ изображеній. Еще въ пятидесятыхъ годахъ составитель книги: „Иконы господскихъ праздниковъ“ (Мансветовъ) писалъ, что побужденіемъ къ изданію этой книжки было то, „что по домамъ и въ церквахъ встрѣчается много иконъ, написанныхъ не согласно съ исторіей и мѣстностію изображенныхъ на нихъ событій и не въ духѣ Православной нашей Церкви“. То же самое можно сказать иногда и о настоящемъ времени, въ чемъ легко убѣдиться пастырю при посѣщеніи домовъ своихъ прихожанъ. Но въ чемъ повиненъ здѣсь простой народъ? Его вѣра несомнѣнно глубока и выражаетъ онъ ее, какъ можетъ, какъ подсказываетъ ему его религіозное чувство и мало просвѣщенный умъ. Надо отдать полную справедливость, что нашъ народъ любитъ украшать дома св. иконами и нерѣдко въ чистомъ углу дома можно встрѣтить нѣсколько разныхъ иконъ и при томъ содержимыхъ обыкновенно въ чистотѣ и порядкѣ. Рѣдко поѣздка въ большой городъ, а особенно пу-

тешествіе къ святымъ мѣстамъ обходятся безъ покупки хоругвей, иконъ для себя и храма, а у грамотныхъ—и книгъ, религіозно-нравственнаго содержанія. Въ праздники и будни, во время служенія въ церкви, прихожане постоянно обращаются съ просьбой къ своему пастырю освятить новую или поновленную икону. Благодаря большому спросу на св. иконы, развелось у насъ немало и мастеровъ иконописныхъ дѣлъ. Къ сожалѣнію только, издѣлія этихъ мастеровъ по своимъ качествамъ не всегда заслуживаютъ того усердія, съ какимъ пріобрѣтаются они простымъ народомъ. Дѣло въ томъ, что большинство мастеровъ по иконной живописи принадлежитъ къ невысокому разряду суздальскихъ и владимірскихъ иконописцевъ, издѣлія которыхъ вообще не отличаются какими-либо достоинствами. Икона у нихъ цѣнится не по качеству, а по количеству украшеній (позолоты и т. п.) и по числу написанныхъ ликовъ. Кромѣ обыкновенной „алѣповатости“ и совершеннаго несоблюденія перспективы, иконы со многими ликами особенно неудобны для народа. Изображеніе на одной иконѣ, часто небольшого формата, многихъ угодниковъ ведетъ къ тому, что образъ теряетъ всякую отчетливость рисунка, не говоря уже о сходствѣ ликовъ св. угодниковъ. Иной разъ съ трудомъ можно распознавать даже лики Спасителя, Божіей Матери и св. Николая. Съ неудовлетворительностью рисунка почти всегда соединяется и совершенная безграмотность дѣлаемыхъ на иконахъ надписей, какъ то: именъ, текстовъ, сокращеній и т. п. Какъ на примѣръ того, до какой безграмотности и неудовлетворительности рисунка достигаютъ издѣлія мастеровъ-иконописцевъ, достаточно привести описаніе одной иконы, встрѣченной священникомъ въ своемъ приходѣ. „На иконѣ размѣромъ болѣе шести кв. четвертей, пишетъ онъ, изображены: св. архангелъ Михаилъ, св. Власій и Модестъ и св. Флоръ и Лавръ; ниже этого сонма святыхъ изображено три всадника на лошадяхъ и надъ ними надписано: „сифъ“, „елесифъ“ и „огла-

сифъ“¹⁾. Указанные недостатки распространяемыхъ мастерами-„иконописцами“ среди простонародья иконъ еще не составляютъ всего зла, хотя безъ сомнѣнія требуютъ отъ пастырей соответствующихъ и безотлагательныхъ мѣръ къ ихъ искорененію. Но главное зло отъ этихъ мастеровъ то, что въ ихъ издѣліяхъ иногда замѣтно преднамѣренное стремленіе въ пользу мѣстныхъ особенностей инославныхъ исповѣданій и чаще всего въ пользу „глаголемаго старообрядчества“. Въ мѣстностяхъ съ значительнымъ римско-католическимъ населеніемъ эти изображенія носятъ иногда характеръ католическій; въ другихъ же мѣстностяхъ они имѣютъ особенности раскольниковской иконописи. Такъ, Спаситель и многіе святые изображаются всегда почти благословляющими двуперстно, а не именословно, какъ слѣдуетъ. Нечего и говорить, что въ приходахъ, гдѣ есть католики или раскольники, такіа явленія весьма и весьма не желательны, и пастырь Церкви долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы чрезъ подобныя издѣлія ходячихъ иконописцевъ не закрадывалось незамѣтно для него вліяніе католичества или раскола на его

1) Между тѣмъ какъ у насъ еще на Стоглавомъ соборѣ (1551 г.) было повелѣно писать иконы съ древнихъ образцовъ, „отъ своего же смышленія и по своимъ догадкамъ Божества не описывать“; въ томъ же духѣ касательно иконописанія были сдѣланы постановленія на Московскомъ соборѣ 1667 г., а также при патр. Іоакимѣ въ 1674 г. и при Петрѣ I въ 1722 г. И дѣйствующими нынѣ законами велѣно писать иконы въ благоприличномъ видѣ „безъ всякаго суетумудрія“, а иконы, написанныя безобразно, т. е., въ соблазнительныхъ и странныхъ видахъ, нигдѣ не допускать до употребленія (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 103). А для того, чтобы церковная живопись, при строгомъ охраненіи преданій, соответствовала и требованіямъ искусства, Св. Синодъ призналъ полезнымъ посредничество Импер. Академіи Художествъ между заказчиками и художниками при устройствѣ иконостасовъ, кіотовъ и образовъ (Опред. Св. Сн. 1880 г. 27 март.—14 апр.). Разъясненіе указанной подписи см. у Виноградова „Опытъ сравнительнаго описанія нѣкоторыхъ символическихъ иконъ древне-русскаго искусства“ стр. 33.

прихожанъ, чтобы на глазахъ у пастырей не готовилась почва для отчужденія пасомыхъ отъ православія и для открытаго перехода ихъ въ расколъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ подобныя иконы обладаютъ свойствами вообще грубаго и невѣжественнаго письма, чрезъ ихъ распространеніе въ народѣ постепенно, какъ мы сказали, сглаживаются обрядовыя особенности въ религіозной жизни православныхъ, т. е., тѣ самыя особенности, которыя въ глазахъ простолюдинъ имѣютъ преимущественную важность, такъ какъ религіозное чувство народа питается преимущественно внѣшностью и ему обыкновенно чужды бываютъ тѣ богословскія тонкости, которыми существенно опредѣляется разность вѣроисповѣданій.

Уже изъ сказаннаго, какъ намъ кажется, вполне очевидно, насколько важно для пастыря знакомство съ иконописаніемъ; а между тѣмъ нельзя не признать и того, что нѣкоторые пастыри сами недостаточно подготовлены для того, чтобы строго распознавать православныя изображенія на иконахъ и предохранять своихъ пасомыхъ отъ пріобрѣтенія иконъ, написанныхъ невѣрно и не въ духѣ Православной нашей Церкви. Ознакомленіе съ иконописаніемъ хотя и существуетъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, но, какъ извѣстно, только для немногихъ воспитанниковъ-любителей, вообще же на этотъ предметъ у насъ обращаютъ пока мало вниманія. А между тѣмъ для священника очень важно, если не самому быть иконописцемъ, для чего требуются особыя дарованія, по крайней мѣрѣ, знать, какъ слѣдуетъ изображать или писать иконы въ православномъ духѣ, умѣть самому отличать иконы, не вполне или совсѣмъ не соотвѣтствующія ученію Церкви, чтобы предохранять и пасомыхъ отъ пріобрѣтенія такихъ иконъ, которыя своими недостатками могутъ вредно вліять на религіозное представленіе народа, невѣрно передавать исторію и обстоятельства изображенныхъ событій. По дѣйствующимъ нынѣ постановленіямъ искусство иконописанія должны свидѣтельствовать духовныя лица (Уст.

о пред. и прес. прест., ст. 103); а въ селахъ и деревняхъ священники обязываются наблюдать, чтобы въ домахъ православныхъ прихожанъ свв. иконы были содержимы во всякой чистотѣ и надлежащемъ благоговѣніи (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 98). По смыслу нашего законодательства на обязанности священника лежитъ также уясненіе смысла и значенія тѣхъ или иныхъ изображеній на иконахъ, разъясненіе, гдѣ это окажется нужнымъ, того, почему и чѣмъ именно извѣстныя иконы не соотвѣтствуютъ ученію Православной Церкви, при чемъ священникъ долженъ убѣдить своихъ прихожанъ, чтобы такія иконы, какъ не православныя, были удаляемы изъ православныхъ домовъ и зямѣняемы новыми болѣе правильнаго письма. Въ такихъ бесѣдахъ священникъ успѣетъ многому научить своихъ пасомыхъ. Здѣсь опъ найдетъ не мало случаевъ преподавать имъ догматическія и нравственныя истины, что само собой послужитъ къ искорененію господствующихъ въ народѣ заблужденій и иорковъ, къ исправленію нравственности и распространенію здоровыхъ понятій объ истинахъ вѣры, правилахъ благочестія, о Церкви, ея священнодѣйствіяхъ, таинствахъ и событіяхъ церковной жизни. Подобныя внѣбогослужебныя собесѣдованія священнику удобнѣе всего вести при посѣщеніи домовъ своихъ прихожанъ, при отправленіи у нихъ разныхъ требъ и особенно въ школахъ на урокахъ Закона Божія. Излагая исторію праздника, законоучитель долженъ ознакомить дѣтей и съ существующими, по крайней мѣрѣ—важнѣйшими, изображеніями ихъ на иконахъ въ духѣ Православной Церкви. Наблюденіе за характеромъ и состояніемъ священныхъ изображеній на иконахъ, распространенныхъ въ простомъ народѣ, особенно тщательно должно производиться тамъ, гдѣ въ приходахъ имѣются раскольники или католики, гдѣ священнику, при частыхъ сношеніяхъ съ своими прихожанами, приходилось наблюдать вліяніе на православныхъ тѣхъ или другихъ. Къ сожалѣнію, на эту сторону въ нашихъ учебникахъ и руководствахъ обращается мало вниманія, такъ что

и самому законоучителю иной разъ не легко бываетъ подыскивать для себя руководственныя пособія по той простой причинѣ, что таковыхъ нѣтъ и что свѣдѣнія по православной иконографіи имѣются только въ нарочитыхъ и малодоступныхъ для сельскаго священника изданіяхъ.

Но личныхъ бесѣдъ и вразумленій пастырскихъ еще недостаточно для искорененія въ народѣ указаннаго зла. Это признано въ настоящее время и духовною властью и во многихъ епархіяхъ духовная власть стала настойчиво поощрять занятіе иконописаніемъ со стороны лицъ не только владѣющихъ техническими свѣдѣніями и навыками по этому дѣлу, но и пригодныхъ для него по своему духовному положенію и настроенію, именно со стороны кандидатовъ священства и священниковъ, а также со стороны монашествующихъ лицъ. Усилія духовной власти, направленные въ разныхъ епархіяхъ на развитіе иконописнаго дѣла среди духовенства, не останутся, конечно, безплодными. Особенно желательно широкое производство живописи и иконоукрашеній въ монастыряхъ, какъ въ видахъ восполненія замѣтнаго вообще недостатка порядочныхъ иконописцевъ и удовлетворенія требованій по сему предмету, такъ и ради доставленія монастырскимъ общинамъ средствъ къ существованію. Развитіе иконописанія особенно необходимо въ епархіяхъ отдаленныхъ, гдѣ сильнѣе ощущается недостатокъ хорошихъ иконописцевъ и гдѣ православнымъ труднѣе пріобрѣтать иконы, написанныя правильно, а также и въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ замѣчается вліяніе раскола или католичества.

Разныя мѣры изыскиваются, предлагаются и употребляются для того, чтобы скорѣе положить конецъ распространенію въ народѣ невѣрно написанныхъ священныхъ изображеній и замѣнить ихъ написанными болѣе правильно. Одинъ изъ такихъ способовъ указывался недавно и нашимъ журналомъ. Чтобы расположить народъ къ пріобрѣтенію правильныхъ иконъ, признано желательнымъ, чтобы въ каждомъ приходѣ были назначены опредѣленные дни въ году. нанри-

мѣръ, недѣля православія, и въ эти дни послѣ утрени или литургіи, среди церкви при торжественной обстановкѣ, по чину, совершалось освященіе правильно написанныхъ иконъ, съ соотвѣтственнымъ поученіемъ отъ священника. Народъ, видя подобающее святынѣ торжество освященія иконъ и особливую попечительность о нихъ пастыря, сталъ бы усерднѣе пріобрѣтать именно эти иконы и для своихъ домовъ. Но такъ какъ продажа небрежно написанныхъ иконъ производится главнымъ образомъ на базарахъ и въ базарныхъ лавкахъ, то духовенству и слѣдуетъ обратить свое вниманіе прежде всего на этихъ торговцевъ, убѣждая ихъ удалять изъ своихъ лавокъ неправильныя иконы и пріобрѣтать вмѣсто нихъ иконы лучшаго письма. Но всего лучше духовенству озаботиться устройствомъ особыхъ иконныхъ складовъ, по возможности, при каждой церкви, и, чтобы облегчить для крестьянъ пріобрѣтеніе потребныхъ священныхъ изображеній, организовать продажу иконъ дешевую, выписывая ихъ изъ центральныхъ иконо книжныхъ складовъ. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлано нѣкоторыми братствами. Таково извѣстное ширитою своей дѣятельности братство св. Александра Невского въ г. Владимірѣ, которое не только распространяетъ иконы искуснаго и правильнаго письма, но и поддерживаетъ двѣ школы иконописи. Не малую заботливость въ томъ же дѣлѣ обнаружило и Тобольское братство св. Димитрія Солунскаго. Вообще, много пользы для дѣла могли бы принести церковно-приходскія попечительства и другія общества и братства, учреждаемыя духовенствомъ при церквяхъ. Правда, и эти учрежденія нерѣдко находятся у насъ въ печальномъ положеніи, благодаря скудости денежныхъ средствъ, но безъ нихъ еще сильнѣе и ощутительнѣе будетъ матеріальная безпомощность священника, въ распоряженіи котораго только и останутся личныя бесѣды и пастырскія вразумленія. Учрежденіе въ приходѣ попечительства должно быть первою заботою священника. Въ членахъ попечительства онъ найдетъ для себя нравственную под-

держку, столь необходимую иногда въ пастырскомъ служе-
ніи, чрезъ нихъ онъ скорѣе можетъ дѣйствовать на прихо-
жанъ и легче достигать намѣченной цѣли. Впрочемъ, под-
держку нравственную, а иногда и матеріальную легко могли-
бы оказывать священникамъ и сѣзды духовенства. Помимо
вопросовъ матеріальнаго характера, сѣзды могли бы обсу-
ждать вопросы о нуждахъ церковно приходскихъ школъ, о со-
дѣйствіи религіозно-нравственному развитію народа путемъ
устройства чтеній и религіозно-нравственныхъ собесѣдова-
ній. На этихъ же сѣздахъ всего удобнѣе могъ бы быть рѣ-
шаемъ и вопросъ о мѣрахъ къ распространенію въ народѣ
иконъ лучшаго письма и объ удешевленіи стоимости писан-
ныхъ правильно иконъ настолько, чтобы простой народъ
могъ пріобрѣтать и пользоваться ими, не обращаясь въ тѣ
лавочки, чрезъ которыя главнымъ образомъ и распростра-
няются небрежно написанныя иконы. Эти мѣры, конечно,
должны всякій разъ сообразоваться съ мѣстными условіями
и обстоятельствами, но общимъ правиломъ должно быть
признано, чтобы всѣ религіозно-просвѣтительныя мѣры и
средства вріурочены были къ приходскому храму. Вліяніе
храма, въ которомъ питается и развивается религіозное и
нравственное чувство народа, сильно, а потому храмъ дол-
женъ быть средоточіемъ всего, что служитъ къ расширенію
и углубленію его вліянія на приходъ. Православные храмы
съ совершающимися въ нихъ богослуженіями и вѣббогослу-
жебными собесѣдованіями тѣмъ и отличаются отъ церквей
римско-католическихъ и протестантскихъ, что могутъ быть
и обыкновенно служатъ у насъ для народа въ полномъ смы-
слѣ слова училищами вѣры и нравственности и источниками
глубочайшаго религіознаго назиданія и просвѣщенія. Со сто-
роны духовенства должны быть прилагаемы постоянныя и
постоячивыя усилія къ тому, чтобы не только сохранить за
храмомъ все значеніе, которое онъ имѣлъ доселѣ, но и уве-
личить это значеніе, примѣняясь къ современнымъ потребно-
стямъ. Духовная жажда въ народѣ не можетъ быть удовле-

творяема нынѣ тѣмъ, чѣмъ удовлетворялся народъ раньше. Пробудившаяся теперь въ народѣ съ особенною силою духовная жажда требуетъ и со стороны духовенства особенныхъ усилій для своего удовлетворенія, чтобы удержать народъ отъ исканія такого удовлетворенія на сторонѣ, а не въ православномъ храмѣ. Въ живой связи съ храмомъ должны стоять поэтому школа, приходская библіотека и читальня; при храмѣ же должны открываться и лавки для продажи иконъ и другихъ предметовъ, относящихся къ религіи. Если священникъ не возьметъ на себя труда руководить пробуждающимся религіознымъ сознаніемъ въ народѣ и самъ не позаботится о томъ, чтобы обрядовая сторона религіи имѣла на простолюдина дѣйствительно просвѣтительное вліяніе и служила для него источникомъ назиданія, то народъ самъ можетъ найти для себя руководителей, которые, не замѣчая просвѣтительнаго значенія за обрядовой стороною православной вѣры, могутъ отрицательно относиться и къ самому обряду.

Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности ¹⁾).

Въ ряду современныхъ задачъ пастырской дѣятельности весьма важное мѣсто занимаетъ *миссіонерское служеніе* пастырей Церкви. Оно находится въ самой тѣсной связи съ указанными уже сторонами пастырской дѣятельности. Въ послѣднее время сектантство принимаетъ иногда весьма рѣзкія формы противъ-церковнаго направленія и становится болѣе и болѣе опаснымъ для мира церковнаго; равнымъ образомъ, и стародавняя язва нашей церковной жизни—расколъ несколько почти не ослабѣваетъ, но, особенно въ своихъ край-

¹⁾ См. № 28-й за 1898 годъ.

нихъ толкахъ, дальше и дальше отходить отъ Православной Церкви, сливаясь незамѣтно съ сектантствомъ, а иногда и порождая это послѣднее. Указанныя печальныя явленія ставятъ на очередь много серьезныхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно быть откладываемо. Царю-Миротворцу и въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ, принадлежитъ великая честь—понять врага и указать его дѣйствительныя намѣренія и средства для борьбы съ нимъ. Наше сектантство оказывается, не есть исключительно религіозное или только церковное явленіе. Его конечныя цѣли кроются не въ одномъ только переустройствѣ церковнаго быта, но и въ коренныхъ преобразованіяхъ строя и быта государственнаго—общественнаго и отчасти семейнаго. Поэтому, и борьба съ нимъ не можетъ быть предоставляема одному только духовенству, но въ ней должна участвовать и гражданская власть. Вотъ первое, что было установлено прозорливымъ умомъ Царя-Миротворца. Второе же указаніе заключалось и заключается въ томъ, что православному духовенству, въ виду столь опаснаго врага, должны быть предоставлены и возможно большія средства и орудія борьбы. Отсюда сами собою явились—и болѣе или менѣе дѣятельное участіе гражданской власти въ борьбѣ съ сектантствомъ, и распоряженія церковной и свѣтской власти, клонящіяся къ поднятію значенія и матеріальнаго благосостоянія духовенства и особыхъ средствъ борьбы съ врагомъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ всего этого является усиленная противосектантская и противораскольничья дѣятельность въ настоящее время. Почти во всѣхъ епархіяхъ, имѣющихъ несчастье быть зараженными въ той или другой степени сектантствомъ, существуютъ особыя учрежденія, которыя нарочито вѣдаютъ секты и средства борьбы съ ними: то—епархіальные и окружные миссіонеры, миссіонерскіе комитеты, братства, сюда же нужно отнести миссіонерскія школы и повременныя изданія, открытыя собесѣдованія съ раскольниками и сектантами, чтенія и библіотеки. Въ цѣляхъ

объединенія разбросанныхъ миссіонерскихъ силъ, выработки наилучшихъ средствъ для практической борьбы съ севтами и расколомъ, ободренія отдѣльныхъ лицъ и вообще уясненія всего дѣла внутренней миссіи, время отъ времени учреждаются всероссійскіе и областные съѣзды миссіонеровъ.

Но, отдавая должное современнымъ дѣятелямъ—защитникамъ дѣла Церкви и государства, мы при этомъ должны помнить, что они вызваны къ жизни только вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ и недостаточной подготовленности прежнихъ приходскихъ священниковъ, которые болѣе всего обязаны были оберегать стадо Христово отъ волковъ хищныхъ, заботиться о возвращеніи заблудшихся на путь истины. Къ числу первыхъ обязанностей этого служенія относится наученіе пасомыхъ истинамъ правой вѣры и обереганіе ихъ отъ всего неправого, ложнаго и губительнаго. Исполняя эту обязанность, пастырь тѣмъ самымъ ведетъ дѣло миссіи; напротивъ, не исполняющій подвергаетъ пасомыхъ явной опасности впасть въ то или другое суемудріе.—Отстраняясь отъ этой обязанности, пастырь тѣмъ самымъ въ глазахъ своихъ пасомыхъ выставляетъ себя мало способнымъ, и никакія объясненія и извиненія такого самоустраненія сложностію и трудностію дѣла противосектантской миссіи не будутъ поняты прихожанами и потому не могутъ и уничтожить того недовѣрія къ силамъ своего священника, которое, естественно, возникнетъ у нихъ при видѣ *безсилія* его въ борьбѣ съ такими же простыми людьми, какъ и они сами.—Еще,—дѣло миссіи можетъ идти успѣшно только тогда, когда въ рукахъ миссіонера будетъ все, что можетъ дать ему истинное понятіе о *душевномъ* состояніи отступающаго отъ Церкви, о побужденіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ его къ этому,—однимъ словомъ, о всей жизни подобныхъ лицъ: кому же лучше этотъ міръ долженъ быть извѣстенъ—постоянно-ли живущему въ приходѣ священнику, имѣющему самыя близкія сношенія съ прихожанами и по дѣламъ своего служенія, и по дѣламъ житейскимъ, или миссіонеру, обязан-

ному по дѣламъ своего служенія разѣзжать или по всей епархіи, или, въ лучшемъ случаѣ, по своему округу?—Наконецъ, противосектантская практика яснѣе и яснѣе говоритъ, что въ борьбѣ съ сектантами имѣютъ особенно важное значеніе средства *предупредительнаго* характера, что совратившіеся въ ту или другую секту, особенно раціоналистическаго характера, крайне рѣдко возвращаются въ лоно Православной Церкви, а если и возвращаются, то съ совершенно, такъ сказать, изломанною душею. Вслѣдствіе этого вполне понятнаго явленія замѣчается, что открытыя собесѣдованія миссіонеровъ съ сектантами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣже и рѣже посѣщаются послѣдними, особенно ихъ главарями, и православнымъ миссіонерамъ приходится въ такихъ мѣстностяхъ вести бесѣды на подобіе внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, т. е., съ одними православными и въ духѣ положительнаго изложенія православнаго ученія. Не ясно ли, что подобныя собесѣдованія—прямое дѣло приходскихъ пастырей? Да и вообще, кто, какъ не приходскій священникъ, можетъ своевременно замѣтить среди своихъ прихожанъ неправославное настроеніе и движеніе и также своевременно принять необходимыя мѣры для пресѣченія этого движенія, для раскрытія его причинъ и немедленнаго изысканія цѣлесообразныхъ средствъ для борьбы съ приближающимся врагомъ? Тѣмъ болѣе, кто, какъ не приходскій пастырь, можетъ и долженъ прилагать всѣ мѣры къ тому, чтобы учить пасомыхъ правой вѣрѣ и жизни по вѣрѣ, привязать ихъ къ православному церковному строю, выяснить имъ все величіе православія, истинный смыслъ и значеніе внѣшней организациі Церкви и церковно-общественной жизни,—т. е., прилагать всѣ мѣры, чтобы *предупредить* въ приходѣ развитіе всего неправославнаго, противо-церковнаго и противо-государственнаго? Все это сдѣлать и самому ревностному миссіонеру будетъ не по силамъ.

Въ какихъ же условіяхъ находится православное духовенство, поставленное въ настоящее время лицомъ къ лицу

съ одною изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ? Чѣмъ оно располагаетъ и можетъ ли въ настоящее время выступать на поле брани съ однимъ изъ хитрѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ? Современныя условія пастырско-миссіонерской дѣятельности во многихъ отношеніяхъ благопріятны, чѣмъ это было въ недавнемъ прошломъ. Увеличеніе количества приходоѡ, возстановленіе полнаго состава церковныхъ причтоѡ, заботы правительства объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія православнаго духовенства, привлеченіе послѣдняго къ болѣе дѣятельному участию въ народномъ образованіи и, наконецъ, получаемое имъ вполне достаточное образованіе,—все это не можетъ не способствовать возвышенію значенія духовенства среди пасомыхъ, не увеличивать, не разнообразить пастырской дѣятельности, не дѣлать ее болѣе цѣлесообразною. Увеличеніе количества приходоѡ даетъ православному духовенству возможность лучше знать жизнь прихожанъ, слѣдить за всѣми ея явленіями, особенно въ области церковной и нравственной. Увеличеніе количества членоѡ причта чрезъ возстановленіе въ немъ діаконѡ открываетъ священникамъ возможность болѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, всесторонней дѣятельности, такъ какъ нѣкоторыя обязанности свои, за послѣднее время, несомнѣнно, значительно усложнившіяся, священникъ можетъ поручать заботамъ діаконѡ. Особенно много пользы слѣдуетъ ожидать отъ существованія въ приходахъ діаконѡ тамъ, гдѣ послѣдніе являются съ надлежащею подготовкою къ своему служенію въ качествѣ учителей и вообще самыхъ ближайшихъ помощниковъ священника по всѣмъ занятіямъ, пріобрѣтающимъ въ настоящее время особенно важное значеніе въ церковно-приходской жизни. Въ виду этого, было бы крайне желательно, чтобы поднятій уже во многихъ епархіяхъ вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи какъ самихъ діаконѡ, такъ и вообще всѣхъ членоѡ причта былъ возможно скорѣе разрѣшенъ въ самомъ благопріятномъ смыслѣ. И благопопечительное высшее правительство наше идетъ на встрѣчу назрѣвшей нуждѣ,

ежегодно увеличивая суммы, отпускаемыя на предметъ обезпеченія духовенства; то же дѣлають и нѣкоторыя мѣстныя епархіальныя власти. Со стороны самого православнаго духовенства въ настоящее время требуется только быть крайне осторожнымъ въ своихъ сношеніяхъ съ прихожанами по вопросамъ матеріальнаго вознагражденія за пастырскія нужды, не доводить этихъ сношеній до обостренности, быть умереннымъ въ своихъ желаніяхъ и стараться изыскивать средства для безбѣднаго существованія изъ другихъ источниковъ, возможно сокращая плату за исправленіе требы. Особенно это необходимо въ приходахъ, гдѣ или около которыхъ существуютъ уже сектанты или раскольники. Справедливо, конечно, говорятъ, что исполненіе религіозныхъ потребностей у сектантовъ и раскольниковъ послѣднимъ обходится ничуть не дешевле, а раскольникамъ даже значительно дороже, чѣмъ православнымъ. Но вся суть зла въ данномъ случаѣ заключается не въ самомъ явленіи, а въ томъ, какъ пользуются этимъ въ своихъ цѣляхъ распросранители сектантства и раскола. Разжигая недовольство противъ духовенства, собирающаго, якобы, жатву тамъ, гдѣ оно не сѣяло, пользующагося за трудъ, который долженъ, по закону Христову, совершаться *туне*, враги православнаго церковнаго строя сознательно умалчиваютъ о томъ, что и какъ бываетъ въ ихъ обществахъ, а если и бываютъ вынуждены касаться этой стороны, то стараются найти въ своихъ обществахъ какія-либо инныя выгоды, будтобы съ избыткомъ окупающія расходы ихъ на содержаніе сектантскаго и раскольническаго духовенства. Къ числу такихъ выгодъ обыкновенно причисляютъ, напр., участіе всѣхъ членовъ общины во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ. Вотъ почему, при всей несомнѣнной справедливости указанія на то, что отщепенцы отъ Церкви несутъ не меньшій расходъ на свои религіозныя нужды, для православнаго духовенства вопросъ о его матеріальной зависимости отъ пасомыхъ, а равно о необходимости въ той или другой степени смягчить, уменьшить эту зависимость, возвы-

силь ея характеръ, является вопросомъ особенной важности вообще и въ частности въ виду миссіонерскихъ обязанностей духовенства.

Совершенно излишне болѣе или менѣе подробно останавливаться на разъясненіи значенія для борьбы приходскаго духовенства съ сектами и расколомъ такихъ условій, какъ усиленіе вліянія духовенства на дѣло народнаго образованія и возвышеніе образовательнаго уровня самаго духовенства. Черезъ воспитаніе въ церковныхъ школахъ всего молодаго поколѣнія народа духовенство, несомнѣнно, должно пріобрѣсти въ новыхъ поколѣніяхъ послѣдняго вѣрныхъ сыновъ Церкви, съ дѣтства проникнутыхъ глубокимъ уваженіемъ къ ней, съ дѣтства привыкшихъ участвовать во всѣхъ церковныхъ внѣшнихъ дѣлахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ дѣтства же научившихся видѣть въ приходскихъ пастыряхъ *своихъ* постоянныхъ учителей, наставниковъ жизни и чтить ихъ достоинство не только въ дѣлахъ вѣры, но и всей жизни. Остается еще духовенству позаботиться объ усиленіи своего вліянія на образованіе среднее и высшее; это особенно необходимо въ интересахъ *внутренней миссіи*.—Съ другой стороны, основательное богословское образованіе даетъ пастырямъ Церкви возможность знать и надлежащимъ образомъ понимать и оцѣнивать все, совершающееся въ духовномъ мірѣ народа, которому они призваны служить въ самомъ важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ—спасенія души чрезъ правую вѣру и познаніе и осуществленіе истинныхъ началъ христіанской нравственности. Давая вполнѣ достаточное общее образованіе, современная духовная школа въ то же время довольно основательно подготавливаетъ теоретически и практически и въ нарочитыхъ предметахъ, въ томъ числѣ и въ знаніи сектантства и раскола. Не можемъ не пожелать только при этомъ, чтобы приходское духовенство, особенно сельское, возможно серьезнѣе относилось къ вопросу о своемъ послѣдующемъ самообразованіи. Будучи вообще весьма важнымъ для цѣлей

пастырскаго служенія, самообразование является безусловно необходимымъ для цѣлей пастырско-миссіонерскаго служенія, такъ какъ здѣсь, въ этой области, идетъ неустанная живая работа, открывающая постоянно много новаго, уясняющая многое изъ стараго и изъ того, что всегда предъ глазами, но что, по тѣмъ или инымъ причинамъ, ускользаетъ отъ внимательнаго разсматриванія и яснаго пониманія. Да и вообще трудно ожидать успѣшнаго и ревностнаго служенія дѣлу истины и борьбы съ врагами ея отъ того, кто отвыкъ отъ труда исканія этой истины; трудно ожидать надлежащаго внутренняго напряженія, какое требуется борьбою съ сектантствомъ, отъ того, кто своимъ равнодушіемъ къ самообразованію мало-по-малу усыпилъ свои духовныя силы, измѣнилъ требованіямъ школы и лишилъ свою душу всего возвышеннаго, постоянно бодрящаго духъ человѣческій.

Замѣтно улучшение и въ другихъ условіяхъ пастырско-миссіонерской дѣятельности духовенства. Ближайшее изученіе сектантства, хотя еще и неполное, начинается мало-помалу убѣждать, что наше сектантство одинаково вредно какъ для Церкви, такъ и для государства и будущности народа. И духовенство въ своей борьбѣ съ врагами Церкви въ настоящее время можетъ всегда надѣяться, что встрѣтитъ больше поддержки и сочувствія, чѣмъ это было въ прошломъ. Понятно само собою, что помощь свѣтской власти въ данномъ случаѣ можетъ быть въ вопросахъ, одинаково касающихся какъ интересовъ Церкви, такъ и интересовъ Государства, и обращеніе къ ней духовенства должно имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда напр., замѣчено открытое распространеніе лжеученія, такое же хуленіе Церкви, запрещенныя закономъ собранія, когда священникъ не только можетъ, но и долженъ обращаться за содѣйствіемъ къ власти.

Большимъ затрудненіемъ въ пастырско-миссіонерской дѣятельности для приходскихъ священниковъ служило въ прѣжнее время недостаточное знакомство съ сектантствомъ, съ содержаніемъ его ученія и приѣмами борьбы съ нимъ. Хотя

и нельзя сказать, чтобы указанное затрудненіе было вполне устранено въ настоящее время, тѣмъ не менѣе въ этомъ отношеніи уже многое сдѣлано и еще больше дѣлается. Отдѣльныя изданія, а равно особые органы печати и даже епархіальныя вѣдомости даютъ очень много матеріала какъ для изученія сектанства, такъ и по предмету веденія собесѣдованій противо-сектантскихъ. Кромѣ того, православные пастыри съ немалою пользою могутъ пользоваться трудами нарочитыхъ миссіонеровъ, присутствуя при ихъ собесѣдованіяхъ, обращаясь къ нимъ за совѣтомъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Для приходскаго духовенства вообще весьма важно установить разъ на всегда правильныя отношенія къ епархіальнымъ миссіонерамъ. Дѣятельная роль епархіальныхъ миссіонеровъ начинается обыкновенно съ того времени, когда уже бываетъ на лицо отпаденіе отъ Церкви, и эта роль выражается въ борьбѣ съ обозначившимся врагомъ. Значить, всѣ мѣропріятія, имѣющія въ виду *предупредить* развитіе и появленіе отпаденій въ томъ или другомъ приходѣ, находятся въ зависимости и распоряженіи приходскихъ пастырей; равнымъ образомъ, начало борьбы съ врагомъ и главнѣйшія условія успѣшности этой борьбы въ значительной степени зависятъ отъ нихъ же пастырей—и именно потому, что знаніе причинъ появленія въ приходѣ отщепенства, своевременность начала борьбы съ послѣднимъ, ознакомленіе съ характеромъ дѣйствующихъ въ данномъ противо-церковномъ обществѣ лицъ,—все это, обусловливающее въ значительной степени успѣшность дальнѣйшей борьбы, можетъ быть сообщено миссіонеру священникомъ. На этой-то почвѣ и завязываются впервые добрыя, откровенныя и исполненныя взаимнаго довѣрія отношенія между приходскимъ пастыремъ и миссіонеромъ. Въ видахъ успѣшности борьбы съ разнообразными врагами крайне важно дѣйствовать однообразными средствами, поставляющими для себя впереди одну цѣль. Насколько это важно, видно уже изъ того, что попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, напр., по отно-

шенію къ расколу, привели къ весьма замѣтнымъ благимъ слѣдствіямъ, и вожаки отщепенцевъ отъ Церкви прилагаютъ тамъ всѣ мѣры, чтобы сокрыть свою жизнь отъ взоровъ любопытствующихъ. Миссіонеры могутъ и должны оказать неопцѣнныя услуги дѣлу изученія вообще всего сектантства и раскола—всего того міра, который ополчался и ополчается теперь на Церковь и государство. Являясь средоточнымъ органомъ вѣдѣнія міра отщепенцевъ въ той или другой епархіи, они могутъ располагать весьма богатымъ матеріаломъ какъ для изученія внутренняго содержанія и конечныхъ цѣлей мѣстнаго сектантскаго міра, такъ и всѣхъ явныхъ и тайныхъ причинъ его возникновенія и распространенія. Уже и теперь все это замѣтно, и многіе весьма почтенные труды по изученію жизни отщепенцевъ отъ Церкви обязаны своимъ появленіемъ существованію миссіонеровъ. Со стороны приходскаго духовенства будетъ великою услугою дѣлу внутренней миссіи, если оно будетъ свободно, исполнѣ безпристрастно сообщать миссіонерамъ всѣ свои наблюденія въ области сектантства. Если мы къ сказанному о главныхъ сторонахъ дѣятельности епархіальныхъ миссіонеровъ присоединимъ еще то, что послѣдніе, по причинѣ болѣе частыхъ сношеній съ разнообразными отщепенцами отъ Церкви, всегда будутъ обладать сравнительно большею онытностію въ борьбѣ съ ними, и, слѣдовательно, всегда къ ихъ услугамъ придется обращаться какъ для распознаванія дѣйствительнаго характера новоявленнаго въ той или другой мѣстности врага, такъ и для собесѣдованій съ наиболѣе искусными изъ существующихъ представителей сектантскаго и раскольниковскаго міра; то мы укажемъ тогда уже всѣ главныя и существенныя стороны дѣятельности епархіальныхъ миссіонеровъ.

Итакъ, пастырско-миссіонерская дѣятельность приходскаго духовенства главнымъ образомъ должна сосредоточиваться на мѣронріятіяхъ предунредительнаго характера. Для дѣятельнаго же и плодотворнаго участія прихожанъ въ церковно-общественной жизни открываютъ обширное поле во

многихъ мѣстахъ учрежденныя братства, еще въ большемъ количествѣ существующія попечительства, разныя противораскольническія общества, миссіонерскіе кружки, кружки ревнителѣй православія. Всѣ эти и имъ подобныя учрежденія общественнаго характера вносятъ большое оживленіе въ церковно-приходскую жизнь, и польза отъ нихъ даже при современномъ ихъ положеніи, весьма значительна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одного появленія подобныхъ учрежденій было достаточно, чтобы пріостановить движеніе православныхъ въ расколъ или сектанство. Высокая просвѣтительная и миссіонерская дѣятельность большинства братствъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Даже не большія по характеру и объему своей дѣятельности приходскія попечительства даютъ приходскому духовенству возможность объединять лучшія силы прихода на почвѣ церковныхъ интересовъ, сосредоточить ихъ вокругъ храма, вокругъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ опираться въ случаѣ пужды на эти маленькія силы.

Мы обращаемъ особенное вниманіе пастырей Церкви на эту сторону ихъ пастырской дѣятельности и не видимъ для надлежащаго ея развитія современной жизни затрудненій или препятствій. Напротивъ, и свѣтская, и церковная власть всѣми силами стараются поощрять подобную дѣятельность православнаго духовенства, поддерживать ее тамъ, гдѣ она слабѣетъ, побуждать къ ней тамъ, гдѣ она еще не начиналась. Въ настоящее время существуетъ много уже уставовъ различныхъ, подобныхъ указаннымъ, общественныхъ учрежденій. Есть и не малый опытъ. Необходимы только желаніе и извѣстная доля ревности. А послѣднія должны явиться, разъ явится ясное пониманіе подлежащихъ пастырской дѣятельности высокихъ и отвѣтственныхъ задачъ. Ко всѣмъ существующимъ видамъ общественныхъ церковно-приходскимъ учрежденій слѣдуетъ еще присоединить и учрежденія благотворительнаго характера. Ничто такъ не проникаетъ челоуѣческаго сердца, не одухотворяетъ его жизни, какъ добрыя христіанскія дѣла. А развѣ наша сельская,—

не говоря уже о городской,—жизнь не представляет са-
маго благодарнаго поприща для благотворительной дѣятель-
ности? Развѣ тамъ мало бѣдноты, даже для сельской жизни
ужасной? Развѣ здѣсь мало горя, слезъ, сиротъ и вдовъ?
развѣ мало порока? Чѣмъ же пособить горю человѣческому,
чѣмъ прикрыть наготу людскую, чѣмъ излѣчить порочныя
язвы человѣческія? Вотъ эта-то недостаточность средствъ и
смущаетъ многихъ, останавливаетъ благія начинанія ихъ.
Но напрасно смущаются при видѣ малыхъ средствъ для
утоленія многихъ нуждъ. Нужно только помнить, что и та-
кая капля студеной воды способна оживить угасающую жизнь.
Въ одной изъ церковныхъ школъ заведены такъ называемые
благотворительные дни, въ которые дѣти-школьницы собира-
ются и шьютъ предъ праздниками одежду для сиротъ и во-
обще крайнихъ бѣдняковъ села. И сколько чистой радости,
истинно-христіанскаго веселья эти дни доставляютъ тѣмъ,
кто *благотворитъ*, и тѣмъ, кому *благотворятъ*! И нужно
замѣтить, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ по приходамъ уже
учреждаются разныя благотворительныя общества. Правда,
они являются еще слабыми попытками, но все же право-
славное духовенство болѣе и болѣе вступаетъ на тотъ путь,
который, облегчая дѣятельность его самого, можетъ привести
и его и пасомыхъ къ великому и истинному благу. Не го-
воря уже о добрыхъ послѣдствіяхъ для нравственнаго и ре-
лигіознаго воспитанія паствы, которыя неизбѣжно явятся
при расширеніи общественной благотворительной жизни при-
хода, нельзя не указать на нѣкоторые выгоды отъ усиленія
пастырской дѣятельности въ указанномъ направленіи: учреж-
дая братства, приходскія попечительства, тѣ или другія ис-
ключительно благотворительныя общества, православное ду-
ховенство не только оживитъ, осмыслитъ приходскую жизнь,
не только отниметъ у враговъ Церкви лишній поводъ ки-
читься предъ православными и лишнее орудіе ихъ со-
блазна, но и дѣйствительно объединитъ весь приходскій
міръ въ одно цѣлое, создастъ дѣйствительно живую, прочную

единицу гражданско-церковной жизни,—такую единицу, въ жизнедѣтельности которой примутъ одинаковое разумное участіе и дворянинъ, и купецъ, и мѣщанинъ, и крестьянинъ, и образованный и необразованный, и бѣдный и богатый. Это—образецъ, къ которому необходимо стремиться во имя высшихъ интересовъ Православной Церкви и истинно-христіанской будущности русскаго народа.

М. Гнѣвушевъ.

З А М Ъ Т К А.

Новый способъ устройства соломенныхъ крышъ.—Новый способъ устройства прочныхъ и безопасныхъ отъ огня соломенныхъ крышъ состоитъ въ слѣдующемъ. Пучки соломы (которая обыкновенно берется средней величины, безъ колосьевъ) помѣщаются въ яму съ жидкой хорошей глиной и проминаются ногами; спустя сутки, ихъ вынимаютъ изъ ямы, складываютъ въ кучу такъ, чтобы концы ихъ не высовывались, и прикрываютъ сухой соломой. Когда черезъ два-три дня лишняя вода съ пучковъ сбѣжитъ и вся куча значительно согрѣется, приступаютъ къ укладкѣ ихъ на рѣшетинныя крыши. Рѣшетинны должны быть ровныя и частыя—не болѣе 3—4 вершковъ другъ отъ друга. Настилку начинаютъ снизу и первый рядъ укладываютъ комлями внизъ, упирая ихъ въ подтокъ, а остальные ряды укладываются комлями вверхъ, при чемъ комли должны приходиться не въ промежуткахъ рѣшетинъ, а на самыхъ рѣшетинахъ. Разложивъ солому розсыпью, ее расправляютъ и притаптываютъ лопатой, не дѣлая, однако, при этомъ никакой примазки глиною. Затѣмъ, пока крыша еще не просохла, ее расчесываютъ сверху внизъ чесалкой (въ видѣ грабелей съ частыми проволочными гвоздями), сначала слегка, а потомъ все глубже и глубже.

По мѣрѣ прочесыванія, готовая часть крыши приглаживается и притаптывается, пока поверхность крыши не станетъ совершенно гладкой. Какъ показалъ опытъ, устроенныя такимъ образомъ глиняныя крыши представляютъ большія преимущества передъ обыкновенными соломенными: дождь совсѣмъ не проникаетъ въ солому, и послѣдняя не подвергается гнѣнію, благодаря чему крыши стоятъ десятки лѣтъ; даже обмытая дождемъ такая крыша не боится огня. Глины идетъ на крышу сравнительно немного и доставлять ее на крышу, при устройствѣ послѣдней, не приходится, что значительно облегчаетъ и ускоряетъ работу; самой глины на каждую квадратную сажень крыши, при толщинѣ ея въ три вершка, приходится не болѣе пяти пудовъ. (Новъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 23 іюля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, августа 23-го.

Содержаніе: Объ иконописныхъ изображеніяхъ св. Іоанна Предтечи, Крестителя Господня.—Величіе и важность пастырскаго служенія.—Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики.—Церковно-богослужебная терминологія (продолженіе).

Объ иконописныхъ изображеніяхъ св. Іоанна Предтечи, Крестителя Господня.

Понятно то глубокое благоговѣніе среди христіанъ къ священной памяти величайшаго изъ пророковъ, какимъ всегда пользовался Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ, о которомъ Самъ Спаситель въ бесѣдѣ съ Своими учениками сказалъ, что „изъ рожденныхъ жепами не возсталъ большій Іоанна Крестителя“ (Мтѣ. 11, 11; Лук. 7, 25). Понятно, что и письменныя изображенія св. Предтечи должны были появиться у христіанъ весьма рано. Древніе художники христіанскіе старались запечатлѣть въ памяти не только черты лица того, кто стоялъ на рубежѣ Вѣтхаго и Новаго Завѣ-

товъ, но изображали и всѣ важнѣйшія событія изъ жизни и дѣятельности св. Іоанна Крестителя. Иконографическія изображенія Предтечи выработались и стали извѣстны среди христіанъ очень рано ¹⁾. Древне-христіанскіе художники, судя по сохранившимся иконописнымъ изображеніямъ, главнымъ источникомъ и основаніемъ для иконографіи Предтечи всегда полагали, какъ и слѣдовало, евангельскія повѣствованія объ образѣ его жизни, характерѣ и дѣятельности. О жизни Предтечи, хотя и кратко, говорится у всѣхъ четырехъ евангелистовъ. Вездѣ онъ изображается, какъ аскетъ и подвижникъ, проводящій жизнь въ пустынѣ, не пьющій вина и сикера, проповѣдующій покаяніе и крестящій въ Іорданѣ во имя грядущаго Мессіи ²⁾. По свидѣтельству евангелистовъ, онъ носилъ грубую одежду изъ верблюжьяго волоса и кожаный поясъ, питался акридами и дикимъ медомъ. Въ зрѣломъ возрастѣ св. Іоаннъ является на берегахъ Іордана проповѣдникомъ покаянія и приближенія царства небеснаго и въ знакъ покаянія креститъ въ Іорданѣ во имя грядущаго Мессіи, говоря, что идущій за нимъ будетъ креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ (Мтѣ. 3, 2, 11; Мрк. 1, 8; Лук. 3, 16). За строгую подвижническую жизнь современники принимали св. Іоанна за Мессію и вѣрили, что, послѣ смерти отъ руки Ирода, онъ снова воскресъ въ лицѣ Спасителя (Іоанн 1, 20, 25; 3, 28; Дѣян. 13, 25; Мтѣ. 14, 1 — 2, 16, 14, Лук. 9, 7 — 9). Таковы основанія для правильной иконографіи Предтечи. Памятники греко-восточной иконографіи въ общемъ дѣйствительно соотвѣтствуютъ духу евангельскихъ повѣствованій. Св. Іоаннъ Предтеча обыкновенно изображается мужемъ зрѣлаго возраста, съ бородой, не очень густой и нѣсколько продолговатой, съ длинными волосами, отпущенными

¹⁾ Древнѣйшій памятникъ, заключающій въ себѣ изображеніе Предтечи, относятъ ко 2-му вѣку. Пр. Соб. 97 г. т. 2.

²⁾ Лук. 1, 15; Мтѣ. 3, 1 — 16; 11, 2 — 14; 14, 1 — 12; Мрк. 1, 1 — 10; Лук. 1, 5 — 25; 3, 1 — 22; 7, 18 — 28, 33; Іоан. 1, 6 — 37.

по назарейски, какъ у Спасителя, съ которымъ на иконописныхъ памятникахъ онъ имѣетъ нѣкоторое сходство. Нѣкоторая строгость, суровость и угрюмость въ выраженіи лица Предтечи—черты, особенно замѣтныя въ древнѣйшихъ изображеніяхъ, очевидно, имѣютъ цѣлью выразить строгость его жизни и высоту служенія. Древнѣйшія изъ восточныхъ изображеній Іоанна Крестителя сохранились въ такъ называемыхъ „Деисусахъ“, изъ которыхъ самый древній по времени относится къ 9 в.,—это Деисусъ изъ евангелія Іаенатскаго монастыря близъ Кутаиса на Кавказѣ. Св. Предтеча изображенъ здѣсь во весь ростъ въ видѣ худощаваго мужчины зрѣлыхъ лѣтъ съ продолговатой бородой и съ довольно суровыми чертами лица ¹⁾. Въ евангельскихъ повѣствованіяхъ собственно не указываются точно черты лица Іоанна Предтечи и древніе художники съ большимъ, повидимому, вниманіемъ останавливались на изображеніи одеждъ и другихъ внѣшнихъ принадлежностей Іоанна Крестителя, чѣмъ на его лицѣ, хотя и въ этомъ случаѣ не замѣтно особенной устойчивости. Св. Предтеча изображается обыкновенно съ открытой головой и босымъ, что вполне согласуется съ аскетической строгостью, смиреніемъ и простотой его жизни на землѣ и какъ обыкновенно ходили древніе проповѣдники. Что касается собственно одежды, то древніе художники изображали Предтечу какъ съ длинными одеждами, такъ и съ короткими, при чемъ туника рисовалась какъ волосяною, такъ и не волосяною. Въ настоящее время большинство художниковъ, согласно евангельскому повѣствованію, не сомнѣваются, что Предтеча имѣлъ вполне достаточную одежду, хотя, по обѣту назорейства, очень простую, и потому изображаютъ его въ длинной туникѣ, которая, какъ говорится въ евангеліи (Мтѣ. 3, 4; Мрк. 1, 6), сдѣлана была изъ верблюжьей шерсти и для удобства въ движеніяхъ стягивалась кожанымъ поясомъ. Туника была тканая, хотя и грубой работы; поверхъ туники

¹⁾ См. Пр. Соб. 97 г. т. 2.

набрасывался небольшой величины плащъ тоже изъ грубой матеріи. Съ подобными одеждами, вполне согласными съ евангельскимъ разсказомъ, изображаютъ св. Іоанна Предтечу почти всѣ православные художники.

Св. Іоаннъ Предтеча очень часто изображается на иконахъ съ различными принадлежностями. Мы укажемъ только важнѣйшія изъ нихъ и наиболѣе употребительныя. Древнѣе другихъ слѣдуетъ признать агнца. Этотъ символъ, очевидно, взятъ со словъ самого Іоанна Предтечи, которыми онъ исповѣдалъ на берегахъ Іордана шедшаго къ нему Спасителя: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). Изображенія Іоанна Крестителя, указывающаго на агнца, были очень распространены до 7 в., но потомъ, послѣ того какъ 82-мъ правиломъ Трулльскаго собора (692 г.) постановлено было—вмѣсто ветхозавѣтнаго агнца изображать Иисуса Христа въ человѣческомъ образѣ, символъ агнца стали замѣнять на востокѣ другими символами ¹⁾. Впрочемъ, въ нашей отечественной Церкви символическое изображеніе агнца, не смотря на запрещеніе Трулльскаго собора, продолжало существовать довольно долго, что видно изъ Стоглава (1551 г.) и изъ розыска по дѣлу о Висковатомъ, гдѣ приводится подтвержденіе древняго постановленія Трулльскаго собора. „Агнецъ, говорится здѣсь, данъ былъ въ образъ истиннаго Христа Бога нашего, а не подобаетъ почитать образъ паче истины, и Агнца на честныхъ иконахъ нисать, перстомъ Предтечевымъ показуема, но писать Самого Христа Бога нашего по человѣческому образу“. Такое отступленіе нашихъ предковъ отъ соборныхъ постановленій и практики грѣко-восточной Церкви тѣмъ болѣе представляется страннымъ, что, вообще говоря, они очень строго слѣдили за обрядовыми особенностями вѣры, малѣйшее отступленіе отъ принятыхъ образцовъ считали ересью, а на самое иконописаніе смотрѣ-

¹⁾ На это же правило Трулльскаго собора ссылается и седьмой вселенскій соборъ въ Никее 787 г.

ли, какъ на одну изъ отраслей церковной службы. Русскій иконописецъ, по мысли Стоглава, долженъ былъ писать иконы, „смотря на образъ древнихъ иконописцевъ“ ¹⁾; ему запрещалось даже употреблять свою кисть на изображеніе предметовъ, не принадлежавшихъ къ области церковно-религіозной. Очевидно, только незнакомствомъ съ соборными постановленіями можно объяснить то обстоятельство, что предки наши, въ такомъ важномъ для нихъ вопросѣ, допустили новшество, тогда какъ у Грековъ Трулльскій соборъ своимъ запрещеніемъ совсѣмъ прекратилъ писаніе иконъ съ изображеніемъ Христа въ видѣ агнца. Въ западной церкви, которая, какъ извѣстно, не признала Трулльскаго собора въ Константинополѣ дѣйствительнымъ, и до настоящаго времени агнецъ удерживается, какъ символъ Христа. Но не смотря на господство у насъ иконописныхъ образцовъ византійскаго искусства, западное вліяніе незамѣтно прокрадывалось къ намъ сначала (15 в.) чрезъ Новгородъ и Псковъ, а потомъ (17 в.) чрезъ Литву, Польшу и Малороссію и такъ или иначе заявляло себя въ области иконографіи. Неудивительно, что именно этимъ путемъ проникло къ намъ и западное изображеніе Христа въ видѣ агнца. На востокѣ же, гдѣ въ это время менѣе сказалось вліяніе запада, изображеніе Христа подѣ символомъ агнца замѣнилось такъ называемыми „Деисусами“, на которыхъ изображали, какъ и теперь изображаютъ, Христа въ царскомъ или архіерейскомъ облаченіи, а по бокамъ величайшихъ молитвенниковъ (Деисусъ-отъ δέησις — моленіе) за родъ человѣческій — Богоматерь и Іоанна Предтечу, указывающаго на Христа. Это изображеніе сдѣлалось любимѣйшимъ и на Руси, не смотря на продолжавшееся у насъ символическое изображеніе агнца.

Въ древнихъ иконописныхъ памятникахъ встрѣчается иногда изображеніе св. Іоанна Предтечи съ крестомъ или посохомъ въ рукѣ; впрочемъ, въ восточной Церкви такия изо-

1) См. Стоглавъ стр. 151. Изд. Кожанчикова 1863 г.

браженія очень рѣдки. Православные иконописцы больше предпочитали изображать Іоанна Предтечу съ другимъ символомъ—съ крыльями, на подобіе ангела, и дѣлали это, очевидно, на основаніи самаго евангелія. „Сей бо есть, о немъ же есть писано: се азъ посылаю ангела Моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою“ (Мтѣ. 11, 9—10; Мрк. 1, 2; Лук. 7, 26—27). Такой символъ долженъ указывать на высоту подвижнической жизни Предтечи и его служенія. Въ русскомъ иконописаніи символическое изображеніе крыльевъ очень употребительно. У насъ изображаютъ иногда съ крыльями Пресв. Богородицу, апост. Петра, препод. Антонія и Феодосія Печерскихъ и другихъ святыхъ, проводившихъ жизнь въ безбрачїи, и крылья служатъ вообще символомъ дѣвственности.

Въ 11 или 12 вв. въ греко-восточной Церкви появились изображенія св. Іоанна Предтечи съ головою, лежащею на блюдѣ или въ чашѣ и поддерживаемой лѣвою рукою Крестителя. Эти изображенія Предтечи извѣстны у насъ подъ именемъ иконъ „Іоанна Предтечи съ усѣкновеніемъ“ и встрѣчаются довольно рѣдко. Иные находятъ такіа изображенія Предтечи соблазнительными на томъ основаніи, что этого не можетъ быть на самомъ дѣлѣ; во въ такомъ случаѣ пришлось бы считать соблазнительными и другія изображенія, напр., крылья у святыхъ, которыхъ они на самомъ дѣлѣ не имѣли. Съ 13 в. въ греко-восточной Церкви общеупотребительнымъ сдѣлалось помѣщеніе на изображеніяхъ Предтечи свитка съ изреченіями и безъ нихъ. Чаше другихъ помѣщаются слѣдующія изреченія Іоанна Крестителя, взятая изъ евангелій: „покайтесь, приближитесь церствіе небесное“, „се агнець Божій“. Употребленіе свитка вышло, очевидно, изъ желанія внѣшнимъ образомъ указать на то, что какъ бы выходило изъ устъ изображеннаго лица, почему на свиткахъ и пишутся обыкновенно или подразумеваются только изреченія, принадлежащія изображенному святому. Очень рѣдко на иконахъ Іоанна Предтечи изображается еще сѣкира, очевидно, напо-

минающая евангельскія слова Предтечи „уже и сѣкира при корнѣ дерева лежитъ“ (Мтѣ. 3, 10).

Послѣ Трулльскаго и седьмаго вселенскаго собора, осудившаго иконоборческую ересь, когда иконописаніе стало развиваться свободно, православные иконописцы не довольствовались уже изображеніемъ лика Предтечи, а стали изображать отдѣльныя событія изъ его жизни и дѣятельности. Такъ у преп. Феодора Студита (798—826 г.) есть указаніе на цѣлый рядъ иконъ, представляющихъ мученическую кончину и погребеніе Предтечи. „Посмотри, говоритъ онъ, на икоцу, на гробъ праведника, и пойми отсюда, какъ святой, закованный въ желѣзо, выводится изъ темницы, какъ палачъ обнажаетъ мечъ противъ святой главы, какъ отсѣченная глава передается бѣснующейся Иродіадѣ, и святое тѣло похороняется руками его учениковъ, которые съ прискорбіемъ и плачемъ окружаютъ его 1)“. Но рядъ событій изъ жизни св. Іоанна Предтечи въ иконографическихъ изображеніяхъ начинается значительно раньше, именно: „зачатіемъ Іоанна Предтечи“, т. е., событіемъ возвѣщенія ангеломъ Гавріиломъ священнику Захаріи о рожденіи отъ него сына (Лук. 1, 8—12). Событіе это изображается обыкновенно въ такомъ видѣ. Представляется храмъ и алтарь; предъ алтаремъ стоитъ Захарія и держитъ правою рукою кадильницу; лѣвая рука его поднята вверхъ, взоръ обращенъ къ небу. Надъ алтаремъ ангелъ, говорящій: „не бойся, Захарія, ибо услышана молитва твоя“ (Лук. 1, 13); внѣ храма—толпа молящихся. Русское изображеніе этого событія, образецъ котораго можно видѣть въ иконописныхъ святцахъ за 23-е сентября, отличается тѣмъ, что вмѣсто одного представляетъ трехъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ бесѣдуетъ съ Захаріей, а другіе два видны изъ за завѣсы „святаго святыхъ“. Затѣмъ, въ восточной Церкви встрѣчается изображеніе „Рождества Іоанна Предтечи“; при чемъ событіе это представляется такъ. Елизавета лежитъ на

1) Пр. Соб. т. 2. 1897 г.

одрѣ; предъ ней служанка освѣжаетъ ее опахаломъ, возлѣ одра нѣкоторыя служанки омывають дитя въ купели, а Захарія, сидя, начертываетъ на бумагѣ: „Іоаннъ будетъ имя ему“ (Лув. 1, 57—63). Изъ дальнѣйшихъ событій въ жизни Іоанна Крестителя чаще другихъ изображается „проповѣдь Іоанна Крестителя“, при чемъ на всѣхъ изображеніяхъ Предтеча представляется проповѣдующимъ въ открытомъ полѣ. Но самымъ распространеннымъ изображеніемъ является несомнѣнно „Крещеніе Спасителя“, событіе, въ которомъ миссія Іоанна Крестителя достигаетъ своего завершенія. Сравнивая разныя изображенія этого событія, можно видѣть, что Іоаннъ Предтеча представляется въ нихъ различно: то стоящимъ, то склонившимся на одно колѣно предъ погруженнымъ въ Іорданъ Спасителемъ; его правая рука на головѣ Іисуса Христа, а лѣвую руку онъ простираетъ къ небу; вверху-Богъ Отецъ; Духъ Святый въ видѣ голубя нисходитъ на голову Іисуса Христа; по срединѣ луча, падающаго съ неба, помѣщаются слова; „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“ (Мтѣ. 3, 17); влѣво отъ Христа стоятъ ангелы съ выраженіемъ благоговѣнія; внизу ихъ—одежды Христа. Ниже Предтечи, въ Іорданѣ, иногда изображается нагой человѣкъ съ сосудомъ, изъ котораго льется вода,—это олицетвореніе Іордана ¹⁾. Кромѣ изображеній крещенія, въ греко-восточной Церкви, какъ видно изъ свидѣтельства преп. Ѳеодора Студита, довольно рано стали изображать и событія, относящіяся къ смерти Іоанна Крестителя, послѣдовавшей отъ руки Ирода. Въ Аѳонскомъ „Руководителѣ иконописи“ указывается для изображенія четыре вида изъ послѣднихъ дней жизни Предтечи. Первый представляетъ Предтечу упрекающимъ Ирода за Иродіаду, жену его брата Филиппа, второй рисуеъ положеніе Предтечи въ темницѣ

¹⁾ На нѣкоторыхъ изображеніяхъ встрѣчаются два человѣка, олицетворяющихъ два притока, въ соединеніи которыхъ будто бы было крещеніе Спасителя. Пр. Соб. 87 г. т. 3.

предъ усѣкновеніемъ его главы, въ третьемъ изображается „Пиршество Ирода“ и, наконецъ, въ четвертомъ, наиболѣе распространенномъ, изображается собственно „Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи“. Мы уже указывали, что существуютъ, хотя и рѣдко, изображенія Іоанна Предтечи съ усѣкнovenной главой, но обыкновенно усѣкновеніе главы служитъ предметомъ для отдѣльныхъ изображеній, которыя дѣлаются почти всегда двояко. Одно изображеніе представляетъ воина съ мечемъ въ одной рукѣ и съ отсѣченной головой въ другой; у ногъ воина лежитъ обезглавленное тѣло, изъ усѣченного мѣста котораго струится кровь. Передъ воиномъ дѣвица, принимающая на блюдо отсѣченную голову Праведника 1). Другое изображеніе болѣе любимое иконописцами и болѣе распространенное, особенно въ Русской Церкви, представляетъ одну только отсѣченную голову Предтечи, лежащую на блюдѣ, во всю картину. Въ русской иконографіи встрѣчается еще изображеніе св. Іоанна Предтечи съ купелью или чашею, въ которой лежитъ младенецъ Христосъ. Образъ, очевидно, заимствованъ художникомъ съ крещенія младенцевъ и встрѣчается только въ русской и при томъ древней иконографіи.

Кромѣ перечисленныхъ нами изображеній Предтечи и и событій изъ его жизни и дѣятельности, въ православной греко-восточной иконографіи существуютъ еще изображенія трехъ „Обрѣтеній главы Предтечи“ и изображеніе „Собора Іоанна Крестителя“. Въ Греціи первое, второе и третье обрѣтеніе главы св. Іоанна Предтечи изображаются всѣ три—различно, согласно съ преданіемъ о каждомъ изъ этихъ событій 2); но въ русскихъ лицевыхъ святцахъ за 24-е февраля, когда воспоминается первое и второе обрѣтеніе главы, и 25-е

1) См. „Лицевыя святцы“ за 29 авг.

2) Содержаніе преданія см. у Вишнякова „Святый великій пророкъ, Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ“ стр. 355—363, и полныя житія святыхъ, за 24 февраля.

мая, когда празднуется третье обрѣтеніе главы, эти изображенія пишутся всѣ одинаково, на подобіе перваго обрѣтенія, именно: представляется пещера, внутри ея, въ сосудѣ, голова св. Предтечи; предъ ней стоятъ два инока: одинъ съ киркой, другой колѣнопреклоненный и касается сосуда съ св. головой. Что касается иконописнаго изображенія „Собора Іоанна Предтечи“, которое находится въ лицевыхъ святцахъ за 7-е января, то оно вполне соотвѣтствуетъ этому празднику. Соборомъ называется день, слѣдующій за Богоявленіемъ и посвященный памяти св. Іоанна Крестителя. Изображеніе представляетъ Предтечу, который держитъ въ лѣвой рукѣ знамя, съ развивающимся флагомъ и ованчивающееся на верху крестомъ. Предтеча стоитъ на берегу, а въ рѣкѣ толпа народа по поясъ въ водѣ, которую онъ осѣняетъ правой рукой.

Таковы важнѣйшія иконописныя изображенія св. Іоанна Предтечи въ Православной восточной Церкви. Большая часть изъ нихъ, какъ мы видѣли, снована на евангельскихъ повѣствованіяхъ объ образѣ его жизни, характерѣ и дѣятельности. Какъ изображенія св. Предтечи, такъ и отдѣльныя изображенія разныхъ событій изъ его жизни и дѣятельности имѣютъ одну и ту же цѣль—вызвать у вѣрующихъ и молящихся мысль объ Іоаннѣ Крестителѣ, напомнить важнѣйшее время того высокаго служенія, ради котораго онъ былъ посланъ и его мученической кончины отъ руки Ирода. Изображенія нѣкоторыхъ событій появились, хотя и довольно поздно, какъ, напр., усѣкновеніе главы, но это обстоятельство нисколько не говоритъ противъ употребленія подобныхъ изображеній, если только они вполне приличны и соотвѣтствуютъ цѣли—вызвать мысль объ Іоаннѣ Крестителѣ. Слѣдуетъ только заботиться о томъ, чтобы частности на такихъ изображеніяхъ не составляли главнаго предмета иконъ и не затемняли основной мысли. Именно такимъ недостаткомъ часто и отличаются западныя изображенія Предтечи. Такъ, символическое изображеніе агнца, удержанное на западѣ вопреки за-

прещенію Трулльскаго собора и седьмого вселенскаго, подъ вліяніемъ натурализма (съ 15 в.), дѣлается слишкомъ реальнымъ. Западные художники изображаютъ его въ различныхъ небрежныхъ положеніяхъ, пуская при этомъ въ ходъ свое воображеніе, но тѣмъ самымъ только унизая высокую идею этого символа. Предтечу стали изображать пастушкомъ, который несетъ утомившагося ягненка и нѣжно гладитъ его. Полный произволъ воображенія художниковъ и преобладаніе въ западномъ искусствѣ натурализма привели къ тому, что западныя иконографическія изображенія даже въ томъ случаѣ, когда основываются на источникахъ, общихъ съ восточными, отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что выпадаютъ изъ одной крайности въ другую, представляя Предтечу то въ видѣ молоденькаго юноши, обитающаго въ пустынѣ, едва прикрытаго звѣриной кожей, то въ видѣ суроваго мрачнаго старца, покрытаго сѣдыми волосами. Не довольствуясь, наконецъ, поэтическою передѣлкою достовѣрныхъ свѣдѣній, западные художники, въ погонѣ за реализмомъ, прибѣгаютъ прямо къ измышленію. Таковы, кромѣ указанныхъ, различныя вымышленныя сцены изъ дѣтства св. Іоанна Крестителя. Отрокъ Іисусъ и его маленькій товарищъ Іоаннъ представляются, напр., путешественниками, идущими вмѣстѣ, какъ два нѣжные друга; таковы же сцены прощанія Предтечи съ родителями и веденія его ангеломъ въ пустыню; таковъ же плодъ поэтическаго вымысла и изображеніе „входа Предтечи въ преддверіе рая“ или помѣщеніе кузнечика (сомнительный намекъ на родъ пищи Предтечи въ пустынѣ ¹⁾) на головѣ агнца, изъ которой струится вода. Желая доказать правильность своего обряда обливанія, совершаемаго при крещеніи младенцевъ въ западной Церкви, западные художники и крещеніе произвольно изображаютъ въ формѣ обливанія Спасителя изъ чаши, а не въ формѣ погруженія, опять-таки вопреки

1) См. мнѣніе объ этомъ епископа Порфирія Успенскаго въ его „Книгѣ бытія моего“.

евангелію (Мтѣ. 3, 16; Мрк. 1, 9 — 10). Всѣхъ такихъ и подобныхъ имъ изображеній въ восточной иконографіи совсѣмъ не встрѣчается. Тогда какъ на западѣ (съ 15 в.) церковное искусство, покончивъ совершенно съ иконографическими преданіями, стало преслѣдовать цѣли художественнаго реализма, оставя въ сторонѣ интересы религіозные, и западные художники нарочно стали выбирать такіе предметы, въ которыхъ лучше представляется случай изобразить красоту молодого человѣка или женщины и нарисовать поэтическую картину природы, восточная Церковь чутко стояла на сторожѣ древняго иконописнаго преданія. Что же касается Русской Церкви, то у насъ церковная власть еще строже заботилась объ охранѣ въ цѣлости древняго византійскаго иконописнаго преданія и о недопущеніи вторженія въ нашу иконографію новыхъ идей и появленія въ ней мотивовъ, чуждыхъ обще-признанныхъ церковнымъ образцамъ. Даже въ незначительной самодѣтельности иконописца наши предки видѣли не болѣе, какъ произволь, нарушавшій чистоту византійско-русскаго преданія. Дѣло, какъ мы знаемъ, дошло до того, что изъ опасенія, какъ-бы не привзошло въ церковную живопись чего-нибудь свѣтскаго, иконописцу совсѣмъ запрещено было употреблять свою кисть на изображеніе предметовъ, не принадлежавшихъ къ области церковно - религіозной. Тѣмъ не менѣе и на Руси, не смотря на всю заботливость, не удалось обезпечить иконописное дѣло отъ порчи и свѣтскихъ мотивовъ западнаго искусства. Постепенное ослабленіе, а съ паденіемъ въ половинѣ 15 в. Константинополя, и совершенное прекращеніе церковно - художественнаго вліянія Византіи на Русь, съ одной стороны, и все болѣе и болѣе возраставшій въ послѣдней спросъ на иконы, привлекавшій къ занятію иконописью людей мірскихъ и зачастую въ ней не свѣдущихъ ¹⁾, съ другой — не могли благотворно отзываться на

¹⁾ См. о положеніи иконописнаго дѣла въ это время въ Стоглав. 43 гл. стр. 150—154 по изд. 1863 г. Кожанчикова.

иконографіи. При такихъ обстоятельствахъ западному иконографическому вліянію не трудно было попасть и въ мастерскія русскихъ иконописцевъ. Сначала чрезъ Новгородъ и Псковъ, а затѣмъ чрезъ Литву, Польшу и Малороссію западные произведенія мало-по-малу переходили къ намъ на Русь въ видѣ иконъ, живописныхъ картинъ и особенно печатныхъ или гравированныхъ листовъ, которыми во множествѣ снабжали насъ, какъ и въ настоящее время, нѣмецкія земли къ великому соблазну благочестивыхъ людей. Обширный рынокъ для сбыта эти издѣлія находили всюду, гдѣ чувствовался недостатокъ въ своихъ мастерахъ. А между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ христіанство распространялось въ разныхъ уголкахъ нашего отечества, увеличивался и спросъ на иконы и едва-ли въ какой другой странѣ христіанскаго міра онъ былъ такъ великъ, какъ у насъ въ Россіи. Для изготовленія иконъ въ обширныхъ размѣрахъ потребовалось и множество рабочихъ; но если и въ настоящее время ощущается недостатокъ въ нихъ, то въ 15 — 16 вв. тѣмъ болѣе трудно было найти людей хоть съ самою малою подготовкою къ занятію иконописью. За дѣло брались полные невѣжды и если принять во вниманіе, что множество простого народа и не могло по своему развитію требовать много отъ церковнаго живописца, то легко будетъ понять, почему у насъ такъ много неправильно и плохо написанныхъ иконъ. По своей неразвитости простой народъ спрашиваетъ отъ живописца предметовъ не столько художественныхъ, сколько занимательныхъ и назидательныхъ, и удовлетворяется въ большинствѣ случаевъ, когда неуклюжія мініатюры разнаго рода сборниковъ или лубочныя картины топорной работы приходятъ на помощь его умственному и нравственному воспитанію. На обязанности пастыря — охранять православный народъ отъ глупостнаго подчасъ вліянія лубочныхъ издѣлій и дать ему возможность питаться болѣе чистымъ источникомъ, что въ настоящее время, какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ, для ревностнаго пастыря вполне возможно.

Величіе и важность пастырскаго служенія.

(Изъ сочиненій русскихъ духовныхъ писателей 18 вѣка).

О величїи и важности пастырскаго дѣла русскіе духовные писатели прошлаго столѣтія учатъ особенно много. Святители 18 в. старались поглубже выѣдрить въ сердцахъ и умахъ своихъ іереевъ то необыкновенное величіе и важность ихъ служенія, которыми, соотвѣтственно его божественному происхожденію и цѣли, отличается оно. Это величіе и важность пастырскаго служенія наши архипастыри усматривали въ наименованіяхъ, которыя усвояются преемникамъ апостольскаго служенія, и въ тѣхъ дѣйствіяхъ и полномочіяхъ, въ какихъ оно проявляется. „Священникъ, говоритъ св. Тихонъ Воронежскій, есть пастырь овцамъ, слѣпымъ вождь, заблуждшимъ наставникъ, о грѣшникахъ молитвенникъ, предстатель о всѣхъ ближайшій, Божій слуга, свѣтъ міру, соль земли, градъ верху горы стоящій, свѣтильникъ, на свѣщникѣ поставленъ“¹⁾. Проводя сближеніе между свѣтилами небесными и пастырями Церкви Христовой, св. Димитрій Ростовскій, для выраженія высоты служенія послѣднихъ, говоритъ: „свѣтила небесная, на высотѣ безмѣрной Божиимъ устроеньемъ поставленныя, далече отъ земли отстоятъ, и архіереи въ церковномъ небѣ не низкое содержатъ мѣсто, но превысочайшее, суще образъ Сына Божія, и разнствуютъ премного отъ подначальныхъ своихъ властію и святынею. Иже бо суть подъ архіерейскимъ правленіемъ, овцы суть, а архіерей пастырь: тыи чада, а онъ отецъ: тыи ученики, а онъ учитель: тыи чловѣцы, а онъ ангелъ чистымъ и святымъ житіемъ“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ образъ Пастыря Церкви Онъ видитъ „въ херувимахъ шестокрыльныхъ; четвероличныхъ, многоочитыхъ“, которыхъ у престола Божія нѣкогда лицезрѣлъ св. Іоаннъ

¹⁾ Твор. св. Тихона Задон., т. 3, стр. 229.

²⁾ Твор. св. Димитрія Рост., ч. 3, стр. 221—222.

Богословъ 1). Усвоивъ пастырямъ Церкви различныя имена, „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ въ то же время даетъ имъ соотвѣтствующія объясненія и смыслъ. Почему іерей называется ангеломъ Господа Вседержителя? Потому, разсуждаетъ Книга, что онъ, какъ посланникъ Божій, какъ посредникъ между Творцомъ и тварью, долженъ, подобно безплотнымъ духамъ, возвѣщать людямъ волю Божию. Возвѣщая же волю Божию людямъ, іерей обязанъ имѣть „дневно пощное о спасеніи душъ промышленіе“ 2), разумно пася порученныхъ ему отъ Господа людей, защищая ихъ отъ діавольскаго расхищенія и врачую ихъ душевныя немощи единственно ученіемъ Слова Божія. Такая обязанность служителя Церкви даетъ ему новое названіе—пастыря. Именуется онъ также и надзирателемъ, потому что, наблюдая за религіозно-нравственною жизнію своихъ пасомыхъ, грѣшниковъ и уклонившихся съ истиннаго пути, долженъ исправлять и возвращать на путь спасенія возвѣщеніемъ „откуда идетъ на нихъ мечъ ярости Господней“. Зовутъ служителя Церкви отцемъ и опять не безъ причины: на немъ, какъ на имѣющемъ къ своимъ духовнымъ дѣтямъ матернюю утробу, лежитъ священная обязанность рождать христіанъ Богу и воспитывать ихъ благовѣствованіемъ и тайнодѣйствіемъ. Онъ, далѣе, другъ жениховъ и уневѣститель, такъ какъ неусыпно и ревностно долженъ заботиться о томъ, чтобы свой приходъ, какъ чистую дѣву, обручить и представить Небесному Жениху Христу Спасителю 3). Наконецъ, пастырю Церкви принадлежатъ такіа высокія имена, какъ свѣтъ міра, соль земли, споспѣшникъ Божій, архитекторъ зданія Божія, земледѣлатель, жатель, дѣлатель винограда и воинъ 4). — „Держаю вопросити тя, обращается съ врьсобою въ „Діалогизмъ“ Варла-

1) Твор. св. Димитрія Рост., ч. 3, стр. 358.

2) „Катихизисъ“ митр. Платона, т. 8, стр. 347.

3) Книга о должн. пресв. приход. Примѣч. къ § 11.

4) Тамъ же, примѣч. къ §§ 4 и 5.

ама Голенковскаго „Любитель“ въ „Любви“, не имѣтъ ли (іерей) иного коего имени? инныя титулы, кромѣ священника?“— Любость: „о, премногіе имѣтъ титулы“... Любитель: „въ кратцѣ извѣсти ми о именахъ ихъ“. Любость: „не азъ, но писаніе святое извѣщаетъ. Въ главѣ 2-й пророка Малахіи, иже ангеломъ его нарицаетъ, нарицается отъ Евангелиста Іоанна пастыремъ; отъ апостола Павла учителемъ, строителемъ таинъ Божіихъ, ходатаемъ между Богомъ и человѣкомъ; отъ Луки святого намѣстникомъ Христовымъ, отъ Маттея святого: соль земли, свѣтъ міру, свѣтильникомъ, на свѣщницѣ поставленнымъ, да всѣмъ свѣтитъ, и прочіими именами, отъ прочіихъ учителей и святителей церковныхъ титулится неизреченнѣ и безчисленнѣ 1). Вотъ о какомъ величій служенія пастырей Церкви говорятъ присущія имъ имена!

Но особенно ярко, по ученію нашихъ духовныхъ писателей 18 вѣка, открывается неизмѣримое величіе и высота пастырскаго дѣла въ тѣхъ необыкновенныхъ дѣйствіяхъ, какія совершаетъ служитель алтаря, и въ тѣхъ полномочіяхъ, какими свыше надѣленъ онъ. Пастырь Церкви—священникъ Бога Вышняго. Онъ совершаетъ тайнодѣйствія, которыя, умиловляя Бога, созидаютъ спасеніе вѣрующихъ: „онъ Строитель таинъ благодати“ 2). Говоря о таинствѣ покаянія, св. Димитрій Ростовскій спрашиваетъ: „кто можетъ оставлять грѣхи, токмо единъ Богъ“ (Мар. 2, 7)? И то, что имѣетъ власть совершать одинъ только Богъ, по силѣ той же власти, совершаетъ и священникъ. Онъ „рѣшитель отъ Бога учивенный“. Къ нему приходятъ всѣ мучимые совѣстью и обремененные грѣхами, и онъ, „понеже Самого Христа Бога Судии праведнаго содержитъ мѣсто“, благодатію Всесвятого

1) „Диалогизмъ“ Варл. Голенк. ч. 1, Бесѣда 1, листъ 3-й и на оборотѣ. Изд. Кіевъ 1707 г.

2) Сочин. св. Тихона, т. 1, стр. 10; ср. „Камень вѣры“ Стефана Явор. Стр. 173; наст. іереймъ, еп. Гервасія Переяславскаго, Рук. для сальск. паст. 1860 г. № 20, стр. 25. Сочин. митр. Платона, т. 6, стр. 168.

Духа, отпускаетъ имъ грѣхи, заключаетъ миръ между оскорбленнымъ Богомъ и виновными людьми и тѣмъ содѣлываетъ ихъ спасеніе ¹⁾. Имѣя „премощную власть“ вязати и отпускати грѣхи, равную съ Богомъ, пастырь Церкви, говоритъ Варлаамъ Голенковскій, какъ ключемъ или отверзаетъ кающимся небеса, или заключаетъ ихъ „въ геенну огненную“ ²⁾.

Но еще болѣе удивительную власть являетъ пастырь Церкви, когда предстоить предъ престоломъ вѣчнаго Царя славы и совершаетъ великое и святѣйшее таинство Евхаристіи. Уполномоченный отъ Господа Иисуса Христа высочайшимъ правомъ, какого не имѣютъ и ангелы, служитель алтаря, находясь на землѣ, распоряжается небеснымъ. Съ чувствомъ особеннаго благоговѣнія и умиленія о пастырѣ — совершителѣ страшной и безкровной жертвы Евхаристіи говоритъ Варлаамъ Голенковскій. Подавленный сознаниемъ необычайности совершаемыхъ іереемъ дѣйствій въ св. таинствѣ Евхаристіи, онъ не находитъ достаточно словъ, чтобы надѣяться этимъ дѣйствіямъ. При мысли о томъ, что простой хлѣбъ и вино пресуществляются въ истинное Тѣло и Кровь Христа Спасителя, и затѣмъ, что „пречистаго Христа Господа іерей въ рукахъ держитъ, на части перстами раздробляетъ и преломляетъ“, онъ восклицаетъ: „ужаснися о семъ небо, вострепещи земля!“ ³⁾. „Великая и пречудесная священникъ творитъ дѣла ихже не единый отъ ангель и архангелъ, херувимовъ и серафимовъ не дѣлаетъ. Хлѣбъ бо простый въ Тѣло Христово, вино же въ Кровь Его животворную претворяетъ. Оле чудесе превеликаго! о пренизящества священническаго! Власть превеликая дана бысть иногда Иисусу Навину; когда на повеленіе его ста солнце: несравненно

1) Твор. св. Дим. Рост., ч. 1, стр. 105.

2) „Діалогимъ“, Варл. Голенк., бесѣда 2, листъ 11; ср. поуч. слово преосв. Анастасія (Братановскаго), часть 3, стр. 1, изданіе Москва 1806 г.

3) „Діалогимъ“ Варл. Голенк., бесѣда 3, листъ 12 и на обор.

большая дадеся іерееви. Овъ бо сотвори стати солнцу, идѣже первѣе бысть: священникъ Христу, на небеси сущему, творить не бысть пребывати, *sic* есть во олтарѣ подѣ видомъ хлѣба и вина. Тому тварь повинуся, сему же Творецъ. Того соляце единого глаголющаго послуша: сего же слушаетъ Богъ только кратъ, ялико жертву творить безкровную“ ¹⁾)... „Лобызаю, лобызаю руки ваша благословенныя и благословляющія, свята и освящающія, Бога держащія подѣ видомъ хлѣба, и Богомъ держимыя“ ²⁾.

Высокими именами, даваемыми пастырю Церкви, и божественною властію совершать таинства Христовы писатели 18 вѣка не исчерпываютъ всего необъятнаго величія и важности пастырскаго служенія. Это величіе и важность они усматриваютъ еще въ нравственномъ руководствѣ, духовномъ врачеваніи и бдительности о спасеніи тѣхъ людей, за которыхъ Христосъ Спаситель „изліялъ Свою кровь, которая едина капля неоцѣненна“ ³⁾. Пастырь, по словамъ Стефана Яворскаго, поставленъ „на высотѣ престола“ и оттуда наблюдаетъ „всякія бѣды находящія“, и проповѣдію Слова Божія, предохраняя вѣрующихъ отъ грѣха и козней дьявольскихъ, насаждаетъ въ сердцахъ ихъ „всякую благостыню, всякую добродѣтель, законъ и страхъ Божій“ и такимъ образомъ устрояетъ временное и вѣчное ихъ спасеніе ⁴⁾. Пастырь Церкви пасетъ, ведетъ по пути къ спасенію и царствію небесному „такое сокровище, которое Христосъ не могъ дешево купити, только цѣною Крови Своей“ ⁵⁾. Присутствіемъ въ Церкви пастырей обусловливается вѣчное спасеніе и будущее блаженство вѣрующихъ. Не будь ихъ—продолжателей

¹⁾ „Диалогизмъ“ Варл. Голенк. листъ 11 и на оборотѣ.

²⁾ Тамъ же, бес. 3, на оборотѣ 24-го листа.

³⁾ Твор. св. Тихона Зад., т. 1, стр. 19.

⁴⁾ Преп. Стефана Явор., ч. 3, стр. 117 и 136. Изд. Москва 1805 года.

⁵⁾ Собр. сочин. Георгія Кониск. ч. 2, стр. 136. Изд. Спб. 1835 года.

великаго дѣла спасенія и примиренія людей съ Богомъ, людей ожидала бы только одна погибель и осужденіе. Сознавая всю важность и значеніе нравственнаго руководства пастырей и непосредственное участіе ихъ въ дѣлѣ спасенія вѣрующихъ, врагъ рода человѣческаго—дѣволъ всѣ усилія и злокозненныя дѣйствія свои употребляетъ прежде всего на то, чтобы низложить или уловить въ свои пагубныя сѣти пастырей церковныхъ. „Никто бо такъ врагу сему не досаждаеть, какъ пастыри. Ибо они темное его царство и власть Словомъ Божіимъ и силою Духа Святаго разрушаютъ, и изъ рукъ его души христіанскія — любимую его корысть восхищаютъ“¹⁾. Такимъ образомъ, отъ бдительности и духовнаго руководства пастыря, заключающихся въ постоянномъ и тщательномъ наблюденіи за религіозною и нравственною жизнію своихъ пасомыхъ, зависитъ спасеніе послѣднихъ. „Признаюсь, съ благоговѣйнымъ страхомъ восклицаетъ святитель Меѳодій (Смирновъ), прощаясь съ своею Воронежскою паствою, и теперь темнѣтъ свѣтъ въ очахъ моихъ, при единомъ воображеніи сего великаго Божія залога, сего и самымъ небеснымъ силамъ страшнаго храненія христіанскихъ душъ, стяжанныхъ Кровію Господа и Бога“.

Желая болѣе наглядно изобразить высоту пастырскаго служенія, русскіе духовные писатели прошлаго столѣтія представляли поучительные примѣры того, какъ нѣкогда самыя высокіе умы и великіе подвижники вѣры и благочестія, глубоко проникнутые сознаніемъ необыкновеннаго величія и важности пастырскаго дѣла, или въ страхъ и ужасъ отступили отъ него, скрываясь въ дикихъ дебряхъ и пустыняхъ, или притворялись юродивыми и лишали себя какихъ-либо членовъ тѣла, или же, если смиренно и съ смущеніемъ принимали на себя священное званіе, не иначе, какъ по долгу послушанія. Таковы были слѣдующіе знаменитые отцы Цер-

¹⁾ Твор. св. Тихона Зад., т. 10, стр. 80, 81.

кви: св. Григорій Неокесарійскій, пр. Ефремъ Сиринъ, св. Григорій Богословъ, св. Іоаннъ Златоустъ, св. Амвросій, бл. Августинъ, Синезій, препод. Аммоній Египетскій, пр. Антоній Великій, пр. Пахомій, св. Венедиктъ, Іоаннъ Молчаливый, св. Маркъ и многіе другіе, которые какъ своею богословско-проповѣдническою дѣятельностію, такъ равно и высоко-христіанскою, благочестивою жизнію послужили украшеніемъ священнаго чина ¹⁾.

Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики.

На какомъ основаніи полагаются вѣнцы на престолъ, и слѣдуетъ ли предъ отпускомъ вѣнчанія читать молитву на разрѣшеніе вѣнцовъ въ восьмой день? Въ древнихъ Требникахъ (напр., въ Требникѣ, списанномъ съ греческаго митроп. Кипріаномъ) прямо говорится: „стоитъ же на святой трапезѣ... вѣнци, потирецъ стѣкланъ и исполненъ вина“... Тоже замѣчаніе относительно брачныхъ вѣнцовъ можно встрѣчать и въ другихъ чинахъ обрученія и вѣнчанія, относящихся къ болѣе позднему времени—вѣку 16 (Богослуж. въ Русск. Церкви въ 16 в., Дмитріевскаго. Ч. 1, стр. 389 и 392. Казань 1884 г.). Посему нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, если бы вѣнцы (равно какъ и обручальные перстни) брались священникомъ съ престола, какъ отъ Самого Господа, что соотвѣтствуетъ и общему смыслу читаемыхъ молитвъ. Что касается отсутствія этого обычая въ первенствующей Церкви, то это объясняется исторіей самихъ вѣнцовъ. Въ первенствующей Церкви вѣнцы не были священной при-

¹⁾ Твор. св. Дим. Рост., ч. 3, стр. 359; ср. Книга о должн. пресв. приход. Примѣч. къ § 7; Диалогизмъ Варл. Голенк., бес. 3, листъ 10.

надлежностью храма, какъ теперь, а приносились изъ домовъ жениха и невѣсты сплетенные изъ вѣтвей масличныхъ, лавровыхъ, лимонныхъ, померанцевыхъ; кто хотѣлъ, тотъ украшалъ эти вѣнки лентами и цвѣтами. Въ Церкви Русской, по свидѣтельству Теофана Прокоповича, было великое разнообразіе вѣнцовъ: одни были подобны дѣвическимъ повязкамъ, другіе—съ рогами или лучами; иные—съ лиліями и дужками. Въ Малороссіи употреблялись въ видѣ плоскихъ—въ вершокъ ширины — обручиковъ, украшенныхъ шарами или позолоченныхъ. Очевидно, только въ болѣе позднее время вѣнцы получили настоящую свою форму и стали священною принадлежностью храма.

Относительно же молитвъ на разрѣшеніе вѣнцовъ можно сказать слѣдующее. Новобрачные у насъ не носятъ вѣнцовъ въ продолженіе семи дней: вѣнцы снимаются съ нихъ въ указанное время еще до окончанія вѣнчанія, тѣмъ не менѣе по окончаніи вѣнчанія молитву „на разрѣшеніе вѣнцовъ во осмый день“ слѣдуетъ прочитывать. Подобно сему и новопросвѣщенные у насъ, хотя бы и возрастные, не ходятъ въ бѣлыхъ крещальныхъ одеждахъ въ продолженіе семи дней и не приходятъ въ 8-й день по крещеніи для снятія бѣлыхъ одеждъ при посредствѣ и молитвѣ священника, но положенныя въ 8-й день по крещеніи молитвы „во еже омыти“ и на разрѣшеніе пеленъ и пояса все таки прочитываются тотчасъ же по крещеніи. Еще лучше, гдѣ есть обыкновеніе (а такое обыкновеніе есть въ селахъ), чтобы новобрачные въ вѣнцахъ сопровождались изъ церкви до своего дома, гдѣ иногда вѣнцы остаются до 8-го дня, когда священникъ приглашается въ домъ прочесть положенную молитву „на разрѣшеніе вѣнцовъ во осмый день“. Значеніе словъ молитвы: „Согласная достигше..., и спрятавше... знаменія“ таково. Когда отецъ выдаетъ въ замужество свою дочь, тогда онъ договаривается съ отцемъ жениха или съ будущимъ свекромъ своей дочери о своемъ приданномъ и общается это приданное укрѣпить надлежащими документами при вѣрныхъ свидѣте-

ляхъ. Равно и свекоръ именемъ жениха его дочери и своего сына на это соглашается и обязуется принять то самое, о чемъ договорились; такъ что всѣ они взаимно соглашаются на одномъ и достигаютъ согласія. По совершеніи же брака, новобрачные, принявъ отъ своихъ родителей знаменіе этого договора или записи и разные документы, сохраняютъ ихъ у себя, почему и говорится, что они спрятали, *яже въ брацѣ знаменія* (Нов. Скриж., изд. 1891 г., стр. 381).

Церковно-богослужебная терминологія

(Объясненіе непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ церковно-богослужебныхъ книгахъ).

См. № 52-й за 1897 годъ.

Діаконникъ (*διακόνικον*). Діаконникомъ или *сосудохрани-тельской* издревле называлось отдѣленіе, находящееся по правую сторону алтаря, гдѣ *хранились* въ древности священныя сосуды, одежды, богослужебныя книги и прочія принадлежности богослуженія, и гдѣ клирики собирались предъ началомъ богослуженія и облачались въ священныя одежды. Такъ какъ *храненіе* вещей, находившихся въ сосудохрани-тельницѣ, лежало на обязанности *діаконовъ*, то и самое отдѣленіе это именовалось *діаконникомъ* (*διακόνικον* въ Чет.-Мин. подъ 22 янв. переведено *діаконія*) или *діаконникомъ*, а южныя двери, ведущія въ это отдѣленіе, также назывались, какъ и теперь называются *діаконскими*. О древности такихъ отдѣленій—діаконниковъ свидѣлствуютъ чины древнихъ литургій апостола Іакова и евангелиста Марка, въ которыхъ упоминается объ этихъ отдѣленіяхъ. Въ Апостольскихъ Постановленіяхъ эти отдѣленія называются *пастофоріями*, и одно изъ нихъ опредѣляется, какъ мѣсто.. куда діаконы должны вносить остатки св. Даровъ послѣ причащенія. Соборъ Лаоди-

кійській упоминаеть объ одномъ изъ такихъ отдѣленій, служившемъ для помѣщенія свящ. сосудовъ, и называетъ его діаконикономъ (21 пров.). У насъ на Руси діаконникъ или сосудохранительница носила еще названіе „кутейникъ“, „куты“. Въ Стоглавѣ (гл. 13) сказано: другой полъ (половина) алтаря *кутейникъ* зовется, и въ него вносится о здравіи коливо и канонъ и прочая и на самое Воскресеніе Христова пасхи, сыръ, яйца и иные яди, еже хрестьяномъ повелѣно ясти. Такожде и по отшедшихъ душахъ въ немъ малые панахиды поють, и приносятъ кутію и канонъ и прочее брашно, еже церковникомъ на потребу, а вселенскіе шесть панихидъ поють соборне, средцереви, да и прочіе соборные панихиды посреди церкви поють“.

Діаконъ. Наименованіе „діаконъ“ (съ греческ. — *διάκονος*; —служитель) въ собственномъ смыслѣ обозначаетъ третью, низшую степень церковной іерархіи. По первоначальному своему назначенію діаконы были служителями при трапезѣ Господней, т. е. при совершеніи литургіи. И въ настоящее время діаконы служатъ при совершеніи евхаристіи епископамъ и пресвитерамъ, но сами *не совершаютъ таинствъ*, кромѣ крещенія, въ крайнемъ случаѣ. Такъ какъ діаконъ только служитъ при совершеніи таинства евхаристіи, то поэтому хиротонія надъ діакономъ бываетъ на литургіи *послѣ освященія Даровъ*, именно послѣ словъ Архіерея „И да будутъ милости великаго Бога“...; можетъ быть совершена хиротонія во діакона и на преждеосвященной литургіи (Чинъ избран. и рукополож. архіерейск. Москва. 1825 г., л. 16). При посвященіи рукополагаемый во діакона преклоняетъ предъ престоломъ одно (правое) колѣно (а не оба), въ знакъ того, что на діаконѣ лежитъ только одна *часть* священнослуженія, только служеніе при святыхъ тайнахъ, а не совершеніе ихъ. По посвященіи рукоположенный діаконъ поставляется у престола „стрещи святая“ (Чинозн. чинъ хиротон. діак.), т. е., охранять святыя Дары отъ насѣкомыхъ: обыкновенно онъ держитъ рипиду до возгласа: „Святая свя-

тымъ“. Рукоположенный діаконъ приобщается первымъ изъ діаконѣвъ: онъ удостоивается предпочтенія предъ другими за то, что въ немъ совершилось обновленіе Божественной благодати. „По отнесеніи Божественныхъ Дарѣвъ на предложеніе, когда слѣдуетъ быть окончательной молитвѣ, новорукоположенный діаконъ читаетъ прошенія, чрезъ то свидѣтельствуя предстоящимъ людямъ, что онъ поставленъ служителемъ Бога и получилъ отъ Него благодать творить прошенія, призывать народъ къ молитвамъ и прошеніямъ и возносить ихъ къ Богу, въ чемъ и состоитъ должность служебная (Сим. Солунск.). Безъ священника діаконъ не имѣетъ права совершать никакихъ службъ церковныхъ (даже паннихидъ и молебновъ). Московскій соборъ 1667 г. не позволяегъ діаконамъ даже кропить въ домахъ св. водою безъ крайней нужды, называя это безчинствомъ: священникъ бо святитъ воду, ему же достоинъ и кропити, а не діакону, кромѣ нужды; діаконъ же токмо да держитъ сосудъ со св. водою, зане слуга есть (Дополн. къ Акт. Ист. т. 5, стр. 468).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанниній.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 25 іюля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Варскаго, Крешатикъ, собств. домъ № 40.

Г О Д Ъ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 35.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, августа 30-го.

Содержаніе: По вопросу о публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольни-
ками. — Благотворное вліяніе въ приходѣ образованной и христіан-
ски настроенной „матушки“ (продолженіе). — Церковно-богослу-
жебная терминологія (продолженіе).

По вопросу о публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками.

Всякій приходскій священникъ въ то же время можетъ
быть и миссіонеромъ. Едвали во всей Россіи теперь найдется
много такихъ приходовъ, гдѣ бы не было надобности въ мис-
сіонерской дѣятельности. Въ однихъ приходахъ есть расколь-
ники-старообрядцы, въ другихъ-различнаго рода сектанты ра-
ціоналистическаго и мистическаго направленія, третьимъ гро-
зитъ опасность со стороны тѣхъ или другихъ. Наконецъ,
если какому-нибудь приходу и не угрожаетъ непосредствен-
ная опасность, то такая опасность совершенно неожиданно

можетъ появиться, такъ что священникъ всегда долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ съ ней, если не желаетъ быть застигнутымъ врасплохъ. Само собой понятно, что священникъ-миссіонеръ долженъ обладать всѣми необходимыми для этого нравственными качествами. Въ частности, въ приходѣ, населенномъ раскольниками (которыхъ собственно мы и имѣемъ въ виду въ настоящей замѣткѣ), не можетъ имѣть успѣха священникъ, позволяющій себѣ курить, пить вино, въ особенности еще, если онъ не стѣсняется дѣлать это открыто. Вообще, въ миссіонерскомъ дѣлѣ успѣхъ можетъ имѣть только „пастырь добрый, душу свою полагающій за овцы“.

Какими же средствами въ борьбѣ съ расколомъ можетъ располагать священникъ, искренно желающій поработать на пивъ Божіей? Мы имѣли уже случай высказаться (см. „Рук. для сельск. паст.“, 1894 г., № 42), что наиболѣе прочнымъ и надежнымъ средствомъ въ борьбѣ съ расколомъ считаемъ хорошо организованную церковно-приходскую школу. Только при помощи такой школы можно надѣяться воспитать подрастающее православное и раскольническое населеніе „въ духѣ Православной Церкви“, а при помощи школьных библіотекъ противораскольническаго характера дѣйствовать въ томъ же духѣ и на взрослое населеніе. Поэтому, первымъ дѣломъ всякаго священника, въ приходѣ котораго есть раскольники, должна быть забота объ открытіи такой школы, если ея еще нѣтъ, и о наилучшей постановкѣ учебнаго дѣла, если она уже имѣется. Но, дѣйствуя при помощи школы, священникъ въ то же время не долженъ забывать и другихъ находящихся въ его распоряженіи средствъ. Такими средствами могутъ быть: а) богослужебная и внѣбогослужебная проповѣдь и б) частныя и публичныя собесѣдованія съ раскольниками.

Что касается богослужебныхъ и внѣбогослужебныхъ проповѣдей и собесѣдованій съ православными прихожанами съ цѣлью предохраненія ихъ отъ заразы расколомъ, а также частныхъ бесѣдъ священника съ раскольниками, то правиль-

ный взглядъ на несомнѣнную пользу ихъ настолько уже установился, что, мы не считаемъ нужнымъ о нихъ распространяться и только сдѣлаемъ ниже нѣсколько замѣчаній о правильной постановкѣ ихъ. Другое дѣло—собесѣдованія публичныя. Хотя въ послѣднее время по епархіямъ учреждена должность епархіальнаго миссіонера, главную обязанность котораго составляетъ именно веденіе публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками, при чемъ ему въ этомъ дѣлѣ должны помогать окружные миссіонеры; хотя такія собесѣдованія ведутся преподавателями раскола, при участіи воспитанниковъ, при духовныхъ семинаріяхъ,—тѣмъ не менѣе вопросъ о степени полезности ихъ еще нельзя считать рѣшеннымъ окончательно. Возраженія противъ публичныхъ бесѣдъ проникаютъ даже въ печать. Имѣя это въ виду, а также желая дать посильный совѣтъ молодымъ пастырямъ, еще малоопытнымъ въ борьбѣ съ расколомъ, мы и рѣшаемся высказать нѣсколько соображеній о публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками въ увѣренности, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ борьба съ расколомъ, всякое слово, основанное на личномъ опытѣ, не можетъ быть совершенно бесполезно.

Говорятъ: „публичныя бесѣды съ раскольниками, какъ показываетъ опытъ, не даютъ—и не могутъ дать—никакихъ положительныхъ результатовъ. Если послѣ нихъ и бываютъ присоединенія въ православіе, то очень рѣдкія, единичныя и притомъ являющіяся слѣдствіемъ не бесѣдъ, а дѣятельности приходскихъ пастырей—безвѣстныхъ миссіонеровъ“. Это возраженіе на первый взглядъ можетъ показаться весьма основательнымъ, такъ какъ дѣйствительно случаи, когда раскольники послѣ публичныхъ бесѣдъ заявляютъ о своемъ желаніи присоединиться къ православію, очень рѣдки и притомъ отпосытаются болѣею частію, если не исключительно, къ тѣмъ изъ раскольниковъ, которые уже раньше были поколеблены въ расколѣ какими бы то ни было причинами—воздѣйствіемъ ли приходскаго священника, чтеніемъ ли противораскольническихъ книгъ, вліяніемъ ли школы, родственниковъ друзей

и т. под. Публичныя бесѣды для подобнаго рода раскольниковъ являются не причиною, а только поводомъ къ обнаруженію своихъ настоящихъ убѣжденій и притомъ нерѣдко—съ заранѣе опредѣленною цѣлью: открытымъ объясненіемъ ложности раскола подѣйствовать на своихъ коснѣющихъ въ заблужденіи собратьевъ. Но, не смотря на свою кажущуюся основательность, вышеприведенное возраженіе нисколько не говоритъ противъ пользы публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками. Оно, очевидно, предполагаетъ, что присоединенія къ православію должны составлять *единственный* плодъ миссіонерскихъ бесѣдъ, и что этотъ плодъ долженъ непременно обнаруживаться *тотчасъ же* послѣ этихъ бесѣдъ.—Но, во-первыхъ, расколъ вовсе не такое явленіе, чтобы отъ борьбы съ нимъ можно было ожидать скорыхъ и осязательныхъ плодовъ; а во-вторыхъ, публичныя собесѣдованія несомнѣнно уже дали и даютъ положительные плоды, хотя, можетъ быть, и не столь осязательные, какъ единичныя присоединенія къ православію, тѣмъ не менѣе несомнѣнные и гораздо болѣе существенные и желательные—тѣмъ вліяніемъ, которое они оказываютъ на раскольниковъ въ его цѣломъ составѣ. Не требуя отъ публичныхъ бесѣдъ быстрыхъ послѣдствій, въ видѣ единичныхъ присоединеній, мы находили бы уже и то крупнымъ успѣхомъ, если бы онѣ сколько-нибудь способствовали расшатыванію раскола, колебали бы и подрывали его основы, заставляли бы раскольниковъ оглянуться на самихъ себя и обратить вниманіе на Православную Церковь, познакомиться съ ея вѣроученіемъ, поразмыслить—дѣйствительно ли въ ней нѣтъ ничего добраго, дѣйствительно ли она—царство антихриста, какъ привыкъ думать о ней каждый раскольникъ. Этихъ же цѣлей, думается, публичныя бесѣды, не смотря на свое недавнее появленіе, мало-по-малу достигаютъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ достигать, и въ этомъ мы видимъ полное право ихъ на существованіе. Какъ оффиціальныя, такъ и неоффиціальныя свѣдѣнія за послѣднее время единогласно утверждаютъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ,

гдѣ публичныя бесѣды съ раскольниками имѣютъ за собой болѣе или менѣе продолжительное прошлое, раскольники далеко уже не такъ фанатичны по отношенію къ Православной Церкви, какъ тамъ, гдѣ эти бесѣды еще только начинаются.

Кромѣ двухвѣковыхъ преданій, расколъ крѣпко держится еще усиліями своихъ вожаковъ, изъ которыхъ многіе поддерживаютъ его изъ слѣпой религіозной ревности, а другіе—просто изъ матеріальныхъ расчетовъ, находя болѣе выгоднымъ для себя держать раскольниковъ въ темнотѣ, невѣжествѣ и предубѣжденіи противъ Православной Церкви. Для послѣдней цѣли вожаки раскола прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ, придумываютъ о православіи тысячи нелѣпныхъ басенъ; а простодушный раскольникъ имъ слѣпо вѣритъ, потому что ему говорятъ не отъ своего лица, а якобы „отъ Божественнаго Писанія“. Уронить такихъ вожаковъ въ глаза слѣпыхъ раскольниковъ, показать пароду, что на самомъ дѣлѣ „отъ Божественнаго Писанія“ они противъ Православной Церкви сказать ничего не могутъ, что, наоборотъ, „Божественное Писаніе“ вездѣ обличаетъ расколъ и его беззаконныхъ вождей, можно только публичными собесѣдованіями. Наконецъ, публичныя собесѣдованія съ раскольниками важны не только какъ средство воздѣйствія на этихъ послѣднихъ, но и какъ средство предохраненія православныхъ отъ совращенія въ расколъ. Если послѣдней цѣли отчасти должны достигать противораскольническія проповѣди и чтенія, устраиваемыя священникомъ исключительно для православныхъ, то публичныя собесѣдованія съ раскольниками служатъ весьма полезнымъ дополненіемъ къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, на публичныхъ собесѣдованіяхъ православные слышатъ не только то, чему учить Православная Церковь о расколѣ, но и возраженія самихъ раскольниковъ, и воочію убѣждаются, насколько неосновательны эти ихъ возраженія. Многіе же могутъ при этомъ усвоить, особенно при частомъ

повтореніи бесѣдъ, и тѣ приемы, которыми слѣдуетъ пользоваться въ разговорахъ съ раскольниками о вѣрѣ.

Но говорятъ: „присутствіе православныхъ на публичныхъ собесѣдованіяхъ не только не полезно для нихъ, а и вредно, потому что, слушая возраженія раскольниковскихъ начетчиковъ, они могутъ усомниться въ чистотѣ православія“.—Въ этомъ возраженіи выводъ, очевидно, не вытекаетъ изъ посылокъ. Если иныя бесѣды могутъ быть вредны, то это еще вовсе не значитъ, что онѣ вообще не нужны и не полезны. Пояснимъ это сравненіемъ. Человѣкъ весьма часто грѣшитъ языкомъ; но значитъ ли это, что языкъ есть вѣчто, не только не пужное человѣку, а даже и вредное для него? Вреденъ не языкъ, а только злоупотребленіе этимъ величайшимъ даромъ Божиимъ. Сказанное приложимо и къ публичнымъ бесѣдамъ съ раскольниками. Бесѣды вмѣсто пользы могутъ принести православнымъ слушателямъ вредъ, во первыхъ, тогда, когда бесѣда ведется настолько неумѣло, что возраженія начетчиковъ покажутся болѣе основательными, чѣмъ рѣчь миссіонера не только предубѣжденнымъ противъ него раскольникамъ, но и сочувствующимъ ему православнымъ, что, конечно, нежелательно; во-вторыхъ, подобный печальный исходъ можетъ постигнуть собесѣдованія и въ томъ случаѣ, если они ведутся въ извѣстной мѣстности рѣдко, отрывочно и не сопровождаются частными бесѣдами мѣстнаго священника съ прихожанами и раскольниками. Всякая публичная бесѣда дѣйствуетъ и на раскольниковъ, и на православныхъ возбуждающимъ образомъ и всегда порождаетъ множество частныхъ бесѣдъ между раскольниками и православными. Вотъ на этихъ-то частныхъ бесѣдахъ, особенно важныхъ потому, что онѣ ведутся горячо и съ увлеченіемъ, раскольники и могутъ взять перевѣсъ надъ православными и обратить бесѣду въ свою пользу, если мѣстный священникъ не воспользуется ими самъ, чтобы своими разъясненіями укрѣпить и пополнить то, о чемъ говорилось на публичной бесѣдѣ. Побѣда раскольниковъ надъ православными

въ данномъ случаѣ тѣмъ возможнѣе, чѣмъ раскольники данной мѣстности окажутся опытнѣе и сильнѣе въ спорѣ сравнительно съ православными.—Итакъ, публичныя бесѣды дѣйствительно иногда вмѣсто пользы могутъ приносить вредъ,—когда онѣ или ведутся неумѣло, или приходскій священникъ допустить, чтобы плодами ихъ воспользовались раскольники; но выводъ отсюда не тотъ, что онѣ не нужны или вредны, а только тотъ, что неопытному, не увѣренному въ себѣ священнику за нихъ нельзя браться, и что, развѣ въ извѣстной мѣстности начаты бесѣды, онѣ должны вестись постоянно и поддерживаться частными бесѣдами, въ богослужебными чтеніями и противораскольническими проповѣдями.

Говорятъ также: „публичныя бесѣды не могутъ быть полезны потому, что это—скорѣе любопытныя словопренія, чѣмъ поучительныя бесѣды. Собесѣдникъ - раскольникъ на этихъ бесѣдахъ преслѣдуетъ одну цѣль—чтобы посрамить противника въ глазахъ слушателей—раскольниковъ и особенно православныхъ и тѣмъ возвысить достоинство не столько защищаемой имъ *старой вѣры*, сколько свой личный; объ открытіи же истины, о правотѣ дѣла онъ мало заботится“.—Все это совершенно вѣрно, но нисколько не доказываетъ, что публичныя собесѣдованія не нужны. Странно было бы ожидать, чтобы раскольническіе совопросники преслѣдовали на бесѣдѣ какія-либо иныя цѣли, кромѣ указанныхъ выше, особенно въ настоящее время, когда бесѣды являются дѣломъ еще сравнительно недавнимъ. Тѣ раскольники, которые ищутъ истины, рѣдко вступаютъ въ пренія, а по большей части молча внимательно вслушиваются въ то, что говорятъ совопросники. Но, съ одной стороны, эти именно безмолвные слушатели и должны обращать на себя главное вниманіе миссіонера, а никакъ не пачетчики, убѣдить которыхъ трудно, потому что они думаютъ и стараются только о томъ, чтобы „препреть“ своего противника; а съ другой—развѣ бесѣдой руководить раскольническій пачетчикъ, а не православный миссіонеръ? И развѣ, если раскольническій пачетчикъ

имѣть своею цѣлью низвести публичное собесѣдованіе на степень безполезнаго словопренія, такова же должна быть задача и православнаго миссіонера?—Тѣ миссіонеры, которые такъ понимаютъ и ставятъ дѣло, смотрятъ на него крайне ошибочно. Цѣль, которую долженъ преслѣдовать всякій миссіонеръ во время бесѣды, главнымъ образомъ *не полемическая, а педагогическая*, та же, что и обыкновенной проповѣди, обращенной только не къ однимъ православнымъ слушателямъ, но и къ раскольникамъ, и притомъ имѣющей не монологическую, а діалогическую форму. Являясь куда-нибудь на бесѣду, православный миссіонеръ долженъ имѣть одно въ виду—что предъ нимъ находятся слушатели, „сѣдѣющіе во тмѣ и сѣни смертной“; что ихъ нужно просвѣтити и вразумить; что эти слушатели подобны малымъ дѣтямъ, которымъ извѣстную истину, для полного ея воспріятія, необходимо предложить въ самой простой и доступной формѣ, не жалѣя труда и снисходя къ ихъ неразвитости;—однимъ словомъ, миссіонеръ долженъ явиться къ раскольникамъ терпѣливымъ и снисходительнымъ учителемъ. Всякая иная постановка миссіонерскихъ бесѣдъ была бы не согласна ни съ достоинствомъ Православной Церкви и ея служителей, которымъ унижительно становиться на одну доску съ самочинными раскольниками-попами и наставниками, ни съ тѣми цѣлями, которыя должны преслѣдоваться въ борьбѣ съ расколомъ. Если мы желаемъ *просвѣтити* раскольниковъ, то и должны *просвѣщать* ихъ, а не спорить съ ними. Говоря такъ, мы въ то же время не думаемъ утверждать, что миссіонеръ долженъ уклоняться отъ вопросовъ, которые ему предлагали бы раскольническіе начетчики. Выслушивать возраженія раскольниковъ и отвѣчать на нихъ необходимо. Не нужно только терять изъ виду конечной цѣли бесѣды—вразумленія; не нужно увлекаться возраженіями и въ нихъ полагать сущность дѣла; не слѣдуетъ самому напрашиваться на нихъ, а отвѣчать только на то, что будутъ говорить раскольники.

Говорять затѣмъ: „бесѣды бесполезны потому, что во время ихъ раскольники всегда бываютъ враждебно настроены противъ миссіонера, который выводитъ на позоръ ихъ *древнее благочестіе*, и потому—естественно—не способны къ воспріятію истины“.—Дѣйствительно, въ православномъ священникѣ, особенно до полного ознакомленія съ его личностью, раскольники всегда склонны видѣть врага своей *отры*, слугу антихриста, посланнаго уловлять души исповѣдующихъ „истинное православіе“. Но думать, что эта ненависть не можетъ быть побѣждена, и что она доказываетъ ненужность публичныхъ бесѣдъ, было бы ошибочно. Наоборотъ, чѣмъ сильнѣе въ извѣстной мѣстности ненависть раскольниковъ противъ православія, тѣмъ большая необходимость является тамъ въ уничтоженіи ея и въ развитіи въ раскольникахъ духа мира и безпристрастія по отношенію къ Православной Церкви. Средства же для этого положительно въ рукахъ миссіонера. Если онъ самъ проникнуть по отношенію къ раскольникамъ ненавистью и злобой и заботится не о томъ, чтобы научить и вразумить ихъ, а только о томъ, чтобы „вывести на позоръ ихъ древнее благочестіе“, то онъ пожнетъ и плоды такого своего настроенія. Рѣзкими обличеніями и укорами онъ, конечно, расчиститъ широкое поле для разнаго рода уколовъ со стороны раскольниковъ, такіе уколы поведутъ за собой раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, и чѣмъ чаще въ подобномъ духѣ будутъ идти бесѣды, тѣмъ сильнѣе будетъ разгораться и вражда. Если же бесѣда будетъ имѣть указанный нами выше мирный характеръ, если она будетъ проникнута духомъ любви и кротости, то и плоды будутъ совершенно противоположныя, т. е., чѣмъ чаще въ извѣстной мѣстности будутъ производиться собесѣдованія, тѣмъ больше и больше будутъ ослабѣвать ненависть и недовѣріе со стороны раскольниковъ, и тѣмъ больше и больше число ихъ будетъ смотрѣть на бесѣду не какъ на средство „вывести на позоръ древнее благочестіе, а какъ на слово любви, хотя, можетъ быть, съ ихъ точки зрѣнія и ошибочное, но

зато искреннее. Мы лично убѣдились, что самыя рѣзкія обличенія раскола, находящіяся въ старопечатныхъ книгахъ, не возбуждаютъ ненависти, если они предложены слушателямъ безъ укоризны и въ мягкой формѣ.

Говорятъ еще: „на публичныхъ бесѣдахъ раскольники всегда стараются раздражить миссіонера, а послѣдній въ раздраженномъ состояніи можетъ допустить промахи, роняющіе и его, и православіе“.—Все это возможно и бываетъ. Начетчики въ своихъ видахъ нерѣдко прибѣгаютъ къ такому приему. Личныя оскорбленія при этомъ вынести, конечно, не трудно, хулы же противъ Церкви дѣйствительно производятъ удручающее впечатлѣніе. Но, по нашему мнѣнію, и тутъ исправленіе дѣла положительно въ рукахъ миссіонера. Если онъ сразу покажетъ раскольникамъ, что на него подобныя оскорбленія не дѣйствуютъ, то раскольники скоро это поймутъ, устыдятся своего поведенія и даже сами станутъ укорять обидчиковъ за ихъ неумѣстное поведеніе.

Сдѣлаемъ изъ сказаннаго общіе выводы. 1) Публичныя собесѣдованія съ раскольниками не только не вредны, не бесполезны и не излишни, но и необходимы для ознакомленія раскольниковъ съ ученіемъ Православной Церкви, уменьшенія ихъ фанатизма, ослабленія вреднаго вліянія вожаковъ раскола, укрѣпленія православныхъ и проч.; въ мѣстностяхъ же со сплоченнымъ раскольническимъ населеніемъ, гдѣ дѣйствовать частными бесѣдами не мыслимо, онѣ являются единственною подспорьею для церковно-приходскихъ нѣколъ. 2) Указанные выше результаты возможны лишь тогда, когда публичныя собесѣдованія ставятся правильно, т. е., имѣютъ характеръ проповѣди о чистотѣ православнаго ученія, а не запальчивый и бранчивый характеръ, лишающій ихъ самаго названія собесѣдованій и приравнивающій къ крестьянскимъ сходкамъ. 3) Публичныя бесѣды должны вестись по возможности чаще и поддерживаться частными бесѣдами и противораскольническими проповѣдями. 4) Миссіонеръ, выступающій на публичное собесѣдованіе, необходимо долженъ обладать

слѣдующими качествами: онъ долженъ быть основательно знакомъ съ заблужденіями раскола, имѣть извѣстный даръ слова, находчивость, самообладаніе, терпѣвіе (но не слабость), вѣжливость и—самое главное—искреннее желаніе принести пользу слушателямъ, любовь къ нимъ, которая, по апостолу, „все созидаетъ“, а потому иной разъ можетъ восполнить отсутствіе другихъ достоинствъ въ миссіонерѣ.

Такимъ образомъ, веденіе публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками—дѣло не только важное, но и въ высшей степени трудное и отвѣтственное, отъ правильной постановки котораго можетъ быть громадная польза, а отъ неправильной—соотвѣтствующій вредъ. Поэтому, приходскій священникъ, особенно молодой и малоопытный, не долженъ приступать къ нимъ, не увѣрившись прежде, что онъ можетъ вести дѣло, какъ слѣдуетъ, и не подготовивши себя къ нему надлежащимъ образомъ. Постараемся же приблизительно наметить ту программу, которую предварительно долженъ выполнить священникъ, желающій вести публичные бесѣды съ раскольниками. Первый шагъ такого священника долженъ состоять, конечно, въ ознакомленіи съ духовными нуждами своихъ прихожанъ; начать свою миссіонерскую дѣятельность онъ долженъ съ огражденія православныхъ отъ вреднаго вліянія раскольниковъ, для чего лучшимъ и наиболѣе пригоднымъ способомъ является церковная проповѣдь и вѣбогослужебныя собесѣдованія съ прихожанами. Начавшись съ положительнаго разъясненія истинъ православнаго вѣроученія, примѣнительно къ общему состоянію раскола, безъ различія его отдѣльныхъ толковъ, эта проповѣдь, по мѣрѣ ознакомленія священника съ мѣстными особенностями раскола, должна принимать болѣе и болѣе частный характеръ, затрогивать именно тѣ стороны, которыя наиболѣе интересны и знакомы слушателямъ. По своему характеру эта проповѣдь должна отличаться, прежде всего, безпристрастіемъ: обличая и опровергая различныя положенія раскольнической догматики или нравственнаго ученія, священникъ не долженъ пред-

ставлять дѣла въ преувеличенномъ или извращенномъ видѣ, но онъ не долженъ и смягчать того, что есть въ дѣйствительности. Не долженъ священникъ также замалчивать или искажать то хорошее, что онъ замѣтитъ у раскольниковъ, а, наоборотъ, долженъ ставить это на видъ православнымъ—съ такимъ, разумѣется, освѣщеніемъ, что всѣ добродѣтели спасаютъ только въ союзѣ съ Православною Церковію, а не въ ней. Наконецъ, не долженъ священникъ касаться тѣхъ частныхъ раскола, которыхъ въ данной мѣстности нѣтъ, потому что это было бы совершенно безцѣльно. Ведя дѣло указаннымъ образомъ, священникъ постепенно достигнетъ слѣдующихъ плодовъ: 1) его прихожане уже не будутъ такъ до-вѣрчивы по отношенію къ раскольникамъ, какъ это можетъ быть при безмолвіи священника; 2) въ случаѣ надобности, они будутъ знать, что каждое ихъ недоумѣніе по поводу раскола можетъ быть разъяснено священникомъ, будутъ охотно обращаться къ нему, что дастъ священнику возможность зорко слѣдить за состояніемъ раскола въ приходѣ; 3) священникъ мало-по-малу можетъ собрать вокругъ себя цѣлую дружину борцовъ противъ раскола, которые будутъ распространять то, что отъ него слышали, и такимъ образомъ явятся дѣятельными его помощниками; 4) этими чтеніями и проповѣдями священникъ удобнѣйшимъ способомъ приготовить себѣ почву для частныхъ бесѣдъ съ самими раскольниками. Но къ частнымъ домашнимъ бесѣдамъ съ раскольниками священникъ можетъ приступить не прежде, во-первыхъ, какъ основательно познакомится съ мѣстными особенностями раскола, и, во-вторыхъ, когда пріобрѣтетъ ихъ расположеніе и любовь къ себѣ. Поэтому, задачею всякаго священника по прибытіи въ приходъ, населенный раскольниками, должно быть сближеніе съ ними и особенно съ ихъ главарями. Ища этого сближенія, священникъ не долженъ и вида показывать, что дѣлаетъ это съ миссіонерскими цѣлями. Встрѣчаясь со священникомъ, раскольники въ первыхъ порахъ должны видѣть въ немъ только хорошаго сосѣда, хо-

зяина, *человѣка*, но не *миссіонера*, желающаго ихъ обличить. Понятно, что чѣмъ больше будетъ такихъ встрѣчъ, тѣмъ больше явится и поводовъ къ бесѣдамъ о вѣрѣ; но священникъ самъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ начинать подобныхъ разговоровъ, не долженъ навязываться съ своими увѣщаніями, а тѣмъ болѣе—съ обличеніями. При терпѣннѣи это устроится само собою. Зная, что священникъ не щадитъ ихъ въ церкви, раскольники непремѣнно сами заговорятъ о вѣрѣ. Всѣми такими случаями священникъ, конечно, долженъ пользоваться,—но пользоваться благоразумно: не кичась и не гордясь своими познаніями, не будучи рѣзкимъ, онъ въ то же время не долженъ забывать и своего пастырскаго достоинства. При этомъ онъ долженъ больше обращать вниманія на разъясненіе ученія Православной Церкви, чѣмъ на обличеніе раскола, относясь къ нему по возможности снисходительно. При такомъ веденіи дѣла раскольники не будутъ бояться и чуждаться священника и станутъ обращаться къ нему съ своими религіозными недоумѣніями не только при случайныхъ встрѣчахъ, но будутъ посѣщать и домъ его, двери котораго должны быть открыты всякому, жаждущему истины.

Когда священникъ пріобрѣтетъ довѣріе прихожанъ и раскольниковъ, когда у него явится достаточный навыкъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ, и если еще ко всему онъ обладаетъ указанными выше необходимыми для миссіонера качествами, тогда только онъ можетъ подумать и о публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками, при чемъ на первыхъ порахъ необходимое содѣйствіе ему долженъ оказать епархіальный миссіонеръ, главной цѣлью дѣятельности котораго и должно быть руководство неопытными священниками. Лучше всего, конечно, если бы публичныя собесѣдованія начались не по личному почину священника, а по просьбѣ прихожанъ или же и самихъ раскольниковъ. Эти бесѣды помогли бы священнику свести къ одному все, что онъ говорилъ въ разное время, при разныхъ случаяхъ и разнымъ лицамъ. Понятно,

что въ тѣхъ случаяхъ, когда бесѣду пришлось бы вести не самому священнику, а епархіальному миссіонеру, послѣдній раньше долженъ быть хорошо ознакомленъ съ мѣстными особенностями раскола и съ наиболѣе любимыми ими возраженіями, иначе онъ можетъ обратить вниманіе не на то, что именно требуется въ данной мѣстности. Послѣ бесѣды (или ряда бесѣдъ) миссіонера священнику, въ ожиданіи его новаго пріѣзда, самому лично и чрезъ своихъ помощниковъ, слѣдуетъ только продолжать то, что сдѣлано публичной бесѣдой: разъяснять непонятое, дополнять пропущенное и проч.

Высказавъ вышеизложенный взглядъ на веденіе миссіонерскаго дѣла приходскимъ священникомъ, мы не станемъ увѣрять читателя, что, слѣдуя ему, онъ немедленно и легко будетъ одерживать побѣды надъ раскольниками и толпами присоединять ихъ къ Православной Церкви. Тернистъ и труденъ путь пастыря—и особенно такого, которому суждено нести миссіонерскій подвигъ. Не дни и мѣсяцы, а годы и, можетъ быть, долгіе годы придется ему вмѣсто плодовъ своей дѣятельности пожинать однѣ слезы и разочарованія; можетъ быть, только дѣти или внуки его вкусятъ сладкихъ плодовъ. Но да укрѣпляетъ такого пастыря сознаніе, что онъ былъ добросовѣстнымъ работникомъ на нивѣ Вожіей, что онъ усердно подготовилъ почву, вспахалъ и посѣялъ доброе сѣмя, произраститъ которое можетъ Одинъ только Богъ.

Бывшій миссіонеръ.

Благотворное вліяніе въ приходѣ образованной и христіански настроенной „матушки“ 1).

Благотворное вліяніе на приходъ „матушки“ можетъ обнаруживаться двоякимъ способомъ: чрезъ воздѣйствіе на

1) См. № 22-й за 1898 г.

своего мужа и чрезъ непосредственное участіе въ религіозно-нравственной жизни прихожанъ.

Кто не знаетъ, какую великую помощь и нравственную поддержку можетъ оказать образованная и добрая матушка своему супругу-священнику, лишенному въ деревнѣ просвѣщеннаго общества, заброшенному часто въ грубую, темную среду и вдобавокъ обреченному на разнообразныя лишепія, огорченія, иногда оскорбленія. Не встрѣчая должнаго сочувствія и поддержки для своей дѣятельности въ ближайшей помощи и подругѣ жизни—матушкѣ, какъ часто многіе пастыри съ добрыми стремленіями и прекрасными задатками огрубѣваютъ, тупѣютъ и глубоко надаютъ нравственно въ темной средѣ, въ которой дѣйствуютъ. Если во всякой другой дѣятельности жены являются незамѣнными помощницами и совѣтницами своихъ мужей при исполненіи ими разнообразныхъ обязанностей званія, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о супругахъ пастырей Церкви. Своими практически совѣтами и сердечнымъ участіемъ въ разныхъ дѣлахъ и начинаніяхъ супруга-пастыря онѣ въ значительной степени могутъ содѣйствовать успѣшному прохожденію послѣднимъ своего служенія. Но минуя вопросъ о посредственномъ вліяніи на прихожанъ жены священника, мы постараемся наметить главныя стороны ея прямого вліянія на послѣднихъ. Стороны, съ какихъ должна быть разсматриваема религіозно-просвѣтительная дѣятельность жены пастыря, опредѣляются служеніемъ самого пастыря. Первую и наиболѣе важную обязанность пастырскаго служенія составляетъ совершеніе *богослуженія*. Повидимому, къ этого рода дѣятельности пастыря Церкви менѣе всего можетъ имѣть отношенія супруга его: по правиламъ св. Церкви, совершителемъ богослуженія можетъ быть священникъ и вообще нарочито поставленное и посвященное для этого лице. Если же мы глубже всмотримся въ дѣло, то увидимъ, что и въ дѣлѣ священнослуженія пастырскаго не малую услугу можетъ оказать супругу христіански-настроенная матушка. Не личнымъ участіемъ въ со-

вершеніи богослуженія, на что она не имѣетъ права, а наилучшимъ содѣйствіемъ религіозно-просвѣтительнымъ задачамъ и дѣламъ православнаго богослуженія въ отношеніи прихожанъ—вотъ чѣмъ можетъ быть полезна матушка въ приходѣ. Образованная и христіански настроенная матушка прекрасно сознаетъ, какое великое значеніе въ дѣлѣ пастырскаго служенія имѣетъ добрый примѣръ жизни не только самого пастыря, но и всѣхъ членовъ его семьи. „Vita clericorum est liber laicorum“, или что то же, „жизнь клириковъ есть книга для мірянъ“, такъ, обыкновенно, говорятъ латиняне,—и нельзя не согласиться съ жизненною правдою этого мудраго изреченія ихъ. Кому неизвѣстно, что добрый примѣръ гораздо дѣйствительнѣе самаго убѣжденнаго добраго слова 1). Высшій долгъ по этому самому обязываетъ жену священника быть образцомъ для прихожанъ въ первомъ и самомъ видномъ дѣлѣ пастырскаго служенія—отправленія имъ богослуженія. Съ особенною любовію и благоговѣніемъ должна она со всѣмъ семействомъ неопустительно являться въ праздники въ храмъ Божій для молитвы. Какъ отратно видѣть, когда жена священника приходитъ въ церковь раньше всѣхъ и уходитъ послѣднею въ молитвенномъ настроеніи души, когда одежда на ней бываетъ скромная, простая, не привлекающая глазъ ни яркостію цвѣтовъ, ни вычурностію покроя. Какой прекрасный примѣръ для прихожанъ, когда матушка приходитъ въ храмъ Божій вмѣстѣ со всѣми дѣтьми и домочадцами, и когда слуги, раньше не пользовавшіеся хорошимъ мнѣніемъ, стоятъ въ церкви чинно, пристойно, относясь съ разумнымъ пониманіемъ къ тому, что происходитъ въ алтарѣ святомъ и что поютъ и читаютъ на клиросѣ. Какъ пріятно и поучительно въ то же время видѣть, когда супруга пастыря принимаетъ участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, когда она руководитъ хоромъ

1) „Praecepta docent, exempla trahunt“, говоритъ древняя мудрость.

изъ дѣтей своихъ и крестьянскихъ, а перѣдко-мущинъ и женщинъ въ общецерковномъ пѣніи. Что такія матушки теперь уже не особенная рѣдкость, имѣются данныя и въ печати (особенно часто встрѣчаются извѣстія объ этомъ въ Епарх. Вѣдом. ¹⁾). Не только въ церкви, но и дома жена священника первая должна показывать примѣръ того, какъ слѣдуетъ достойнымъ образомъ проводить церковные праздники, въ духѣ христіанскаго ученія. Въ противовѣсъ установившемуся у мірянъ обычаю—откладывать на праздничный день всякія пирушки, пріемъ гостей, посѣщенія знакомыхъ и различныхъ мѣстъ увеселительнаго характера домъ священника не долженъ быть средоточіемъ игрищъ и веселія въ день праздничный, но всякій, входящій въ него, да почувствуетъ, что это домъ служителя Божія. Пусть двери его открываются для ищущихъ помощи и добраго совѣта: пусть его обитатели покидаютъ его только ради дѣла благотворительности, и не только въ праздникъ, но и въ канунъ праздника. Кто другой, какъ не матушка можетъ позаботиться и о соблюденіи святости праздничнаго дня въ домѣ супруга-пастыря,—кому приличнѣе, какъ не ей взять на себя починъ и продолженіе глубоко уважительнаго отношенія къ днямъ праздничнымъ. Съ неменьшимъ уваженіемъ жена священника обязана относиться къ установленнымъ у насъ постами и прочимъ церковнымъ постановленіямъ, не только въ силу своего религіознаго настроенія, но еще и для того, чтобы не подорвать въ приходѣ вліянія своего мужа. Неуваженіе къ церковнымъ постановленіямъ со стороны семьи самого служителя Церкви, естественно, вызоветъ недо-вѣріе къ нему его паствы, а также къ его совѣтамъ и по-

¹⁾ По извѣстіямъ особенно много есть такихъ женъ священниковъ въ Полтавской епархіи. Обучаясь пѣнію въ епарх. женскомъ училищѣ, онѣ сами читаютъ и поютъ на клиросѣ во главѣ ими же самими составленнаго женскаго хора.

ученіямъ. Вслѣдъ за этимъ нѣкоторые легкомысленнѣйшіе изъ прихожанъ тоже разрѣшаютъ себѣ нарушеніе поста и прежде всѣхъ, разумѣется, собственная прислуга священника, которой трудно будетъ воздержаться отъ соблазна, имѣя его всегда предъ глазами. Послѣ церкви и дома священническаго, составляющаго собою какъ бы *малую церковь* (по словамъ ап. Павла— „домашнюю“, Филим. ст. 2), органомъ благотворнаго вліянія жены священника на прихожанъ служитъ *церковно-приходская школа*. Теперь, когда повсюду стараются заводить церковно-приходскія школы, дѣятельность женъ священниковъ на этомъ поприщѣ можетъ оказаться какъ нельзя болѣе своевременною и полезною.

(Окончаніе будетъ).

Церковно-богослужебная терминологія.

(Объясненіе непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ церковно-богослужебныхъ книгахъ).

См. № 34-й за 1898 годъ.

Екзапостиларій. Пѣснопѣніе церковное, именуемое *екзапостиларіемъ*, поется въ нѣкоторые праздничные дни на утрени послѣ 9-й пѣсни канона и малой ектеніи, а въ недѣли—воскресенія послѣ малой ектеніи и пѣнія „Святъ Господь Богъ нашъ“; между прочимъ, полагается екзапостиларій при совершеніи таинства елеосвященія—на молебномъ пѣніи послѣ канона. *Екзапостиларій* замѣняетъ собою будничныи *свѣтиленъ*, и называется екзапостиларіемъ (отъ ἐξαποστέλλω — высылаю, *предпосылаемый*), можетъ быть, потому, что пѣснопѣніе это *предшествоуетъ* разсвѣту дня и великому славословію, или потому, что содержаніемъ сего пѣснопѣнія служитъ обѣщаніе Спасителя о ниспосланіи Свя-

таго Духа на апостоловъ и *посланіе* самихъ апостоловъ въ міръ на проповѣдь, а также, можетъ быть, и потому, что въ древней константинопольской церкви для исполненія его пѣвецъ былъ *высылаемъ* на средину храма (Въ Типиконѣ сказано о свѣтильнѣ: „Чертогъ Твой поется посреде́ храма первѣе канонархомъ единожды“. Послѣдов. понед. Страстн. седм.). Въ воскресныхъ екзапостиларіяхъ, составленныхъ императоромъ Константиномъ Богрянороднымъ, говорится о посыланіи мироносицъ къ апостоламъ и апостоловъ къ языкамъ для проповѣди о воскресеніи Христовомъ. Екзапостиларіевъ воскресныхъ въ Октоихѣ и при нихъ богородичныхъ одиннадцать, т. е., столько же, сколько утреннихъ воскресныхъ евангелій. Первый екзапостиларій соотвѣтствуетъ 1-му евангелію, второй — 2-му и такъ далѣе. Екзапостиларіи воскресные имѣютъ счетъ и порядокъ при пѣніи тотъ же, какой и утреннія евангелія. Итакъ, они не слѣдуютъ восьми-недѣльному кругу Октоиха и поэтому напечатаны въ Октоихѣ отдѣльно, въ концѣ. Они не имѣютъ и подписи о гласахъ, потому что поются на тотъ гласъ, на который поется все возслѣдованіе Октоиха. Отсюда выраженія богослужебныхъ книгъ, напр. „поемъ по гласу екзапостиларій воскресенъ“ (Тріодъ Цвѣтная. Послѣдов. недѣли Всѣхъ Святыхъ) обозначаетъ, что екзапостиларій поется на тотъ гласъ, на который поется все послѣдованіе того дня.

Екзапсалмы. Слово „екзапсалмы“ (отъ ἑξ — шесть и ψαλμος — псаломъ) обозначаетъ шестопсалміе. Такъ, словомъ „екзапсалмы“ (Больш. Требн., гл. 109. Чинъ освящен. церкви.) въ богослужебныхъ книгахъ называются шесть псалмовъ, читаемыхъ на утрени (3, 37, 62, 87, 102, 142) и начинающихся словами: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ: во человецѣхъ благоволеніе“... Шестопсалміе есть какъ бы размышленіе съ самимъ собою человека, услышавшаго о рожденіи Спасителя; въ псалмахъ выражается сознаніе человекомъ своего грѣховнаго состоянія, изображается множество враговъ, ищущихъ погубить душу и тѣло, и надежда на

милосердіе Божіе. „Читається шестопсалміе тихимъ гласомъ и легкимъ, косо и во услышаніе всѣхъ... Егда глаголетъ шестопсалміе, тогда подобаєть со вниманіємъ слушанію прилежати, поканія бо псалмы исполнены суть и умиленія. Глаголемъ же сія псалмы со благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ, яко Самому Богу невидимо бесѣдующе, и молящеся о грѣсѣхъ нашихъ“ (Типик. гл. 9). Въ послѣдованіи по недѣльника 1-й седмицы Великаго поста читаемъ: „глаголетъ шестопсалміе со всякимъ вниманіемъ, не борзяся, но со страхомъ Божиимъ, яко Самому Богу бесѣдующе невидимо, и не имать кто власти шепты творити, ниже плюнути или харкнути: но паче внимати отъ псаломника глаголемымъ, руцѣ имуще согбены къ персемъ, главы же преклонены, и очи имуще долу, сердечныма очима зряще къ востокомъ. молящеся о грѣсѣхъ нашихъ, поминающе смерть и будущую муку и жизнь вѣчную“. Во время чтенія шестопсалмія большая часть свѣчей бываетъ погашена, безъ сомнѣнія, для того, чтобы мы, не видя, могли со вниманіемъ и со страхомъ слушать читаемое, чтобы очи наши не развлекались ничѣмъ внѣшнимъ, и мы были бы обращены внутрь своей души. Въ Типиконѣ (24 гл.) замѣчено, что на угрени на „Богъ Господь подобаєть вжигати свѣщи“.

Енколпій (ἐγκόλπιον), *наперсникъ*, *нандренникъ* (отъ ἐν — на и κολπος — перси, грудь, сердце) или *панакія* πᾶν-ἁγία — святая) есть небольшая икона Спасителя или Богоматери, носимая на персѣхъ, нѣдрѣхъ (груди) архіереевъ и нѣкоторыхъ архимандритовъ (именно, стовролигiальныхъ монастырей). Прежде на нѣкоторыхъ епископовъ, напр., на московскихъ патріарховъ и кiевскихъ митрополитовъ возлагались два енколпія; на кiевского митрополита и нынѣ возлагаются двѣ панакіи. Въ Чиновникѣ архіерейскомъ находятся двѣ особыя молитвы для двухъ нандренниковъ. Енколпій, носимый архіереемъ на персяхъ, напоминаетъ, что архіерей постоянно долженъ имѣть въ своемъ сердцѣ Господа и Ходатаицу предъ Богомъ—Матерь Божию, и для этого у него

должны быть сердце чистое и духъ правый. А такъ какъ отъ избытка сердца уста глаголютъ, то сердце его должно износить только слово благое. При одѣваніи перваго енкаліпія діаконовъ возглашаетъ: „Сердце чисто созиждетъ въ тебѣ Богъ, и духъ правъ обновитъ во утробѣ твоей, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“; при облаченіи во второй наѣдренникъ произноситъ слова: „Да отрыгнетъ сердце твое слово благо, глаголеши дѣла твоя церкви всегда, нынѣ“.... Носимая архіереями и иногда архимандритами панакія устроилась на подобіе панакіи трапезной или иначе *панакіара*, (родъ складнаго ковчежца, имѣющаго съ одной стороны икону Богоматери, а съ другой Спасителя или Св. Троицы). Въ панакіаръ влагали часть изъ просфоры, изымаемую въ честь Божіей Матери, называемую собственно панакіею; иногда въ панакіаръ полагались и мощи святыхъ. Впослѣдствіи названіе содержимаго дано содержащему, и въ общемъ употребленіи *панакія* была принимаема вмѣсто *панакіара*. Какимъ образомъ наименованіе „панакія“ было усвоено потомъ отличительному нынѣ знаку іераршескаго сана, объясняютъ это слѣдующимъ образомъ. Какъ настоятели обителей за трапезою возлагали на себя ковчежецъ съ Богородичнымъ хлѣбомъ: такъ патріархи и прочіе іерархи первоначально стали устроить, по подобію сихъ панакіаровъ, и носить на себѣ изображенія тѣхъ святыхъ, во имя которыхъ устроены ихъ престольные храмы. Отсюда и эти свящ. изображенія получили наименованіе „панакій“; но въ отличіе отъ панакій *трапезныхъ* называются *εὐχολτῖα* т. е., *наперсными*.

Епигонатій (ἐπιγονάτιον), набедренникъ или наколѣнникъ (отъ ἐπι — па и γόνυ — колѣно. Чиновн. архіер. преждеосв. литург.) есть четырехугольный продолговатый платъ, привѣшиваемый на бедро священнослужащаго. А четырехугольный, равносторонній, квадратный платъ именуется „палицей“, „полицей“ (*небольшая, сокращенная пола, приполокъ*), также епигонатіемъ (см. въ Чинovníкѣ Чинъ хиротоніи діакона. Послѣ cadaго обхожденія вокругъ престола рукополагаемый

во діакона цѣлуетъ руку архіерея и его *эпигонатіонъ*, т. е., палицу, во изъясненіе благодарности и почтенія къ тому, чрезъ кого низводится на него благодать Божія). Въ древности палица принадлежала къ архіерейскимъ облаченіямъ; потомъ какъ въ греческой, такъ и въ русской Церкви она была усвоена и архимандритамъ; помимо того у насъ палица дается, какъ награда, игуменамъ и протоіереямъ. Набедренникъ привѣшивается двумя краями, а палица однимъ краемъ; палица всегда привѣшивается на правое бедро, а набедренникъ только тогда на правое, когда священнослужитель не имѣетъ палицы, при палицѣ же на лѣвое. Набедренникъ и палица имѣютъ одно и то же значеніе: они знаменуютъ мечъ духовный, духовное оружіе, которое есть Слово Божіе (Ефес. 6, 7). Этимъ мечемъ іерей и архіерей должны вооружаться противъ невѣрія, ереси, нечестія, вообще противъ всего грѣховнаго, порочнаго: на священнослужителѣ, уже имѣющемъ набедренникъ, палица изображаетъ сугубую ревность о вѣрѣ и о спасеніи паствы его. При облаченіи священнослужителемъ набедренника и палицы произносятся слова: „Препояши мечъ твой по бедрѣ твоей.... (Пс. 44. 4, 5).

Епитимія, канонъ противу согрѣшенія, канонъ довлѣтвенія. *Епитимія* по словопроизводству (отъ ἐπιτιμία --запрещаю) и первоначальному смыслу есть *запрещеніе* (2 Кор. 2, 6—8), духовное наказаніе, состоящее въ запрещеніи имѣть общеніе съ Церковію. Но такъ какъ это наказаніе должно быть растворяемо любовію къ согрѣшившему и соединяемо съ мыслию объ опасности отъ діавола для согрѣшившаго во время пребыванія его внѣ общенія съ Церковію, то въ понятіе объ епитиміи входитъ указаніе условій, при которыхъ грѣшникъ можетъ удовлетворить нарушенный миръ съ Церковію и возстановить первоначальное общеніе съ нею. По этой сторонѣ епитимія называется также *канономъ довлѣтвенія*. Такимъ образомъ, епитимія вообще есть и продолженіе покаянія, и плодъ достойный истиннаго покаянія. Но

епитимія не имѣть ни силы, ни значенія *удовлетворенія правосудію Божию*: удовлетвореніе за грѣхи принесено Господомъ на крестѣ (Евр. 10, 14); не будучи же удовлетвореніемъ за грѣхи, епитимія не составляетъ безусловной необходимости при исповѣди (Трулльск. соб. прав. 102; „О должност. пресвитер. приходскихъ“, 106—108). Частнѣе епитимія есть средство для грѣшника, путемъ добровольнаго злостраданія въ сей жизни, избавиться отъ вѣчнаго наказанія за грѣхи, есть духовное врачевство истребляющее вождельнія плоти и духа и предохраняющее отъ тѣхъ порочныхъ дѣлъ, отъ которыхъ очищается кающійся, есть средство приученія кающагося къ духовнымъ подвигамъ, ручательство и для самой Церкви, что кающійся возненавидѣлъ грѣхъ. Епитимія назначается различная, (постъ, поклоны, милостыня, молитва) смотря по грѣхамъ, возрасту, положенію кающихся (см. въ Требникѣ и въ Чинѣ исповѣданія отрокомъ и въ Духовномъ Регламентѣ о правилахъ причта церковнаго 8—14). За многіе и особенно тяжкіе грѣхи запрещается приступать извѣстное время къ таинству причащенія, а позволяется только пить агіасму, т. е., Богоявленскую и вообще освященную воду (Требн.). Впрочемъ, отлученію отъ святыхъ Таинъ духовникъ самъ собою никого подвергнуть не можетъ, безъ особаго донесенія епархіальному архіерею и безъ его дозволенія; но своему архипастырю духовникъ не именуетъ лица согрѣшившаго (Дух. Регл. О прав. причт.; О пресвитер., гл. 14). И отлученіе отъ святыхъ Таинъ нынѣ на долгое время не допускается (тамъ же).

Епитрахиль (отъ ἐπι—на и τράχηλος —шея, выя), навыйникъ есть одежда, объемлющая шею, выю сзади и чрезъ грудь опускающаяся спереди донизу. Епитрахиль есть тотъ же діаконскій орарь, только обернутый около шеи. Въ древности, при посвященіи діакона въ іереи, епископъ, вмѣсто того, чтобы возлагать на него епитрахиль, какъ это бываетъ нынѣ, переносилъ только задній конецъ ораря на правое плечо такъ, чтобы оба конца висѣли спереди. На такое про-

исхожденіе епитрахили указываетъ и форма древнихъ епитрахий: онѣ были складныя, съ пуговицами по срединѣ; потому и нынѣ употребляются епитрахили съ крестами, нашитыми по два въ рядъ, такимъ образомъ изображающія вдвое сложенный орарь. Сходство епитрахили съ ораремъ показываетъ, что дарованная ему, какъ діакону, благодать не отъемлема и по посвященіи во іерея; возложеніе же епитрахили на оба плеча (а не на одно, какъ ораря у діакона) обозначаетъ преимущество священника предъ діакономъ—сугубую, вѣщую благодать священства. При облаченіи (предъ совершеніемъ литургіи) въ епитрахиль іерей произноситъ слова псалма 132; 2. Епитрахиль можно назвать преимущественно *священническою* одеждою: іерей безъ епитрахили (подобно тому какъ діаконъ безъ ораря) не совершаетъ ни одной службы. Въ одной епитрахили (безъ фелони) священникъ совершаетъ (обыкновенно въ храмѣ и въ притворѣ) богослуженія менѣе торжественныя, именно: малую вечерню, повечеріе (не на бдѣніи), полунощницу, часы (если на нихъ не читается Евангелія), также разныя молитвословія въ домахъ: при рожденіи младенца, при нареченіи ему имени, при воцерковленіи и т. п. При облаченіи архіерея въ епитрахиль діаконъ говоритъ объ особой благодати, дарованной архіерею: „Благословенъ Богъ, изливаяй благодать Свою на архіереи Своя, яко миро на главѣ“....

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанниній.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 31 іюля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., *прот. І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.